

Міністерство освіти і науки України
Харківська обласна державна адміністрація
Рада ректорів Харківського регіону
Народна українська академія

ІНТЕЛІГЕНЦІЯ ТА ВЛАДА

МАТЕРІАЛИ

VI Міжнародної науково-практичної
конференції-семінару керівників вищих навчальних закладів,
учених-дослідників і представників владних структур
із проблем сучасної інтелігенції

Харків
Народна українська академія
14 березня 2008 року

УДК 35.07:316.343-057.85](477)(063)
ББК 60.543.132.1я431+66.3(4УКР)Зя431
I-73

Редакційна колегія:

Астахова В. І., д-р іст. наук (відп. ред.); *Астахова К. В.*, д-р іст. наук; *Воробйов Є. М.*, д-р екон. наук; *Довгаль О. А.*, д-р екон. наук; *Клімова Г. П.*, д-р філос. наук; *Лозовой В. О.*, д-р філос. наук; *Подольська Є. А.*, д-р соціол. наук; *Сидоренко О. Л.*, д-р соціол. наук; *Сухіна В. Ф.*, д-р філос. наук; *Яременко О. Л.*, д-р екон. наук.

I-73 **Інтелігенція та влада:** матеріали VI Міжнар. наук.-прак. конф.-семінару кер. вищих навч. закл., учен.-дослідників і представників владних структур із пробл. сучас. інтелігенції, 14 берез. 2008 р. / М-во освіти і науки України, Харк. обл. держ. адмін., Рада ректорів Харк. регіону, Нар. укр. акад.; [редкол.: В. І. Астахова (відп. ред.) та ін.]. – Х.: Вид-во НУА, 2008. – 208 с.

ISBN 978-966-8558-70-2

У матеріалах конференції представлено погляди учених, практиків – керівників вищої школи і представників владних структур на роль інтелігенції, на процеси зміни її соціальних функцій і зростання її соціальної відповідальності в сучасному світі, визначено можливості вищої школи у формуванні інтелектуального потенціалу суспільства, зроблено спроби виявити причини і визначити шляхи подолання інтелектуальної кризи в Україні. Особлива значущість представлених матеріалів полягає в тому, що в них розглядаються питання налагодження ефективної взаємодії інтелігенції і влади як умови транзитного суспільства.

В материалах конференции представлены взгляды ученых, практиков – руководителей высшей школы и представителей властных структур на роль интеллигенции, на процессы изменения ее социальных функций и возрастание ее социальной ответственности в современном мире, определены возможности высшей школы в формировании интеллектуального потенциала общества, сделаны попытки выявить причины и определить пути преодоления интеллектуального кризиса в Украине. Особая значимость представленных материалов состоит в том, что в них рассматриваются вопросы налаживания эффективного взаимодействия интеллигенции и власти как условия транзитного общества.

**УДК 35.07:316.343-057.85](477)(063)
ББК 60.543.132.1я431+66.3(4УКР)Зя431**

Привітання
голови Харківської обласної державної адміністрації
А. Б. Авакова

Дорогі друзі!

Сьогодні ми відкриваємо чергову, шосту конференцію, присвячену проблемам інтелігенції та освіти. Стало доброю традицією один раз на рік збирати в нашому місті вищу інтелектуальну еліту – ректорів і проректорів вищих навчальних закладів, поважних учених і представників владних структур – задля того, щоб обговорити найбільш гострі і складні питання стосовно місця й ролі інтелігенції в сучасному світі.

І сьогодні на обговорення виноситься один із найгостріших аспектів цієї проблеми – взаємостосунки, взаєморозуміння, взаємодія інтелігенції і влади. Симптоматичним є те, що наша конференція проходить напередодні проведення Всеукраїнського форуму інтелігенції, покликаного визначити оптимальні шляхи подальшого розвитку і вдосконалення гуманітарної сфери життєдіяльності нашого суспільства.

Ми вже давно визначили інтелігенцію як особливе історичне явище, яке пережило перипетії майже двох століть і не втратило своєї унікальності, навіть навпаки – все більше дивує своєю надзвичайністю Захід. Надзвичайність ця визначається багатьма характерними рисами, основними з яких, на нашу думку, є три наступні.

По-перше, це не просто володіння знаннями і готовність їх дорожче продати. Це готовність донести ці знання до народу, підвищити рівень його освіченості й культури. **Ідея служіння народу завжди була однією з найяскравіших рис, притаманних інтелігенції.**

По-друге, інтелігенцію завжди відрізняло ствердження моральності, доброчесності, готовності до самопожертви й подвижництва, а ще – щира зверненість до людини, до її потреб, турбот і страждань.

Та все ж основною відмінною рисою інтелігенції, мабуть, можна вважати високе почуття відповідальності за долю свого народу і своєї країни, за будь-яку доручену їй справу.

Причому відповідальність ця досить багатогранна. Вона складається і з кримінальної відповідальності, і політичної, і економічної, і історичної, і, звичайно, громадянської.

Під **кримінальну відповідальність** підлягають конкретні особи, які вчинили діяння, що кваліфікуються законодавством як злочин.

Політична відповідальність лежить на правлячій еліті або, як у випадку з КПРС, на правлячій партії. Претензії будь-якої партії на авангардну роль неминуче породжують її адекватну відповідальність, причому не лише керівної верхівки, а й кожного члена партії.

Економічна відповідальність пов'язана з вирішенням комплексу завдань, що забезпечують успішний економічний розвиток країни, матеріальний добробут кожного її громадянина. І тут відповідальність лежить на всій інтелігенції як тієї частини соціуму,

яка найбільш підготовлена до того, щоб своєчасно й точно формулювати ці завдання та визначати оптимальні шляхи їх вирішення.

Історичну відповідальність за свою долю несе сам народ, усі громадяни країни і насамперед освічені верстви населення — інтелігенція. Із народом можна зробити тільки те, що він сам дозволяє із собою зробити. І тому тільки сам народ є кінцевим гарантом свого благополуччя або джерелом власних нещасть. Зі сказаного випливає однозначний висновок: основну частку історичної — не політичної — відповідальності несе саме інтелігенція, бо через свій соціальний статус вона найрішучіше і найточніше розуміє й оцінює ситуацію, бачить наслідки й перспективи того, що відбувається з народом у кожному конкретному мить.

Не можна не бачити того, що інтелігенція України багато що зробила в останні десятиліття для культурного відродження країни, для встановлення демократичних основ і принципів ринкової економіки. Однак життя наочно демонструє — того, що зроблено, абсолютно недостатньо для справжньої, демократичної модернізації країни. Етичний та історичний обов'язок перед власним народом українською інтелігенцією погано осмислений і ще гірше виконаний: вона прогала і програє державній бюрократії змагання за голови співгромадян, так і не зумівши подолати зневагу до освіти і виховання, яка стала, на жаль, уже традиційною. Україна так і не навчилася цінувати інтелект і його носіїв. Жебрацьке, принижене й принизливе становище основної маси інтелігенції є закономірним, більш того, неминучим результатом її відмови від організованих форм політичної, незброєної боротьби за свої нагальні економічні інтереси і, тим самим, за інтереси більшості співгромадян.

Історичний досвід невблаганно свідчить: соціальні групи, які не здатні сформулювати політику на захист власних інтересів, не здатні сформувати впливові організаційні структури для реалізації цієї політики, — відтісняються на економічне й соціальне узбіччя, зазнають експлуатації й неминуче деградують. Саме це й відбувається сьогодні з нашою інтелігенцією: продовжується її вихід — перетікання в зовнішню і внутрішню еміграцію — або Ходіння у владу, знижується її інтелектуальний потенціал і, відповідно, можливості впливу на владу, посилюється апатія і індіферентність. А це неминуче призводить до посилення позицій чиновництва й бюрократії, які все швидшими темпами втрачають ознаки інтелігентності. У нинішньому соціально розшарпаному й політично роз'єднаному стані українська інтелігенція не в змозі взяти на себе роль лідера посправжньому демократичних перетворень і забезпечення стабільного розвитку країни. І ось тут мусить заявити про себе на повний голос **громадянська відповідальність інтелігенції** як вища форма усвідомлення кожним, хто зараховує себе до цієї соціальної групи, своєї особистої причетності до всього, що відбувається в країні й у світі в цілому. Поле діяльності подвижницької роботи для української інтелігенції справді безмежне. Важливо лише подолати її покірність і невіру у власні сили, її політичну апатію і «пофігізм», і байдужість до власної долі і долі своїх дітей. Є всі підстави стверджувати, що не перевелися ще в нашій Вітчизні світлі голови й гарячі серця, що здатна наша інтелігенція піднятися над дріб'язковими чварами і суперечностями, які ведуть у прірву. Що здатна вона спільними зусиллями визначити оптимальні шляхи у світле майбутнє для свого народу. І тому ми сьогодні тут, на цій міжнародній конференції, що покликана відповісти на питання про зміцнення взаємодії і взаєморозуміння інтелігенції і влади.

А завтра на нас чекає Всеукраїнський форум, мета якого — посилити позиції інтелігенції, її роль і відповідальність за долю незалежної України. Бажаю успіху нашій конференції і нашій спільній справі.

Привітання
Харківського міського голови
М. М. Добкіна

Уважаемые участники конференции!

Интеллигенция всегда была специфическим социальным слоем, которому суждено выполнять роль общественного критика и олицетворять совесть общества. Стоит вспомнить слова А. Солженицына, определившего интеллигенцию как ядро нации, «воспитанное не столько в библиотеках, сколько в душевных испытаниях».

Исторически сложилось, что интеллигенция выполняет функцию «неформального лидера», создавая своей подвижнической работой в различных сферах интеллектуальный продукт, который определяет духовное и морально-нравственное состояние общества.

Деятельность интеллигенции с опережением выражает взгляды и настроения широких общественных слоев, поэтому власть всегда с особым вниманием и интересом относится ко всем процессам, которые связаны с этой частью социума.

Весьма важно и как интеллигенция относится к власти, как самоопределяет свою социальную миссию в обществе, способна ли быть в интеллектуальной, моральной и духовной оппозиции к власти.

Есть и другая сторона: способна ли интеллигенция поддержать власть, войти в ее институции, связать с ней свою судьбу и, что более важно, свою **репутацию**, в какой степени готова к диалогу.

Эти и другие подобные вопросы – вечные!

Наверное, каждое поколение, самоопределяющее себя как интеллигенция, берущее на себя весь груз ответственности за это определение, должно найти ответы на эти вопросы **заново**. Это и главная задача, и главное испытание нынешней интеллигенции Украины.

Надеюсь, что данная конференция внесет свой вклад в поиск ответов на эти и другие подобные вопросы, чем будет интересна и важна для современного этапа развития Украины.

Желаю успехов участникам конференции, интеллектуальной остроты и продуктивных результатов работы!

ПОСТАНОВЧІ ДОПОВІДІ

С. А. Шаронова

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, ВЛАСТЬ И МОРАЛЬ

Структурное место интеллигенции в системе общества

В прошлом своем выступлении в 2006 году я акцентировала свое внимание на выделении специфических черт русской/российской интеллигенции, опираясь на работы Н. Бердяева, Д. И. Овсянниково-Куликовского, Г. П. Федотова, П. Струве, С. Г. Кара-Мурза и др. Именно характерные черты позволяли сделать прогноз развития социальных установок современной интеллигенции. Были высказаны предположения: 1) поскольку Россия играла одну из главных ролей в историческом развитии всех стран, входивших как в Советское, так и в социалистическое пространство, то выделенные черты интеллигенции накладывают отпечаток на сегодняшнее развитие не только самой России, но и этих государств; 2) что социальные установки интеллигенции были тождественны в равной мере как для российской, так и для интеллигенции стран бывшего социалистического лагеря в период распада СССР; 3) что Россия проходит критическую точку, как это было в начале 90-х с экономикой, точку культурного осознания себя и сохранения своей государственности.

Однако при описании социального феномена «интеллигенция» я не затрагивала вопроса ее структурной принадлежности в обществе. В современных теориях и эмпирических исследованиях и в России, и за рубежом делается попытка выделить интеллигенцию как определенный класс. В эпоху ленинизма это была некая прослойка между классами рабочих и крестьян, сейчас ее склонны отождествлять со средним классом. В этом плане особого внимания заслуживают подходы Э. Гоулднера к пониманию нового среднего класса, а также идеи «нового господствующего класса», «социальных акторов» и движений А. Турэна. Поиск классовости необходим для формирования системы социального управления и манипулирования этим феноменом. По мнению Э. Гоулднера, с появлением новых технологий и способов производства существенно увеличиваются возможности самодеятельности, социальной активности, расширяется диапазон возможностей и вариантов выбора. В такой ситуации «самопроизводящиеся общества»¹ *нуждаются не просто в образованном классе «белых воротничков», но в новом интеллектуальном классе, классе гуманитарных, социальных ученых, специалистов, способных распознавать неоднозначные образы плюралистического универсума и освещать альтернативные формы в существующей реальности.*

Именно смена принципа идентифицирования индивида с окружающей средой позволяет склоняться в определении места интеллигенции в социальной структуре к термину «социальный тип», данным Гаэтане Моска в книге «Политическая формула» (1883): «Социальный тип – совокупность общих социальных и психологических черт устойчивого характера, присущих представителям одного социального слоя или социальной группы. Складывается благодаря единству территории проживания, общности истории языка, религии, образа жизни».

¹Touraine A. Sociology: from systems to actors / Lecture was presented at Session 2 of Symposium YI, ISA Congress in Montreal, 1998. – 10 p.

В основе идентификации лежат: пространство, время, реальность и трудовая практика. Рассмотрим, как изменяются эти понятия в постиндустриальном обществе в отличие от индустриального общества (см. табл. 1). Таким образом, индивид теряет привычное понимание и связь с территорией, нет связи с историческим опытом и обязательствами на будущее, виртуальность отношений освобождает от ответственности и моральных обязательств к окружающим людям, трудовая деятельность не связана с реальными потребностями окружающей среды, поэтому она направлена на «вне».

Таблица 1

	Индустриальное общество	Постиндустриальное общество
Пространство	Связано с географической территорией, местом проживания	Географическая территория и место проживания не обязательны. В большей мере это сеть коммуникаций, в том числе и в Интернете
Время	Исторический контекст Прошлое – Настоящее – Будущее	Фактическое, реальное время. Прошлое и Будущее в рамках короткого периода Настоящего
Реальность	Контактная, осязаемая реальность, где каждый человек получает обратную реакцию окружающего общества. Каждая такая реакция – это точка формирования и коррекции морали и культуры человека	Виртуальный контакт корреспондентов. Они свободны от обязательств, не имеют контактного обратного воздействия (возможно в некоем будущем, если возникнет непосредственный реальный контакт)
Трудовая практика	Существовало отчуждение человека от результата его трудовой деятельности. Но продукция реализовывалась в пространстве его обитания	Сейчас существует моральное отчуждение человека от производимой им продукции, поскольку он отчужден от конечного результата труда и от места его реализации (глобальное производство разбросано территориально по разным странам и реализуется соответственно в мировой сети)

В этих новых условиях метастазная структура социального типа как нельзя более точно определяет место интеллигенции. Интеллигенция, представляющая собой «класс» образованных людей, способных рассуждать, планировать, решать проблемы, думать абстрактно, постигать новые идеи и язык, учиться, – такая интеллигенция определяет творческий потенциал, уникальность и специфику государства-нации и народную мудрость. Понимая феномен сетевой идентификации современного общества и опираясь на универсальные черты этого «класса», можно применять новые социальные технологии. В 1994 году 52 исследователя в своем письме «Mainstream Science on Intelligence» определили формулу новых технологий как активизацию умственных способностей, чтобы формировать «завоевывающие популярности», выделять необходимый «смысл» вещей и «выяснять», что с этим делать.

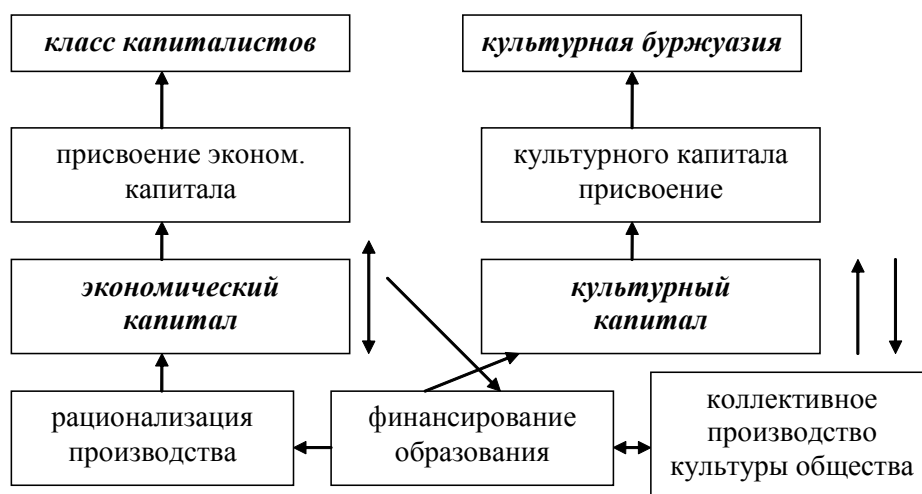

Рис. 1. Формирование нового класса «культурной буржуазии» по Э. Гоулднеру

Стефан Гоулд в книге «Неизмеримость человека» писал, что интеллигентность как феномен умственно развитого «класса» не измерима, интеллигентность не является врожденной и не может передаваться по наследству, интеллигентность не может быть выделена как единичный случай.

Механизм формирования этого умственно развитого и образованного «класса» как «культурной буржуазии» описан Э. Гоулднером (Рис. 1).

Сама же структура этого «класса», или будем говорить интеллигенции, остается расколотой по мнению как Э. Гоулднера, так и русских и российских ученых. Но принцип этого раскола в разных культурах отличный. Для западных культур это – «интеллектуалы» и «техническая интеллигенция». В России, как уже говорили ранее, – это «консервативно-традиционные» и «третий элемент».

Власть и интеллигенция

Практически все русские ученые начала XX столетия отмечают, что русская интеллигенция не столько интегрировалась в народ, сколько все больше и больше дистанцировалась как от государства, так и от народа. И в то же время активный «третий элемент» в период перестройки и дальнейшей трансформации общества входит во власть. Насколько этот «элемент» принадлежит к «умственно развитому и образованному классу» и какова реальная отдача его деятельности можно увидеть, проанализировав статистические данные Центральной избирательной комиссии РФ.

Данные по наличию образования избранных депутатов приведены только по первому (1993 г.) и пятому (2007 г.) созывам. Общими выделены категории: преемственность, гендерный состав, возрастной состав (см. табл. 2).

Практически видно, что главной категорией является категория «преемственности», именно она выступает базой для формирования «правовой интеллигенции», или «культурной буржуазии». Наличие образования выступает основой для реализации интеллектуального творчества в области государства и права. Эта интеллигенция, согласно Э. Гоулднеру, обладает двумя основными характеристиками «нового класса» – «культурной буржуазии» («буржуазия» – в силу обладания специфическим видом капитала) и образа «общности специфического культурного дискурса».

Современный состав Думы, в отличие от Думы первого созыва, состоящей из эмоциональных дилетантов, характеризуется преобладанием практических хозяев. Если этими

Таблица 2

Категории	1993	1995	1999	2003	2007
Образование	95% – высшее и неоконченное высшее; 1/3 – доктора и кандидаты наук; каждый десятый – член-корреспондент или академик	–	–	–	98% имеют высшее образование; 2% имеют среднее и среднеспециальное образование
Преимственность	15% – из предыдущего состава	62% – из предыдущего состава	39% – из предыдущего состава; 67% – в общей сложности с опытом работы в законодательных органах	50% – из предыдущего состава	49% – из предыдущего состава; 65% – в общей сложности с опытом работы в законодательных органах
Гендерный состав	13%	10%	8%	10%	14%
Возрастной состав	2/3 – в возрасте от 20 до 50 лет	88% – в возрасте от 30 до 60 лет; 10% – выше 60 лет	85% – в возрасте от 30 до 60 лет; 12% – выше 60 лет	87% – в возрасте от 30 до 60 лет; 11% – выше 60 лет	83% – в возрасте от 30 до 60 лет; 15% – выше 60 лет
Представительство национальностей	32	–	–	–	–

хозяевами в период второго – третьего созыва правили, в основном, личные, интересы бизнеса, то Думу четвертого – пятого созыва отличает уже проявление культуры государственного правления. Немаловажную роль такой трансформации сыграла «пассивная» интеллигенция, поднимавшая проблемы социальной защиты, справедливости и роста государственного благополучия и стабильности.

Теория класса знаний, возникшая на Западе, утверждает, что «идентификация интеллигенции с политической властью может возникнуть лишь как переходный феномен в условиях кризиса власти, правящего класса и общества в целом. Главную же свою функцию – постиндустриальной социальной трансформации общества и духовно-нравственного «генератора» – класс интеллектуалов и интеллигенции выполняет через культуру критического дискурса, социальной рефлексии, обостренность нравственно-духовного восприятия мира, высокий профессионализм, уникальные социальные умения и мобилизацию социальных движений».

Мораль и интеллигенция

М. К. Мамардашвили в работе «Интеллигенция в современном обществе» отмечает, что если в эпоху индустриального общества «широчайшие массы людей были исключены из монополии сознательно-критического выражения того, что реально происходит в обществе

и в их собственном положении, из монополии умственного труда, то интеллигенция бралась представлять за них во имя «разума», «добра», «красоты», «истины вообще» и особенно «человека вообще»; в свою очередь «функционирование современного общества, экономические интересы господствующего в нем класса обеспечиваются сейчас в большой мере через ориентацию сознания общественных атомов, через «кодирование», «программирование», если выражаться языком кибернетики, этого сознания, в котором все больше места занимают обобществленные, стандартно-коллективные формы мышления».

Метастазную структуру «класса» интеллигенции, с одной стороны, характеризует размывающиеся привычные границы: исторически-временные, территориальные и принадлежность к труду; с другой — остается религиозно-моральная функция.

Причастие активной интеллигенции к власти, таким образом, полностью реализует политическую формулу использования моральной, религиозной и юридической опоры. В современном мире знания культурная буржуазия манипулируют ценностно-нравственными категориями, эксплуатируя технологии сект и возводя идеологические постулаты до уровня религии. Одна из таких глобальных «религий» — это демократия, вторая — рынок.

Отсутствие в течение длительного времени идеологии государства привело к тому, что образование транслировало множество идеологий, сформировались идеологические структуры, поддерживаемые определенными силами: Запад, церковь, политические силы, эксплуатирующие позитивные достижения социализма. В результате сформировались три доминирующие ценностные установки, которые развиваются и поддерживаются тремя конгломератами интеллигенции. К ним относятся традиции русского исторического прошлого, советская мораль и западный рационализм. До сих пор активно дискутировались только две культуры: советская и западная, причем советская воспринималась как своего рода славянофильство. Однако последний год в общественном сознании происходит размежевание русского, советского и западного. Наиболее явно это можно увидеть в расколе современного социологического сообщества. Наука, призванная объяснять процессы и явления общества, сама оказалась втянута в эпицентр политической идеологической битвы.

Руководство страны расширяет сферу влияния социологии: развитие сети мониторинга управления федерального и муниципального уровня; призыв к академическому сообществу теоретического осмысления происходящих процессов. На Западе существует проект привлечения ведущих ученых к решению стратегических государственных проблем в качестве некоего «совета». Однако поляризация политических пристрастий российских ученых социально-гуманитарных наук делают невозможным создание такого органа и выполнение обозначенной функции. Это так же, как и в случае с Думой: образованность и способность депутатского состава креативно мыслить является не главным, базовым оказывается категория «преемственности»; как и в случае с включением всех разновидностей интеллигенции в решение государственных проблем зависит от преемственности главенствующей государственной идеологии.

Новый класс интеллигенции становится инструментарием сетевых социальных технологий. Открытое общество и глобальные сети позволяют активизировать деятельность этого «класса» вне государства, формируя виртуальные политические территории.

Список литературы

1. *Touraine A. Sociology: from systems to actors / Lecture was presented at Session 2 of Symposium YI, ISA Congress in Montreal, 1998.*
2. *Gouldner A. W. The Future of Intellectuals and the Rise of the New Class // Social Stratification. Class, Race, and Gender in Sociological Perspective / Ed. by David B. Grusky. — Westview Press, 1994.*
3. *Mosca Gaetano The Ruling Class // Greenwood Press Reprint (1980).*
4. «*Mainstream Science on Intelligence*» (1994), reprinted in Gottfredson, 1997.
5. *Stephen Jay Gould The Mismeasure of Man. New York: W. W. Norton, 1981.*

6. Мамардашвили М. Интеллигенция в современном обществе: Избр. ст., докл., выступ., интервью // Как я понимаю философию. — М., 1990. — С. 329—336.

7. <http://www.politika.su/fs/gd3so.html>

8. http://www.duma.gov.ru/100let/4_2_1.html

В. М. Шейко

КУЛЬТУРА, ІНТЕЛІГЕНЦІЯ ТА ВЛАДА В УКРАЇНІ (20–30-ті роки ХХ ст.)

Механізм взаємодії інтелігенції та влади на сучасному етапі неможливо розглядати поза аналізом історичних коренів цієї тематики. До того ж, на моє глибоке переконання, трансформацію процесів взаємовідносин інтелігенції та влади можна моделювати тільки на тлі культурологічного простору України. Адже саме культура є тим фундаментом, на якому базується минуле, сьогодення і визначається майбутнє людини, суспільства, світу в цілому. Саме тому автор і пропонує стислий аналіз зазначеної проблеми в 20–30-х рр. ХХ ст.

Україна на початку 20-х років після імперіалістичної та громадянської воєн перебувала у надто складному становищі. У найнезахищенішому стані опинилась інтелігенція. За свідченнями віце-президента Всеукраїнської Академії наук (ВУАН) А. Кримського, навіть академіки «по десять місяців не отримували зарплати» [1]. У складних умовах інтелігенція вимушена була передусім займатися пошуком шматка хліба і менш за все цікавилася мітинговою політикою, й у виникненні голодомору звинувачувала владу, вимагаючи від неї допомоги [2]. До того ж, до 1921 р. в Україні так і не було поставлене питання про розвиток національної культури. Початок неп не привів до покращення становища ані інтелігенції, ані культури, ані освіти. У таких умовах основна маса інтелігенції не поспішала виступати з гарячим визнанням нової влади, нових порядків. А частина інтелігенції відверто або таємно висловлювала своє обурення й незадоволення владою в республіці. Страйки професорів та шкільних учителів були звичайним явищем [3].

Отже, голод, перехід до неп, початок повоєнної відбудови в Україні стали своєрідним прискорювачем політичної диференціації інтелігенції. Зрозуміло, що соціальна багатобарвність інтелігенції давала строкату суміш політичних настроїв її різних груп [4]. Влітку 1922 р. професура України виступила за автономію вnz і покращення свого злидненого становища [5].

Про розмах політичних виступів інтелігенції проти влади та голодомору, свого безправ'я свідчить той факт, що політбюро ЦК КП(б)У кілька разів змушене було аналізувати цю проблему. Так, на засіданні 23 червня 1922 р. було розглянуто питання «Про політичні виступи професури». До речі, в постанові були намічені заходи щодо боротьби за приборкання інтелігенції. Саме після цієї та інших постанов найактивніші сили протестуючої інтелігенції втратили роботу або Вітчизну: частина з них була насильно переселена в межах України або Росії, а решта — депортована за кордон [6].

Водночас слід зауважити, що радянська влада, розуміючи необхідність використання старої інтелігенції в будівництві нового суспільства, робила кроки, спрямовані на поліпшення становища інтелігенції у зв'язку з голодом і жебрацьким станом. Однак становище інтелігенції продовжувало залишатися жахливим. Усе це призвело до прилюдних протестів і незадоволення в лавах інтелігенції. Про це, зокрема, свідчить лист протесту, підписаний 113 представниками науки, літератури й мистецтва від 1 грудня 1921 р. Серед тих, хто його підписав, були такі відомі представники інтелігенції, як М. Сумцов, Х. Алчевська, М. Синельников та ін. У листі, до речі, значної уваги приділялось вимозі збереження житлової площі, робочих кабінетів за помірну ціну. Урядові структури змушені були розглядати ці питання [7].

Отже, в першій половині 20-х років радянська влада і більшовицька партія направили зусилля на завоювання на свій бік старої інтелігенції, без якої будівництво декларованого соціалістичного суспільства було неможливим. Одночасно було оголошено про формування нової, переважно робітничо-селянської інтелігенції. Адже реконструкція країни вимагала вирішення питання забезпечення народного господарства висококваліфікованими кадрами фахівців. За перше десятиріччя радянської влади в СРСР було підготовлено значну кількість спеціалістів – 198 тис. із середньою та 340 тис. із вищою освітою [8]. Однак радянську владу турбувало те, що на 1928 р. понад третину фахівців у народному господарстві становила стара інтелігенція, а у вищій школі та наукових закладах, які формували нових спеціалістів, вона налічувала майже 60% [9].

Стара інтелігенція була тим прошарком суспільства, що володів усім культурним багатством, яке виробило людство. Радянська влада постійно підкреслювала важливість і необхідність використання старих спеціалістів разом із підготовкою нових – із робітників і селян. При цьому наголошувалось на потребі ліберальної, ідеологічної перемоги, «перевихованні» старої інтелігенції в процесі побудови соціалізму.

На практиці така політика у 20–30-х роках призвела до морального знування, ідеологічного гвалтування, масових провокаційних процесів і жорстоких репресій, цькування та фізичних розправ над старою інтелігенцією. У другій половині 30-х рр. інтелігенція вже не могла відігравати значної ролі в культурних, економічних і тим більше політичних процесах суспільства. Її нейтралізували, репресували і замінили так званою «ною інтелігенцією».

Розгляд історії, культури, культурно-освітньої роботи більшовицького апарату щодо ідеологічного завоювання духовної сфери суспільства, його старої інтелігенції з культурологічної точки зору потребує використання як уже добре відомих, але належним чином не проаналізованих, так і нових фактів. При цьому в даній статті пропонується зосередити увагу на процесах становлення радянської моделі державного культурного просвітництва, яка передбачала більшовицький переворот у всіх сферах культури в Україні.

Більшовикам потрібні були теоретики і практики, позбавлені інтелігентських комплексів. У 1921 р. були створені: інститут червоної професури, курси з історії, теорії та практики марксизму при соціалістичній академії; розрослася мережа комуністичних внз, зокрема відкрито комуністичні університети спочатку в Москві, Петрограді, Харкові, а потім і в інших великих містах. У 1921 р. засновано Комуністичний університет трудящих Сходу, а пізніше – Комуністичний університет національних меншин Заходу [10].

Документи тих часів зображують досить непривабливі портрети представників радянської влади. Пияцтво, розбещеність, хуліганство, грабіжництво, спекуляція, шахрайство, зловживання владою – ось далеко не повний перелік звичайних, тобто терпимих до перших партійних чисток комуністичних «хвороб», пов'язаних з інтелектуальним стресом при переході до непу. Саме тоді й виявилася нездатність більшості керівників до напруженої і систематичної розумової праці [11].

Одним із основних передавальних ідеологічних механізмів від партії до народу був Народний комісаріат освіти (Наркомос), який сформувався зі створеної в жовтні 1917 р. комісії освіти. Сам Наркомат був побудований за військовим типом – плануючим і складаючим диспозицію штабом – державною вченою радою і «оперативними» частинами, «Главками». Така державна структура найбільше відповідала військово-бойовій логіці державного мислення, коли центр вказує на ціль і натиском на місцях її ліквідують. Типовим явищем були мобілізації, передусім на військовий фронт, і перерозподіл партійних сил саме під цим кутом зору, що породжувало низку протиріч. У дусі того часу реорганізовувалася система керівництва всією політичною і культурно-освітньою роботою. У 1920 р. як орган диктатури пролетаріату в цій сфері був створений Головний політико-освітній комітет республіки [12].

Уже до середини 20-х рр. стало очевидним, що партія, яка прийшла до влади від імені народу, виправдовувала пророкування О. Герцена про те, що комунізм – це російське самодержавство навпаки. Б. Пастернак в одному із своїх листів так описував атмосферу Москви тих років: «...тут радянська влада поступово виродилась в якусь міщанську атеїстичну богодельню. Пенсії, пайки, субсидії, тільки ще не в пелеринах інтелігенція та гуляти водять не парами, а то цілковитий притулок для сиріт, тримають впроголодь та змушують сповідати невір'я, молячись про спасіння від вошей, знімати капелюхи при виконанні інтернаціоналу та ін. Портрети ЦВК, кур'єри, присутні та неприсутні дні. Чи варто було таку кашу заварювати?» [13]. Освіта, яка стала державною, багато в чому успадкувала форми громадської роботи інтелігенції, але влада вихолощувала її суть. Найпоширенішими у 20-ті роки типами культурно-освітніх закладів були реанімовані більшовиками клуб, хата-читальня, народний університет, школи для дорослих, народний дім та ін. Цей список слід доповнити такими винаходами більшовиків, як агітпункти, пункти ліквідації неписьменності, червоні кутки, пересувні бібліотеки й кіноустановки та ін. Саме їм судилося виконати роль важелів, за допомогою яких протягом 20–30-х років в культурі відбувся переворот, що супроводжувався на словах проголошенням, а на ділі відмовою від найважливіших гуманітарних завоювань дожовтневої країни.

Прикладом переосмислення функцій цих інститутів може бути зміна місця в духовному житті суспільства бібліотек, які перетворилися з просвітніх центрів на сховища й популяризаторів ідеологічно запропонованих видань. До списків контрреволюційної та шовіністичної літератури попали «Парфенон» А. Ахматової, «Вірші» І. Буніна, «Дитячі та сімейні казки» Я. і В. Грим, «Велика тінь» А. Конан-Дойля, «Закарбований ангел», «Зачарований мандрівник» М. Лєскова, «Оповідання для дітей» О. Островського, «Билини та оповідання», «В чому моя віра», «Іван Гус», «Смерть Дантона», «В чому щастя?» Л. Толстого, твори А. Білого, Г. Данилевського, О. Купріна, М. Лажечникова, Г. Сенкевича та ін. Підґрунтя такої неоголошеної війни з культурою була внутрішня правова політика влади [14].

Паралельно ліквідувалися і острівці свободомислення, які не вписувалися в державну концепцію. Протягом 20-х років за звинуваченням в антирадянській діяльності заборонялось функціонування Вільної академії духовної культури, Соціалістичного товариства, Психологічного товариства та ін. Тоді ж з ідеологічних мотивів були заборонені або самоліквідувалися через відсутність коштів Пироговське товариство, Російське географічне товариство, Московське товариство дослідників природи, Товариство аматорів російської словесності, математичне, фізико-медичне, мінералогічне тощо. Така ж доля спіткала й інші громадські починання як, наприклад, комітет допомоги голодуючим, створений у липні та розігнаний у вересні 1921 р. У 20-ті роки була фактично припинена діяльність українських «Просвіт», одного з унікальних явищ становлення національної культури. Учасники цих ініціатив частково поповнили потік емігрантів, частково стали «клієнтами» НКВС у 30-ті роки. Серед тих, хто змушений був покинути СРСР, були: видатні філософи М. Бердяєв, С. Булгаков, М. Лоський, С. Франк, Л. Карсавін; соціолог П. Сорокін, історики О. Кізеветтер, С. Мельгунов, А. Флоровський; біолог М. Новіков, правознавець О. Боголепов; ґрунтознавець Г. Одінцов; відомі публіцисти А. Ізгоев і М. Осоргін; колишній голова товариства сільського господарства Л. Угрімов та ін. «Все це явні контрреволюціонери, помічники Антанти, організація її послуг і шпигунів та розтлітелів учнівської молоді. Треба поставити діло так, щоб цих «військових шпигунів» піймати та ловити постійно і систематично та висилати за кордон...», – писав В. Ленін 19 травня 1922 р. Ф. Е. Дзержинському. Вивільнена інтелектуальна ніша була заповнена лояльними професійно-громадськими організаціями «соціалістично думаючих діячів країни», вік яких теж виявився недовгим.

Цікаві зміни ідеалу селянських дітей. Якщо в 1913 р. взірцями для них були О. Пушкін, М. Ломоносов, Л. Толстой, О. Суворов, Петро I, Катерина II тощо, то їх однолітки в 1928 р.

називали В. Леніна, Н. Крупську, К. Ворошилова, К. Маркса, А. Луначарського, Степана Разіна, М. Фрунзе, Розу Люксембург та ін. Моральними орієнтирами діти вважали «комуніста», «червоного офіцера», «народного комісара», «революціонера» [15].

Безпорадність перед лицем досконалості викликала прагнення нав'язати свою неповноцінність як культурну норму. Замість виховання гуманізму нарощувалась маса м'язів класової самосвідомості. «Оскільки держава є військовою диктатурою, в ній не можна проводити гуманітарні започаткування, які є основою нашої віри. Практикувати зараз добро і людяність – зрадництво, спочатку треба вирвати з корінням ворогів», – повчав у 1920 р. відомий партійний керівник культурної галузі А. Луначарський [16]. Засвоєння культури асоціювалось передусім із вивченням партійних документів.

Серед руїн «старого світу» залишалась майже недоторканою одна з основних опор суспільства – церква. Однак так звана ідеальна модель демократичного суспільства так і залишилась в ідеї постанови «Про передачу справи виховання й освіти із духовного відомства до Комісаріату з народної освіти» (від 11 грудня 1917 р.), а потім – у Декреті про свободу совісті, церковні та релігійні товариства (від 20 січня 1918 р.). Фактично діяли ті розділи Декрету, які відмовляли у праві церковним і релігійним товариствам бути юридичною особою, і, відповідно, оголошувалось народним усе майно релігійних товариств. Цей документ розв'язував руки місцевій та центральній владі для безкарного пограбування та руйнування церков, неприхованого терору до службовців культу, чому передував тривалий шлях дегуманізації ставлення комуністів до релігії. Антиклерикальні настрої населення трансформувались у війну зі службовцями культу. Атеїзм, як нова віра, став ідеологічним обґрунтуванням антирелігійного екстремізму. Реальність виявилася ще кривавішою, ніж було задумано ініціаторами антицерковної безмежності. До 1922 р. у країні було знищено близько 20 тис. священників. Кривавий сценарій був фактично накреслений В. Леніним в секретному листі В. Молотову з приводу подій в м. Шуї, де відбувалися бурхливі заворушення населення, незадоволеного більшовицькими порядками [17].

Свій закінчений вид система закабальовання церкви соціалістичною державою набула в квітні 1929 р., коли було прийнято постанову ВЦВК «Про релігійні об'єднання», згідно з якою церква фактично перетворилась на вітрину, яка повинна свідчити всьому світові про начебто гуманність і віротерпимість радянської влади. Цим дискримінаційним документом були вичерпані гарантії свободи совісті в СРСР.

Отже, як формальні досягнення мистецтва післяреволюційного десятиріччя стали декорацією для малоефективної партійно-державної пропаганди, так і релігійна свідомість населення була використана як підстава для створення нового культу – культу радянської держави та її вождів. Цій же меті відповідала й нова символіка, обрядність, мова, нова система знань, нові етичні норми, цивільний кодекс та ін. Як наслідок – втрата цілісності культури суспільства, дезорганізація природних механізмів її існування та відтворення. Драма культурно-історичного процесу зводилась до фарсу єдиноборства «пролетарської» та «буржуазної» культур. Залучення до безмежного світу гуманістичних цінностей на практиці звелось до їх ревізії з метою виявлення ступеня придатності для будівництва комунізму. Те, що в дореволюційну епоху вважалось ганебним, у 20–30-ті роки ХХ ст. стає громадянською доблестю, що перетворює державу на корпорацію моральних злочинців. Культура та інтелігенція, що стали заручниками більшовицької політики в Україні, дедалі більше сприймалась як атрибут політико-освітньої роботи, яка виступила адвокатом диктатури бездуховності та ідеологічного примітивізму.

Список літератури

1. ЦНБ АН України. Відділ рукописів. – Ф. 1. – № 23542. – Л. 2.
2. Комуніст. – 1923. – 14 січня. – С. 3.
3. Київський держ. міськ. архів (КДМА). – Ф. Р-871. – Оп. 1. – Од. зб. 30. – Л. 18- зп.
4. Правда. – 1922. – 26 січня. – С. 1.

5. ЦДАВОВУ. — Ф. 166. — Оп. 1. — Од. зб. 16. — Л. 46.
6. Центр. держ. архів громадських об'єднань України. — Ф. 3. — Оп. 1. — Од. зб. 818. — Л. 160.
7. ЦДАВОВУ. — Ф. 331. — Оп. 1. — Од. зб. 18. — Л. 49; 139.
8. Достижения Советской власти за сорок лет в цифрах. Зб. ст. — М., 1957. — С. 277, 280.
9. Бинеман Я. Кадры государственного и кооперативного аппарата СССР / Я. Бинеман, С. Хейнеман. — М., 1930. — С. 58, 59.
10. Великая октябрьская социалистическая революция и становление советской культуры. 1917—1927. — М., 1985. — С. 281.
11. Залкинд А. Б. Революция и молодежь / А. Б. Залкинд. — М., 1924. — С. 50.
12. Покровский М. Советская глава нашей истории / М. Покровский // Большевик. — 1924. — № 14. — С. 15.
13. Пастернак Б. Л. Письма Д. В. Петровскому / Б. Л. Пастернак // Лит. обозрение. — 1990. — № 2. — С. 6.
14. Погребняк В. А. Репресовані книги / В. А. Погребняк // Маршрутами історії. — 1990. — С. 336—337.
15. Козлов В. А. Культурная революция и крестьянство 1921—1927 гг. / На материале европейской части РСФСР / В. А. Козлов. — М., 1983. — С. 152.
16. Родник. — 1990. — № 7. — С. 69.
17. Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 4. — С. 193.

В. И. Астахова

УГЛУБЛЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КРИЗИСА В УКРАИНЕ: ПРИЧИНЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

По мере развития человеческой цивилизации идет постоянный, не прекращающийся веками процесс воспроизводства и совершенствования интеллектуального потенциала, процесс приведения в соответствие общественных интересов и интеллектуальных возможностей общества по их удовлетворению.

Если рассматривать интеллектуальный потенциал как триединую совокупность духовных ценностей, обеспечивающих формирование творческой, гармонически развитой личности, людей, способных создавать и транслировать эти ценности, и условий, способствующих их созданию, то станет очевидным, что фундаментом воспроизводства интеллектуального потенциала, его становым хребтом является система образования. Обновление системы образования выступает, таким образом, объективной необходимостью, имманентным условием нормального формирования любой общественной системы.

Глобальная кардинальная реформация, происходящая в системе образования сегодня, является экстраординарным явлением, связанным с глубочайшими цивилизационными изменениями, с переходом человечества от индустриального общества к постиндустриальному, информационному.

Все это требует качественно нового уровня подготовки человека к жизни и к труду, расширения его интеллектуальных возможностей и, следовательно, принципиально иных методов обучения и воспитания. Очевидно, что образование продолжает оказывать решающее воздействие на культурогенез современного человека. Продолжают увеличиваться его масштабы. Развитые страны приступают к реализации концепции непрерывного образования. А это означает, что по существу все население этих стран будет вовлечено в систему образования. Идет процесс демократизации образования в развивающихся странах, активизируется поиск путей обновления образования на всем постсоветском пространстве.

Вместе с тем в мире ощущается нарастание кризисных явлений не только в системе образования, а в духовной сфере вообще. И это особенно наглядно проявляется в Украине.

Процессы, связанные с интеллектуальным кризисом украинского общества, пока не стали предметом научного анализа и осмысления. Даже публицистика еще не выдвинула их в число наиболее болезненных и труднопреодолимых, поскольку проблемы хлеба насущного и очередных политических игр звучат куда более остро и привлекательно. Но исторический опыт позволяет однозначно утверждать: интеллектуальный кризис наиболее разрушителен для общества, наиболее длителен по времени своего преодоления и губителен по своим последствиям. Этот вывод особенно значим для Украины, которая во главу угла становления своей независимой государственности поставила духовное возрождение нации, совершенствование ее интеллектуального потенциала.

Духовный надлом всех слоев населения, особенно молодежи и студенчества, утрата веры и идеалов, отсутствие вдохновляющей идеи, разрушение «синдрома повседневности», привычных стереотипов сознания и поведения, утрата возможности гордиться своими историческими корнями и верить в будущее – все это привело к разочарованию, подавленности, разобщенности, озлобленности людей. В интеллектуальном плане претерпеваемый обществом период можно назвать периодом смены знаков, своеобразным мировоззренческим вакуумом, проявляющимся прежде всего в интеллектуальной сфере и неизбежно имеющим самые серьезные последствия.

Это находит проявление в хаотических попытках спонтанного заполнения мировоззренческого вакуума на уровне массового сознания, которые в студенческой среде, например, представляют собой в худшем случае помесь вульгарных представлений о предсказателях, экстрасенсах и НЛО, в лучшем же случае выражаются в попытке присваивания религиозного и философского сознания, в интересе к «скандальным» философам (Ницше, Фрейд и т. п.), нетрадиционным философским системам Востока, пробуждении интереса к антигуманистическим идеям, к нетрадиционным формам общения и поведения.

Безусловно, острота проблемы идентификации и всплытие на поверхность вопросов: «кто мы?», «откуда?», «куда идем?» – это прекрасный шанс для обновления интеллектуальных потенциалов, ибо сознание разбужено и возникло проблемное поле. Однако лихорадочные поиски новой семантики, способной заменить устаревшие идеологические фетиши на другие, поспешность и категоричность отрицания ведут зачастую к позициям, которые диаметрально противоположны ожидаемым. Очевидно, что механическая замена прежних идеологий на новые без критического их анализа порождает в сознании масс отрицание и тех, и других, ведет к опустошенности, неуверенности, эскапизму. Замена классовых ценностей на общечеловеческие, коммунизма на национализм, атеизма на религиозность вне содержательного анализа и спокойного сопоставления этих категорий превращает их лишь в новые идеологемы, ритуальные заклинания, усугубляющие духовный надлом общества.

Процессы формирования новой идеологии, новых мировоззренческих принципов объективно неизбежны. Без этого выход из интеллектуального кризиса невозможен. Но для теоретического уровня сознания, для восстановления духовного равновесия в обществе эти процессы должны быть по меньшей мере отрефлексированы. Социальный и философский анализ общественных явлений должен быть нацелен не на примитивное обслуживание новой идеологии, а на профессиональное, всестороннее, углубленное изучение происходящего, на формирование самосознания личности, способной к самостоятельному интеллектуальному и нравственному выбору.

Однако отдельные попытки объективного анализа процессов, происходящих в духовно-нравственной сфере жизнедеятельности украинского общества, не в состоянии противостоять происходящим здесь обвальным кризисным явлениям.

Однозначно можно утверждать, что ситуация, сложившаяся в Украине в начале нового века, стимулирует разрушение традиционных духовно-нравственных ценностей, и национальных в том числе, насаждая нормы и принципы дикого капитализма времен первоначального

накопления капитала, усиливая социальную и правовую незащищенность людей интеллектуального труда, способствовала дальнейшему углублению интеллектуального кризиса; катастрофическому снижению интеллектуального потенциала страны.

Особенно наглядно это проявилось в положении интеллигенции, в ее отношении к происходящим в Украине событиям. Интеллигенция во все времена считалась элитарной частью общества, которой многое дано, но и за многое спрашивается.

Отношение к интеллигенции со стороны разных общественных групп в нашей стране носит уже давно двойственный, противоречивый характер: одни видят в ней лучших людей Отечества, способных воссоздать его национальные достоинства, другие — рассадницу чуждых им идей, проводницу вредных влияний и настроений, разрушающих историческую почву. Никто, разумеется, не отрицает выдающейся роли интеллигенции в становлении отечественной национальной культуры, просвещения, в расширении культурных контактов со странами Европы и всего мира.

Но ведь помимо этого интеллигенция претендовала и на участие в политической жизни страны на разных этапах ее истории. Именно эта сторона деятельности интеллигенции была предметом критического анализа и оценки как в начале XX века, так и еще большей мере в начале XXI века.

Суть критических замечаний в адрес интеллигенции, сформулированных в философской и общественно-политической мысли начала прошлого и нынешнего веков, может быть сведена к следующему: нельзя освободить народ путем революционного захвата власти и насильственного ниспровержения старого строя. Революция, о которой грезил многие поколения интеллигенции, никогда не приведет к свободе, а станет источником новой несвободы — более всеобъемлющей, чем предыдущая. Политическая свобода, в которой действительно нуждается Украина, достигается не политическим переворотом, не в электризации людей на Майданах наших городов, а духовной и творческой свободой, которая, в свою очередь, требует длительной культурной работы и социального развития. Подменять дело культуры делом революции — значит изменять свободе, пресекать саму возможность ее утверждения в стране. Именно логика революционного сознания и поведения приводит в конце концов к крайностям большевизма [1, с. 34–47].

Сегодня огонь критики справедливо обрушивается на интеллигенцию за ее гипертрофированное стремление к власти, за то, что она в качестве идеологической оппозиции начинает претендовать на саму власть, видя в ней средство практического осуществления своих идей. Такая претензия чревата установлением самого худшего вида диктатуры — диктатуры идей, несовместимой не только с политикой, но и с духовной свободой личности.

Интеллигенция у власти, «ходящая во власть» и сражающаяся за нее, часто оказывается намного хуже тех, кого она сменяет, что нашло свое неопровержимое подтверждение в событиях 90-х годов в России и в Украине. Между желанием власти и желанием личной свободы от власти пролегает граница, отделяющая ту часть интеллигенции, которая ответственна за тоталитаризм и нынешний развал страны, от той, которая составляет гордость отечественной культуры. Первые всегда «бесовствовали» на Руси, вторые, трудясь на ниве образования, просвещения, науки и искусства, способствовали ее духовному развитию и процветанию. Отсюда и двойственное отношение к интеллигенции, ее разные и прямо противоположные оценки в общественном мнении.

Основная масса украинской интеллигенции переживает сегодня глубочайший кризис. Причины и мотивы этого кризиса определяются, прежде всего, утратой доверия к новой демократической власти со стороны интеллигенции. А проявляется кризис в нравственной опустошенности, обнищании и даже интеллектуальной деградации, в утрате, размывании тех основных черт, которыми характеризуется в обществе данный социальный слой.

Интеллигенция вступила в противостояние с прежним коммунистическим режимом, имея в виду четко выраженный нравственный императив: она хотела покончить с двойным

стандартом старой политической элиты, которая, с одной стороны, декларировала идеалы социальной справедливости и равенства, а с другой – окружила себя привилегиями, узурпировала лучшие квартиры, дачи, больницы, здравницы. Интеллигенция мечтала об утверждении гражданского общества и правового государства, об обществе, где все и вся будет подчинено только закону, где только он, а не воля кучки облеченных неограниченной властью людей, будет регулировать общественные отношения. Лидеры радикально-демократического движения, сами в большинстве состоящие из научно-творческой интеллигенции, неизменно клялись в верности этим принципам и самоотверженно боролись за ликвидацию привилегий прежних властителей.

Но приход к власти новых политических лидеров так быстро и стремительно изменил их лозунги, поведение и принципы, что это повергло интеллигенцию в состояние шока. Принципы правового государства были попорчены уже в августе – сентябре 1991 г., когда начался раздел собственности, конфискованной у КПСС. В соответствии с принципами правового государства, ее распределение должно было происходить на основе сбора заявок и их рассмотрения законодательными и судебными органами. Но на деле произошла ее узурпация органами новой власти. Все здания ЦК КП Украины стали автоматически собственностью украинского демократического правительства, аппарата Президента. В их ведение, а следовательно, в личное пользование новой элиты перешли дома отдыха, жилой фонд и многие другие «спецзаведения», составляющие прежде материальный арсенал номенклатурных привилегий. И пользование этими привилегиями стало более наглым, откровенным, циничным. С годами этот цинизм усиливался и проявлялся все более откровенно, достигнув своего апогея в борьбе за новый передел собственности 2008 года.

Сработал своеобразный социологический закон: элита, оказавшаяся у власти в бедном обществе, к тому же сама малообеспеченная, склонна к коррупции, приобретению привилегий в гораздо большей степени, нежели хорошо обеспеченная государственная элита в обществах богатых. Против этого закона оказался бессильным нравственный императив интеллигенции. И она начала судорожный поиск выхода из сложившейся мрачной ситуации.

Для многих представителей интеллектуального труда этим выходом стала внешняя или внутренняя эмиграция. Достаточно сказать, что только в 90-е годы Харьков, например, покинули более 150 ученых, труды которых были известны во всем мире. США, Германия, Израиль, даже Австралия и Новая Зеландия значительно пополнили ряды своей интеллектуальной элиты за счет выходцев из стран бывшего СССР, и особенно из Украины. Инженеры, врачи, вузовские преподаватели, особенно специалисты в области программного обеспечения и вычислительной техники, предоставили свой интеллектуальный потенциал зарубежным промышленным предприятиям и фирмам, университетам и колледжам. И процесс оттока, к сожалению, продолжается.

Большинство специалистов, ушедших из науки, все же остаются у себя на Родине. Потерянные для исследований, они не противились зову презренного металла и превратились в банкиров, бизнесменов, руководителей малых и средних предприятий и не только технического профиля. Это явление принято сегодня называть «внутренней утечкой мозгов». И если экспорт умов на Запад в ближайшем будущем не будет существенно возрастать в связи с политикой, проводимой по отношению к иммигрантам в богатых странах, то «внутренняя утечка» будет, несомненно, усиливаться и нанесет самый большой вред науке и образованию.

Особо сложное, беспрецедентное по своим масштабам явление, связанное с внутренней эмиграцией интеллигенции, с ее массовым отходом от интеллектуальной деятельности, сложилось в крупнейших центрах науки и культуры Украины. Инженеры, учителя, врачи, культработники и научные работники уходят в коммерцию, занимаются физическим трудом, пристраиваются к оккультизму и пр., и пр. По нашим данным, почти 50% харьковских лоточников и киоскеров имеют дипломы о высшем или среднем специальном образовании.

Теряет свой профессионализм высшая интеллектуальная элита — профессора и доценты, преподаватели вузов, чьим трудом непосредственно создается интеллектуальный потенциал страны. В лучшем случае несколько работ по совместительству, не позволяющих постоянно самосовершенствоваться в своей сфере деятельности, изматывающих, приводящих к халтуре и «заробитчанству». В худшем — уход от преподавания, отказ от любимой работы в пользу более высокооплачиваемой, позволяющей выжить. Мы имеем теперь кандидатов наук в качестве уборщиц и гардеробщиц, доцентов и профессоров в роли консультантов у президентов коммерческих фирм, магазинов и ресторанов.

Но подготовка кандидата, тем более доктора наук требует не менее 10–15 лет, их профессиональное мастерство оттачивается десятилетиями, и сегодняшние утраты невосполнимы при жизни нынешнего поколения. Это та катастрофа, которую в полном объеме общество, занятое сиюминутными проблемами выживания, пока еще не осознает. Но о каком духовном возрождении, о каком культурном ренессансе может идти речь на ближайшие полстолетия?

Наше общество все менее способно использовать научные достижения, все менее чувствует цену настоящих образцов национальной и мировой культуры. Все менее вникает в глубинные процессы, происходящие в системе образования. Культура всегда более всего страдала на переломах мировой истории. Но сегодня она оказалась самой затравленной и разбитой, поскольку общество еще не осознало собственных перспектив развития и тяжелейших последствий деградации и деморализации.

Социалистическая перспектива человечества на данном этапе скомпрометировала себя и отодвинулась в весьма отдаленное будущее. Но крах социализма не означает автоматического перевода стрелок на рельсы капиталистического развития. Ибо капитализм — это потребительское общество, это неуклонное возрастание вещизма, а не духа, и это подавление человеческого в человеке.

Было бы крайне несправедливо умалять содеянное великой европейской культурой эпохи капитализма. Однако есть многое, что вызывает сегодня вполне объяснимую тревогу относительно будущих судеб человечества и прежде всего стран бывшего СССР. Судорожно пытаюсь приостановить наш полет в пропасть, решая проблемы децентрализации, приватизации, коммерциализации и т. д. и т. п., мы не имеем права забывать о том, что только культура способна спасти человечество, вывести его на новый виток цивилизованного развития, чуждый духу эгоизма и крайнего индивидуализма.

Спасение же самой культуры требует в первую очередь усиления интеллектуального потенциала общества, его обновления и расширенного воспроизводства. А потому разработка системы антикризисных мероприятий, являющихся первоочередной задачей правительства Украины, должна включать в себя, прежде всего, комплекс задач по кардинальному обновлению всего образовательного и научного комплекса, по сохранению здесь кадров высшей квалификации и привлечению талантливой молодежи, прорыву информационной блокады, в которой оказались и образование, и наука по вине некоторых не в меру ретивых политических деятелей. Без этого мы никогда не сможем вырваться из тисков кризиса, не сможем успешно решать ни экономических, ни политических, ни духовно-нравственных проблем, не сможем выйти на нормальную, цивилизованную дорогу общественного прогресса.

Список литературы

1. *Межуев В.* Интеллигенция и демократия // Свобод. мысль. — 1992. — № 16.

В. А. Ландсман

О РОЛИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ

— Важнейшим критерием государственной политики в условиях становления гражданского общества должна быть языковая, конфессиональная, этническая, культурная, историческая, гражданская и пр. толерантность.

— Основной проблемой консолидации общества и политикума не могут стать этноидеи и этнопriorитеты, которые несовместимы с солидарным развитием общества и находятся в противоречии с Гаагской конвенцией 1977 года.

— Любому государству и обществу, которые ставят перед собой задачи солидарного развития, нужна простая и понятно описанная национальная идея (к примеру, национальная идея, выдвинутая Конрадом Аденауэром для послевоенной ФРГ, звучала так: «Каждому курицу в кастрюлю»), и она должна быть описана как гуманитарная (не технократическая) идея.

— Особенностью **постколониальной ментальности**, свойственной освобождающемуся народу, начинающему движение к нации, кроме прочего, является **мифологизация истории**, особенно ее истоков. Эту ментальность нужно сознательно и системно преодолевать. Нам самим должна показаться смешной **украинизация начал истории**, которые, фактически, касаются кроманьонского человека.

— Гораздо эффективнее для **становления солидарной** нации является самоирония и скромность в воспроизводстве отдельных фрагментов отечественной истории устами знаковых политиков, литераторов и других публичных людей, а также **дегероизация деятелей периодов гражданских конфликтов и войн**: такие периоды не рожают героев, которые были бы восприняты всем обществом.

— Одним из приоритетов **гуманизации** общества должна стать системная работа СМИ, политических и общественных форумов по **снижению агрессивности социальной среды и морализации общественного сознания**.

— Политическая и повседневная лексика интеллигента в настоящий момент является ориентированной на терминологию элит как естественное отражение нынешнего состояния украинского общества. Но само понятие интеллигенции предполагает наличие **эгалитарных акцентов**, которых очень не хватает общественному сознанию современной Украины.

— Любой закон, иной публичный документ, представляемый обществу, всегда имеет конкретного автора или авторов и должен быть представлен как **авторский документ**. **Ликвидация анонимности в публичной деятельности** — это путь к ответственности политика и гражданина.

Т. Б. Веркіна

ІНТЕЛІГЕНЦІЯ ЯК «СПІЛЬНИК» ВЛАДИ

У наш час існують досить розмиті уявлення про інтелігенцію. Часто її ототожнюють із інтелектуалами, які не вміють говорити просто про прості речі: для кожної простої речі обирається вишуканий вислів, що потім віртуозно узагальнюється.

Історія знала багато випадків, коли ті, кого називали інтелігентами, поводили себе непослідовно, демонстрували слабкість, конформізм та інші людські недоліки. Як і всі люди, інтелігенти — недосконалі. Але їм не вибачають помилки, не прощають зради. Від них вимагають більшого, ніж з будь-кого. Цю відповідальність інтелігенція взяла на себе сама, присвятивши себе пошукам правди та істини. Основна праця інтелігенції — роздуми й аналіз як зброя проти сліпоти влади. Інтелігенція покликана оперативно реагувати, давати ім'я

непроявленим речам та процесам, посилювати приховані у суспільстві тенденції. Сила інтелігента полягає у тому, що роздуми й аналіз він обмежує полем своєї спеціальності. На цьому власному фаховому полі інтелігенція займається творчою працею і робить так, щоб створене не руйнувалося (а тим більше не руйнувалася та спадщина, що залишили нам діди та прадіди).

Інтелігенція посідає досить широкий простір між народом і владою. З ХІХ століття інтелігенцію представляє «критично мисляча особистість». Критично вона ставилася і до влади, адже вважалося негідним прислужувати владі. «Інтелігенція тому і є інтелігенцією, що з владою не зближається» (А. Бітов).

Інтелігенція завжди існувала у різних площинах із владою.

Влада породжує імпульси для негайного виконання задля свого збереження. Влада загалом більш вдало реалізується у позитивних контекстах. Реагування на негативні ситуації у влади, як правило, невдалі. Тому нерідко процеси руйнації відбуваються на очах у влади і за її сприянням. При цьому робиться вигляд, ніби нічого особливого не відбувається. Влада не бажає розмірковувати на цю тему.

Першою дає відповідь на виклик часу творча інтелігенція. Її функція – збереження традиції. Ніщо не замінить собою традицію, адже оцінити реальний стан речей важко, якщо немає традиції. Разом із тим інтелігенція стверджує себе у відкритті нових точок зору, у відмові від звичного перебігу подій та думок, стереотипів суспільного життя. Зміна уявлень дозволяє виявити ресурси розвитку.

За радянських часів інтелігентність була прихованою формою опору тоталітарній ідеології і вважалася синонімом аристократизму. Це була справжня еліта суспільства. Чи є в Україні сьогодні своя еліта? Якщо мати на увазі купку багатіїв, то, напевно, так. Але у Харкові, наприклад, ще залишився елітарний прошарок творчої та наукової інтелігенції. Це – люди-подвижники, які своєю професійною діяльністю збагатили науку, мистецтво, культуру, щось варте життя створили, а не зруйнували. Чи дослухається до них влада? На жаль, відповідь на це питання не завжди позитивна.

Сьогодні влада в Україні утримує у якості «обслуговуючого персоналу» відомих осіб, які створюють їй свого роду шляхетну ауру. Така «придворна» інтелігенція, більшість з якої «люди слова» – актори і літератори, виявилася здатною піклуватися лише про власні інтереси. Чекати глибоких роздумів та об'єктивних оцінок від деяких «підрядчиків влади» марно.

Українська влада продовжує залишатися закритим світом. Ніхто до кінця не знає, чому і які рішення приймаються «на горі». На цьому каламутному тлі пишню квітне комплекс провінційності у його різноманітних проявах. Виходом з цієї складної ситуації стало б утворення певних дорадчих органів на всіх рівнях влади (від президента, міністрів, до губернаторів областей і мерів міст). До участі у роботі цих структур, які нині перестали функціонувати, варто запросити людей, відомих своїми здобутками в різних професійних сферах. Саме в діалозі з ними представники влади повинні відстоювати і захищати свої рішення, вчитися слухати і враховувати інші думки, мати мужність визнати свої помилки і прийняти нове, навіть протилежне рішення, якщо воно доцільне.

Сьогоднішнє існування в Україні як ніколи безідейне. У суспільстві немає орієнтирів, які б єднали, мобілізували націю. Творча інтелігенція має запропонувати нову формулу національної ідеї. При цьому не слід нічого особливого вигадувати, а звертаючись до споконвічних українських традицій, зробити все, щоб у людини був свій дім і все їй потрібне в матеріальному і духовному плані. Влада й інтелігенція мусять довести, що люблять не тільки Україну взагалі, а людей, які живуть на нашій землі, і зробити так, щоб люди не шукали за кордоном кращої долі.

ПРОШУ СЛОВА

І. ЗРОСТАННЯ РОЛІ І СОЦІАЛЬНОЇ ВІДПОВІДАЛЬНОСТІ ІНТЕЛІГЕНЦІЇ В СУЧАСНОМУ СВІТІ

Ю. В. Бабенко

К ВОПРОСУ О РОЛИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В условиях постоянных перемен, присущих постмодернизационному обществу, возрастает роль такого общественного слоя, как интеллигенция. Актуализируются вопросы: «Интеллигенция: что это такое?», «Существует ли интеллигенция или нет?», «Какова роль интеллигенции в обществе?» и др. Они не являются новыми, и ответы давались, с одной стороны полные, с другой – довольно неоднозначные, что связано с многомерностью понятия «интеллигенция».

Говоря об интеллигенции, мы подразумеваем общественный слой людей, преимущественно занимающихся умственным, творческим трудом, развитием и распространением культуры [1, с. 7].

Стоит отметить, что в современных развитых странах (США, Европа, Япония и др.) понятие «интеллигенция» практически не употребляется. Основные характеристики слоя интеллигентов оказываются востребованными в странах, отставших в своем развитии. Именно там социальная группа лиц интеллектуального труда приобретает особые черты. Именно интеллигентные люди, для которых характерны высокая гражданственность, чувство ответственности за судьбы своих соотечественников, лучше других понимают отсталость своей страны. Они способны возложить на себя обязанности проповедников ценностей модернизации.

В развитых странах вместо термина «интеллигенция» употребляют термин «интеллектуаль», которым обозначают людей, профессионально занимающихся интеллектуальной (умственной) деятельностью, не претендуя, как правило, на роль носителей «высших идеалов» [1, с. 8]. Основой для выделения такой группы является разделение труда между работниками умственного и физического труда.

С одной стороны, термины являются синонимами, четко давая понять, каким видом деятельности занят индивид, с другой – они сужают круг лиц, которых можно отнести к интеллигенции или интеллектуалам.

Люди, профессионально занимающиеся интеллектуальными видами деятельности (учителя, артисты, врачи и т. д.), существовали в античности и в средневековье. Но крупной социальной группой они стали только в эпоху Нового времени, когда количество людей, занятых умственным трудом, резко возросло. Только с этого времени можно говорить о социокультурной общности, представители которой своей интеллектуальной деятельностью (наука, образование, искусство, право и т. д.) генерируют, воспроизводят и развивают культурные ценности, способствуя тем самым просвещению и прогрессу общества.

Именно эти факторы, а также то, что в период постоянного научно-технического прогресса общества резко повышается ценность знаний и креативного мышления, позволяют нам говорить о ведущей роли вуза в «воспитании» интеллигента, интеллектуала.

Вуз становится своеобразным центром скопления будущей и уже существующей интеллигенции. Можно говорить также о том, что студент является интеллигентом-интеллектуалом, так как обучение является умственной трудовой деятельностью.

Выпускник вуза имеет преимущество при трудоустройстве на высокооплачиваемые и востребованные рабочие места, связанные с умственным трудом. И именно в этот момент проявляется связь интеллигенции и власти. В данной ситуации применяется экономическая власть как одна из форм власти. М. Вебер подчеркивает «аморфный» характер понятия власти, что отображается в неравных положениях на рынке труда. Работодатель сильнее, потому что он не обязан немедленно покупать предложенный труд, а имеет право выбора на ту или иную рабочую силу [2, с. 383].

Интеллектуальная деятельность предполагает критическое отношение к господствующему мнению, то есть к власти. Поэтому интеллектуалы всегда выступают в роли носителей так называемого «критического потенциала». Именно они генерируют и пропагандируют новые идеологические доктрины (национализм, социализм), что, в свою очередь, обеспечивает постоянное обновление системы общественных ценностей.

Как видим, интеллигенция и власть — довольно таки самодостаточные понятия, но и в то же время дополняющие друг друга, позволяющие говорить о том, что в любое время при любой власти будет существовать интеллигенция как общественный слой, что позволит обществу полноценно функционировать.

Список литературы

1. *Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: История и типология* / Под ред. Н. Г. Охотина. — М.: О.Г.И., 1999. — 152 с.
2. *Социология: Курс лекций: Учеб. пособие* / [Ю. Г. Волков, В. П. Нечипуренко, А. В. Попов, С. И. Самыгин; Под общ. ред. Ю. Г. Волкова]. — Ростов-н/Д.: Феникс, 1999. — 512 с.

Л. О. Бєлова

ФОРМУВАННЯ ГРОМАДЯНСЬКИХ ПОЗИЦІЙ УКРАЇНСЬКОЇ ІНТЕЛІГЕНЦІЇ

Проблема формування громадянськості привертає до себе все більш серйозну увагу всієї світової спільноти, стурбованої зростаючими суперечностями між вихованням громадян у дусі демократії і свободи і зниженням рівня громадянської відповідальності, посиленням дестабілізації суспільства й відсутністю гарантій безпеки особистості. Про це свідчить «Декларація і програма виховання громадян у дусі свободи й демократії, виховання, заснованого на усвідомленні людиною своїх прав і обов'язків», яка була ухвалена 104-ю сесією Комітету Міністрів Ради Європи (членом якого є й Україна) 6–7 травня 1999 року в Будапешті. Громадянськість в даному документі визначається як соціальна свобода особистості і її вища відповідальність перед своєю вітчизною. Проблема ця є особливо гострою для України, де навіть у теоретичному плані змішують поняття громадянськості і національного патріотизму, де в процесі багаторічної згубної політики деідеологізації виник духовний вакуум, що небезпечніший за економічну і політичну кризи разом узяті вже хоч би через те, що наслідки його долаються значно довше і важче, не дозволяючи ефективно боротися ані з економічними, ані з політичними труднощами. Про духовну деградацію можна судити хоч би з такого факту: з початку ХХІ ст. Україна впевнено посідає лідируюче місце серед країн СНД з експорту повій і власних інтелектуальних ресурсів.

І це в постіндустріальну епоху, коли щогодини для будь-яких дій і будь-яких реформ необхідні люди інтелектуальної праці, а в Україні відбувається поголовне зниження кількості вчених, педагогів, діячів культури. У 1992 році, коли бюджет на науку було несподівано урізано у 8 разів, кожний другий учений України, думаючи про хліб насущний, змушений був змінити професію. Багато хто змінював і батьківщину. Для них зовнішня трудова міграція послужила способом збереження професії. Вона допомогла їм адаптуватися до соціально-політичних реалій наших днів, стала певною мірою і альтернативою внутрішньому «відпливу умів» — відходу вчених в «човники», в охоронці, в реалізатори на ринках.

Точно оцінити число наших фахівців, працюючих за кордоном, неможливо. Статистика враховує тільки тих, хто виїжджає з країни на постійне місце проживання. Західні країни ведуть в цьому напрямі цілеспрямовану, чітко організовану роботу. Виїжджають найбільш кваліфіковані й перспективні наукові кадри. Так, на думку американських фахівців, з 1990 р. Україну залишили 70–80% її математиків, 50% фізиків-теоретиків, працюючих на світовому рівні. Цей відтік висушувально впливає на технічні ВНЗ і університети, веде до загибелі фундаментальну науку.

Узяти, наприклад, Харків, який завжди був провідним науковим центром світу. Тут народилися, жили й працювали видатні вчені, праці яких багато в чому визначали розвиток усієї світової науки. Три нобелівські лауреати: Лев Ландау, Ілля Мечников і Саймон Кузнець — це подарунок Харкова світові. Не багато ще знайдеться міст на землі, які могли б похвалитися таким результатом. І ще одна показова цифра: кожен сьомий електронщик у США сьогодні — випускник харківських ВНЗ.

Але, як не боляче це усвідомлювати, останнім часом Харків почав поступатися. Продовжує посилюватися процес відтоку кадрів у далеке й близьке зарубіжжя. Щороку Харків втрачає від 10 до 20% науково-педагогічної інтелігенції. Виїжджають не лише поважні, а й зовсім юні, навіть студенти. Знизилася в громадській свідомості престиж викладацької праці, позиції науки. І найважчим в усьому цьому є те, що ми біднішаємо з кожним днем не тільки грошима, а й розумом і совістю.

Варварський рівень «цивілізаційної компетенції» працівників призводить до деградації інтелектуального потенціалу суспільства в усіх сферах його життєдіяльності, до технічного регресу, знижує можливості країни щодо виходу з кризи. Еміграція значної кількості інтелігентів протягом одного тільки десятиліття означає якісно нерівноцінну заміну поколінь, що, безумовно, позначиться на генофонді країни в найближчій і більш віддаленій перспективі. У чому причина того, що відбувається? Чим пояснюється безпрецедентний відплив української інтелігенції? Причин немало. Але, мабуть, найголовніша зараз полягає в тому, що українська економіка і політика не помічають і практично не використовують результати навіть видатних досліджень своїх учених. І науковці, і викладачі вищої школи відчувають найбільший дискомфорт від непотрібності своєї праці, від особистої своєї незатребуваності, від нешанобливого відношення до своєї професійної діяльності, яка не забезпечує їм гідного існування.

В одному зі своїх послань до українського народу Президент України сказав: «...нашим стратегічним завданням має стати забезпечення нормального матеріального становища вчителів і викладачів вищої школи і таким чином повернути їх мотивацію до праці і суспільне становище, гідне їх праці». Не ставлячи під сумнів необхідність нормалізації матеріального становища працівників інтелектуальної праці, хотілося б все-таки змінити акценти: основне стратегічне завдання полягає в тому, щоб забезпечити затребуваність праці інтелігенції, відновити її минулий авторитет і значущість. А це завдання комплексне і значно складніше, ніж просто підвищення зарплати. І розв'язуватися воно повинно на різних рівнях, але на основі єдиної ідеології.

Ідеологія в її класичному розумінні гостро необхідна сьогодні нашому суспільству. А інтелігенція, внаслідок її професійних якостей і соціальної ролі, сприйме її раніше за інших.

І натхненна ідеєю й перспективами Вітчизни, за ситим життям не поїде. Їй необхідні яскрава та зрозумілі цілі, але не заради кого і заради чого. Їй завжди потрібен був допінг духовної піднесеності. Цим, власне, вона від інтелектуалів-прагматиків і відрізняється.

Саме ця відмінність інтелігентів та інтелектуалів має стати стрижнем нової соціальної ідеології. Сьогодні не лише в західній, але й у вітчизняній науковій літературі поняття «інтелігенція» наполегливо витискується поняттям «клас інтелектуалів». Одним із перших про клас інтелектуалів заговорив ще в 50-ті роки Р. Дарендорфф, котрий назвав цю соціальну групу правлячим класом постіндустріального суспільства. Цей підхід пізніше був розвинений З. Бжезинським, на думку якого клас інтелектуалів покликаний контролювати і спрямовувати процеси, що визначаються логікою розвитку технологічного прогресу. Належність до класу інтелектуалів визначається, за Бжезинським, з одного боку, високим рівнем освіти, а з іншого — тим, якою мірою в той чи інший момент життя цей рівень перевершує аналогічний показник середньостатистичного працівника. Основна мета життя для інтелектуалів — постійне самовдосконалення, професійне зростання і особистий матеріальний добробут. Причому останніми роками останнє стає все більш превалюючим, пріоритетним.

У вітчизняній літературі наприкінці 90-х років поширилося твердження про те, що ринковому суспільству інтелігенція не потрібна, що ринок диктує жорсткі і жорстокі умови, в яких інтелігенція приречена на крах і животіння. У чому ж нам вбачається основна відмінність інтелігентів від інтелектуалів?

У всі часи і у всіх країнах інтелігенція розглядалася як найбільш інтелектуальна і висококультурна частина суспільства. Проте інтелігенцію не можна уявляти просто як певну соціальну спільність, що складається з високоосвічених людей, професійно зайнятих інтелектуальною працею. Життя підтверджує, що це ще і специфічна спільність людей, яка вбачає сенс свого існування в тому, щоб нести плоди освіченості (культури, науки, освіти тощо) в маси, і які розцінюють цю діяльність як свою основну соціокультурну місію.

Один із лідерів легального марксизму в Росії П. Б. Струве розглядав інтелігенцію як певний тип людей відповідного рівня знань і світоглядних принципів, важливою рисою яких є висока освіченість і така специфічна етична якість, як інтелігентність, сенс якої, на думку Струве, полягає в особливому світосприйнятті, в ухваленні гуманістичних ідеалів і цінностей освіти.

А це означає, що хоча уявлення про інтелігенцію неможливо відокремити від інтелектуальної діяльності, в ньому все-таки неминуче присутня й така етична якість, як інтелігентність. Основними ознаками інтелігентності є: подвижництво, висока громадянськість, совість, вільнодумство і толерантність. Інтелігентність несумісна з нетерпимістю і непримиренністю у ставленні до інших людей. Вона нерозривно пов'язана з моральністю, що розуміється не як комплекс моральних якостей і не як дотримання загальноприйнятих заповідей і норм, але як пізнання цінностей особливого, іншого, як установка на розуміння, співчуття і сприяння.

Підготовка кадрів інтелігенції стала давно знайомою й звичною справою для нашої вищої школи. Кожен випускник внз, здобувши диплом про вищу освіту, ставав фахівцем і, згідно зі статистикою, поповнював ряди інтелігенції як специфічного соціального шару. Проте далеко не кожний із них ставав інтелігентною людиною. Існує навіть думка, що потрібна наполеглива моральна праця не одного покоління, щоб людина повною мірою ввібрала в себе дух інтелігентності, дух дійсної моральності, гуманізму, громадянськості і подвижництва.

Саме ці якості завжди були властиві українській інтелігенції, чому неабиякою мірою сприяв український менталітет, який завжди відрізнявся прагненням до спілкування, до теплоти душевних контактів, до взаєморозуміння, взаємодії і взаємопідтримки.

Інтелігентність, національні традиції й історична пам'ять народу, загострене почуття відповідальності за долю своєї Вітчизни й повинні стати основою формування громадянськості інтелігенції. Інтелект без духовності, без гуманістичного стрижня може бути соціально небезпечний. Світ знає це з історичного досвіду, а ми — з досвіду входження України в ринкові процеси.

Очевидно, що основна й остання надія України пов'язана з інтелектом нації, насамперед тих, хто не втратив відчуття інтелігентності, особливо знаходячись у владних структурах, на вістрі політичного й громадського життя.

Г. Ю. Васильев, И. Г. Васильева

РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОГО УКРАИНСКОГО ОБЩЕСТВА

В процессе перехода общества от тоталитаризма к демократии в числе многих сложных задач, решаемых в этот период, одной из наиболее важных является формирование политической культуры, соответствующей демократическому обществу. От состояния политической культуры, ее развития во многом зависит разрешение большинства не только политических, но и многих других общегосударственных проблем.

Создатели концепции политической культуры американские политологи Г. Алмонд и С. Верба в своей книге «Гражданская культура» (1963 г.) писали, что государственные деятели, стремящиеся сформировать политическую демократию, часто концентрируют свое внимание на создании формального набора демократических правительственных институтов, написании конституции, формировании политических партий. Но развитие стабильного и эффективного демократического правления зависит от политической культуры. «Если эта культура не способна поддержать демократическую систему, шансы последней на успех невелики» [1, с. 689].

Понятие «политическая культура» впервые употребил немецкий историк XVIII века И. Гердер. Однако в политический лексикон это понятие прочно вошло лишь во второй половине XX века благодаря усилиям таких исследователей, как Г. Алмонд, С. Верба, У. Розенбаум, С. Пай, Д. Элазар и др. Определений термина «политическая культура» насчитывается несколько десятков. Наиболее кратко политическую культуру можно определить как *совокупность стереотипов политического сознания и политического поведения, присущих данной социальной общности*. Это исторический опыт, память социальных общностей и отдельных людей в сфере политики, их ориентации, навыки, влияющие на политическое поведение [2, с. 264].

Политическая культура — это не только культура политического мышления и политической деятельности, но и степень цивилизованности, показатель характера и способов функционирования политических институтов, организаций, всей политической жизни в обществе. Политическая культура отражает уровень политической просвещенности людей, их политической зрелости. Но это не то же, что политическая информированность, некая сумма знания, а совокупность мыслей, идей, эмоций, убеждений, поступков и действий. Подобно тому, как культура определяет и предписывает те или иные формы и правила поведения в различных сферах жизни и жизненных ситуациях, политическая культура определяет и предписывает нормы поведения и «правила игры» в политической сфере.

Механизм формирования политической культуры представляет собой сложную систему социальных связей и отношений, в которой индивиды, социальные группы находятся во взаимодействии друг с другом и с политической системой в конкретных условиях места и времени.

Важное место в формировании политической культуры занимает *государство*, являясь регулятором политической жизни общества. Государство устанавливает законы и правовые нормы, регламентирует поведение граждан, вырабатывает систему идеологических принципов, ценностных ориентиров и способов внедрения их в сознание граждан. Важнейшей

предпосылкой развития политической культуры является *гражданское общество* — различные общественные организации, объединения, союзы, корпорации и др., функционирующие достаточно независимо от политической власти и способные оказывать воздействие на эту власть. Все большее значение в формировании политической культуры приобретают *средства массовой информации* (СМИ), которые, помимо функции информирования граждан, позволяют государству и другим политическим субъектам целенаправленно формировать в сознании граждан политические убеждения, установки, стереотипы, соответствующие ценностям и целям государственной политики. Однако СМИ нередко выступают в роли средств массового манипулирования и в этом качестве они выполняют властвующие функции. Именно пресса формирует многие убеждения, установки, стереотипы, определяющие политическое сознание и поведение граждан. Большее или меньшее влияние на формирование политической культуры оказывают *религии*. Во многих государствах религиозные традиции, идеи, ценности, установки, связанные с религией, являются составной частью политической культуры общества. Церковь в данном случае рассматривается как один из институтов гражданского общества, формирующего определенные модели политического поведения.

Участвуют в формировании политической культуры и такие общественные силы, как сообщество бизнесменов, армия и др. Все названные выше силы не только формируют политическую культуру, но и участвуют в процессе внедрения ее в сознание граждан в процессе политической социализации.

Однако особое место в формировании политической культуры в обществе переходного периода занимает интеллигенция. Термин «интеллигенция» (*intelligentia*) в переводе с латинского означает «понимание», а *intelligenes* — «мыслящий», «разумный» — это общественный слой людей, профессионально занимающийся умственным (преимущественно сложным, высококвалифицированным) трудом, развитием и распространением культуры в обществе. В отношении политики интеллигенция условно делится на две категории: одна из них — это наемная рабочая сила высокой степени дифференциации, вторая — «свободные мыслители». Как наемная рабочая сила, интеллигенция пронизывает всю политическую структуру — это значительная часть бюрократии, номенклатуры, членов партий, идеологов, представителей элиты. Другая категория — это субъекты сферы общественного сознания и общественной психологии; это тот социальный слой людей, который занимается сложным творческим трудом, развитием и распространением культуры. Первый отряд противоречив: он имеет свободу сознания и одновременно включен в политические институты, что ограничивает его свободу законами корпорации. Вторая часть интеллигенции практически свободна от идеологических обязанностей. Это социальный слой, по словам немецкого ученого К. Мангейма, «парящий» вне определенных социально-политических отношений. Именно представители передовой интеллигенции в состоянии наиболее глубоко осознавать политический и социальный опыт, помогать обществу ориентироваться в своей организации, минимизировать социальные потрясения, искать и находить выход из наиболее сложных тупиков, в которые заводят общество правящие классы. И если при тоталитарных режимах все члены общества, включая интеллигенцию, лишаются права на свободное сознание и общество приходит к стагнации, то в условиях развитой демократии набор свобод и плюрализм в политике создают условия для деидеологизированного сознания.

История многих последних десятилетий свидетельствует о том, что интеллигенция — это общность людей, видящих смысл своего существования в том, чтобы нести плоды образованности (культуры, науки, просвещения и др.) в массы и расценивающих эту деятельность как свою главную культурно-историческую миссию.

Характерной особенностью современного украинского общества является его переходное состояние, продвижение от тоталитарного к демократическому, правовому государству, а формирование адекватной политической культуры является составной частью этого

процесса. Однако переориентация основной массы населения страны на новые ценности, соответствующие либеральной демократии, идет крайне медленно.

Политическая культура украинского общества в значительной мере определяется историей развития Украины. Важное влияние на развитие политической культуры украинцев оказало многовековое отсутствие собственного государства, то есть отсутствие возможности обрести опыт правления, быть субъектом в отношениях с другими народами и государствами и чувствовать себя полноправными хозяевами на своей земле. За долгие годы пребывания на перекрестке политических культур разных стран собственная политическая культура украинского народа, его ментальность, сформировались как симбиоз разных компонентов культур. Кроме того, она формировалась в условиях неразвитой демократии, тотального подчинения граждан государству, отсутствия элементарных прав и свобод для подавляющего большинства населения.

Изучать историю и современные политические теории, распространять их, внедрять в политическое сознание и поведение граждан — важная задача интеллигенции: ученых, преподавателей, учителей и других специалистов, профессионально занимающихся этими проблемами.

А пока, на фоне сложного экономического положения и обнищания значительной части населения, растет недоверие и протест и к политической власти, и к политической системе. Подавляющая часть населения не доверяет ни Президенту, ни Верховной Раде, ни правительству страны, справедливо полагая, что они не могут вывести страну из глубокого системного кризиса.

Негативное отношение граждан к политическим структурам обусловлено неспособностью властных органов четко сформулировать стратегию развития государства, основные национальные интересы и приоритеты, отсутствием четких и понятных механизмов реализации этих интересов. Это, в свою очередь, ведет к утрате моральных ценностей, дискредитации идей демократии и независимости.

В этих условиях решающую роль в теоретическом обосновании дальнейшего пути развития Украины, в формировании новой политической культуры украинского общества должна сыграть украинская интеллигенция. Ныне только интеллигенция в состоянии на глубокий анализ политики украинской власти, вычленение как положительного, так и отрицательного, что было сделано за 17 лет независимости Украины, способна указать единственно верный путь дальнейшего развития украинского общества.

Список литературы

1. *Общая и прикладная политология.* — М., 1997. — 992 с.
2. *Политология.* Энцикл. словарь. — Изд. Publishers. — 1993. — 432 с.

В. А. Влялько

РОЛЬ УКРАЇНСЬКОЇ ІНТЕЛІГЕНЦІЇ В ДЕРЖАВОТВОРЧОМУ ПРОЦЕСІ

Сьогодні, на межі другого і третього тисячоліття, Україна має новий історичний шанс кардинально змінити своє суспільство і приєднатися до провідних країн світу.

Проголошення української національної ідеї повинно сприйматися не як засіб національного обмеження, а як сучасна перспектива для всіх громадян, яким не байдужа доля України, і які не замислюючись віддадуть їй своє серце, розум і працю.

Позитивна національна ідея, що спрямована в майбутнє та дає гідну перспективу для всіх громадян України, є фундаментом для їх об'єднання та самоусвідомлення як єдиної нації зі спільною метою.

Історична трагедія України полягає в тому, що протягом віків в ній була обмеженою українська інтелігенція. Вона викривлялась, деформувалась, частково знищувалась, але і самовідтворювалась. Такі процеси дуже боляче відгукнулись на нашому сьогодні.

Без інтелігенції будь-яка держава повноцінною не буде. Саме ця верства суспільства здатна досягнути, донести до свого народу та реалізувати національні інтереси країни, утримати її в центрі європейської та світової цивілізації. Тільки тоді, коли буде існувати справжня українська інтелігенція, з'явиться можливість побудови повноцінної, багатой і розвиненої української держави.

Інтелігенції українського суспільства зовсім не обов'язково бути виключно національною за складом, але вона повинна бути національною за своїм духом і глибоко патріотичною.

Без впливової української інтелігенції – «мозку країни» – народ, нація втрачає своє майбутнє і досить швидко деградує.

Час вимагає формування нової національної інтелігенції – інтелектуальної, політичної, управлінської та господарської, здатної ефективно контролювати національні ресурси, нарощувати їх та включати у світові процеси.

Україна потребує революції в керуванні державою та виробництвом, саме для цього має прийти нова інтелігенція – інтелектуал, політик чи державний службовець, науковець, крупний підприємець чи менеджер, – головним капіталом якої є знання в широкому розумінні, володіння сучасними технологіями мислення та професійна діяльність.

Поєднання спадщини видатних періодів в історії українського народу, а саме – розвиток і могутність Київської Русі; самобутність Галицько-Волинського князівства, в якому головними суспільними функціями було служити духовно і виконувати народозахисну місію; складний литовсько-польський період; демократичні здобутки козацької доби; Визвольна війна 1648–1654 рр. під проводом Б. Хмельницького; криваве XVIII ст., коли після часу становлення народжується справжня українська інтелігенція, в якій формується відчуття відповідальності за долю держави; пошук шляхів до гармонізації суспільних відносин у другій половині XIX ст. в українських землях, що входили до складу Російської та Австро-Угорської імперій та багато інших цікавих сторінок української історії – поєднання їх з новітніми тенденціями розвитку сучасного світу відкриє для українського суспільства нові перспективи.

Україна в першу чергу потребує нових світоглядних орієнтирів, які б поєднували історичні традиції та сучасну перспективу.

В умовах слабкості держави, яка не зуміла забезпечити своєму народові більш-менш пристойний рівень життя, категорія «інтелігенція» в масовій свідомості сприймається як некомпетентність, нездатність, неспроможність на будь-які великі справи.

Суспільство має непокоїти такий стан апатії та зневіри, бо саме на такому ґрунті виникають найкращі умови для застосування насильства.

Новий світогляд повинен передбачати відновлення християнської моралі, добробуту та багатства, що завдячують талантові й чесній та сумлінній праці. Не слід забувати і про духовний світ людини, який не терпить порожнечі.

Формування національної інтелігенції – це насамперед проблема виховання особистості. А особистість виростає в певному духовному середовищі, при створенні естетичного й морально-психологічного клімату.

Розширення духовних та інтелектуальних горизонтів має сприяти подоланню елементів провінційності в українській ментальності, дозволить українській нації збагатити не тільки себе, а й європейську та світову спільноту сучасними висококультурними виявами своєї духовності.

Нова національна інтелігенція має бути вірною українським традиціям, високоморальною, талановитою, професійною, обдарованою, вимогливою до себе. Вона повинна вміти мислити, аналізувати і прогнозувати.

Потрібна потужна національно-свідома робота, яку може і повинна робити нова українська інтелігенція з тим, щоб, об'єднавши всіх небайдужих, всі національно-демократичні сили, визначивши взаємоприйнятні напрями збереження і примноження вітчизняного інтелекту, маючи спільну мету, йти сміливо вперед задля покращення подальшої долі своєї держави — рідної України.

В. Н. Лесовой, А. П. Алексеенко

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ В МЕДИЦИНЕ

Проблема интеллигенции и интеллигентности всегда привлекала к себе внимание независимо от исторических условий, в которых она поднималась. Сегодняшнее время не является исключительным в этом отношении. Данная проблема соприкасается как с обществом в целом, так и с отдельными его сферами, а именно: образованием, искусством, медициной и т. п. Бесспорно, в каждой отдельной сфере эта проблема приобретает свой особый оттенок, что обусловлено спецификой данного вида деятельности.

Само слово «интеллигенция» неоднозначно. Вместе с тем в словаре можно найти относительно устоявшееся определение данного понятия. «Интеллигенция (от лат. *intelligens* — понимающий, мыслящий) — слой образованных и мыслящих людей, выполняющих функции, которые предполагают высокую степень развития интеллекта и профессиональной образованности» [1, с. 187]. Исходное значение слова «интеллигент» — человек умственного труда. Такое значение данного понятия расширяет его, автоматически включая в объем этого понятия всех, чья профессия связана преимущественно с умственным трудом. В данном определении содержится указание на социальную функцию интеллигенции. Современная научно-техническая революция меняет характер труда, требования к работнику производства. В конечном счете, абсолютное большинство работников должны стать высококвалифицированными профессионалами, не чуждыми умственного труда. Но означает ли это, что все станут интеллигентами и уровень интеллигентности в обществе повысится существенно? Очевидно, что нет. Смысл понятия интеллигентности более глубокий, чем это может казаться на первый взгляд. Интеллигенция — не «образованщина», не ассамблея людей умственного труда. Она обязательно должна сочетаться с интеллигентностью. Интеллектуалы не составляют еще интеллигенцию. Кроме определенного уровня интеллекта, знаний, а, главное, стремления пополнить их самостоятельно, в это понятие включается духовно-нравственный аспект. Показатель интеллигентности содержит в себе такие характеристики, как воспитанность, умение общаться с людьми, жить в мире людей. Интеллигентность — это особое состояние души, базовым качеством которого является совестливость. В понятии «интеллигентность» содержится нечто иное и большее, чем «слой» или «социальная группа». Для нее характерна особая миссия, окруженная ореолом долга и жертвенности. Сегодня, к сожалению, понятия «интеллигент» и «интеллигентность» не только не совпадают, но и зачастую являются противоположными.

Медицина как особая отрасль человеческой деятельности относится по своему социальному предназначению к интеллигентному труду, который предполагает соответствующий уровень образованности и профессионализма, необходимый для осуществления этого вида деятельности. Однако медицина та сфера деятельности, в которой на первое место выходят духовно-нравственные характеристики врача, так необходимые для его успешной деятельности, называемой искусством врачевания. Общественное значение врача всегда ценилось и ценится достаточно высоко. Именно поэтому в Древней Греции великий Гиппократ приравнивал врача-философа к божественному разуму («*Jatros philosophos iso Teos*» — врач-философ подобен Богу).

При всем том высоком уровне образованности и интеллектуализма, который так необходим современной медицине, существует еще нечто более существенное и значимое, что позволяет говорить о своеобразном проявлении интеллигентности в медицине. Пожалуй, врачебная деятельность, как ни одна другая, требует соответствия понятию интеллигентности в самом истинном смысле этого слова.

Врачебная присяга, которая во многом обязана православию, произносилась в прошлом с полной и благоговейной серьезностью (даже неверующими людьми). И это был акт духовного обязательства перед своими пациентами. Духовно-нравственная культура медика является принципиальной составляющей его профессионализма. Попытка переоценить традиционные нравственно-духовные ценности врачевания чревата негативным изменением самой природы врачевания и появлением узкого специалиста – «полуврача». Ключом к пониманию такого положения являются слова св. Василия Великого в «Беседах на Шестоднев» о слепнувших при свете дня «полуученых», имеющих «глаза сов, ибо зрение совы, проникающее сквозь мрак ночи, поражает великолепием света» [2, с. 25].

Интеллигентность врачебной деятельности включает в себя ряд особых черт, которые способствуют, в конечном итоге, получению желаемого результата: вылечить больного пациента. Это те черты, на которых всегда базировалась медицинская традиция, и без которых не может осуществляться процесс врачевания.

Первое и самое главное – это любовь. «Служение врача есть служение *любви* и *сострадания*; он призван любовно обходиться с больным. Если этого нет, то нет главного двигателя, нет «*души*» и «*сердца*». Тогда все вырождается, и врачебная практика становится отвлеченным «подведением» больного под абстрактные понятия болезни (*morbus*) и лекарства (*medica-mentum*)» [3, с. 439]. Интеллигентный врач всегда должен помнить о том, что его пациент – это не только страдающий человек, но и имеющий свой душевный и духовный мир, проникнуть в который врач обязан, чтобы выяснить причину заболевания. К этому призывает врачебная совесть.

Второе качество, которое должно быть присуще интеллигентному врачу, – это индивидуальный подход. На свете никогда не было и не будет одинаковых людей. Это значит, что процесс врачевания предполагает видение уникальности каждого пациента, его своеобразия и неповторимости, особого своеобразного «облика» его организма. Восприятие же пациента должно быть достаточно тонким и точным, что осуществляется благодаря особому «вчувствованию», которое является, скорее всего, врожденным качеством, а не приобретается при помощи учебников.

Третье качество интеллигентного врача заключается в том, чтобы помочь человеку восстановить целостность его организма. «Человеческий организм, как живая индивидуальность, есть таинственная система самоподдержания, самопитания, самообновления, – некая целокупность, в которой все принадлежит и друг друга поддерживает» [3, с. 442–443].

Четвертое качество – это умение составить жизненную историю пациента, в которой необходимо увидеть и распознать прошлую жизнь пациента со всеми его страданиями, переживаниями, грехами, отсутствием раскаяния и т. д., что привело к возникновению болезни. Это даст возможность врачу найти ключ и разгадку его настоящей болезни. Именно на этом пути врач способен отыскать путь к будущему здоровью и наставить человека на этот истинный путь.

И, наконец, необходимость учета духовного состояния пациента. Болезни чаще всего формируются на уровне духа, и только затем они выходят на физический план. «Врач и пациент суть духовные существа, которые должны совместно направить судьбу страдающего духовного человека. Только при таком понимании они найдут верную дорогу» [3, с. 444].

Сегодня медицина нуждается в интеллигентных врачах. Это факт, который не требует доказательства. В противном случае врачебное искусство превратится в ремесло, не только жестко регламентированное, но и потерявшее окончательно свою интеллигентную сущность.

Список литературы

1. *Русская философия: Словарь.* — М.: Республика, 1995.
2. *Мосс В.* Православный подход к науке // *Православная жизнь.* — 1995. — № 8.
3. *Ильин И. А.* Религиозный смысл философии. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.

Л. А. Маленкова

РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ДУХОВНОМ РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА

Тема «Интеллигенция» привлекательна во все времена. Каждое цивилизованное общество имеет свою интеллигенцию, свой интеллектуальный слой людей с активной жизненной позицией, занимающихся творческим умственным трудом, имеющих современное научное образование и особую систему знаний в многочисленных сферах жизнедеятельности общества: науке, технике, образовании, культуре и т. д. Интеллигенции свойственны свои социальные и психические качества, способность критически, самостоятельно мыслить и направлять действия и сознание других людей. Ей присуща ориентация на общечеловеческие качества: добро, справедливость, патриотизм, преданность своему народу. Представители интеллигенции призваны создавать духовную, интеллектуальную атмосферу, способствовать развитию самосознания людей. Интеллигенции свойственно независимое суждение. Духовная власть несовместима с властными полномочиями. Искренне служа своему народу, интеллигенция всегда имеет свой морально-нравственный выбор и авторитет. А это намного дороже иных привилегий. Если проследить динамику развития отношений между интеллигенцией и властью, то вывод напрашивается не в пользу последней.

Чаще всего интеллигенция находится в оппозиции к власти. Обычно результат их взаимоотношений отрицательный. Интеллигенция, за редким исключением, не призывает народ солидаризироваться с властью. Более эффективна ее деятельность в роли критика власти. Тогда народ видит в интеллигенции свою надежду и совесть. Никто иной как интеллигенция должна помнить о прошлом страны, отбросить его негатив и взять лучшие человеческие ценности. Уделом интеллигентных людей всегда было беззаветное служение народу, создание культурных, гуманистических ценностей. Именно ее называют хранительницей социальной памяти, катализатором перемен, которые ведут народ, нацию к высокой духовной культуре.

Было и другое отношение к интеллигенции. Ей приписывали оппозиционность и невозможность привлечения к участию в государственной деятельности, клеймили за совершение революций и гражданской войны, за подготовку перестройки и распад СССР. Но какие бы ни были обвинения в адрес интеллигенции, ее роль как «разумного духа», «высшего способа познания» навсегда останется в истории человечества.

Интеллигенция должна инициировать политические, социальные, культурологические проекты, направленные на реализацию не только национальных, но и совместных интересов стран Содружества. Это поможет приступить к установлению в нашем обществе высоких духовных стандартов, атмосферы доверия и уважения друг к другу, к Конституции страны, к праву. Интеллигентность — это интегральное качество человека, включающее образованность, креативность, определенные мировоззренческие установки, ценностные ориентации.

Со сменой поколений интеллигенции изменяются целые культурно-исторические эпохи, но не исчезают те прогрессивные идеалы, которые олицетворяют и символизируют «дух народа». В интеллигенции концентрируются особые энергетические поля — высшие духовные субстанции, интеллектуальные ценности, которые ощутимы в общении людей, в настроениях.

В условиях глубоких трансформационных изменений нашему обществу нужны умные, мыслящие личности, занятые умственным трудом, могущие определить стратегическое развитие страны и повести народ за собой. Но, к сожалению, интеллигенция сегодня еще не стала стержнем нашей социальной идеологии. Мы строим новое общество – открытое, конкурентоспособное, характеризующееся многопартийностью, плюрализмом мнений. Страна идет по пути демократических преобразований. И уже есть ощутимые результаты в развитии рыночной экономики, демократии. Многопартийная политическая система Украины не только декларирует избирательные обещания, но и стремится их выполнить. В сложных условиях уже действуют рыночное законодательство и предпринимательский корпус. Но есть множество недостатков в различных сферах жизни общества, особенно это относится к снижению духовно-интеллектуального уровня людей, острой деградации, проявившейся в интеллигентской среде.

Для существования интеллигенции нужны определенные социально-политические условия, повышенный социальный статус. Народная власть должна сама быть интеллигентной, элитарной. А жизнь показывает, что это не всегда так. Кризисные явления последних лет привели к узурпации власти бизнес-группировками, к тотальной коррупции и чрезвычайно низкому профессионализму пришедших во власть людей. Молодое, независимое государство не сумело обеспечить социальные гарантии всеми народу. Это вело к духовной деградации нашего украинского общества. Интеллигенция, по крайней мере, большая ее часть, была отнесена к низшему классу, стала низкооплачиваемой и социально незащищенной.

Сложная картина сложилась и в социальной структуре самой интеллигенции: ее часть, состоящая из лиц высококвалифицированного умственного труда, стала отличаться по всем параметрам от группы лиц, занятых обслуживающим трудом. Если в период тоталитарного общества было декларировано ценностно ориентированное единство, то в новых условиях ценностные ориентации различных слоев интеллигенции стали различными. Интеллигенция, составляющая в западных странах значительную часть среднего класса, у нас оказалась по своему реальному положению отброшенной в низший класс. Поляризация общества, различное материальное положение привели к росту социальной напряженности, апатии, недовольству. Особую опасность несет разрушение ментальности наших людей, в основе которой всегда лежал приоритет духовно-нравственных ценностей над материальными. Произошло «перепрограммирование» нашей ментальности на западный манер «человека потребителя». Все это и привело к деградации нашего народа, к утрате свойственных ему духовных ценностей.

Интеллигенция больше всех заинтересована в возрождении духовности, утраченных ценностей и идеалов. Мировое сообщество вступает в образовательную, информационную фазу своего развития, но движение вперед может произойти только при активном участии интеллигенции. Именно интеллигенция, независимо от социального статуса, придет к осознанию своей интеллектуальной миссии и начнет построение цивилизованного общества. Его успех будут определять как гуманитарная, научно-техническая и творческая элита, так и широкие массы населения.

Нужно направить все усилия на повышение роли интеллигенции как творца системы интеллектуальных ценностей, жизненных целей, задач. Это своеобразный «социальный код», который передается из поколения в поколение, помогает строить наш образ жизни, освещать, переворачивать сознание людей, формировать качественные параметры будущего человечества.

Уже проверено на практике, что интеллигенция способна олицетворять и символизировать дух народа и быть частью интеллектуального слоя образованных и креативных людей. Не пришло еще время прощаться с интеллигенцией, ее бескорыстным человеколюбием и высокими гуманистическими ценностями. Наоборот, сегодня как никогда настало время

роста роли интеллигенции в нашем обществе, новых способов самовыражения ее этико-просветительских идеалов. Она должна определять будущее Украины, ее духовные ценности и путь к качественно новой цивилизации.

Еще в 20-е годы XX столетия известный социолог Питирим Сорокин писал, что судьбы общества зависят от свойств его членов. Только талантливые, волевые люди в состоянии создать совершенные формы общежития. Самое выгодное вложение капитала – это вложение в образование человека. Высшая школа стала центром подготовки интеллигенции. Уровень системы образования способен обеспечить развитие профессионализма, духовной культуры личности, сформировать качественные параметры человечества. Сегодняшнее образование в нашей стране не способно должным образом обеспечить трансляцию ценностей, идеалов. Оно может терять иногда свою культурно-духовную составляющую. Не каждый обладатель диплома о высшем образовании становится интеллигентом, носителем высокой нравственности и гражданственности. Неужели не суждено нашему народу построить такую систему управления, образования, которую можно было бы назвать цивилизацией одухотворенного интеллекта, где знания будут использоваться во благо людей, где сможет реализоваться высокое духовное предназначение Человека. Не утопия ли это? Нет! Путь бездуховности – это путь социального самоубийства, путь гибели.

Е. Г. Михайлева

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФУНКЦИЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В УСЛОВИЯХ ПРАГМАТИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК

Современные трансформационные процессы, происходящие в мире, приводят к изменению типа обществ. Сегодня речь идет о постиндустриальных, информационных обществах, обществах знания и интеллекта, в которых меняется значимость ключевых ресурсов, значительно трансформируется социальная структура, изменяются роли и функциональные нагрузки различных социальных групп, формируются новые «правила игры» в социальном пространстве.

В таких условиях происходит изменение ценностных оснований деятельности социальных субъектов, маятник на шкале которых на современном этапе качнулся в сторону прагматизации. Ведь становление и развитие рыночных отношений, индивидуализация социальных практик приводят к построению социальных отношений по принципам реальных выгод, выигрышей и проигрышей, которые социальные акторы могут получить от них. В результате субъекты социальной жизни вынуждены искать адекватные способы интеграции в такие отношения или пути сопротивления им.

На наш взгляд, предпочтения и общий потенциал успешности в решении данных вопросов лежит в тех функциях, которые традиционно выполняются той или иной социальной группой в обществе. Учитывая транзитивный характер современного украинского общества, особое значение приобретает анализ функций тех социальных субъектов, чья роль возрастает на переломных этапах общественного развития. В данном случае речь может идти об интеллигенции. Ее роль в условиях прагматизации социальных практик не может быть оценена однозначно. Ведь в условиях движения к обществу интеллекта в его символическое пространство активно входят группы среднего класса, профессионалов, «нового класса» (важных в системе постиндустриального общества – общества знания), а также интеллектуалов и интеллектуальной элиты (принципиально важных в обществе интеллекта). В то же время отдельные авторы говорят о снижении роли (или вообще исчезновении, замещении другими группами) интеллигенции в силу ослабления значимости культурологических, в том числе и нравственно-этических смыслов в жизнедеятельности

социума. Как правило, такая позиция базируется на убеждении, что с развитием рыночной экономики интеллигенция «... исчезает, распадается на подлинных профессионалов — ядро среднего класса и на деклассирующуюся, переходящую в низшие общественные слои часть» [1, с. 311–312]. При этом используются западнцентристские культурологические подходы, позволяющие представить интеллигенцию в виде маргинального слоя образованных людей, «разрывающихся» между ценностями Запада и Востока, модернизмом и традиционализмом» (О. Степанова). В данном случае предполагается, что в условиях рыночного общества значимость общественных функций, выполняемых интеллигенцией, снижается. Тем не менее существование интеллигенции на протяжении длительного временного периода позволяет говорить о наличии в обществе любого типа секторов ее востребованности.

Следует отметить, что потенциал интеллигенции в данном отношении не ограничивается ее атрибутивными (социально-экономическими или культурологическими) признаками. На наш взгляд, значительный пласт этого потенциала лежит в выполняемых интеллигенцией функциях. Обобщение литературы по данному вопросу показывает, что в современных условиях можно говорить о таких функциях интеллигенции, как: критическая (в том числе, функция социальной критики, технической, идеологической и моральной); функция развития материальной и духовной культуры (в том числе формирование определенных ценностей, нравственное преобразование, гуманизация общества); функция просвещения; функция заботы о всеобщем благе (в том числе поддержание общественного равновесия, разработка модели гармоничного развития общества, источник общественных преобразований); идеологическая (в том числе формирование общественной идеологии, идеологии отдельных социальных групп); и некоторые другие, связанные с выполнением ее профессиональной деятельности, в том числе и в сфере управления.

Взгляд на данные функции сквозь призму прагматизации современных социальных практик позволяет говорить об их слабой востребованности. Однако их значимость очевидна, а это предполагает поиск адекватных механизмов интеграции интеллигенции в социальное пространство современных обществ. Речь в данном отношении может идти и о взаимодействии с другими группами, имеющими соответствующую современным тенденциям ресурсную базу. Например, сопоставление данных функций с функциями, выполняемыми интеллектуальной элитой [см. 2] позволяет нам говорить о том, что в функциональном плане интеллигенция выступает базой ее формирования. Ведь для последней, например, характерно выполнение ценностно-нормативной функции, а интеллигенция призвана создавать и поддерживать социальные и индивидуальные ценности; интеллектуальная элита выполняет трансляционную функцию, а интеллигенция занимается просвещением, заботясь о передаче последующим поколениям знаний, достижений культуры; интеллектуальная элита способствует интеграции общества, а интеллигенция печется о всеобщем благе и поддержании общественного равновесия и т. д.

В результате можно говорить о том, что в условиях изменения социального поля деятельности акторов украинского общества происходит трансформация функциональной роли интеллигенции, что требует поисков адекватных путей ее включения в решение современных социальных проблем.

Список литературы

1. Радаев В. В. Социальная стратификация / В. В. Радаев, О. И. Шкаратан. — М.: Аспект Пресс, 1996.
2. Михайлева Е. Г. Интеллектуальная элита в матрице современных цивилизационных изменений. — Х.: Изд-во НУА, 2007. — 576 с.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК ФОРМИРУЮЩЕЕСЯ СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Исторически сложилось так, что не известно ни одного человеческого общества, ни одного общественного строя без интеллигенции. В разные эпохи данная социальная группа называлась по-разному, однако ее существование неразрывно связано с процессами функционирования и развития всего общества.

Приблизительно с начала прошлого века и на протяжении достаточно длительного периода вплоть до недавнего времени интеллигенция считалась (а, в принципе, и была таковой) социальной прослойкой, обслуживающей интересы класса, позволяющей удерживать власть, обеспечивающей политическое господство [1, с. 224].

В условиях современности, с усложнением всего комплекса социальных отношений постиндустриального общества, вопрос о социальной сущности, значении, функциях интеллигенции приобрел острую актуальность. Происходящее усложнение социального пространства влечет за собой усложнение социально-классовой структуры, которая, в связи с переходом к информационному обществу, приобретает новые измерения. Знания и информация превращаются в важнейший ресурс производства, а основой отнесения людей к господствующему классу становится контроль над этим ресурсом и возможность распоряжаться им [2, с. 67]. Следовательно, место и роль интеллигенции в современном социуме также в корне изменяется. Растет число исследователей-обществоведов, утверждающих, что с переходом к рыночной экономике интеллигенция отнюдь не исчезает как «исторический феномен», но, более того, превращается в решающую социальную силу, обладающую большим деятельностным потенциалом, способную влиять на общество, задавая векторы социального развития [1; 2; 3].

Сегодня интеллигенция переживает период накопления социальной силы, приобретает черты социально-классового образования. Для данной социальной группы характерен специфический этос, высокий уровень самосознания, образования, интеллектуальной профессиональной деятельности, критическая включенность в общество и способность оказывать существенное культурное и символическое влияние на него [3, с. 119].

Вслед за некоторыми отечественными исследователями процессов структурирования мы придерживаемся структурно-деятельностной концепции класса [4; 5]. Исходя из данной концепции, класс представляется как социальная сила, основанная на:

- а) общности доступных социально значимых ресурсов;
- б) общности жизненных шансов, точнее их восприятия;
- в) общности стремления изменить или утвердить свои социальные перспективы;
- г) общности и подобия социальных действий как следствия из вышеперечисленных особенностей [6].

С социологической точки зрения классы — это не только классовая позиция, диспозиции и практики, но осознаваемая и не отвергаемая индивидами закреплённость за этими позициями, что описывается нами понятием институционализации. Наиболее выражено данный процесс проявляется в политической сфере. Именно в политической форме наиболее четко выражается борьба за ресурсы, интересы и символическое противостояние, которое может приобретать организационные формы.

Произведенный нами анализ эмпирических данных позволяет утверждать, что в украинском обществе, по крайней мере с конца 90-х годов, начался активный процесс социально-классового структурирования [7]. Нами была прослежена динамика процесса социально-классового структурирования, начиная с первых лет независимости нашего государства вплоть до сегодняшнего времени (по результатам вторичного анализа данных, полученных

в ходе исследований процесса классового образования 1994–2006 гг.). Главный вывод, полученный в результате данного исследования, заключается в том, что основные тенденции классового образования были намечены еще около 10 лет назад, а сегодня уже с уверенностью можно говорить об укреплении социальной силы трех классовых образований, условно обозначенных нами как «бизнесмены-предприниматели»; «интеллигенция-специалисты»; «рабочие» [7; 8]. Причем проявившиеся классы заметно различаются особенностями ценностного сознания и социальными установками.

Особенно важными для нас являются обнаруженные значимые отличия в их ресурсных характеристиках. В числе важнейших признаков социального класса нами была обозначена общность социально значимых ресурсов. С одной стороны, этот признак является интегрирующим, так как объединяет индивидов в одну социальную группу с общими интересами, целями, перспективами и т. д. С другой стороны, на фоне такой интеграции внутри одной группы в то же время происходит ее отделение, дифференциация от других групп, имеющих иные ресурсные характеристики. Кроме того, доступом к тем или иным социально значимым ресурсам обуславливается социальная сила проявляющихся классовых образований, что, в свою очередь, определяет объем того или иного вида капитала, накопленного данной социальной группой и используемого этой группой в символической борьбе за власть.

Осуществленный нами вторичный анализ данных показал, что можно говорить о нарастании потенциальной силы обозначенных выше классовых образований. Среди них наиболее слабым, обладающим наименьшим объемом социально значимых ресурсов, является группа рабочих, несмотря на свою многочисленность.

Классовое образование «интеллигенции-специалистов» выступает вторым по массовости после «рабочих» (24 и 31,7% соответственно)¹. Преимущественно это люди, имеющие высшее образование. В Харькове доля таковых составляет почти 72% опрошенных в группе, 17,5% имеют среднее специальное образование.

Несмотря на достаточно высокий уровень образованности представителей «интеллигенции-специалистов», число малообеспеченных в данной группе достаточно велико (71,2%). Однако очевидным является то, что доля таковых среди «рабочих» существенно превышает эти показатели. Следовательно, можно предположить, что обладание ресурсом образования как одним из ресурсов культурного капитала открывает доступ к другим социально значимым ресурсам, в частности, имеющим отношение к экономическому капиталу.

Таким образом, формирующееся классовое образование «интеллигенции-специалистов» выступает как сильноресурсное в полях культурного и символического капитала, хотя все же достаточно слабое в поле экономического капитала [7].

Деятельностный же потенциал интеллигенции как формирующегося классового образования проявляется в политической институционализации действий посредством выражения политической поддержки конкретных политических сил, партий, лидеров.

Распределение политической поддержки, зафиксированное нами в результате исследования, говорит о преобладании процессов интеграции внутри каждого из проявившихся социально-классовых образований, в том числе и «интеллигенции-специалистов», что в перспективе ведет к идеологическому сплочению [7].

Причем исследования, проведенные украинскими социологами относительно недавно (2003–2006 гг.), подтверждают тот факт, что классовые основания политического участия сохраняют значение [9].

Вне нашего внимания остался еще один очень важный вопрос, связанный со спецификой интеллигенции как формирующегося социально-классового образования, который заслужи-

¹ Опрашивалось население г. Харькова, 2002 г., : N (выборочная совокупность) = 974, n1 («бизнесмены-предприниматели») = 54 (5,54%); n2 («интеллигенция-специалисты») = 234 (24,02%); n3 («рабочие») = 309 (31,72%).

вает особого внимания. Этот вопрос касается необходимости размежевания таких понятий, как «интеллигенция» и класс «интеллектуалов». Эти понятия отнюдь не тождественны, хотя представления об интеллигенции неразрывно связаны с интеллектуальной деятельностью [1, с. 227]. Для интеллектуала куда более важны ценности индивидуализма и материализма. Для интеллигента же характерно особое мировоззрение, ценностным «стержнем» которого являются гуманистические идеалы.

Подобное размежевание мировоззренческих позиций подтверждается данными социологических исследований, посвященных проблемам формирования социальной идентичности. Исходя из результатов таких исследований, представители отечественной социологической мысли утверждают, что людям, ценностно идентифицирующим себя с интеллигенцией, присущ специфический этос. Это: (1) – высокая ценность моральных требований; (2) – высокая ориентация на доверие и уважение со стороны окружающих; (3) – забота о «душе»; (4) – наиболее высокая, по сравнению с другими группами чувствительность к несвободе; (5) – умеренно-позитивная социальная активность [3, с. 121–122].

Таким образом, все вышесказанное позволяет говорить об интеллигенции не как о социальной прослойке, социальном слое и т. п., но и как о формирующемся социально-классовом образовании.

Список литературы

1. *Астахова В. И.* Формирование интеллигентности интеллигенции как социально-политическая проблема // *Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Зб. наук. пр. / Харк. нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна.* – Х., 2001. – С. 224–228.
2. *Иноземцев В. Л.* Класс интеллектуалов в постиндустриальном обществе // *Социол. исслед.* – 2000. – № 3. – С. 67–77.
3. *Куценко О. Д.* Інтелігенція на шляху класоформування // *Соціологія міста: наукові проблеми та соціальні технології: Зб. наук. пр. – Дніпропетровськ, ДНУ, 2001.* – С. 118–122.
4. *Куценко О. Д.* Деятельная перспектива в понимании общества: попытка деятельностно-структурного синтеза // *Социология: теория, методы, маркетинг.* – 2001. – № 1. – С. 27–41.
5. *Макеев С.* Процессы социальной структуризации в современной Украине // *ПОЛИС.* – 1998. – № 3. – С. 49–60.
6. *Куценко О.* Становление социальных классов как проявление самоорганизационных процессов в обществе // *Социология: теория, методы, маркетинг.* – 2002. – № 4. – С. 122–133.
7. *Паздникова И. С.* Политическая институционализация социально-классовых образований в современной Украине // *Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Зб. наук. пр. – Х.: Харк. нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна, 2002.* – С. 183–188.
8. *Нечитайло И. С.* Образование как фактор социально-классовой дифференциации в современной Украине // *Вісн. Міжнар. слов'ян. ун-ту. Сер. Соціологічні науки.* – Т. X. – 2007. – № 1. – С. 19–24.
9. *Куценко О.* Сохраняют ли значение классовые основания политического участия? // *Социология: теория, методы, маркетинг.* – 2006. – № 3. – С. 92–115.

Н. А. Олейник, В. С. Ашанин, В. Н. Кудиненко

БОЛЬШОЙ СПОРТ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (информационные и социологические аспекты взаимодействия)

Говорят, цифры красноречивее слов. Добавим: и яркие иллюстрации тоже. Вот два примера, точно отражающие процесс ускоряющегося взаимовлияния, сращивания большого спорта и большой политики.

Президент Жак Ширак – на пьедестале мирового и европейского чемпионатов 1998 и 2000 годов среди счастливых футбольных триумфаторов с французским «триколором» в руках...

Бешеная популярность вратаря №1 НХЛ Доминика Гашека («Доминатора») в родной Чехии, где ему в последнее десятилетие (по данным многих социологических опросов) пророчили президентское кресло после Вацлава Гавела (ему, а не «железной леди» в правительстве Клинтона – госсекретарю Мадлен Олбрайт!). То же в Бразилии на протяжении тридцати лет предлагают и «королю футбола» Пеле...

Великий штангист Юрий Власов – участник нескольких избирательных кампаний (парламентских и президентских) – ныне претендует на лавры А. Солженицына в разоблачении пороков российского общества...

Великие спортсмены современности Александр Карелин и Валерий Борзов, Сергей Бубка и Олег Блохин – заметные фигуры в ведущих политических фракциях Государственной Думы России и Верховной Рады Украины...

К этим, ставшим уже классикой, примерам можно добавить самые новые из 2005–2008 годов. Знаменитый футбольный форвард Веа не без успеха претендовал на недавних выборах на президентское кресло в родной Либерии. Еще более известный 13-й чемпион мира по шахматам Гарри Каспаров стал главной фигурой в оппозиции В. Путину накануне президентских выборов в России 2008 года...

А ведущие позиции спортивных звезд в первых тройках или пятерках предвыборных кампаний! Чем не доказательство возрастания роли спортивного рычага в политическом процессе, его влияния на власть?!

Доказательством непрерывного роста этого взаимовлияния служит и исключительный рост числа документов и публикаций по нашей теме в Интернете. Вот самые последние данные интернет-поиска по темам «политика и спорт», «спорт и политика» на украинских и российских серверах и сайтах. По данным украинской поисковой системы, на конец 2007 г. рубрике «политика и спорт» посвящены 6.457 серверов с 1.536.474 документами. Для рубрики «спорт и политика» – 6.170 серверов и 1.473.859 документов. Данные российской поисковой системы еще более впечатляют. Для рубрики «политика и спорт» это 86.022 сайта и 31.671.432 документа. А для рубрики «спорт и политика» – 85.863 сайта и 31.758.847 документов). И это – с ежегодным увеличением в несколько раз!

Но иллюстрации (при всей своей красоте) не дают представления о характере и качестве такого сравнительно нового социального явления, которое можно охарактеризовать **как растущую диалектичность взаимосвязей большого спорта и большой политики.**

В отличие от Запада на постсоветском пространстве такие взаимосвязи – явление абсолютно новое, рожденное политическими катаклизмами 80-х – 90-х годов (в США, в Европе эти связи были объектом пристального изучения в послевоенное время, особенно с 60-х годов).

Уже в первое посткоммунистическое десятилетие произошли качественные изменения и на территории бывшего СССР. Это растущее взаимопритяжение спорта и политики в России, Украине, Белоруссии ждет своих исследователей.

Назовем несколько причин этого явления.

1. В период острейшего социально-экономического кризиса, невиданного для мирного времени хозяйственного развала физическая культура и спорт во многом сохранили свои передовые позиции в мире.

2. Сегодняшняя политическая система в России и в Украине характеризуется крайним (поляризованным) плюрализмом и даже атомизированной партийной системой (по известной классификации Дж. Сартори). В этих условиях умелое использование спорта и великих спортсменов как объектов всенародной любви оборачивается солидными политическими дивидендами.

Специфика переходного периода, острейшая борьба за власть в странах СНГ заставляют опираться на спортсменов не меньше, чем на деятелей культуры, науки, шоу-бизнеса (по гипотезе авторов, — с приоритетным ростом роли спорта в этом ряду).

Особый акцент мы делаем на практическом анализе этого явления в нынешних условиях Украины, России, Белоруссии и других стран СНГ (можно насчитать до 100 его конкретных проявлений). Назовем несколько наиболее значимых.

1. Непосредственное «вхождение» в большую политику спортивной элиты (или использование их политической элитой). Вспомним В. Борзова и О. Блохина в «первых пятерках» «Руха» и «Громады», коллективное представительство футболистов киевского «Динамо» в СДПУ(о) в украинских выборных баталиях 1998—2002 гг. Или участие великого Ю. Власова в президентской кампании 1996 г. в России, когда он даже в условиях жестокой информационной блокады по количеству голосов почти не уступил М. Горбачеву и опередил миллиардера В. Брынцалова. Наконец, роль не менее знаменитого А. Карелина в достижении феноменального успеха предвыборного блока «Единство» («Медведь») на выборах в Думу 1999 г.

2. Приход к руководству НОКами, международными и национальными спортивными федерациями президентов, премьеров, министров: А. Лукашенко как президента НОК Белоруссии, К. Илюмжинова в качестве президента НОК Калмыкии и Международной шахматной федерации, В. Пустовойтенко как президента Федерации футбола Украины.

3. Расширяющееся использование спортивного рычага избирательных кампаний через средства массовой информации.

Для подтверждения гипотезы о растущем взаимовлиянии политики и спорта накануне парламентских выборов 1998 и 2002 гг. авторы впервые провели экспертный опрос ряда украинских специалистов. В социологическом исследовании были задействованы две группы по 30 человек в каждой. Репрезентативность и качество опроса обеспечивались профессиональным и научным уровнем респондентов. Первую группу («политиков») представляли депутаты ВР, партийные деятели, ректоры и проректоры ряда вузов, профессора-политологи, а также молодые ученые. Во второй группе («деятелей спорта и спортсменов») — ректоры и проректоры, заведующие кафедрами физкультурных вузов, заслуженные работники физической культуры и спорта, олимпийские и мировые чемпионы, молодые преподаватели и аспиранты.

В 2007—2008 гг. рамки экспертных опросов, анкетирования, рейтинговых оценок были расширены, в т. ч. введена третья группа респондентов («спортивных журналистов»).

Авторы предлагали респондентам высказать свое видение проблемы «спорт и политика», ответив на шесть главных и ряд дополнительных вопросов, которые задавались в ходе интервью или беседы. При всей неожиданности и даже парадоксальности отдельных ответов отметим главное. Абсолютное большинство респондентов было единодушно: крепнувший союз политики и спорта — это объективное явление, порождение возрастающего социального значения, необыкновенной популярности физической культуры и спорта. Вместе с тем, эти взаимосвязи в наших условиях еще недостаточно изучены, требуют серьезного научного анализа. Но уже сегодня специалисты осознают опасности использования спорта как инструмента «грязной политики». Отсюда и призывы вернуть ему первоначальное предназначение посла мира, дружбы между народами, дружеского соперничества.

Анализ этого взаимодействия с привлечением широкой гаммы социологических методов весьма перспективен. Представляются интересными и методики «Независимой газеты», и российских социологических служб «Vox populi», и Агентства экономических новостей с переносом их на рейтинговую оценку уровня взаимосвязей спорта и политики.

Уже сегодня такое исследование позволило сформулировать несколько динамических закономерностей взаимодействия:

1) непрерывное расширение взаимовлияния в XX — начале XXI столетия, возникновение новых его направлений и форм;

2) все более очевидное превращение спорта в важный фактор политического процесса, борьбы за политическую власть, в один из самых эффективных рычагов избирательных кампаний.

И если два – три десятилетия назад можно было говорить об одностороннем влиянии политики на спортивную жизнь (точнее, о вмешательстве в нее вопреки идеалистической формуле П. Кубертена), то сегодня речь идет о диалектических, углубляющихся и разно-сторонних взаимосвязях.

Главный вывод: диалектика спорта и политики представляет не только академический, но и возрастающий практический интерес для современных политических процессов в государствах СНГ.

Авторы убеждены в необходимости дальнейшего, в том числе коллективного, исследования этого явления, пока еще остающегося «terra incognita» в посткоммунистическом мире. Особую актуальность приобретают:

- определение механизмов усиления политического представительства спорта в органах государственной власти, законного лоббирования его интересов;
- эффективное использование всей системы СМИ для пропагандистского обеспечения и расширения представительства спортсменов и спортивных деятелей в исполнительных органах власти;
- разработка в рамках «паблик рилейшнз» теории и методики такого информационно-пропагандистского обеспечения.

Е. А. Подольская

ВСЯКИЙ ЛИ ИНТЕЛЛИГЕНТ ЯВЛЯЕТСЯ ИНТЕЛЛИГЕНТОМ?

Среди интеллигентных людей вряд ли можно найти человека, который этим словом назовет любого, кто занимается умственным трудом и имеет высшее образование. Термин «интеллигентность» всегда подразумевает наличие некоторых черт, перечисление которых позволяет отграничить только узкий круг людей. Интеллигенции как элитарной части общества не может быть много. «Нас багато – нас не подолати» – это не об интеллигенции. В общественном сознании доминирует идея о том, что образованность, эрудиция, занятия умственным трудом – характеристики необходимые, но недостаточные. Интеллигентность обязательно предполагает следование нормам этикета и определенную речевую культуру. Интеллигентные люди имеют определенные моральные принципы и жизненные установки, отличающие их от представителей других слоев общества. Каковы же они?

Интеллигентного человека, в первую очередь, отличает *терпимость* к другому мнению, мировоззрению, образу жизни. Пожалуй, это проистекает из общей гуманистической жизненной ориентации, предполагающей признание человека высшей социальной ценностью, уважение к личности, ее достоинству, ее потребностям и интересам. Интеллигент придерживается гражданских прав и свобод, с уважением относится к традициям культуры, вероисповедания и языкам общения народов мира. Он, как правило, проявляет себя в каждой конкретной ситуации истинным демократом, гуманистом, причем эти проявления – суть личности интеллигента, а не показушные, конъюнктурные, лицемерные явления «на потребу дня». Высокий уровень образованности, социологические, общественно-политические, этические и эстетические взгляды интеллигента проявляются в его способности ориентироваться в таких вопросах, как свобода человека, смысл жизни, духовная жизнь, красота, добро, зло.

В то же время интеллигентный человек абсолютно *нетерпим* к подлости, агрессивности, пошлости, ханжеству. Ксенофобия (даже примитивно-бытовая) несовместима не то что с

интеллигентностью, но даже с обычной повседневной порядочностью. Интеллигентный человек осознает свою принадлежность к народу, современной европейской цивилизации, ориентируется в реалиях и перспективах социокультурной динамики, показывает образцы культуры межэтнических и межличностных отношений.

Третьей важнейшей характеристикой интеллигентного человека является, *рефлексия*, то есть способность одновременно играть свою социальную роль и в то же время — оценивать собственное отношение к ней. Для мироощущения и миропонимания интеллигентного человека характерна постоянная оценка и переоценка своих выводов и действий. Его состояние души подразумевает отсутствие готовых рецептов. В каждом конкретном случае выработка модели поведения, своей нравственной позиции, выбор способов достижения своей цели проходят через анализ и самоанализ. Это постоянно напоминает интеллигентному человеку о его собственном несовершенстве, а следовательно, заставляет еще терпимее относиться к другим. Рефлексивные способности интеллигента становятся основой его толерантности и демократичности.

Интеллигентного человека отличает постоянное *стремление к самореализации*. Он постоянно работает над собой, но замыкаться в себе он не может. Ему свойственно осознанно или неосознанно выбирать те сферы деятельности, которые наиболее ценны с точки зрения формирования его собственной личности и одновременно приносят ощутимую пользу окружающим. В традиционном понимании «интеллигентные профессии» — это ученый, преподаватель, врач, инженер, художник и т. п. Одной из самых отличительных и привлекательных сторон интеллигенции всегда была и остается *потребность отдавать* (долг перед народом), служить людям.

Следовательно, уже эти четыре выделенные характеристики позволяют относить к интеллигенции людей умных, понимающих, знающих, мыслящих. Это общественный слой людей, преимущественно занимающихся умственным, творческим трудом, развитием и распространением культуры. Именно этот слой является элитой общества, задающей его ценности и нормы.

Однако исторически сложилась еще одна важная характеристика интеллигенции — *оппозиционность к власти*. Причем, как правило, имеется в виду не активная политическая деятельность, ведь она-то как раз с интеллигентностью плохо совместима, а внутреннее отношение к действиям власти и к собственному в них участию. При этом речь идет не о неприятии, так как неприятие — всего лишь крайнее проявление оппозиционности, а об изначально настороженной позиции. У интеллигентных людей априори, даже до конкретного контакта с представителями власти, — критическое отношение к любой власти. Такая позиция сформирована и конкретной историей нашего общества, не изобилующей позитивными примерами, и принципиальной склонностью интеллигентного человека все подвергать сомнению. Как показывает практика, интеллигентный человек, идущий во власть, чаще всего теряет черты интеллигентности, и прежде всего такое качество, как *принципиальная невозможность отвечать своим противникам* на хамство — хамством, на зло — злом, на силу — силой и т. д., чтоб не растерять интеллигентность.

Мироощущение интеллигенции в наибольшей мере описывается с помощью понятия «ответственность», причем с оттенком своего собственного бессилия что-либо изменить, раскаяния, как в песне Владимира Высоцкого «Парус... Порвали парус... Каюсь...». Интеллигент — тот, кто не может им не быть...

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ УСТАНОВОК ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Образование – один из наиболее существенных ресурсов современного общества. С одной стороны, оно соединяет человека с консервативным потенциалом знаний и умений (предысторией), побуждающим к их ретрансляции, передаче, распространению (всеобщей коммуникации), а с другой – выступает предпосылкой развития уникальной, неповторимой творческой личности.

Среди основных направлений развития, продекларированных концепцией модернизации украинского образования на период до 2010 года, особо выделена задача подготовки социально адаптированного специалиста, готового к постоянному профессиональному росту, социальной и профессиональной мобильности. Все эти качества будущего специалиста невозможны без усиления гуманитарной и фундаментальной подготовки, обеспечения междисциплинарности в образовании и подготовке специалистов, взаимосвязи естественного и социального знания.

Исследование данных групп факторов необходимо начать с анализа методологии образования, которая должна быть положена в основу формирования вуза как крупного научно-образовательного и социально-культурного центра, способного обеспечить опережающую подготовку специалистов в приоритетных областях науки, техники, технологии и промышленности.

Современная высшая школа должна уметь развивать системное стратегическое партнерство с бизнесом, обеспечить воссоздание единства образования и воспитания с целью сохранения культурной идентичности гражданина Украины. Только в этом случае мы придем к согласованному удовлетворению требований всех типов потребителей образования и начнем подготовку интеллигента-профессионала, вооруженного средствами ориентации, «путеводителями» в области познания и правилами пользования ими.

Практика показывает, что причина, по которой преподаватели часто остаются в плену утративших эффективность традиционных подходов в обучении и формировании социальных качеств студентов, нередко кроется в том, что ими в полной мере не осознаются ценностно-смысловые основы современного образования.

Смысл – это функционирование значений в процессах деятельности и сознания конкретных индивидов. Для нас ведущим является понятие «осмысление значения», указывающее на необходимость извлечения уроков из осуществленной программы действия, взятие ее на вооружение или отказа от нее, начала поиска нового смысла и в соответствии с ним построения программы нового действия. Смыслотворческая активность, смыслоутверждение и смыслореализация, ценностное саморегулирование в деятельности в значительной мере определяются смысловой концепцией, понимаемой как динамичная система профессиональных смыслов и ценностей.

В нашем анализе концепция – это ведущий замысел преподавателя, конструктивный принцип различных видов его деятельности. Поэтому считаем, что формированию у преподавателя смысловой концепции предшествует процесс понимания им главного смысла действительности, присвоения им адекватных этой действительности ценностей образовательного процесса, определения адекватного и современного содержания знания, осознания проблем и внутреннего состояния студента. Все это, на наш взгляд, невозможно без осмысления ценностно-смысловых значений реальной действительности, в которой функционирует преподаватель, через формирование у него парадигмального образа действительности, выраженного в четко обозначенной и принятой адекватной парадигме.

Парадигма чаще всего представлена как исходная концептуальная схема, модель постановки проблем и их решения, меняющаяся со временем и характерная для определенного этапа в развитии науки, образования.

Современные исследователи выделяют такие устойчивые признаки понятия «парадигма», как общепринятый тип постановки и решения проблемы, общеметодологическая установка познания, наличие познавательной и нормативной функции, функции систематизации и анализа, детерминация методов исследования, проблемных ситуаций, стандартов их решений, принятых в научных сообществах, и другие.

Мы, придерживаясь взглядов Т. Куна, считаем, что данный ряд следует несколько расширить, внося в него такие устойчивые признаки рассматриваемого феномена, как открытость и беспрецедентность. Это позволит нам рассматривать парадигму не как обычную установку, штамп, границы, а как некоторую нишу, в рамках которой деятельность преподавателя приобретает черты целесообразности, осмысленности, структурированности и направленности. По мнению Т. Куна, парадигма как раз и определяет вектор профессиональной деятельности, индивидуальный стиль, формы и методы работы, а главное — профессиональную концепцию, позицию через определенные установки. Для нас это означает, что современный преподаватель, выступающий в рамках своей профессиональной деятельности, обязательно реализует ее в рамках парадигмы. Так, в науке известно достаточно много парадигм, для нас мировоззренчески значимой из них является гуманистическая, направленная на формирование социальных установок будущей интеллигенции.

Локализация представленной парадигмы осуществляется преподавателем через осмысление значений основных базовых ценностей образовательного процесса, а также его главного смысла и результата; осознание его дидактико-аксиологической проблематики; локализацию базовых ценностей, цели, результатов образовательного процесса; выбор его концептуальной модели; разработку смыслоцентрированной концепции собственной профессиональной деятельности.

Обратимся к процессу локализации парадигмы через уточнение проблематики построения и регулирования образовательного процесса. Теоретический анализ и анализ современной практики позволил выделить следующие составляющие, обусловленные ведущими парадигмальными ценностями образовательного процесса:

- помощь в процессе адаптации студента к новой социальной среде;
- оценка мотивационной составляющей образования;
- оценка динамики интеллектуального развития студента, самоопределения и самореализации его в образовательном процессе;
- видение каждого студента с точки зрения наличия у него уникального набора качеств, важных в той или иной области, — например, в сферах самостоятельной познавательной, гражданско-общественной, социально-значимой деятельности (ориентация в нормах и этикете коммуникативных отношений);
- оценка результативности образовательного процесса;
- изучение эффективности и полноты влияния среды на интеллектуальное развитие студента, его социализацию;
- изучение эффективности взаимодействия студента и преподавателя в образовательном процессе.

Практически все выделенные нами составляющие образовательного процесса так или иначе связаны с формированием социальных установок будущего интеллигента.

Таким образом, основными требованиями к социальным качествам будущего интеллигента в свете вышесказанного являются:

- 1) знание и понимание современных научно-технических, общественных и политических проблем;
- 2) умение применять естественнонаучные, гуманитарные знания в профессиональной деятельности;

- 3) способность проектировать процессы или системы в соответствии с поставленными задачами;
- 4) способность работать и эффективно взаимодействовать в коллективе;
- 5) профессиональная и этическая ответственность;
- 6) широкая эрудиция, достаточная для понимания социальных последствий различных решений;
- 7) понимание необходимости и способность учиться постоянно.

Выпускник современного вуза должен иметь достаточную подготовку в области гуманитарных и социально-экономических наук, грамотно владеть письменной и устной речью, иметь навыки общения и работы в коллективе, понимать ценности нашего богатого культурного наследия, сложности межличностных отношений.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что в основу требований современной высшей школы необходимо положить:

- реализацию в ней более широкого, а не отраслевого типа образования;
- более высокий уровень фундаментального и гуманитарного образования;
- обеспечение междисциплинарности в обучении студентов и взаимосвязи естественнонаучного, гуманитарного и технического знания через интегрированные курсы.

Сегодня очень важно развить у студента некие социальные качества, необходимые для морально-нравственного становления интеллектуала, его ответственности и понимания в решении больших и малых гуманитарных вопросов, которые задает нам на каждом шагу современная жизнь. И сегодня вузовская философия нередко отличается профанированием смысла социальности, в то время как основательное и серьезное размышление над этим, на наш взгляд, составляет сердцевину ее задач, особенно формирование гражданской устойчивости и гражданской ответственности. Обратимся к некоторым возможным путям решения данной проблемы.

- Культивирование гражданских добродетелей, что включает: защиту прав человека, умение оценивать гражданские права и обязанности у себя в стране и за рубежом; стремление к социальной гармонии: реализацию идеи социального партнерства и сотрудничества; подготовку к лично и общественно значимой трудовой деятельности, к социальной адаптации. Сюда же входят и такие категории, как гражданский долг, гражданская ответственность, высокоразвитая совесть, составляющие содержательную основу действий гражданина.

- Усиление нравственных начал в отношениях между гражданином и государством, между личностью и обществом выступает незаменимым средством формирования социальных установок будущей интеллигенции. Развитие духовности в неразрывной связи человека со своими истоками, с историей Отечества – один из способов предупреждения гражданской инфантильности.

- Формирование общественного идеала служения как выражения гражданственности в демократическом обществе. Сегодня мы стоим перед необходимостью формирования таких социальных установок студента, когда служение Отечеству – сфера максимального приложения сил, создания его гармоничных отношений с обществом и государством.

- Формирование у студентов разумного сочетания индивидуального и коллективного.

Необходима ориентация студентов на знание основополагающих документов, в которых изложены права человека. Их изучение также может дать мощный толчок к пробуждению гражданского достоинства человека.

Важнейшей особенностью формирования социальных установок интеллигента является перемещение акцента на саморазвитие личности.

Список литературы

1. Гадамер Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. – М., 1983.

2. Кун Т. Структура научных революций. — М., Прогресс, 1975.
3. Поннер К. Логика и рост научного знания. —М., Прогресс, 1983.

Н. Х. Раковская

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ЕЕ РОЛЬ В СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ (ПРОБЛЕМЫ МАНИПУЛЯЦИИ ДОВЕРИЕМ)

Современная украинская социально-политическая картина «на просторах» Украины весьма сложная и многообразная. Имея объектом исследования процесс развития современного общества, следует ясно представить себе, кто, в первую очередь, является субъектом истории Украины.

Субъект, по-нашему мнению, это тот, кто проявляет интеллектуальную и политическую активность, имея собственную стратегию поведения. Основной признак субъекта выражается в особенности получения и использования им информации. В более привычных терминах социологии это и будут мировоззренческая позиция и тип познания. Исходя из этих критериев можно выделить два основных типа людей, влияющих на современные процессы развития общества, — это интеллигенция и антиинтеллигенция. Сегодня интеллигенция переименовалась и называет себя интеллектуальной элитой, поэтому целесообразно для краткости оперировать двумя понятиями: элита и эрзац-элита.

К характеристике данных категорий мы еще вернемся, но следует напомнить, что слово «интеллигенция» латинского происхождения и имеет значение «понимание», «познавательная сила», «знание»; «умный», «понимающий», «знающий», «мыслящий». Интеллигенция — это общественный слой образованных людей, профессионально занимающихся умственным (преимущественно сложным), творческим трудом, развитием и распространением науки и культуры. Непосредственно в обиход слово «интеллигенция» как термин был введен писателем П. Д. Боборыкиным (в 60-х гг. XIX ст.) и из русского активно перешел в другие языки [1]. Как известно, интеллигенция самоопределила свою монополию на умственный труд (в общественных, государственных структурах, хозяйственных, научных и искусствоведческих сферах). Интеллигенция с начала своего существования считала себя ответственной за судьбу всего государственного устройства, всего общества, всей культуры. Она изначально взяла на себя миссионерскую функцию «спасительницы» народа. Следует отметить, что развитие промышленных отношений приводит к возрастанию роли интеллигенции. Она превращается в мощный фактор политической жизни. Интеллигенцию в отношении политики следует разделить на две категории: наемную рабочую силу высокой степени дифференциации, развития и сложности выполняемых функций и «свободных» мыслителей. Как наемная рабочая сила интеллигенция «пронизывает» всю политическую структуру — это значительная часть служащих, бюрократии, номенклатуры, членов партий, идеологов, представителей элиты; публицисты и субъекты сферы общественного сознания и общественной психологии, искусства и т. д. Эта часть интеллигенции противоречива: она имеет свободу сознания и одновременно включена в политические институты (ангажирована), что ограничивает ее свободу законами корпорации. Вторая, немногочисленная часть интеллигенции в максимальной мере свободна от идеологических обязанностей, частичности сознания. Ее представители способны наиболее полно осознавать политический и социальный опыт. Подобное осознание позволяет обществу ориентироваться в своей организации, минимизировать социальные потрясения. Без свободы такой интеллигенции общество крайне идеологизируется, частичные интересы господствующих слоев и элиты превращаются в цель общественного движения.

При современной развитой демократии набор свобод и плюрализм в политике формируют условия для деидеологизированного сознания, несмотря на то, что политика без идеологии существовать не может. В условиях господства тоталитаризма все члены общества, включая интеллигентов, лишаются права на свободное сознание. Сознание становится функцией политики, критичность утрачивается. В конечном итоге общество теряет «иммунитет» ориентации и приходит к стагнации, как это произошло при социализме. Открытость современного общества не может существовать без адекватного понимания происходящего. Поэтому политика не может не востребовать деятельность «независимой» интеллигенции.

В настоящее время значительная часть населения связывает понятие интеллигенции с политической элитой, находящейся на всех уровнях иерархии социальной пирамиды. Многие представители указанной элиты обладают определенной широтой и сложностью мышления, высокой эрудицией и определенными установками, позволяющими приносить социуму максимальную пользу.

Антиинтеллигенция (эрзац-элита), которая тоже «вмонтирована» в государственно-управленческую пирамиду, целью своей деятельности считает удовлетворение личных интересов, а не общественную пользу.

Эрзац-элита кормится от щедрот государственных и местных «кормушек» и не способна выжить без такой поддержки. Наличие таких качеств при повышенной способности к социальной адаптации делает эрзац-элиту неполноценным заменителем элиты, ее социальным антиподом [2].

Политическая элита влияет на принятие важнейших для страны решений, особенно в области улучшения жизни граждан Украины; занимает верхние ступени социальной иерархии; качество элиты зависит от политического лидера и степени представительства элиты во власти.

Эрзац-элита приспособливает свое положение для того, чтобы «выкроить» для себя максимально удобные и комфортные зоны обитания, а также систему различных льгот. Политическая элита в процессе своей деятельности старается как можно меньше прибегать к принуждению. Это требует от нее высокого профессионализма, поскольку «раздражительная» для населения информация может вызвать непредсказуемые последствия. Поэтому для политической элиты важно, чтобы люди приняли политические цели, декларируемые ими, как свои собственные. Эрзац-элита подменяет деятельность как таковую широко распространенными политическими категориями: «свобода», «равенство», «справедливость», «закон» и т. д. Многие, не имея устойчивого мировоззрения, легко поддаются влиянию пропаганды, которой занимается эрзац-элита при помощи «слоганов» [3]. Сложнее заставить молчать сознательное меньшинство, которое, несмотря на такие манипулятивные действия эрзац-элиты, сохраняет волю к рациональной критике. Эрзац-элита предлагает обществу заранее заданную цель, по сравнению с которой жизнь отдельного человека — ничто; он является лишь строительным материалом для возводимой эрзац-интеллигенцией конструкции.

Манипуляция доверием людей характеризуется определенными особенностями. Во-первых, доверием граждан манипулируют, используя психологическое воздействие без всякого намека на насилие или угрозу. В этом случае манипуляция становится составляющей частью гражданской культуры, которая предполагает распространение манипуляционных импульсов через политические и информационные каналы, через политические структуры власти. Во-вторых, так как доверие является центральным аспектом гражданского общества, в котором авторитет власти не может существовать без взаимного доверия граждан и их доверия к избранным институтам, то манипуляция доверием происходит скрытно с тем, чтобы общественность не могла определить главную цель и намерения манипуляторов. К таким действиям прибегает эрзац-элита, характер ценностных ориентаций которой

сконцентрирован на удовлетворении личных интересов, а не на общественной пользе. В третьих, манипуляция — это воздействие, требующее значительного мастерства и знаний, такого культурного капитала, который своей функциональной стороной должен быть направлен на формирование и сохранение общественной солидарности, а не на перестройку воззрения граждан по реализации программ манипуляторов.

В-четвертых, активизация социальной взаимосвязи порождает большую степень доверия, а подавляющее большинство граждан не желает тратить ни умственные силы, ни время на то, чтобы раскодировать тексты и поступки манипуляторов, искажающие наше представление о действительности в желательном для них направлении. Такое манипуляционное влияние оказывает воздействие на поведение, в соответствии с которым у граждан появляется уверенность, что они поступают согласно своим собственным желаниям. В-пятых, доверие является неотъемлемым компонентом жизненных ценностей, связанных с качеством жизни, самореализацией и межличностной гармонией. Доверчивость и вера в святость печатного слова формировались в сознании советских людей десятилетиями, и поэтому сопротивление манипуляции сознанием массы по инерции было подорвано; даже неправду граждане воспринимали и воспринимают как своеобразный ритуал, своего рода этикет, который необходимо поддерживать. Научиться противостоять лжи люди не умеют, поскольку необходимо время для изменения самой культуры общества.

Общество, где доминирующей становится такого рода идеология, развивается в направлении, которое вполне можно предугадать.

Эрзац-элита свои амбиции и пороки маскирует самой высокопарной политической риторикой. Рано или поздно засилье эрзац-элиты в органах власти приводит к насаждению идеологий, смертельно опасных для элиты и ее социальной деятельности. Следующий ее шаг — выдвижение своего лидера, которым как правило, укрепляют авторитарные тенденции. Это в конечном итоге может привести к «отбрасыванию» общества далеко назад.

Академик Д. Лихачев писал, что в странах СНГ «не было счастливого настоящего, а только заменяющая его мечта о счастливом будущем». В этом состоит характер славянской истории [4].

Чувство долга, преданность стране, ответственность и воля проводить свои решения в жизнь должны стать определяющими для политических лидеров элиты. Руководящая интеллигенция должна следовать принципу ответственности перед нижестоящими, поскольку затрагиваются интересы огромного числа людей.

Современная украинская интеллигенция имеет свои особенности: изначально при формировании Украины как современного государства не был определен национальный проект (столкновение политической нации и этнической нации привело к ориентации на туманные политические формулировки) — образовалась смесь европейской ориентации и национальных ценностей. Эрзац-элита вообще не выработала своей идеологии; политическая элита, которая стояла у истоков государственности, остается и в настоящее время постноменклатурной и не имеет желания изменять существующее положение в обществе; политическая элита не может влиять на культурный процесс в Украине, при этом эрзац-элита вообще исключена из процесса культуротворчества; украинская интеллигенция не смогла стать авангардом демократических преобразований; в целом и политической элите, и эрзац-элите народ не доверяет приблизительно на 60–70%.

Список литературы

1. Кириллова Н. Б. Медиакультура, миф и политика / Н. Б. Кириллова // Философские науки. — 2006. — № 5. — С. 5–17.
2. Гаджиев К. С. Масса. Миф. Государство / К. С. Гаджиев // Вопросы философии. — 2006. — № 6. — С. 3–20.
3. Оболонский А. В. Мораль и право в политике и управлении / А. В. Оболонский // Общественные науки и современность. — 2007. — № 1.

Н. Н. Сапа

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК ОПЕРАТОР СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Термин интеллигенция (лат. *intelligentia* — понимание, познавательная сила, от *intellegens* — умный, мыслящий) был введен в русский литературный оборот в 60-е годы XIX века малоизвестным ныне беллетристом П. Д. Боборыкиным взамен применявшегося Д. И. Писаревым термина «мыслящий пролетариат». Более ста лет назад Г. Уэллс, делая предсказания «о судьбах, ожидающих человечество в XX столетии», писал о зарождении нового «класса технической интеллигенции — инженеров, техников, людей науки и инициативы, наделенных широкой научной подготовкой, общими идеалами и интересами». Характерным признаком этих людей, по мнению автора, станет высокая нравственность, так как «в своей положительной науке они найдут прочную основу для понимания истинной ценности жизни и для уразумения гнусности порока» [1].

Тогда, в конце XIX — начале XX вв., как отмечала О. Степанова, принадлежность к интеллигенции определялась прежде всего сознательной приверженностью к просоциалистическим взглядам [2]. С тех пор происходило сущностное изменение понятия «интеллигенция», наполнение свойства «интеллигентность» такими качествами, как образованность, честность, порядочность, нравственность, высокий культурный уровень и т. д. Сейчас нередко на бытовом уровне интеллигентом называют культурного и образованного человека, и при этом многие люди, получившие диплом о высшем образовании, безусловно относят себя к интеллигенции. Ряд авторов, наоборот, ограничивает эту социальную группу лишь людьми высокой морали и нравственности. К настоящему времени понятие «интеллигенция» в значительной степени беллетризовано (от франц. *belles-lettres* — изящная словесность, художественная литература). В большинстве случаев речь идет о свойствах личности (или личностей), которые различаются в интерпретациях различных авторов и не могут быть достаточно точно интерпретированы социологически как отношения выделенной с их помощью социальной группы людей, обладающих подобными свойствами, с ее окружением. Видимо, по этой причине социологи при анализе стратификационной и профессиональных структур общества порой исключают интеллигенцию из своего рассмотрения [3; 4]. Заметим, что в одной из работ Н. А. Бердяев подчеркивал: «Интеллигенция не есть социальный класс. Интеллигенция была идеалистическим классом людей, увлеченных идеями и готовых во имя своих идей на тюрьму, на каторгу, на казнь» [5].

К настоящему времени насчитывается более трехсот определений и толкований понятия «интеллигенция» [6]. Такое обилие дефиниций указывает на несформированность понятия, на то, что оно, возможно, охватывает различные, но подобные социальные группы. О. Степанова, отмечая, что в «социологической» интерпретации понятие «интеллигенция» вполне сопоставимо с понятием «средний класс», предлагает рассматривать существующий разнобой в толкованиях понятия «интеллигенция» как «проявление социогрупповой конкуренции за главенство в пределах символического (знаково-понятийного) пространства. Под таковым подразумевается вся совокупность идей, понятий, выраженных или иных знаках, содержащая коды массового восприятия и поведения» [2].

Целью настоящей работы является проведение совместного анализа понятий «интеллигенция» и «власть» на основе общественно значимых параметров, а именно — с позиций деятельностного аспекта понятий, определив их место в функциональной структуре общественной деятельности. Такой подход фиксирует функцию, но не оценивает саму деятельность с каких-либо ценностных позиций.

Для это используем алгоритм поиска поля существования названных терминов в обширном пространстве трудовых вакансий, состоящий в сегментации пространства — разделении вакансий по цели и по конечному продукту деятельности работников, их занимающих; и в выделении в сегментах специфических — по функциональным признакам — групп вакансий (и работников, занимающих их), с дальнейшим приписыванием им уже существующих терминов или имен.

Исходя из этого все пространство общественной деятельности можно уверенно, но несколько условно, разделить по характеру выполняемого труда — на деятельность, обусловленную трудом физическим и трудом умственным. Заметим, что каждый работник может занимать вакансию как в области физического, так и умственного труда. Но нередки случаи, когда он занимает вакансии в двух областях одновременно.

Следующий шаг к уточнению места интеллигенции в структуре деятельности состоит в сегментации общности работников умственного труда по цели и по конечному продукту ее деятельности. Так, если работники физического труда могут быть разделены на производящих конкретный материальный продукт и на работающих в сфере его использования, то есть в **сфере услуг**, то и к работникам умственного труда возможно подойти подобным образом. При этом конкретным продуктом деятельности умственного труда может быть как идея, новая мысль, суждение, прибавляющие и увеличивающие знание, высокохудожественные произведения искусства, так и прикладное использование уже имеющихся творческих достижений (знаний, объектов искусства) для осуществления определенных общественных целей. Работников, обеспечивающих такой результат, у нас называют мыслителями, творцами, учеными. На Западе терминам «мыслитель», «творец», «ученый» больше всего соответствует термин «интеллектуал». Н. А. Бердяев писал о них: «Подлинные *intellectuals* — представители духа, то есть свободы, смысла, ценности, качества, а не государства, не социального класса и социальных интересов» [7]. Так, пожалуй, было издавна. Вспомним знакомые со школьной скамьи пушкинские строки, описывающие независимого мыслителя древности:

Волхвы¹ не боятся могучих владык,
И княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык,
И с волей небесною дружен.

«Мир ловил меня, но не поймал» — завещал написать на своей могиле Григорий Сковорода. Свободомыслие, независимость от власти, неподкупность всегда — в древности и в наши дни — были отличием мыслителей. Может быть, поэтому В. И. Ленин, придя к власти, называл отечественную профессию, идейно несогласную с правящим режимом (среди них и цитируемого нами Н. А. Бердяева), «гнилой интеллигенцией» — плохой, низкокачественной, не соответствующей в его представлении имени «интеллигенция». Наверное, так оно и было. Мы полагаем, что все те ученые, которых Ленин в 1920 г. выслал из страны на «профессорском пароходе», были интеллектуалами, свободными от идеологической узды мыслителями [8].

В отличие от интеллектуалов, для другой части обширной группы работников умственного труда функциональной деятельностью является (по аналогии с трудом физическим) не создание нового знания (продуцирование новых суждений, научных идей и творческих концепций есть функция интеллектуалов-мыслителей), а переработка и использование того, что создали интеллектуалы, в соответствии с имеющимся социальным заказом. В западной интерпретации к этой части работников умственного труда адекватно применим термин «**service class**», введенный Р. Дарендорфом.

¹ Волхв — мудрец, звездочет, астролог, чародей, колдун, знахарь, ворожея, чернокнижник (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка).

Таким образом, деятельность «service class» состоит в отборе и организации необходимой информации, в адаптации ее для определенной аудитории, в разработке технологий ее представления в соответствии с намеченными целями. Это могут быть лекции и учебники для студентов различных специальностей, инженерные сооружения, обзоры политических событий, статьи, художественные книги, кинофильмы, скульптурные композиции и т. п. В реальной жизни, разумеется, нет резкого разделения трудовых вакансий, занимаемых интеллектуалами-мыслителями и представителями «service class». Нередко интеллектуалы выступают в прессе, с популярными лекциями, пишут книги, в которых разъясняют как специалистам, так и широким массам населения результаты своей творческой работы, преподают и принимают участие в общественно-политической жизни.

Возвращаясь к поиску места интеллигенции в пространстве общественной деятельности, полагаем, что продуктивнее всего интеллигенцию отождествлять не с интеллектуалами, а именно с «service class», учитывая высокую социальную направленность деятельности тех работников умственного труда, кого большинство дефиниций относит к интеллигенции.

Сделаем следующий шаг к дальнейшему уточнению понятия «интеллигенция» — сегментируем указанную группу вакансий по объектам приложения деятельности работников, их занимающих. Наиболее простым представляется разделение группы на интеллигенцию техническую и «нетехническую», или гуманитарную интеллигенцию. К технической интеллигенции, как отмечалось выше, обычно относят обширную группу работников умственного труда, работающих в сфере приложения естественно-научного знания. К гуманитарной интеллигенции следует отнести тех работников умственного труда, которые объектом своей преобразовательной деятельности избрали различного рода социальные общности. Деятельность такого рода обычно называют социально-технологической, а совокупности методов, средств, приемов, способов организации человеческой деятельности для воздействия на социальные процессы и системы с целью изменения социального объекта или социальной ситуации в определенном направлении принято называть социальными технологиями [9]. Социальные технологии обычно предшествуют и сопутствуют организационным и политическим действиям, направленным на социальные изменения. При этом целью технологий являются объяснение и оправдание необходимых социальных изменений, формирование соответствующего им общественного мнения, для чего применяется широкий спектр образовательных, информационно-пропагандистских, экономических и других социальных технологий различного уровня использования.

Исходя из этого гуманитарная интеллигенция фактически представляет собой социальную группу операторов (явных и неявных) различных социальных технологий, направленных на преобразование социальных объектов. Интеллигенты разрабатывают и внедряют социальные технологии воздействия на социальные объекты для достижения как собственных целей, так и целей, поставленных заказчиком. Довольно часто заказчиком социальной технологии выступают властные структуры различного уровня. К примеру, в Российской империи, а затем и в СССР интеллигенция (в отличие от интеллектуалов) всегда была на государственной службе — оплачивалась из государственного бюджета, так как разрабатывала и внедряла необходимые государству социальные технологии. И, следовательно, была проводником идеологии правящих структур. Как результат таких социальных технологий в отечественной практике выступает, например, многовековая фальсификация российской истории. Еще с карамзинских времен историография России изобилует борьбой группировок и мнений, целью которой было не достижение научной истины, а отбор идеологических посылок, наиболее адекватно удовлетворяющих политике властных структур. Ряд талантливых исследований, результаты которых не вписывались в официальную историю Государства Российского, и поныне покрыты пылью забвения.

В принципе, интеллигенцию в заметной ее части можно считать соавтором всех позитивных достижений и катастрофических просчетов властных структур, подъемов и кризисных спадов в различных сферах жизнедеятельности общества.

Заметим, что под властью мы здесь понимаем отношение, выражающее право — присвоенное или делегированное — личности или группы людей руководить (управлять) другими людьми. В этом контексте операторы социальных технологий (в нашей интерпретации — интеллигенция) трудно отделимы от власти и находятся внутри властной иерархии.

К. Манхейм в работе «Диагноз нашего времени» отмечал, что социальная технология подобно любой технологии ни хороша, ни плоха сама по себе — все зависит от того, как ее используют человеческая воля и рассудок. По его мнению, предположения о возможности быстрой и эффективной технологической трансформации общества стимулировали развитие и тех социальных технологий, в структуре которых насилие носит позитивный оттенок. Манхейм писал, что применительно к государству «новая наука о человеческом поведении дает в руки правительства знания о человеческом разуме, которое можно использовать либо для увеличения эффективности управления, либо превратить в инструмент, играющий на эмоциях масс. Развитие социальных служб позволяет оказывать давление на нашу частную жизнь. Таким образом, появляется возможность сделать объектом общественного контроля психологические процессы, которые ранее считались сугубо личными» [10, с. 414–417].

Выходя за пределы предложенного нами функционального анализа, заметим, что оценка социально-технологической деятельности гуманитарной интеллигенции (операторов социальных технологий, «service class») с этических позиций представляется нам довольно затруднительной. Если под властью понимать заказчика социальной технологии — такого же оператора (или операторов) социальной технологии, но рангом выше, — субъекта, определяющего цель социотехнологической деятельности, регулирующего качество и уровень результата, то здесь уместно вспомнить разделение власти, предложенное Э. Фроммом в работе «Бегство от свободы», на **власть внешнюю** и **власть внутреннюю**, которую называют долгом, совестью, «superego». Таким образом, с одной стороны, интеллигенция является, по определению А. Луначарского, «классом профессиональных идеологов», который составляют те, кто зарабатывает на жизнь, внедряя и (или) разрабатывая социальные технологии, направленные на изменение социального объекта в соответствии с заранее заданными (заказанными) ему параметрами: школьный учитель, ревностно следующий утвержденной свыше программе, имиджмейкер, партийный работник, чиновник и др. С другой стороны, к интеллигенции можно отнести и тех операторов социальных технологий, кто определяет самостоятельно направление и качество своей деятельности исходя из чувства долга, совести, опираясь на собственные этические принципы.

Но все же такое разделение хотя и указывает направление поиска, отнюдь не является определяющим для формирования критериев этических оценок деятельности гуманитарной интеллигенции. Если личность осуществляет независимый выбор целей своей социотехнологической деятельности, опираясь на понимание своего долга перед обществом или определенной социальной общностью, то это еще не является гарантом того, что цель и средства их достижения будут высоко оценены с нравственных позиций. Социальная действительность дает немало примеров того, что нередко со временем меняется полярность оценок обществом как идей, так и определяемых ими целей, путей их достижения. Так, показательным является изменение во времени общественного отношения к идее построения коммунизма в отдельно взятой стране, к социальным технологиям достижения этой цели и к интеллигенции, осуществлявшей эти технологии.

Вышеприведенные рассуждения наталкивают на мысль о том, что известный совет просветителей: «Сейте разумное, доброе, вечное», — представляет собой в общем виде методическое указание гуманитарной интеллигенции по созданию высоконравственных социальных технологий, в котором высокий гуманизм социальной цели технологии определяется в терминах «разумное, доброе», а фактор времени — в «вечном», выступает гарантом истинности гуманизма...

Далеко не все сбылось в их предсказаниях. С властью у работников умственного труда издавна складывались сложные и неоднозначные отношения [6], да и далеко не все из них стремились занять место во властных структурах, а что же касается высокой нравственности, якобы обусловленной характером умственного труда, то мировая и отечественная история дают нам немало примеров далеких от нравственности действий тех, кого обычно называют интеллигенцией. Это, например, беззаветная служба тоталитарному режиму на идеологическом фронте, поддержка и пособничество репрессиям, разработка средств массового уничтожения людей — ядерного, химического и бактериологического оружия, медико-биологические эксперименты над людьми и т. п. Немало свидетельств аморальных действий людей, профессионально занимающихся умственным трудом, и в современной нам действительности. Вместе с этим немало и людей, которых называют интеллигентами — мать Тереза, А. Чехов, Г. Сковорода, А. Швейцер, В. Стус и многие другие, чья духовная и подвижническая деятельность вызывает не только всемерное уважение, но и стремление к подражанию.

Список литературы

1. Уэллс Г. Предсказания о судьбах, ожидающих человечество в XX столетии: Пер. с англ. — Санкт-Петербург: Монтевида, 1903. — 199 с.
2. Степанова О. К. Понятие «Интеллигенция»: судьба в символическом пространстве и времени // Социологические исследования. — 2003. — №1. — С. 46–53.
3. Ильин В. И. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ. 1917–1996 гг. — Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, ИС РАН, 1996.
4. Ковалиско Н. В. Професія як критерій соціальної стратифікації // Український соціум. — 2007. — № 3. — С. 44–53.
5. Бердяев Н. А. Русская идея. — М.: ООО «Изд-во В. Шевчук», 2000. — С. 24.
6. Бидзиля П. Е. Интеллигенция и власть: перспективы сотрудничества / П. Е. Бидзиля, М. Р. Деряпа, В. В. Ремизников Интеллигенция // 36. наукових праць «Актуальні проблеми розвитку суспільної думки і практика управління». — Запорожье: ГПВ «Видавець», 1999. — Вып. 5. — Ч. 1. — С. 44–49.
7. Бердяев Н. А. Кризис интеллекта и миссия интеллигенции // Новый мир. — 1990. — № 1. — С. 228–231.
8. Коган Л. А. «Выслать за границу безжалостно» // Вопросы философии. — 1993. — № 3. — С. 61–66.
9. Подшивалкина В. Социальные технологии на предприятии // Современное общество. — 1994. — № 1. — С. 75.
10. Манхейм К. Диагноз нашего времени. — М.: Юрист, 1994. — 700 с.

О. Р. Слободянюк, Н. М. Глушкова

ЗНАЧЕННЯ ДОСВІДУ УКРАЇНСЬКОЇ ІНТЕЛІГЕНЦІЇ ПОЧАТКУ ХХ СТОЛІТТЯ В СУЧАСНОМУ ДЕРЖАВОТВОРЧОМУ ПРОЦЕСІ

Участь інтелігенції в процесі націотворення на початку ХХ ст. є важливою в контексті сучасного розвитку незалежної української державності. Це зумовлено тим, що громадсько-політичні погляди тогочасної інтелігенції слугували підґрунтям у реалізації державно-політичної ідеї сучасності. Адекватне відтворення громадсько-політичних поглядів інтелігенції може бути певним методологічним орієнтиром і в теперішніх умовах формування національної самосвідомості та інших важливих процесів державотворення. Одне з основних місць в історичному процесі розбудови держави займають події української революції 1917–1920 років і особливо доба Директорії УНР.

Події національно-визвольної революції свідчать, що одним із найактивніших суб'єктів політичних перетворень у країні була національна інтелігенція. На відміну від європейських країн, де також відбулися революції, в Україні основною рушійною силою була не національна буржуазія, а інтелігенція. Діяльність цього соціального прошарку значною мірою зумовила характер революційних процесів та перетворень, визначила перебіг подій і, деякою мірою, результати самої революції. Особливе місце в державотворчих процесах того часу посідає так званий «трудоий принцип», запроваджений Директорією як альтернативна модель незалежної держави. Він чітко визначив місце і роль різних соціальних прошарків суспільства в державі та системі керування нею.

Останнім часом з'явилася значна кількість праць вітчизняних дослідників, присвячених проблемам української державності та дослідженню «трудоого принципу» зокрема. Це, поперше, серйозні монографічні дослідження В. Верстюка [1] та В. Солдатенка [2]. Серед періодичних публікацій слід назвати статті В. Лозового [3], О. та М. Копиленків [4], С. Грабовського [5]. Автори аналізують причини невдач, уроки та історичне значення.

Прийшовши до влади, Директорія проголосила себе вищим органом відновленої УНР, у складі п'яти осіб, троє з яких репрезентували «ліві» партії УНС. Таким чином, можна стверджувати, що Директорія була нічим іншим, як диктатурою представників частини українських соціалістичних партій. Решта політичних партій та організацій, які входили до складу УНС, «випали» з новоутвореної політичної конструкції і залишилися на деякий час поза межами політичних процесів у країні. Ще більше позиції партій-лідерів зміцнилися після утворення 26 грудня 1918 року Ради Народних Міністрів на чолі з соціал-демократом В. Чеховським. Соціал-демократи отримали шість портфелів, есери – чотири, а соціал-самостійники та есери по три [6].

Українська інтелігенція – політично активна, певною мірою економічно міцна – була на даний період основним рушієм національного відродження. Інтелігенція вже остаточно сформувалась як самостійний соціальний прошарок, що мав свою власну психологію та усвідомлював свою відповідальність за долю народу і претендував на право бути політичним лідером у державі. Окрім того, саме цей прошарок населення мав солідний досвід управлінської та державотворчої роботи в російській демократії та національно-державних утвореннях (Центральна Рада, Гетьманат).

Інтелігенція була організаційно об'єднана і представлена в основних національних партіях – УПСР, УСДРП, УПСС, УПСФ. Хоча інтелігенція не була численною порівняно з іншими соціальними верствами, однак була представлена в усіх регіонах України. У південно-західних губерніях відсоток власне української інтелігенції складав 37%, у трьох губерніях Лівобережжя та на Слобожанщині – 41%, на Півдні – тільки 22% [7, с. 42–43]. Але існував ряд особливостей, що позначився на методах діяльності даного суспільного прошарку. По-перше, серед інтелігенції України виділялося кілька значних національних груп. Досить солідний відсоток складали росіяни – 30%, євреї – 15%, поляки – 5%, а безпосередньо українців було тільки 32% [7, с. 43–44]. Ще однією особливістю даної групи населення був поділ на міську (60%) та сільську (40%) інтелігенцію, причому представники українства мешкали саме на селі, що фактично виключало їх із процесу активної суспільно-політичної діяльності. У своєму дослідженні Георгій Касьянов, підкреслюючи неоднорідність даного прошарку, виділяв дві основні групи, які значно відрізнялись одна від одної [7, с. 18]. До першої належать кооператори, агрономи, дрібні службовці, юристи, земські службовці – їх в Україні було понад 160 тис. – більше половини всієї численності класу. Саме сільська та дрібна міська інтелігенція прагнула очолити націоналістичний рух, оскільки мала також і матеріальну зацікавленість у створенні національної української держави, бо в ній вони склали б еліту. Інша група – люди, професії яких забезпечують специфічні потреби самої інтелігенції – історики, філософи, письменники, мистецтвознавці. Представники цієї групи виступали як генератори основоположних ідей розбудови нової держави, часто не рахуючись

з інтересами представників першої групи, що призводило до непорозумінь та конфліктів. Така етносоціальна структура тогочасного суспільства зумовила український політичний провід обрати форму влади, яка, задовольняючи потреби домінуючого класу селянства, була б спроможна ліквідувати суспільно-класову «неповноту» українського народу [8]. Саме ці завдання й повинна була вирішити власна модель політичної організації суспільства, що ґрунтувалась на «трудовому принципі».

Володимир Винниченко приписував заслугу появи нової державної моделі лише собі, але в такому важливому питанні, як майбутня форма державного устрою, навряд чи ініціатива вибору могла належати одній особі, нехай і голові держави. Володимир Винниченко не був автором «трудового принципу», а скоріш за все оприлюднив ідею, яка давно вже була розроблена партією есерів. Ще в червні 1918 р. у резолюції ЦК УМСР зазначалося, що «можлива передача влади революційному трудовому опору в особі рад робітничих і селянських депутатів» [9]. Ця пропозиція була підтримана на засіданні ЦК УСДРП у кінці грудня, коли ухвалювалося рішення «Про організацію влади в Україні». У цьому документі наголошувалося, що основою державної влади в Україні повинна стати коаліція трудової демократії – пролетаріату й селянства без буржуазних класів [10].

Реалізацією на практиці «трудового принципу» було скликання і проведення Конгресу трудового народу, на якому інтереси «трудової інтелігенції» були представлені 33 депутатами, у той час як селянських обранців було 377, а депутатів від робітників – 118.

У ході роботи Конгресу відбувся остаточний розкол українського визвольного руху, розкол інтелігенції України. Ліворадикальна інтелігенція відстоювала ідею впровадження на Україні Радянської влади, «центристи» виступали за подальшу розбудову країни на основі трудового принципу, ліберальна інтелігенція схилилася до військової диктатури.

Роз'єднання українських політичних сил призвело до розколу між новоствореною державою та суспільством, міжнаціонального розколу в середині українського суспільства, утворення опозиції владі як «справа», так і «зліва», розвалу армії.

У ході національно-визвольної боротьби 1917–1920 років українська національна інтелігенція відіграла визначну роль організатора та одного з рушіїв революційних процесів. На жаль, ряд об'єктивних та суб'єктивних причин не дозволили здійснити покладену на неї історією місію – разом з іншими соціальними верствами суспільства вибороти та побудувати незалежну Українську державу. Але має сенс аналізувати і враховувати цей цінний історичний досвід у сучасних умовах становлення української державності.

Список літератури

1. *Верстюк В.* Українська народна Республіка під проводом Директорії // Історія України: нове бачення. – К., 1996. – Т. 2.
2. *Солдатенков В.* Українська революція: концепція та історіографія (1918–1920 рр.). – К., 1999.
3. *Лозовий В.* Пошуки Директорією ідейно-політичних засад відновлення діяльності УНР // Український історичний журнал. – 2000. – № 5. – С. 32–37.
4. *Копиленко О.* «Друга» УНР: спроба історико-теоретичного аналізу / О. Копиленко, М. Копиленко // Право України. – 1996. – № 8. – С. 54–60.
5. *Грабовський С.* Українське державотворення революційної доби: виклики часу і відповіді нації // Розбудова держави. – 1997. – № 12. – С. 3–16.
6. *Лейберов О.* Українська інтелігенція та «трудовий принцип» Директорії УНР // Література та культура Полісся. – 2005. – Вип. 28. – С. 150.
7. *Касьянов Г.* Українська інтелігенція на рубежі XIX–XX століть: соціально-політичний портрет. – К., 1993. – С. 42–43.
8. *Лозовий В.* Пошуки Директорією ідейно-політичних засад відновлення діяльності УНР // Український історичний журнал. – 2000. – № 5. – С. 33.
9. *Магочий П.* Українське національне відродження. Нова аналітична структура // Український історичний журнал. – 1991. – № 3. – С. 103.

В. Ф. Сухіна, О. В. Шапаренко

РОЛЬ ТВОРЧОЇ ІНТЕЛІГЕНЦІЇ У ФОРМУВАННІ ГРОМАДЯНСЬКОГО СУСПІЛЬСТВА В УКРАЇНІ

Неодмінною умовою розбудови громадянського суспільства є спільні зусилля і влади, і інтелігенції. Видатний німецький філософ Іммануїл Кант стверджував, що громадянське суспільство засновано на принципах свободи кожного члена суспільства, рівності його з кожним іншим як підлеглим, самостійності кожного члена суспільства як громадянина. Фрідріх Гегель вважав, що суспільство й держава є самостійними, але взаємодіючими інститутами. Громадянське суспільство разом із сім'єю становлять базис держави. Держава є виразником загальної волі громадян. Громадянське суспільство — це сфера особливих, приватних інтересів окремих індивідів.

Відомий дослідник проблем громадянськості Ю. Хабермас визначає громадянське суспільство як динамічну, різноманітну сферу, таку, що співпрацює з державою та має своєю головною функцією в процесі комунікації структур громадськості займатися постійним пошуком консенсусу; в результаті дискурсу приходиться до нових відносних істин, актуальних на даному етапі, доводити їх до державної влади [1, с. 176].

Існує багато трактувань поняття «громадянське суспільство», але всі вони мають дещо спільне, а саме те, що:

1. Громадянське суспільство — це наявність власності у розпорядженні людей, індивідуальної чи спільної.
2. Наявність розвиненої структури, що відображає різноманітність інтересів різних груп та угруповань, розвиненої та поширеної демократії.
3. Високий рівень інтелектуального, психологічного розвитку членів суспільства, їх здатності до самодіяльності при включенні в той або інший інститут громадянського суспільства.
4. Функціонування правової держави.

Іншими словами, це таке суспільство, в якому різні за своєю природою об'єднання громадян, здійснюючи зв'язок між людиною й державою, не дозволяють державі узурпувати особистість.

Ми згодні з думкою про те, що держава дійсно могутня не тоді, коли має потужний військовий або економічний потенціал, а коли більшість громадян поділяє її установки на особистісному, емоційно-психологічному рівні. Але хто є найбільш впливовим на людські емоції та почуття, як не письменники, поети, літературознавці, вчителі та інші представники творчої інтелігенції? Вони здатні надихати людей вірою, громадянською пристрасстю і завдяки цьому бути представниками громадянської еліти. Тому влада, якщо вона розумна, ніколи не буде нехтувати творчою інтелігенцією.

На сучасному етапі трансформаційних змін в Україні представники творчої інтелігенції не можуть претендувати на роль духовних лідерів суспільства. Немає нових володарей дум, найбільш енергійних і відданих інтересам загалу, в яких би люди вірили і щиро їх підтримували. Совість нації сьогодні — «менти», агенти безпеки та інші «бригадіри», як слушно зауважив російський дослідник проблем громадянськості А. Ільницький [2]. Особливо яскраво це помітно в літературі. Закінчилася епоха письменників-трибунів і соціалістичного реалізму. Навіть постмодернізм, що набув популярності серед інтелектуалів 90-х, вже не має численних прихильників, тому що драматизм й насиченість сучасного життя роблять сьогодні таку літературу неактуальною й малотиражною.

Відсутність громадянських лідерів, можливо, пояснюється тим, що в нашій культурі момент особистої участі у суспільному житті завжди був доволі слабким. Прикладом цього може служити таке відоме українське прислів'я, як «моя хата з краю – нічого не знаю», що є відображенням пасивно-захисної моделі поведінки українців у вирішенні суспільних питань. Тому духовну національну еліту ще треба виховувати, і цей процес не є швидким та легким: схеми поведінки, перш ніж стати для людини особистими нормами, повинні зазнати тривалого напрацювання у спілкуванні й діяльності людей. «Схеми поведінки повинні визріти, а отже, не можуть бути нав'язаними зовні. Нові структури навіть через роки починають працювати лише тоді, коли у людей перед очима виникає відповідна картина буття, а в їх діяльності починає функціонувати відповідна узагальнена схема життєвого процесу» [3, с. 41].

Окрім того, економічний стан нашої країни, де кожен четвертий громадянин, серед яких є багато вчителів та викладачів – представників нашої інтелектуальної еліти, знаходиться за межею бідності, не сприяє відродженню інтелігенції. За даними соціологічних досліджень, потенціал для становлення середнього класу в сучасній Україні – 7–8% (російські соціологи, наприклад, вважають, що 20–25% населення країни становлять середній клас) [4, с. 13]. Ще Арістотель зазначав, що «там, де середні громадяни численні, завжди менше серед громадян угруповань і протистоянь... Але коли через відсутність середніх громадян чисельність неіснуючих переважає, держава опиняється в небезпечному стані й швидко прямує до загибелі» [5, с. 509].

В українських наукових колах останніх років формування громадянського суспільства пов'язують зі створенням правових, соціальних, політико-економічних передумов демократичного розвитку, з плюралізмом й роздержавленням, зі становленням змішаного, або відкритого суспільства. Не виникає сумніву, що проблеми взаємозв'язку держави, суспільства та індивіда є фундаментальними для будь-якого соціуму. На цьому трикутнику ґрунтується стабільність західних демократій [6, с. 12]. В українському соціумі кожна гілка влади має свою еліту, дійсну чи уявну. Не дуже опікуючись національними інтересами, ці еліти взаємодіють й суперничають між собою. За таких умов творча інтелігенція має бути відповідальною за свою власну країну і не бути байдужою до створення в Україні громадянського суспільства.

Формування творчої інтелігенції як майбутньої еліти закладається в основному у вищій школі. Це спричиняє реформування роботи вищих навчальних закладів. Українську еліту треба виховувати на національних традиціях та національних коріннях, вивчаючи досвід європейської цивілізації й застосовуючи комунікаційну стратегію, яка передбачає відкритий діалог еліти старого покоління з елітою нового покоління. У вихованні еліти доцільно використати технологічну методологію, що містить в собі аналіз конкретної соціальної ситуації, систему методів формування громадянських якостей особистості, систему заходів, спрямованих на використання соціальних, політичних, освітніх і інших інститутів для вирішення цього завдання. Використання гуманітарних технологій суттєво змінює світогляд студентів, формуючи в них демократичні стереотипи мислення й поведінки, комунікативні навички, толерантність у взаємодії з іншими соціальними суб'єктами, що, в свою чергу, сприятиме становленню громадянського суспільства в Україні.

Список літератури

1. *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки полит. теории. – СПб: Наука, 2001. – 417 с.
2. *Ильницкий А.* Гражданская миссия // Знамя. – 2004. – № 3.
3. *Кемеров В. Е.* Введение в социальную философию. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 128 с.
4. *Дублікаш Т. М.* Соціальна зрілість груп сучасного українського суспільства в умовах трансформації: Автореф. дис. ... канд. соціол. наук. – Х., 2002. – 20 с.
5. *Аристотель.* Политика. – М.: Наука, 1989. – 234 с.
6. *Кириченко С. О.* Співвідношення соціальної правової держави і громадянського суспільства в умовах сучасної України: Дис. ... канд. юрид. наук. – К., 2001. – 167 с.

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО И НРАВСТВЕННЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА

Украинское общество сегодня все активнее включается в общецивилизационные преобразования, которые пронизывают все его сферы: социоэкономическую, политическую, культурную и др. Изменения охватывают все социальные структуры общества, происходят они и в сознании людей, в их системе ценностей, в морали и др.

Многие современные исследователи отмечают дегуманизацию общества, его моральную деградацию и «раскультивирование» [2, с. 86], а это свидетельствует о его духовном кризисе. Для многих членов социума деньги стали главным показателем успеха и самодостаточности. В. Кремень заметил, что сегодня «не мудрость, не талант, не профессионализм, а именно деньги определяют статус человека [3, с. 9]. В культуре происходит подмена критериев, отмечает польский исследователь С. Лем, – когда стуящим считается то, что является популярным, а «диктат популярности – это диктат денег [4, с. 138–139]. Все больше коммерциализируется искусство, ему сегодня в основном принадлежит развлекательная и гедонистическая функция, а такое состояние может привести к обеднению эмоционального и духовного мира индивида.

Современный человек все чаще взаимодействует в своей жизни не с предметным миром и даже не с другими людьми, а сталкивается со знаками, символами, моделями. В информационном обществе уменьшаются непосредственные контакты между людьми, что может со временем привести к асоциализации и деперсонализации личности. В. Бауман полагает, что уже сегодня происходит резкое снижение, если не полная потеря контроля индивидов над социальными процессами, что, по мнению ученого, свидетельствует об объективном, неподконтрольном, непредсказуемом, спонтанном и случайном характере современного развития [1, с. 315]. А отсюда следует, что не стоит человеку задумываться о будущем, нужно жить «одним днем», здесь и сейчас. Такое отношение к жизни вызывает изменения в системе ценностей индивида, в его нравственных представлениях. Традиционные ценности – любовь, семья, чувство долга, ответственность, справедливость, честь, достоинство и др. – теряют смысл. В современном обществе человек начинает ценить превыше всего деньги, которые, как ему кажется, могут решить все его проблемы и удовлетворить все потребности. Такая позиция приводит к тому, что человек начинает относиться к другим людям, как к средству, позволяющему ему достичь поставленной цели. Индивидуализм, эгоцентризм превращаются в главные нравственные принципы, на которых выстраиваются отношения между людьми. Активно пропагандируют новую мораль средства массовой информации, Интернет, телевидение, которые культивируют идеал физически сильного, материально независимого человека, считающего себя исключительной личностью, а остальных – частью враждебно настроенного социума.

Разрушение социальных связей порождает не самоуверенность и силу, а наоборот, незащищенность, одиночество, неуверенность в себе и окружающем мире. И тем не менее новые цивилизационные преобразования ведут к возникновению глобального экономического сообщества с соответствующим «монетарным сознанием» [3, с. 9].

Новое сознание проникает во все социальные слои общества. А основным критерием социальной стратификации современного общества, как отмечал Д. Белл, выступает уровень знаний и образование [2, с. 90]. Повышение роли знаний в информационную эпоху обуславливает формирование высокообразованной и высокоинтеллектуальной элиты, которая претендует на руководящую роль в обществе. Именно интеллектуальную элиту рассматривает большинство современных исследователей в качестве главной движущей силы информационного общества [5, с. 99]. Новая элита качественно отличается от элиты прежних лет, представителей которой называли интеллигенцией. (Само понятие «интеллигенция»

появилось в 1866 году благодаря русскому писателю П. Боборыкину и означало «высший образовательный слой общества», которому были присущи высокие нравственные качества и прежде всего такие, как служение отечеству, чувство долга, ответственность за будущее своего народа). Современная элита – это интеллектуалы, которые, как правило, являются специалистами в узкой профессиональной сфере, им не присуще глубокое гуманитарное образование, они исповедуют космополитическое отношение к миру, им безразличны последствия собственной деятельности и др.

В современном обществе значительную роль играет политическая элита, элита в сфере науки, искусства, религии отступает на второй план и не выполняет какой-либо значительной роли в обществе. Внутри партийной элиты нет единства, постоянно вспыхивают конфликты между партийными системами. Современные процессы глобальной интеграции не способствуют развитию партийных структур, так как предполагают создание широкого политического объединения. Новые условия жизни диктуют и новые нравственные ценности, которые связаны с качеством жизни индивида, с его самовыражением. В этой связи меняются цели и задачи образования, которое призвано учитывать новое монетарное мышление, стремление человека заработать больше денег для реализации собственных потребностей. В. Кремень заметил, что «сила теперь не просто в получении знаний, а в знаниях, которые позволяют заработать, добыть деньги, капитал, богатство» [3, с. 9].

В таких условиях многое зависит от человека, от его нравственной позиции (быть «проданным» или быть «купленным»). Новое время выдвигает и новое мировоззрение, новую мораль, новые ценности. Проблемы добра и зла по-прежнему волнуют человека. Но другими становятся его приоритеты, изменяются представления о благе. В этой связи важно понять направление общественного развития и на этом пути не потерять себя, не растерять нравственных ценностей, которые во все времена позволяли человеку оставаться самим собой, другими словами, быть человеком.

Список литературы

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. – М., 2002. – 498 с.
2. Ильюшина Э. Глобализация и постмодерное общество // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2004. – № 4. – С. 90.
3. Кремень В. Г. Глобалізаційний вимір раціональності // Глобальні проблеми людства як фактор трансформації освітніх систем: Матеріали V Міжнар. наук.-практ. конф.-семінару кер. ВНЗ та вчених-дослідників із проблем освіти, Харків, 1–3 лют. 2007 р. [Редкол.: В. І. Астахова (відп. ред.) та ін.]. – Х.: Вид-во НУА, 2007. – 264 с.
4. Наука не винна. Розмова зі Станіславом Лемом // Нова Польща. – 2000. – № 1. – С. 137–143.
5. Россия, которую мы обретаем / Отв. ред. Т. И. Заславская, З. И. Калугина. – Новосибирск, 2003. – 424 с.

Т. В. Ярмач

ВИХОВАННЯ ПАТРІОТИЧНОЇ СВІДОМОСТІ СУЧАСНОЇ УКРАЇНСЬКОЇ ІНТЕЛІГЕНЦІЇ

Актуальність проблеми патріотичної свідомості як основи гуманізації вищої школи зумовлена тим, що українська система освіти стоїть перед завданням виховання особистості, яка спроможна здійснювати в країні демократичні перетворення, вести до нових духовних надбань, змінювати навколишній світ та себе в цьому світі, збагачувати систему національного виховання та освіти.

На сучасному етапі розвитку українського суспільства і науки очевидною стала актуальність теоретичної розробки проблем патріотизму. У науковій літературі ми зустрічаємо різні трактування поняття «патріотизм». Для одних це суспільно-політична категорія, що носить історично зумовлений характер, для інших – стан радісної, оптимістичної любові до Батьківщини й натхненної творчості, тобто стан духовний. Деякі вчені дивляться на патріотизм як на продукт соціального замовлення (Ю. А. Гапон). Досить поширеною є тенденція підміни патріотичного виховання національним (О. М. Докукіна, О. Вишневський).

Видатні українські педагоги-філософи П. Д. Юркевич, Г. Г. Ващенко, В. О. Сухомлинський, незважаючи на значну часову відстань між ними, різницю між їхніми політичними та соціальними орієнтирами, говорили про патріотизм українців, насамперед підкреслюючи його духовну сутність. Багато сучасних дослідників знов повертаються до трактування патріотизму як духовно-моральної якості особистості. (І. О. Ільїн, Т. В. Бутківська, П. І. Новгородцев та ін.).

Розвиток нації, молодого покоління, його інтелектуальний і духовний потенціал багато в чому залежать від патріотичних засад сучасної інтелігенції, від сприятливих соціально-історичних умов, продуманої послідовної політики в гуманітарній сфері українського суспільства і запалом держави як головного політичного інституту політичної системи суспільства. Формування на педагогічних засадах почуття причетності до всього того, що відбувається навколо, прищеплення активної соціальної позиції внаслідок становлення громадської самосвідомості є шляхом до повноцінного, з духовно багатим внутрішнім світом, життя самоактуалізуючої самосвідомості особистості.

Характерними ознаками пострадянської трансформації політичної системи України є відчутне збільшення громадської активності в усіх сферах суспільного життя, прагнення людей (особливо інтелігенції), бути не лише пасивними свідками нинішніх докорінних перетворень у країні, а й намагатися безпосередньо впливати на формування владних органів різних рівнів.

Демократичний пафос Помаранчевої революції, виражений гаслом «Свободу не спити!», символізував пробудження національно-патріотичного, визвольного архетипу свідомості молодого покоління. Збагачуючись за роки незалежності демократичними цінностями, українська інтелігенція наприкінці 2004 року стала основною рушійною силою революційних змін. Сучасна управлінська інтелігенція є виразником нового способу мислення, євроінтеграційних уподобань та пов'язаного з ним соціального динамізму, прибічником зміцнення незалежності Української держави, ствердження національної ідеї. Особливу роль у цьому відіграє глибока інтегрованість молодих людей, насамперед інтелігенції, у світовий інформаційний простір, що забезпечує їй значно вищий, ніж у попередніх поколінь, рівень інноваційності суспільно-політичних орієнтацій.

Нинішня політична криза в Україні пов'язана насамперед із тим, що всі найскладніші проблеми системних перетворень доводиться вирішувати на марші, з чистого аркуша, за відсутності досвідчених кадрів, національно свідомої політичної еліти-інтелігенції. Доки до влади не прийде нова генерація політичних менеджерів, які не тільки є добрими організаторами, а й спроможні мислити категоріями української нації, доти важко буде досягти прогресивного поступу держави. Якщо ми прагнемо побудувати демократичне суспільство, питання патріотичного виховання молодого покоління мають бути пріоритетними. Патріотизм завжди визначали як любов до рідної країни, або рівність у захисті інтересів своєї країни. Відповідно патріотична свідомість традиційно асоціюється з вихованням любові до своєї Вітчизни. Хоча патріотизм – це швидше діяльне ставлення до країни, яке спирається на національну гордість і повагу до Батьківщини, громадську відповідальність за її долю. Треба усвідомити, що патріотизм – це не всебічна хвальба того, що своє чи марнославне самозадоволення своїми успіхами. Любов до Батьківщини не повинна бути сліпою, а включати й елементи критики, ненависті, зокрема, до забобонів та вад своїх співвітчизників, насильно встановленого чужоземцями політичного ладу на українській землі.

Понад трьохсотлітня бездержавність та панування чужих культур глибоко травмували вразливу українську душу. За радянської імперії національна ідеологія, патріотизм поціновувалися як явища кримінального порядку, а тому їх відкидали на політичний маргінес. Системна пропаганда комуністичної ідеології сприяла вихованню космополітичної свідомості інтелігенції. Звичайно, ми не повинні наслідувати стереотипів СРСР, але окремі позитивні методи виховання тієї доби можна використовувати й нині. Радянська система з допомогою спеціальних структур — піонерських та комсомольських організацій, на державному рівні опікувалися інтелігенцією, визначала її світоглядні цінності. Результатом такого виховання було відчуття причетності інтелігенції до великої справи побудови нового суспільства, історичної долі країни, гордості за свою Вітчизну. Саме цього бракує сучасній українській інтелігенції, яка не усвідомлює свого морального обов'язку перед Батьківщиною та своїм народом. У багатьох наших молодих людей ще й сьогодні політична свідомість залишається деформованою «комплексом національної меншовартості» і враженою космополітичними ілюзіями.

З метою забезпечення виховання патріотично свідомої майбутньої інтелігенції освітній процес сучасного студентства має базуватися на власних національно-духовних цінностях. Молоде покоління має усвідомлювати: 1) турботу про інтереси та історичну долю держави й готовність заради неї до самопожертви; 2) гордість за соціальні та культурні досягнення своєї країни; 3) співчуття до страждання народу й негативне ставлення до соціальних вад суспільства; 4) повагу до історичного минулого Батьківщини й успадкованих від неї традицій.

За нинішньої доби надмірної політизації суспільства, існує попит на помірковану молоду генерацію. Вона не має бути пасивно-споглядалною чи мітингово-деструктивною. Великі перспективи для сучасної молоді відкриваються в тому разі, якщо вона, крім всебічних знань, матиме ще й патріотичну свідомість, що сприятиме розбудові української держави.

Життєдайною силою формування патріотичної свідомості є відродження національних традицій, культури, духовності. Почуття патріотизму потрібно систематично й цілеспрямовано виховувати у всіх громадян України, особливо інтелігенції. Усі можливості нашої культури слід використовувати для повернення молодому поколінню ідеалів справедливості, високої моральності, поваги до історії своєї держави.

Ідентифікація індивідами себе до певної національної спільності на основі уявлення про типові її риси, територію, мову, історичні та духовні цінності, реалістичні вірування, міфи, нарешті коріння її генезису та умови розвитку мають стати основними принципами патріотичного виховання.

Отже, утвердження у свідомості студентів любові й поваги до Батьківщини, гордості за свою суверенну державу, готовності стати на захист інтересів свого народу — основне завдання системи виховання, що спирається на національні та патріотичні чинники. У цьому вихованні, насамперед, слід концентрувати увагу на правильному розумінні національних інтересів, і, що дуже важливо, наголошувати на потребі їх захисту. Національне виховання передбачає утвердження патріотичної самосвідомості, національних почуттів, традицій, характеру, психології, духовно-культурних, мовних, етичних цінностей та почуття загальноукраїнської гордості.

II. ІНТЕЛЕКТУАЛЬНА КРИЗА В УКРАЇНІ: ПРИЧИНИ ПОГЛИБЛЕННЯ І ШЛЯХИ ПОДОЛАННЯ

А. П. Алексеенко, Л. М. Гусева

ДУХОВНОСТЬ КАК ПУТЬ ПРЕОДОЛЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КРИЗИСА

Для просветительской модели homo sapiens всегда было характерно акцентирование внимания на образованности и интеллектуальном развитии личности. Считалось и во многом остается преобладающим сегодня мнение о том, что знание составляет основу внутреннего мира человека, его духовности. Подобное понимание духовного не случайно, ибо оно имеет под собой весомые основания. Дело в том, что на протяжении многих лет общественному мнению навязывалась идея: самое важное – это знание, мастерство, профессионализм.

Думается, что перечисленное выше имеет важное значение для понимания путей формирования духовности. Однако односторонний рационализм, особенно позитивистски-сциентистского толка явно недостаточен для определения духовности человека и общества. Не формируется духовность и на пути «по-предметного» обучения основам наук. Образование, в основном, дает человеку знания, способствует развитию его интеллекта, профессиональных качеств и навыков. Сказанное отнюдь не означает какого бы то ни было умаления значения данной сферы культуры, «...речь идет лишь о том, что сфера духовности шире по объему и богаче по содержанию того, что связано со сферой рациональности» [1, с. 4]. Главное в становлении духовности – не приобретение знаний, а их смысл и цель. Духовность служит показателем существующей иерархии ценностей, целей и смыслов, в ней выражен высший уровень духовного освоения мира человеком. Стержневыми понятиями, вокруг которых концентрируется гуманистический смысл духовности, являются Вера, Надежда, Любовь и мудрость жизни – София. Профессионализм, как и любое мастерство, выучка, если они не сориентированы и значительно нравственно, склонны в определенных условиях не к добру, а к злу.

Следовательно, главное здесь не приобретение разнообразных знаний, а их смысл и цель. Соответственно, и духовность – это проблема обретения смысла. Духовность есть показатель существования определенной иерархии ценностей, целей и смыслов, в ней концентрируются проблемы, относящиеся к высшему уровню духовного освоения мира человеком. Духовное пространство человека, как и пространство духовной культуры, всегда включало в свое построение «вертикаль», разделяющую возвышенное, сакральное и низменное, обыденное, «земное и небесное», «верх и низ» [терминология М. М. Бахтина], «добро» и «зло». В человеке постоянно идет незримая борьба этих начал, представляющих два «мира», две «реальности» человеческого бытия. Между ними существуют напряженные и противоречивые отношения, оба «бросают вызов» человеку, порождая задачи и проблемы, которые человек должен решать, реализуя свой выбор. Это закладывает целый ряд противоречий в процесс формирования человека как духовного существа, обладающего возможностью творить по законам истины,

добра и красоты. В этом контексте духовность есть интегративное качество, относящееся к сфере смысложизненных ценностей, определяющих содержание, качество и направленность человеческого бытия и «образ человеческий» в каждом индивиде.

Проблема соотношения интеллектуальности и духовности относится к числу таких, которая требует в настоящее время своего осмысления и внимательного рассмотрения. Хотелось бы сразу отметить, что ее решение не может быть однозначным и простым, поскольку при этом необходимо иметь в виду, что она лежит также и в плоскости тех различий, которые существуют между левым и правым полушарием у человека. «...Левое полушарие является аналитическим и действует последовательно и рационально, а правое полушарие является синтетическим и функционирует более целостным, иррациональным образом». И далее: «...Такие аналитические умения, как решение задач, формулирование гипотез и их проверка, даже, возможно, самосознание, относятся к левому полушарию, в то время как другие умения, такие как искусство, музыка и, возможно, даже бессознательное, относятся к правому полушарию» [2, с. 401].

В самом деле, интеллектуалы довольно часто удивляют своей нравственной, т. е. духовной неразвитостью: нередко они прямо или косвенно участвуют в проектах массового уничтожения людей и в войнах, и в мирное время, создавая варварское и очень эффективное оружие, допуская опять же варварские эксперименты на людях и животных и т. д. и т. п. Так, нацистские вожди, бестрепетно уничтожавшие людей в газовых камерах, разрешавшие использовать кожу живых людей для изготовления абажуров и перчаток, были большими знатоками, интеллектуалами и большими ценителями искусства, играли на музыкальных инструментах. Это является одним из свидетельств того, что интеллектуализм довольно часто нигде не пересекается с нравственным аспектом духовности.

В связи с этим следует обратить внимание на особенности формирования человеческого сознания, в частности, на различие в функциях левого и правого полушарий мозга. Науке эти различия давно известны. Но мы вкратце остановимся на тех особенностях, которые важны в контексте рассматриваемой проблемы. Прежде всего, следует отметить, что плоды работы левого полушария в условиях массового образования, ставшего доступным в последние 100–200 лет, очевидны: это умение логически мыслить и — что наиболее важно — неограниченно доверять плодам, т. е. выводам, умозаключениям, вытекающим из этого процесса. Это знание можно назвать опытным, так как оно опирается на опыт и используется в нем самым широким образом.

Безграничное доверие, неосознанно допускаемое нами в отношении логики, и основанное на нем мышление сделало многих из нас левополушарными людьми, знающими о существовании духовности, о ее нравственном аспекте, но не испытывающими никакого дискомфорта от своей неразвитости в этом плане. Логично думать и действовать так, что многие люди — лишь средство для исполнения твоих целей, и человек не задумывается, так ли это на самом деле.

К счастью, есть люди, прекрасно мыслящие и проявляющие качества альтруиста. Их имена можно не перечислять: они на слуху в каждом народе, в каждой культуре. Их отличие в том, что они целостны в своем сознании, и это обусловлено синхронной работой правого и левого полушарий. Мир держится именно на таких людях.

Возникает вопрос: что же привносит в сознание человека активная работа правого полушария? Многие отмечают творческий аспект, основанный на интуиции. В свое время А. Шопенгауэр отмечал, что в таинственные глубины мира, непостижимые и необъяснимые, нельзя проникнуть иначе, чем с помощью чистого созерцания и интуиции. Следует сразу отметить, что интуиция (творческое озарение) никакого отношения к логическому мышлению не имеет, а попытки вывести ее из прошлого опыта (сингулированного, логически оформленного, опытного знания) кажутся надуманными. Стоит вернуться к тому пониманию интуиции, в котором заложено готовое целостное знание, источник которого —

общая духовность человека, автоматически исполняющего нравственный закон любви к ближнему своему, а для верующего — любви к Богу как источнику всякой духовности.

Таким образом, активная работа правого полушария одухотворяет человека. Однако если в силу обстоятельств человек оказался правополушарным, это не означает его автоматической высокой духовности: сон разума рождает чудовищ. Не случайно средневековые остались в памяти человечества беспрецедентной борьбой церковной инквизиции с магами и колдунами. В этой борьбе чудовищно было все: как колдовство, казавшееся лишенным просвещения людям наиболее эффективным способом выживания (что это так, видно в наше время, когда многие образованные люди обращаются к магам (экстрасенсам) для решения своих задач) в лишенном любви мире; так и «святые отцы», не знающие заповеди «возлюби ближнего как самого себя».

Итак, сформулированная задача может быть представлена следующим образом: формирование целостного человека, который сможет контролировать направление своего творчества и нести ответственность за все сделанное им если не перед Богом, то перед своей совестью, которая в целостном человеке является главным индикатором поступков. Здесь известно два пути: 1) самодостаточный, когда человек принимает решение никогда не поступать вопреки заповеди «возлюби ближнего как самого себя»; 2) направляемый свыше, когда человек принимает решение доверить всего себя Богу и последовательно учиться любви к Нему «всею душою, всем сердцем и всеми помыслами своими», чтобы обрести любовь к ближнему как самому себе. В том и другом случае человек способен достичь цели, однако в первом случае человек не знает, сколько «чудовищ» порождено сном разума не только его, но и цепью поколений его предков: в какой-то момент он может почувствовать, что все его усилия плодов не приносят. Вот почему для современного человека, одним из «чудовищ» которого является секс без любви, погружающий его в пучину страстей, наиболее адекватен второй путь, когда человек, успешно преодолевший очередное заблуждение, чувствует за собой «крылья», потому что правое полушарие мозга, активизируя работу, дает ему чистую энергию высоких вибраций, позволяющую «горы свернуть», дающую вдохновение и радость творчества. Другими словами, человек ощущает незримую, но явную помощь. К тому же, он не лишен способности рассуждать и делать выводы, то есть идти в ногу с современностью.

Из всего изложенного следует, что интеллектуализм из явно положительного явления эволюции человечества, его сознания, «прохлопнув» золотую середину, ушел в отрицательные факторы, тормозящие развитие цивилизации. Следует очистить интеллект человека от чрезмерностей, лишив его неограниченного доверия. А интеллигенция как «лучшая» прослойка общества не должна думать, что держит в своих руках ключи от мудрости, потому что на самом деле эти ключи были, есть и будут в руках по-настоящему духовных людей.

Список литературы

1. Ребер А. Большой толковый психологический словарь. В 2-х томах / Пер. с англ. — Вече АСТ, 2003. — Т. 1.
2. Бувва Л. П. Духовность и проблемы нравственной культуры / Круглый стол «Духовность, художественное творчество, нравственность» // Вопр. философии. — 1996. — № 2.

Г. В. Довгаль

КОНКУРЕНТНАЯ СРЕДА, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В УКРАИНЕ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Рыночная экономика и конкуренция — неразрывные понятия. Именно конкуренция определяет основные параметры рыночного хозяйства. Выбраковывая неэффективные

хозяйственные звенья, конкуренция определяет направленность развития производства и выступает в качестве механизма регулирования отраслевых пропорций. Задавая критерии эффективности, она выступает не только методом экономического контроля, но и способом стимулирования к непрерывному совершенствованию. Конкуренция выполняет роль системного фактора.

И хотя чаще ее принято рассматривать в качестве эффективного средства ценового регулирования (Д. Рикардо, Дж. С. Милль) и установления рыночного равновесия (Л. Вальрас), что, несомненно, верно, роль конкуренции в рыночном хозяйстве глубже и скорее соответствует трактовке А. Смита, усматривавшего в ней «невидимую руку», направляющую своекорыстную деятельность частных производителей в русло общественных интересов.

Конкуренция занимает особое место в институциональной организации рыночной экономики. Особенность эта заключается, во-первых, в том, что конкуренция как институт рынка обуславливает эффективность функционирования других институтов, например, частной собственности, а во-вторых, помогает хозяйствующим субъектам правильно реагировать на рыночные сигналы.

Среди прочих рыночных институтов конкуренция характеризуется той специфической особенностью, что лишена свойств самоорганизации и устойчивости. Она не может быть ни результатом согласованных действий, ни следствием поведения хозяйствующих субъектов, что указывает на необходимость регулирования самой конкуренции извне как условия ее сохранения. Поэтому если для А. Смита конкуренция выступала в качестве способа спонтанной упорядоченности рынка, то в настоящее время саму конкуренцию принято рассматривать как упорядоченную систему, приоритет в обосновании чего принадлежит немецкой неолиберальной школе (В. Ойкен, Х. Ламперт и др.).

В этом смысле для понимания значения конкуренции в рыночном хозяйстве первоочередным является не определение критериев типа конкуренции (неоклассическая теория), что само по себе важно, а выявление тех институциональных условий, которые обеспечивали бы максимально благоприятную среду для функционирования и развития конкуренции. Только в этом случае конкуренция сможет играть роль эффективного координатора и фактора целостности хозяйственной системы [1, с. 15–25].

Между тем, рассматривая проблему конкуренции через призму рассредоточения экономической власти среди участников рынка, мы не можем игнорировать тот простой факт, что часть этой экономической власти находится в руках потребителя.

Поскольку условием существования самого конкурентного соперничества выступает расщепление экономической власти, то целью соперничества объективно становится стремление к перераспределению экономической власти в свою пользу или, другими словами, к расширению своей экономической свободы. Так как подобные устремления уравновешиваются рассредоточением экономической власти, то целевая направленность конкурентной борьбы будет заключаться в преодолении накладываемых на предпринимателя ограничений со стороны других участников соревновательного процесса.

Расширение экономической власти — это свидетельство лучших условий хозяйствования. Созданные преимущества — не что иное, как способ обретения лучших условий хозяйствования. Наконец, вознаграждение — результат завоевания лучших условий. А это дает основание утверждать: если для хозяйствующего субъекта конкуренция по форме представляется как соперничество, то по содержанию она являет собой процесс борьбы за лучшие условия хозяйствования.

В этом смысле конкуренция выполняет для предпринимательства роль питательной среды.

Взаимодействие конкуренции и предпринимательства носит не односторонний характер. Предпринимательство само оказывает активное воздействие на конкуренцию. Если конкуренция обуславливает многообразие предпринимательских структур, то оно, в свою очередь,

способствует, с одной стороны, поддержанию высокой конкурентной активности, а с другой — развитию самой конкуренции, ее форм и методов. В качестве способов выступают инновационная активность, понимаемая как склонность фирмы к нововведениям, и организационная культура фирмы, проявляющаяся в способности адекватно и быстро адаптироваться к рыночным изменениям.

Говоря об организации конкурентной среды, в качестве базисных ее принципов выступают: 1) расщепление экономической власти; 2) равенство принципов хозяйствования; 3) многообразие организационных форм хозяйствующих субъектов и 4) наличие рыночной власти как условие реализации предпринимательской функции [2].

Создание условий возникновения и функционирования конкурентной среды предполагает, что те, кто берется эти условия создавать, сам обладает предпринимательским мышлением. Он должен брать на себя риски за свои действия по регулированию национальной или территориальной конкурентной среды.

Фактором экономического возрождения Украины должно стать украинское предпринимательство. Однако справедливости ради следует отметить малочисленность украинского предпринимательского сословия, которое остается экономически и политически слабым. Традиционная и фундаментальная проблема бедности Украины не может быть решена путем перераспределения имеющихся ресурсов. Проблема бедности в Украине может быть решена только благодаря созданию нового богатства на пути ускоренного экономического роста.

Исторический успех украинского национального проекта в решающей степени зависит от того, насколько адекватными будут ответы на важнейшие вызовы времени со стороны предпринимательского сословия, власти и общества в целом [3].

Первый вызов — это нахождение оптимальной формулы взаимоотношений между предпринимательским сословием и властью. В середине и конце 1990-х годов в этих взаимоотношениях определяющим стало доминирование крупного бизнеса над властью. Такая модель вызвала отторжение общества. В последние годы страна качнулась в другую крайность — абсолютного доминирования власти над бизнесом. Такая модель стратегически бесперспективна. Ни прежняя, ни нынешняя модели не обеспечивают национальный успех.

Если говорить о моделях, предлагаемых сегодня развитыми странами, то можно выделить два их варианта. Первый — это американо-гонконгская модель с более или менее равноправным, хотя и далеким от идиллии сотрудничеством между властью и бизнесом; модель, обеспечивающая максимальные возможности для созидания и развития. Второй — континентально-японская модель, в которой власть доминирует над бизнесом и которая обеспечивает благоприятные условия для перераспределения ресурсов и долговременной стагнации. Адекватное представление об эффективности соответствующих моделей взаимоотношений власти и бизнеса можно получить из сопоставления фактических темпов экономического роста США и Гонконга, с одной стороны, и Континентальной Европы и Японии — с другой. Украине предстоит выбор между двумя этими моделями.

Второй, наиболее серьезный вызов, — латентный конфликт между предпринимательским сословием и обществом. Со стороны бизнеса по отношению к обществу в предшествующие годы де-факто была предложена модель взаимоотношений через подкуп или покупку. Для большей части общества такая модель неприемлема. Со стороны власти бизнесу в последние годы де-юре была предложена модель «социальной ответственности». Такая модель нелепа, поскольку главной социальной ответственностью бизнеса является эффективный бизнес, занятый производством пользующихся спросом на рынке товаров и услуг. Ни прежняя, ни нынешняя модели взаимоотношений не обеспечивают эффективное развитие страны в долгосрочной перспективе.

Украинскому и иностранному бизнесу, работающему в Украине, жизненно необходимо найти такие формы равноправного, честного и уважительного сотрудничества с обществом,

которые обеспечили бы ему понимание, поддержку и защиту со стороны самого общества. Только в этом случае у предпринимательства появится шанс не оказаться заложником прихоти толпы или же каприза власти, стать неотъемлемой, искренне уважаемой и неподдельно ценимой частью украинского общества. Если украинскому предпринимательскому сословию, украинской власти, всему украинскому обществу удастся найти адекватные ответы на эти вызовы, то долгосрочный успех украинского проекта будет обеспечен.

Список литературы

1. *Воронов А. Е.* Теоретичні підходи до проблеми конкуренції в Україні – К.: Логос, 2007. – 135 с.
2. *Барвенко А. Ю.* К вопросу о роли хозяйственных элит в развитии хозяйственных систем // Вісн. Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. Економічна серія. – Харків, 2005. – № 650. – С. 5–7.
3. *Дегтярев И. Н.* Обоснование концептуальной модели государственного регулирования инновационных процессов в условиях глобализации // Економіка розвитку. – Харків: ХНЕУ, 2007. – № 7 (45). – С. 13–19.

Е. А. Довгаль

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ В УКРАИНЕ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Миграция рабочей силы является одной из современных черт мировой экономики. Наряду с перемещением капитала и товаров происходит все большее передвижение трудовых ресурсов с вовлечением в этот процесс большинства стран мира. Постоянно ускоряющееся увеличение масштабов международной миграции рабочей силы, вовлечение в мировой миграционный оборот населения практически всех стран мира, особенно интенсивный рост доли высококвалифицированных мигрантов – все это становится закономерностями развития глобализирующегося мира. Обретает качественно новое значение сочетание факторов, причин и условий, специфических для этой формы миграции.

В настоящее время мобильность научных кадров в значительной степени зависит от области исследований. Этот фактор представляется более существенным, чем действие межрегиональных и межинститутских различий. Специфика области исследований особенно сказывается на интенсивности внешней «утечки умов», то есть эмиграции ученых за рубеж.

В результате складывается высокая скорость оборота кадров, что в свою очередь приводит к тому, что образуется разрыв поколений: сегодня уже ясно чувствуется недостаток 30–40-летних ученых. Возрастной «середины» нет как нет, и в ближайшее время, по-видимому, не будет тех, кто сможет заполнить эту «середину» в будущем. Изменить ситуацию можно будет только за счет внутренних условий в стране, ведь ученые уезжают не просто из-за более высокой зарплаты, но и из-за того, что за рубежом есть необходимые условия для проведения исследований [1].

По мнению многих специалистов, основной причиной «утечки умов» из Европы является недостаточность ассигнований на исследования и разработки. Известно, что правительства европейских стран тратят на это в среднем около 2% бюджета, а американцы – вдвое больше, причем разрыв этот постоянно растет. Например, в 2005 г. в США на исследования и разработки было выделено 250 млрд, из которых на долю государства приходилось всего 47 млрд долл. В 2005 году только государственные ассигнования на эти цели превысили рубеж в 150 млрд долл. [2].

В Европе все гораздо скромнее. Основная часть ассигнований на науку, выделяемых из национальных бюджетов европейских стран, в этот же период не превысила 100 млрд долл. США. Существенно меньшая сумма – около 4 млрд долл. США в год – поступает из бюджета

известной европейской программы «*Framework Program*», причем деньги выделяются главным образом на те исследования, которые быстро смогут найти применение в промышленности. Это не идет ни в какое сравнение с сотнями миллиардов долларов США в год, выделяемыми американским бизнесом на НИОКР.

Однако менее значительные относительно американских ассигнования на науку в Западной Европе являются гораздо более объемными, чем в Украине, где в 2005 г. они составили в сопоставимых показателях около 60 млн долл. США. При этом необходимо учитывать, что эта цифра включает не только расходы собственно на НИОКР, но и затраты на сохранение материально-технической базы зачастую неэффективно функционирующих научно-исследовательских структур, выплату заработной платы задействованным в них работникам и др. В контексте открытости довольно низкого уровня заработной платы это предопределяет значительный риск «утечки умов» из Украины [3–4].

Есть все основания для предположения о том, что нынешние масштабы интеллектуальной эмиграции – только вершина «айсберга» в сравнении с тем, что ожидается. По свидетельству социологических опросов, проведенных центром «Демократические инициативы», более 80% отечественных ученых хотели бы уехать за рубеж и уедут, как только представится подходящая возможность. Значительная часть научной молодежи уже практически живет за рубежом, формально числясь сотрудниками тех или иных научных учреждений Украины. Как показывают данные опроса, почти половина его участников заявила о готовности эмигрировать из страны навсегда.

Следует отметить, что только за 2000–2005 гг. из Украины на проживание в другие страны мира выбыло 99,1 тыс. чел. с высшим образованием, что составляет 16% количества всех эмигрантов. Среди выбывших за это время на постоянное проживание в другие страны – 201 доктор и 589 кандидатов наук. В целом, по различным оценкам, за годы независимости Украина потеряла от 15 до 20% интеллектуального потенциала в результате эмиграции наиболее подготовленной рабочей силы [5–6].

В качестве совокупности факторов, обуславливающих отток ученых за рубеж, респонденты указывают на сложившийся низкий уровень оплаты труда, низкий и все более понижающийся уровень престижа науки в обществе, атмосферу незащищенности, в которой оказалась наука и занятые в этой сфере, неясность для ученых перспективы своей карьеры и деятельности. Удручающе действует на ученых не востребованность их творческих способностей и профессиональных знаний.

Тревогу вызывает не миграция сама по себе и даже не ее масштабы, а тот факт, что эти потоки односторонненны, то есть выезд специалистов из Украины несопоставимо больше, чем обратный приток высококвалифицированных кадров из-за рубежа. Данное обстоятельство имеет еще одно следствие. Как ни странно, оно способствует распространению демпинговых цен на труд украинских специалистов за рубежом.

Массовый выезд научных кадров является очевидной потерей для страны. Во-первых, ослабляется научно-технический потенциал страны, что предопределяет замедление научного и, как следствие, социально-экономического роста. Во-вторых, остаются невостребованными затраты государства на воспитание, обучение и повышение квалификации эмигрантов. В-третьих, весьма значительна упущенная выгода, равная ожидаемому вкладу эмигрантов в экономику и науку страны. В-четвертых, страна-донор несет и существенные социально-демографические потери. И дело здесь не только в том, что эмигрируют, как правило, лица в репродуктивном возрасте и возрасте максимальной активности вступления в брак, но и в том, что таким образом нарушается процесс социального воспроизводства собственно научных кадров и интеллигенции в целом, преемственность поколений [7].

Все вышесказанное свидетельствует о настоятельной необходимости решения проблем интеллектуальной эмиграции. Административными методами воспрепятствовать этим процессам невозможно, а при высоком уровне открытости экономики это еще и вредно.

Сдерживанию процесса «утечки умов» из отечественной науки способствовала бы национальная политика, направленная на приоритетное финансирование исследований, отвечающих национальным интересам, поддержку научных школ, молодых ученых, которые должным образом смогут повлиять на положительную динамику устойчивого развития экономики.

Целесообразными представляются мероприятия по удержанию наиболее талантливых специалистов и молодежи. Это можно осуществить, используя систему надбавок к заработной плате по результатам их научно-исследовательской и практической деятельности в совокупности с гибкой системой налоговых льгот. Подобные «точечные» меры в расчете на одного высококвалифицированного специалиста обойдутся дешевле, нежели общее снижение налогов, которое иногда предлагается в качестве решения существующей проблемы [8].

Увеличение внутренних и внешних инвестиций в здравоохранение, исследовательскую работу и другие секторы хозяйства, наиболее подверженные «утечке умов», в единстве с повышением вознаграждения интеллектуалам, способно удержать интеллектуальную элиту в стране. Актуальным представляется и создание адекватных условий для жизни и творческой деятельности интеллигенции, повышения престижа и социального статуса научных работников и других высококвалифицированных специалистов в обществе.

Определенную пользу для решения этой проблемы может принести и создание агентств по связям с соотечественниками за рубежом, прежде всего связям с интеллектуальными кадрами для организации и поддержки совместных научных и научно-технических исследовательских программ, укрепления профессиональных отношений и создания условий для их возвращения на родину.

Необходимо умело регулировать процессы интеллектуальной эмиграции, так как значительные ее объемы позволяют посредством денежных переводов родственникам или путем инвестирования в какое-либо предприятие по прибытии мигранта на родину накапливать инвестиционные ресурсы, так необходимые для развития экономики страны. Особенно эффективным представляется вовлечение этих ресурсов в сферу малого и среднего бизнеса, занятость в котором в Украине по самым оптимистическим оценкам не превышает 8–10% экономически активного населения по сравнению с более чем 50% в экономически развитых странах. Эффективность данного процесса обусловлена как относительной дешевизной создания дополнительных рабочих мест в реальном секторе экономики, так и быстрой их отдачей в плане создания востребованной на рынке продукции [9].

Доходы, полученные внешними трудовыми мигрантами, могут обеспечить и значительные приросты самозанятости в различных сферах национальной экономики, в том числе в сфере материальных услуг и производства потребительских товаров. Для этого должна вестись продуманная политика по использованию на родине средств эмигрантов, заработанных за границей, накопленного ими опыта производственно-хозяйственной деятельности, организации труда и системы социальных отношений. Такая политика может проводиться в сфере создания льготных условий по аренде репатриантами помещений для организации производства, принятия моратория на всевозможные проверки, осуществления кредитной поддержки предпринимательской деятельности, ее стимулирования в направлении создания максимально возможного количества рабочих мест, обеспечения социальной защиты мигрантов на родине на случай непредвиденных обстоятельств, вовлечения их в социально-политические процессы, создания благоприятного социально-психологического климата для возвращающихся мигрантов, особенно открывающих на родине свое дело, создающих дополнительные рабочие места, становящихся эффективными инвесторами.

Список литературы

1. *Московкин В.* Утечка умов из стран СНГ // Бизнес Информ. – 2005. – № 5. – С. 15–27.
2. *Красинец Е.* Интеллектуальная миграция / Е. Красинец, Е. Тюрюканова // Экономист. – № 3. – 1999. – С. 69–75.
3. *Колот А.* Глобалізація економіки та її вплив на соціально-трудоу сферу // Україна: аспекти праці. – № 3. – 2001. – С. 23–30.
4. *Пискун А.* Миграционная ситуация в Украине / А. Пискун, И. Прибыткова, В. Волович // Полит. мысль. – 2006. – № 3–4. – С. 47–76.
5. *Морозова О.* Прогнозування розвитку ринку праці молодих фахівців в Україні // Україна: аспекти праці. – 2002. – № 3. – С. 8–12.
6. *Позняк О.* Трудові міграції в Україні: сучасний стан, проблеми, перспективи // Україна: аспекти праці. – 2001. – № 8. – С. 43–47.
7. *Романюк М.* Миграции населения Украины: национальные приоритеты и региональная дифференциация механизма регулирования // Экономика Украины. – 2006. – № 9. – С. 38–44.
8. *Гнибиденко И.* Проблемы трудовой миграции в Украине и их решение // Экономика Украины. – № 4. – 2006. – С. 19–22.
9. *Цапенко И.* От иммиграционного контроля к управлению миграционными процессами // Мировая экономика и междунар. отношения. – 2001. – № 10. – С. 23–33.

Л. О. Ківа

МАРКЕТИНГОВИЙ АНАЛІЗ КОНКУРЕНТОСПРОМОЖНОСТІ ВИЩИХ НАВЧАЛЬНИХ ЗАКЛАДІВ

Метою кожного ВНЗ є досягнення максимально можливої відповідності результатів функціонування вимогам, що ставляться з боку як споживачів, так і регулювальних органів.

Сучасний стан розвитку освітянських послуг в Україні характеризується значним зростанням численності вищих навчальних закладів III та IV рівнів акредитації в основному за рахунок збільшення кількості ВНЗ недержавної форми власності. При цьому кількість абітурієнтів суттєво не змінюється. Таке становище обумовлює посилення конкурентної боротьби між усіма вищими навчальними закладами незалежно від форми власності. Означені тенденції обумовили формування та розвиток конкуренції на ринку освітніх послуг країни. Навчальний заклад виступає на такому ринку як виконавець, а громадянин, що бажає отримати освіту, є споживачем таких послуг. Конкурентоспроможність вищого навчального закладу, з позицій споживача, можна визначити через конкурентоспроможність послуг, що надаються споживачу за обраною ним спеціальністю. Внаслідок цього найбільшою проблемою початку третього тисячоліття, що постала перед вищим менеджментом ВНЗ, є необхідність не тільки вміти знаходити і залучати нових споживачів, але й адаптувати свої зусилля до дій конкурентів. Успішна діяльність будь-якого вищого навчального закладу в системі професійної освіти визначається перш за все його конкурентоспроможністю на ринку освітніх послуг.

Яким же є коло завдань, що потребують вирішення в процесі аналізу конкурентоспроможності суб'єктів ринку освітніх послуг? Якими мають бути методи й інструменти вирішення завдань, пов'язаних із конкурентоспроможністю ВНЗ як економічного об'єкта?

У більшості досліджень уявлення щодо конкурентоспроможності аналізується через зіставлення з такою важливою техніко-економічною категорією, як «якість продукції». При цьому поняття «якість» відокремлюється від поняття «споживча вартість». Аналіз того, що мається на увазі під назвою «споживча вартість», дав змогу припустити, що це набір властивостей, які пов'язуються з конкурентоспроможністю, а того, що мається на увазі під якістю, – набір технічних характеристик товару, тобто проблема якості – зводиться до кваліметрії. Другий поширений підхід до конкурентоспроможності продукції зводиться до

дослідження оптимального співвідношення між якістю товару (послуги) та його ціною. Третій підхід визначає конкурентоспроможність як властивість товарів, що характеризує ступінь задоволення конкретної потреби у порівнянні з кращими аналогічними товарами, представленими на ринку.

Властивості конкурентоспроможності дають змогу розглядати конкуренцію на ринку освітніх послуг наступним чином. Є економічна система, що включає ряд функціонально однорідних об'єктів і зовнішнє середовище цих об'єктів (органи регулювання та споживання освітніх послуг), роль якого в даному випадку зводиться до формування вимог стосовно результатів функціонування цих об'єктів. Механізм формування вимог з боку споживачів апіорі об'єктам невідомий, а самі вимоги ставляться до цих об'єктів у слабоформалізованому вигляді з високим ступенем невизначеності. Вимоги середовища й результати функціонування об'єктів можуть бути надані у вигляді низки показників, що мають різний економічний зміст, а також є кількісними та якісними. Метою кожного об'єкта в цій ситуації є досягнення максимально можливої відповідності результатів функціонування до вимог, що ставляться як з боку споживачів, так і регулювальних органів. Кількість об'єктів упорядковується на основі критерію мінімуму відстані між результатами функціонування і вимогами середовища.

Таким чином, виявляється, що проблема конкурентоспроможності ВНЗ є комплексною, розташованою на перетині двох наукових дисциплін – кваліметрії і маркетингу. Відповідно, проблема аналізу конкурентоспроможності освітньої послуги як продукції і ВНЗ як організації повинна вирішуватися в рамках цих двох напрямів.

Як відомо, освітньою послугою ВНЗ є освітня програма. Позиції ВНЗ на ринку нерозривно пов'язані з конкурентоспроможністю освітніх програм, що надаються ними. Кожний ВНЗ надає декілька освітніх програм. Отже, за однією групою однорідних програм він може використовувати значні обсяги якісних ресурсів (висококваліфікований викладацький склад, використання сучасного обладнання та навчальних технологій тощо), а за іншою – використовувати мінімум ресурсів. Тому конкурентоспроможність ВНЗ буде відрізнятися від конкурентоспроможності освітньої програми (групи програм) того ж самого ВНЗ. Це потребує розмежування суб'єктів оцінки: ВНЗ (окрема освітня програма), ВНЗ (група однорідних програм), що дасть змогу більш точно сформулювати параметри, за якими необхідно давати оцінку.

Враховуючи вищенаведене зауваження, можна сформулювати два аспекти, які впливають на вибір ВНЗ і освітньої програми споживачем. Перший – це корисний ефект, який отримує споживач: якість освітньої програми і сервіс, що супроводжує її надання. Другий – витрати, що пов'язані з придбанням та експлуатацією товару-послуги «освітня програма». Чим більш корисний ефект і менші витрати, тим привабливішим для споживача є товар-послуга, тим вища конкурентоспроможність освітньої програми і ВНЗ у порівнянні з аналогічною освітньою програмою іншого ВНЗ або різних освітніх програм одного й того ж ВНЗ (залежно від вибору аналогу зіставлення). Отже, умовою конкурентоспроможності освітньої програми є максимізація питомого корисного ефекту (споживчий ефект). Це дає підстави зробити обґрунтований висновок про те, що оцінка рівня конкурентоспроможності такої послуги, як освітня програма, з методологічної точки зору нічим не відрізняється від будь-якого товару, що надає змогу використовувати широкі методи її оцінки.

Зарубіжний досвід показує, що найкращим вирішенням даної проблеми є створення незалежного об'єктивного рейтингу навчальних закладів. Крім того, надання інформації для участі в рейтингу свідчить про відкритість навчального закладу, його демократичність та повагу до своїх студентів.

Чимало навчальних закладів вводять нові, популярні нині напрями підготовки спеціалістів, не маючи при цьому ні достатньої матеріально-технічної бази, ні по-справжньому кваліфікованого персоналу, а тим паче – **сформованої наукової школи**. Тому було б некоректним і методологічно неправильним без урахування названих чинників визначати рейтинги навчальних закладів у цілому.

Ретельний аналіз існуючих систем рейтингування навчальних закладів з урахуванням особливостей системи вищої освіти України дав можливість розробити цілком прийнятну систему створення рейтингу вищих навчальних закладів. Пропонована методика складається з наступних пунктів:

1) оцінка навчальних закладів з урахуванням зібраної інформації по 13 показниках (табл. 1);

2) визначення вагомості, що відбиває точку зору експертів (в основному деканів відповідних факультетів, директорів коледжів і ректорів університетів) на важливість даного показника в сумарній оцінці.

Установлення балів щодо кожного показника використовується за шкалою оцінок від 1 до 10.

Доцільно використовувати при розрахунку рейтингів такі показники, як «частка викладачів, що працюють у даному ВНЗ за сумісництвом», «площа спортивних споруд у розрахунку на одного студента», «кількість монографій та підручників, виданих викладачами факультету за останні три роки» та «бюджет навчального закладу в розрахунку на одного студента».

У рейтингах сконцентровані великі обсяги інформації щодо якості освіти у кожному ВНЗ, які можуть бути використані не лише абітурієнтами. Керівники вітчизняних навчальних закладів також мають бути зацікавлені у наявності інформації про відносну якість навчання на окремих факультетах та про загальну конкурентоспроможність закладу. Це дасть змогу планувати і здійснювати кроки щодо покращення становища та оцінювати ефективність роботи.

Нарешті, Українська держава зацікавлена у розвитку національної системи вищої освіти. А рейтинги навчальних закладів можуть використовуватися в системі моніторингу освіти як об'єктивні індикатори такого розвитку.

Таблиця 1

Перелік показників оцінки рейтингу вищих навчальних закладів згідно із запропонованою методикою

№ п/п	Найменування показника	Вага показника*
1	Рівень акредитації	0,082
2	Викладацький склад ВНЗ (кількість викладачів, що мають вчені ступені, у загальній кількості викладачів)	0,094
3	Наявність військової кафедри	0,064
4	Бібліотечні фонди на одного студента	0,090
5	Забезпеченість студентів комп'ютерами (кількість комп'ютерів у студентських лабораторіях на загальну кількість студентів ВНЗ)	0,088
6	Викладацький склад факультету (кількість викладачів факультету, що мають вчений ступінь, у загальній кількості викладачів факультету)	0,095
7	Освітньо-підготовчі рівні, за якими здійснюється підготовка юристів (для навчальних закладів 3–4 рівня акредитації)	0,081
8	Рівень оплати навчання	0,076
9	Кількість місць державного замовлення	0,063
10	Наявність підготовчого відділення	0,957
11	Наявність різних форм навчання (денна, заочна, вечірня, дистанційна)	0,073
12	Конкурс при вступі на факультет	0,072
13	Частка студентів, що одержали диплом із відзнакою	0,065

Варто зазначити, що названі напрями не можна вважати повністю вичерпаними стосовно маркетингової діяльності освітнього підприємства. Проте вони, напевно, є найважливішими. Крім того, зрозуміло, що маркетингові системи ВНЗ не можуть бути однотипними. Але в будь-якому разі майбутнє «ринкових» вищих навчальних закладів вирішальною мірою залежить від здатності його менеджменту здійснювати ефективне планування та належним чином організувати маркетингову діяльність.

Список літератури

1. *Астахова В. И.* Формирование научных школ — главная задача частных вузов // Гарантии качества образования в частных учебных заведениях Украины: возможности, проблемы, перспективы: Материалы Междунар. науч.-практ. семинара лидеров частного образования. — Харьков: НУА, 2005. — С. 20–28.

2. *Астахова Е. В.* Кадровый потенциал частных вузов: ответы на вызовы времени./ Гарантии качества образования в частных учебных заведениях Украины: возможности, проблемы, перспективы: Материалы Междунар. науч.-практ. семинара лидеров частного образования. — Харьков: НУА, 2005. — С. 46–50.

3. *Дідок І. О.* Маркетинговий аналіз конкурентоспроможності юридичних факультетів вищих навчальних закладів: результати та спостереження // Маркетинг в Україні. — 2002. — № 3 (13). — С. 15–20.

4. *Петруня Ю. Є.* Маркетинг на ринку освітніх послуг // Маркетинг в Україні. — 2004. — № 1 (23). — С. 52–56.

5. *Решетілова Т. Б.* Методичний підхід до оцінки конкурентоспроможності ВНЗ // Маркетинг в Україні. — 2005. — № 3 (31). — С. 6–9.

6. *Примак Т.* Дизайн реклами для вищих навчальних закладів освіти в Україні // Маркетинг в Україні. — 2004. — № 6 (28). — С. 41–43.

А. А. Кононов

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КРИЗИС ПОСТИНДУСТРИАЛИЗМА: ПАРАДОКС ИЛИ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ?

История человечества — это история постоянной интеллектуальной деятельности в поиске образцов возможного лучшего будущего как для себя самого, так и для общества. И наступление постиндустриальной эры, во многом можно считать реализацией одной из ключевых стратегических задач человечества, закладываемой в таких образах. Все или почти все, за что человек так долго боролся, — освобождение от власти природы, автоматизация труда, предпосылкой к чему является развитие интеллектуальных технологий, основывающееся на глубоком разделении труда, — наконец, достигнуто. Однако, решая одни проблемы, человек порождает новые, более опасные и трудноразрешимые. Интеллектуальные технологии, лежащие в основе постиндустриального способа производства, парадоксальным образом стали мощной разрушительной силой разума человека. По сути, разум, порождающий материальное благополучие, поглощает разум его создающий.

Постиндустриальное общество оставляет действующими потребности человека, требующие освобождения от того, что выгодно и удобно, в то же время поддерживает и оправдывает разрушительную силу и функцию подавления в нем критического мировосприятия и в целом потребности в интеллектуальной деятельности. Все уже создано, адаптировано, понятно и доступно; зачем утруждать себя думать, анализировать, принимать решения и брать на себя ответственность за них — такова логика человека постиндустриализма. А в это время социальный контроль навязывает потребности в производстве и потреблении ненужных вещей; в выполнении работы, которая в действительности не нужна; сохранении обманчивых свобод: конкуренции, прессы, выбора товаров. В такой ситуации свобода (а в подлинном

смысле это лжесвобода) превращается в мощный инструмент господства, разрушая существенные (а это прежде всего интеллектуальные) силы человека. Условия, в которых человек может сделать свой выбор, не являются решающим фактором для определения степени свободы такого выбора и того, что им выбирается. «Критерий свободного выбора никогда не может быть абсолютным, он полностью относителен. Свободные выборы господ не ликвидируют господ или рабов. Свободный выбор среди широкого разнообразия товаров и услуг не означает свободы, если эти товары и услуги поддерживают социальный контроль над жизнью, трудом и страхом, то есть отчуждением. И спонтанное воспроизводство навязанных индивидам потребностей не создает автономии, оно только подтверждает действенность контроля» [1, с. 132].

Сам же человек не осознает того, что живет в постоянных репрессиях и отчуждении. Его собственная интеллектуальная производительность разрушает свободное развитие его же потребностей и способностей. Созданные им товары и технологии направляют свою волю против него, поглощают его, манипулируют им. Они «производят ложное сознание, которое невосприимчиво к собственной лжи. Товары становятся доступными все большему числу членов общественных классов, и идущая с ними рука об руку индокринация перестает быть рекламой, она становится стилем жизни, причем он намного лучше, чем был раньше, и поэтому она препятствует качественному изменению. Так возникает образец одномерного мышления и поведения, в котором идеи, стремления и цели также унифицируются. Они по-новому определяются рациональностью данной системы и ее количественными показателями. Одномерное мышление систематически поддерживается политиками и поставщиками массовой информации» [2, с. 26]. Одномерное мышление, препятствующее осознанию опредмечивания воли созданной человеком вещи, является достаточно устойчивым, поскольку поддерживается ключевым ресурсом системы – информацией.

Государства и корпорации видят в человеке и его потенциале принадлежащий им «капитал». Хорошее образование (думаю, нет необходимости уточнять о каком именно образовании идет речь) становится все менее доступным, а возможности для обстоятельной интеллектуальной дискуссии – очень ограниченными.

Человек превращается в функцию – специалиста и клиента, подчиненного потребительским стандартам массовой культуры и корпоративной идеологии.

Сегодня деятельность работника ограничена набором стандартно выполняемых функций, реакция на возникающие изменения прописана в узкоспециализированных должностных и прочих инструкциях. В некотором смысле это вполне оправданно, поскольку человек имеет дело с огромным количеством информации, и всю ее обработать он не в состоянии. Человек стал частью огромной системы коммуникаций (частью, которая полностью подчинена этим коммуникационным процессам), он, как и тысячи компьютеров, получает информацию, обрабатывает ее, исходя из требований к ней, и направляет далее. От конкретного человека требуется выполнение конкретной работы. В существующем дефиците времени, в условиях жесткости требований к работнику и при тотальном контроле над его деятельностью на предмет соответствия прописанным функциям мало кто может быть ориентирован на активизацию собственных творческих начал даже из собственной мотивации (повышение зарплаты или карьерный рост).

Человек, создавший информационно-технологическую реальность, оказался в ее плену. Он утратил критическую силу разума, которая открывала перед ним широкие возможности реализации, по-настоящему благоприятные условия жизнедеятельности. В данном случае речь идет о декларируемых в тех самых конструируемых образах возможности лучшего будущего, что в условиях современной реальности уже кажется абсолютной утопией. Научно-технический прогресс подчиняет разум формирующейся реальности, превращая его в инструмент порождения все больших и больших фактов, соответствующих данному образу жизни. Человек отказывается от своей уникальности, неповторимости, реализации

творческого потенциала и, самое главное, — от интеллектуальной деятельности в обмен на победу над чувствами одиночества и беспокойства, порождаемыми неуверенностью в правильности принимаемых решений. Поэтому он сливается с окружающим его миром, полностью растворяется в нем. «Человек воспринимает мир таким, каким он есть — готовым, оформленным. Перестать верить миру, значит перестать любить его, а на это решиться может далеко не каждый. Поэтому для большинства людей даже сама мысль, ставящая под сомнение существующий порядок вещей, уже является недопустимой. Все есть как есть. Соответствующее же отношение и к ценностям, к потребностям, идеалам. Если они уже существуют или возникают, значит так должно быть. Они наполняются определенным символическим содержанием, которое вдруг оказывается близким. Вдруг — потому что гораздо легче человеку убедить себя в том, что это необходимо и отказаться от размышлений на основании того, что он просто чего-то не знает или в принципе понять не может. К тому же получение огромного количества информации, которая «раскрывает глаза» на все, что происходит вокруг, в состоянии заменить собственные интеллектуальные «муки» [3, с. 58]. Ценность, объективность и надежность информации современного человека особенно не интересует, а ее символичность генерирует огромное количество мифов, в плену которых он и оказывается. В сегодняшнем коммуникативном пространстве миф — это своего рода способ отрешенности от огромного числа проблем, прежде всего порожденных отказом человека от осмысления происходящих явлений и процессов; это реальная конструкция сознания, заполняющаяся символическим содержанием, которое может включать в себя схематические, аллегорические, жизненно-практические уровни. Данное символическое содержание постепенно замещает объективный мир, ведь для создания виртуальной реальности, искажающей в глазах большинства людей истинную картину мира, используются (даже не привлекаются) лучшие интеллектуальные ресурсы человечества.

Список литературы

1. Маркузе Г. Одномерный человек // Американская социологическая мысль. — М.: МГУ, 1994. — 496 с.
2. Бузгалин А. В. «Постиндустриальное общество» — тупиковая ветвь социального развития? (Критика практики тотальной гегемонии капитала и теорий постиндустриализма) // Вопросы философии. — 2002. — № 5. — С. 12 — 26.
3. Кононов А. А. Public relations в условиях постиндустриального общества: некоторые вопросы методологии // Обрії комунікації та інтерпретації // Матеріали VIII Харківських міжнародних Сквородинівських читань. — Харків: Екограф, 2001. — 288 с.

С. В. Куракса, В. М. Куракса

РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В НАРОЩУВАННІ СОЦІАЛЬНОГО КАПІТАЛУ І ЗАБЕЗПЕЧЕННІ СТАЛОГО РОЗВИТКУ

Розглядаючи сенситивні сутності, які повинні складати зміст взаємодії інтелігенції і влади в сучасному світі, необхідно звернутися до тих сподівань, які людські спільноти пов'язують із такою взаємодією.

За нашою уявою, ці сподівання спільнот пов'язані з надією на те, що наслідком такої взаємодії буде більш успішний соціально-економічний розвиток власного суспільства. Але це тільки перший рівень сподівань.

Загальновідомо, що на теперішньому етапі свого цивілізаційного поступу людство шукає відповіді на питання щодо засад свого подальшого просування на шляху прогресу та побудови такої моделі відповідного руху, котра забезпечить гармонійне поєднання соціальних, економічних і екологічних складових людського розвитку.

У зв'язку з цим другий, більш загальний, рівень сподівань щодо взаємодії інтелігенції і влади пов'язаний із надією на те, що інтелігенції, як частині людства, в якій головним чином зосередженні його знання, вміння й навички, вдасться забезпечити наукові, технічні й матеріальні засади успішного цивілізаційного розвитку та знайти гідні відповіді на потенційні загрози загальному прогресу світового співтовариства і його цивілізаційному поступу.

Природно, що успішність соціально-економічного розвитку будь-якого суспільства визначається як внутрішніми, так і зовнішніми чинниками, а також домінантними вимогами, які притаманні всьому людству.

Ці домінантні вимоги пов'язані із загальною обмеженістю природно-ресурсної бази розвитку людства, звідки витікає відповідальність як тих народів, що ними володіють і видобувають, так і тих, що їх споживають, за дбайливе використання ресурсів, а також збереження й покращення екологічного стану довкілля.

Таке положення накладає певні обмеження не тільки на практичні аспекти розвитку, його планування й соціально-економічне упорядкування в кожному суспільстві, а й на погоджену практику керування цими процесами в масштабах усього людства, що природним чином потребує формування єдиної парадигми світового розвитку.

Нині формування світової парадигми розвитку будується на засадах, котрі передбачають підтримання балансу між використанням природних ресурсів, функціонуванням економіки і задоволенням соціальних потреб кожного суспільства і людства в цілому. У рамках цієї парадигми економічний і соціальний розвиток та екологічний стан навколишнього середовища розглядаються не окремо, а виключно в органічному поєднанні.

За пропозицією Міжнародної комісії ООН по навколишньому середовищу і розвитку, згадане вище гармонійне поєднання соціальних, економічних і екологічних складових у цивілізаційному просуванні вперед людських спільнот визначається як модель сталого розвитку [1].

У цьому сенсі економічний розвиток як окремо взятого суспільства, так і всього людства вважається сталим тільки при дотриманні балансу між економічною діяльністю, її соціальними результатами, а також сучасним станом навколишнього середовища і віддаленими результатами впливу на останнє з боку людини.

Зауважимо, що умови підтримання динамічного балансу між економічним і соціальним розвитком та їх екологічними наслідками можуть накладати на їх темпи певні обмеження.

Звідси випливає, що головне завдання сталого розвитку, яке полягає у комплексному задоволенні потреб суспільства, повинно здійснюватися в таких масштабах і в такий спосіб, щоб не допустити руйнування динамічного балансу між екологічним станом довкілля й економічним ростом [2; 3]. Щодо комплексного задоволення соціальних потреб суспільства, його стану й динаміки перетворень, то (за нашими уявленнями) вони визначаються не рівністю проголошених прав людини на її розвиток і відповідних політичних програм і гасел, а переважно станом реальних можливостей членів суспільства щодо реалізації їх позитивного людського потенціалу та характером розподілу в соціумі результатів суспільної праці і задоволенням економічних і соціальних потреб громадян, які поєднуються в понятті якості життя населення [4; 5].

Отже парадигма сталого розвитку в аспектах загального цивілізаційного поступу людства та сталого соціально-економічного розвитку окремих людських спільнот робить акценти на підвищенні їх ефективності в плані задоволення суспільних потреб за умов зниження рівня споживання не відновлюваних природних ресурсів та збереження і покращення екологічного стану довкілля.

Такий розвиток можливий лише в умовах економіки знань, коли зростання світового валового продукту та ВВП окремих країн, а також якість життя населення визначається не екстенсивним шляхом, а за допомогою механізмів економіки знань, що забезпечують

зростання вказаних показників за рахунок технічних, виробничих, управлінських, соціальних і інших інновацій, творцями й носіями яких є саме інтелігенція [6].

Таким чином, утворюється певний логічний ланцюг обумовлений парадигмою сталого розвитку, який складається з наступної послідовності:

- парадигма сталого розвитку вимагає побудови сучасної економіки знань яка спирається на інноваційний розвиток;
- в економіці знань важливим ресурсом, який визначає інноваційний розвиток, є людський капітал суспільства;
- головною складовою людського капіталу соціуму є інтелектуальні та новаторські здібності членів суспільства, помножені на знання, вміння та відповідні навички, що значною мірою сприяють інноваційному розвитку;
- у суспільстві основним носієм сучасних знань, вмінь та навичок, що відповідають за інноваційний розвиток, за визначенням є інтелігенція.

Отже, виконання вимог сталого розвитку та забезпечення умов сучасної економіки знань обумовлюють необхідність нарощування людського капіталу суспільства, ведуть до якісного та кількісного зростання в суспільстві інтелігенції. Її представництво навіть за лінійною логікою веде до зростання ролі інтелігенції в забезпеченні соціально економічного розвитку.

У той же час зрозумілим є й те, що таким складним, неоднорідним статистичним ансамблям, як людські спільноти, вже внаслідок перелічених властивостей та у відповідності із законами синергетики притаманна здібність до самоорганізації, яка підсилюється здатністю до розуміння природних і соціально-економічних закономірностей, а отже дає можливість свідомої організації суспільного розвитку.

Така здатність реалізується двома шляхами: через інституціональну організацію суспільства через соціальну самоорганізацію шляхом створення громадських організацій. Останні у взаємодії із владою і суспільством дають можливість відстоювати й узгоджувати інтереси тих соціальних прошарків і класів, інтереси яких вони репрезентують.

Наслідком соціальної самоорганізації, в авангарді якої діє інтелігенція, стає виникнення мережі громадських організацій, котрі завдяки розвитку засобів комунікації мають можливості інформаційного обміну в режимі реального часу, а відтак і можливості погоджувати свої позиції та дії по тих суспільних, економічних і управлінських питаннях, що становлять спільний інтерес.

У свою чергу, процеси самоорганізації, мережевої комунікації і взаємодії суспільних груп, вільне протікання яких забезпечується наявністю громадянських свобод, ведуть до утворення соціального капіталу суспільства, котрий реалізується через взаємодію мережі громадських організацій з інституціонально закріпленими органами суспільної організації, а саме органами влади і місцевого самоврядування, що, як доведено роботами Р. Патнама [7], веде до підвищення ефективності соціально-економічного розвитку.

Зауважимо, що реалізація соціального капіталу через суспільну практику громадського впливу на рішення й дії органів влади і місцевого самоврядування, котрі сприяють підвищенню ефективності соціально-економічного розвитку й забезпеченню надійного зворотного зв'язку по лінії управлінські рішення – бажані суспільні результати є основною ознакою громадянського суспільства.

Таким чином, до вже наведених вище ланок парадигми сталого розвитку додаються ланки людського капіталу і громадянського суспільства у створенні і функціонуванні яких провідна роль також належить інтелігенції.

Підсумовуючи наш розгляд суспільної ролі інтелігенції в сучасному світі, ми констатуємо її неухильне і незворотне зростання.

Воно є наслідком таких визначальних цивілізаційних і суспільних процесів світового масштабу, як необхідність забезпечення сталого розвитку людства та його окремих співтовариств, а також зв'язаного з ними зростання економічної і суспільної ролі людського та соціального капіталів у кожному окремому суспільстві та у світовому співтоваристві в цілому.

Таке зростання обумовлене необхідністю поширення умов економіки знань, притаманній передовим і розвинутих суспільствам, на ті соціуми, що розвиваються та наздоганяють. Наслідком цього стане кількісне збільшення та якісно інша роль інтелігенції, яку вона відіграватиме як у передових країнах, так і тих, що розвиваються.

За нашою гіпотезою, кількісні й якісні зміни, пов'язані з переходом до економіки знань, приведуть до перетворення інтелігенції з суспільного прошарку, яким вона є за умов аграрного та індустріально-аграрного суспільства, спочатку до широкого кластеру в постіндустріальній фазі, а потім до організованого численного класу в умовах економіки знань, який, у свою чергу, скоріш за все буде швидко розшаровуватись.

Що стосується описаних перетворень, то вони, на наш погляд, цілком зрозумілі і пов'язані як із значними змінами в кількості інтелігенції, зростання якої обумовлено соціально-економічними причинами, так і з тим, що в умовах розвитку економіки знань все більшу роль у суспільстві й економіці, поряд із фінансовим, промисловим, аграрним та іншими капіталами, буде відігравати інтелектуальний капітал.

Ми передбачаємо, що інтелектуальний капітал, який буде утворюватися внаслідок зростання цінності нових знань, технік і технологій, інноваційних виробів та управлінських рішень, тощо, буде швидко зростати як у загальних обсягах, віддзеркалюючи зростання зацікавленості суспільства в нових знаннях та інноваціях, так і за розмірами особистих винагород за їх створення.

Але більш докладний розгляд цих процесів і їх наслідків для соціально-економічного життя суспільства та суспільних перетворень і змін буде предметом розгляду в наших подальших дослідженнях.

Список літератури

1. *Моисеев Н. Н.* Судьба цивилизации – путь разума. – М.: Изд-во МНЭПУ, 1998. – 212 с.
2. *Наше общее будущее: Доклад международной комиссии по окружающей среде и развитию.* – М.: Прогресс, 1989. – 156 с.
3. *Розенберг Г. С.* Мифы и реальность устойчивого развития / Г. С. Розенберг, С. А. Черникова, Г. П. Краснощеков и др. // Проблемы прогнозирования. – № 2. – С 133–144.
4. *Куракса С. В.* Соціальні передумови і інституціональні засади самоорганізації громадян для суспільного впливу на органи самоврядування / С. В. Куракса, В. М. Куракса // Теорія і практика державного управління: Зб. наук. праць. – Х.: Вид-во ХРІАДУ, 2007. – № 1 (16).
5. *Куракса С. В.* Синергетика соціального менеджменту і територіального розвитку / С. В. Куракса, В. М. Куракса // Актуальні проблеми державного управління. – Х.: Вид-во ХРІАДУ МАгіСТР, № 1 (31). – 2007. – С. 270–278.
6. *Геець В. М.* Інноваційні перспективи України / В. М. Геець, В. П. Семиноженко. – Х.: Константа, 2006. – 272 с.
7. *Патнам Р.* Творення демократії. – К.: Сполум, 2003. – 310 с.

Б. Г. Нагорный

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: ПОСЛЕДНИЙ ЭТАП ИСЧЕЗНОВЕНИЯ ИЛИ ВОЗРОЖДЕНИЕ В НОВОМ КАЧЕСТВЕ?

Научное сообщество, похоже, начинает приходить в себя, используя терминологию О. Тоффлера, от шока изменений, произошедших со страной и миром в последние десятилетия.

Ко многим исследователям может быть отнесено понятие «культурная травма» (П. Штомпка), «методологическая травма социолога» (Г. Г. Татарова) [1; 2]. Последняя используется «для обозначения ситуации растерянности исследователей перед обилием

социологических теорий, методологии, методов в процессе принятия решений о выборе средств познавательной деятельности» [2, с. 3].

Проблемы, вынесенные на повестку дня конференции, более чем актуальны. Мы все стоим перед тем, что много лет назад А. Тойнби назвал «вызовом истории». Нам всем вместе приходится искать ответы на сложные вопросы современности. В их числе — прав ли в своей озабоченности один из известных социологов нашего времени Энтони Гидденс, совершая нерядовое действие — напрямую обращаясь к социологической общественности мира? Прав ли он был, упрекая социологов (а может быть, не только их?): «Почему в таких условиях (время очень масштабных перемен) социология не стоит на самом переднем плане интеллектуальной жизни и общественных дебатов?..». «Специализация требует синтеза. Почему же социологи этого не делают? Социологи в прошлом всегда пытались связывать социальный диагноз с решением возникавших проблем. Сегодня надо действовать так же» [3, с. 47].

Один из вопросов, на которые нужно ответить: «Как мы относимся к дискуссии, которая началась после известной статьи Р. В. Рывкиной об исчезновении интеллигенции как социальной группы в связи с исчерпанием ею социальной роли?» [4, с. 139–146]. Если интеллигенция сохранилась (в каком качестве?), то в какой мере она является источником пополнения современной элиты? Правы ли те авторы, кто, в основном поддерживая идею Р. В. Рывкиной об уходе с исторической арены интеллигенции как социальной группы, обвиняют ее в кризисном сценарии развития общества? Можно ли считать, что интеллигенция трансформировалась, перешла, на наш взгляд, в другие, более мелкие социальные группы:

1) переместилась вниз по вертикали престижа, занявшись уличной торговлей, «челночеством», мелким предпринимательством, а самые неудачливые опускались на социальное дно;

2) часть ее, наиболее образованная, «гибкая» и опытная, демонстрируя чудеса мимикрии, на ходу меняя идеологические программы и лозунги, бросилась обслуживать очередную власть;

3) незначительная группа, сменив профессии, занялась бизнесом;

4) самые способные (?) уехали за границу;

5) сохраняется определенная социальная группа, которая продолжает заниматься, как и раньше, преподаванием, наукой, искусством, причем самые «креативные» из них могут претендовать на принадлежность к «нетократии» — группе, которая, успешно применяя информационно-компьютерные технологии, комфортно чувствует себя в формирующемся информационном обществе (правда, по саркастическому замечанию М. Г. Делягина, она занята не поисками истины, а поисками грантов)?

При ответе на эти и другие вопросы полезными могут быть ряд публикаций, в том числе и последняя статья Ю. А. Левады об элитарных структурах, где он тезисно в числе причин рассматривает вопрос и о миссии интеллигенции, воображаемой и реальной. Он делает пессимистический вывод: «Если оценивать реальные, исторически значимые результаты деятельности интеллигенции за время ее активной жизни (то есть примерно за 50 лет в конце XIX и начала XX в.) приходится признавать, что разрушительную часть своей миссии она (и ее кумиры), практически выполнили... А со сменой общественно-политической ситуации в стране к концу XIX в. нравственные максималисты были вынуждены уступить роль лидера мнений не лучшим из своих учеников — куда более практическим и куда менее нравственно обремененным адептам радикального терроризма, сначала индивидуального, а потом массового. И тем самым создать условия для последующего собственного уничтожения-ликвидации интеллигенции как особого социально-исторического феномена» [4, с. 7–8].

Например, в исследовании российских коллег «Богатые и бедные в современной России» было выделено 11 страт российского общества. В исследовании была принята гипотеза: реальный уровень жизни включает оценку уровня не только благосостояния, но и депри-

вации, то есть испытываемых лишений (учитывалось не только то, что у семьи есть, но и то чего у нее нет). В высшую, 11 страту (элита и субэлита), попали руководители первого уровня крупных нефтяных компаний и московских банков из числа лидеров в банковской сфере, представители региональной административной элиты и т. п. [5, с. 43–48]. Однако корректно ли по отношению к элите выделять единственный критерий соотношения — уровень доходов?

Один из самых авторитетных исследователей современности А. С. Панарин (1940–2003) в своей последней работе «Стратегическая нестабильность в XXI веке», которую можно считать и духовным завещанием, и духовным предостережением нам, живущим в XXI веке, сделал несколько важных выводов.

Две цитаты из этой работы: «... но и прежде империалистических захватов и экспроприаций — процессов разложения социума в зримых материальных формах — происходит его духовное разложение. Вот почему анализу высшего вандализма должен предшествовать анализ духовных катастроф цивилизации».

«1) ни один противник не может принести столько вреда собственной стране, как ее властные элиты, испытывающие к ней страх и ненависть; 2) глобализация означает дистанцирование национальных элит от туземного населения и переориентацию их на вненациональные центры власти и влияния» [5, с. 130, 203–210].

В числе исследований, где делается попытка дать объективный анализ событиям последних десятилетий, являются работы С. Г. Кара-Мурзы, в частности книга «Потерянный разум». Несколько цитат: «уже к 1988 г. стало видно, что перестройка толкает общество к катастрофе, но интеллигенция этого не видела, ее зрение было деформировано каким-то методологическим фильтром»; «...надо признать интеллектуальное банкротство в целом как той социальной группы, которая стала главным проводником идей реформы в широкие слои общества» [7, с. 27].

Завершает эту работу главный вывод автора, который перекликается с последними работами А. А. Зиновьева, А. С. Панарина: «В трудный момент сомнений и духовного кризиса наша интеллигенция оказалась несостоятельной. Она не выполнила своих обязанностей, напротив, она стала лидером регресса, отходом от рациональности. Это надо признать как беду всего народа. Признать и подвести черту. Надо жить дальше! И вопрос нашей жизни или участия в очень большой степени зависит от того, как быстро наша интеллигенция восстановит навыки и починит свои интеллектуальные инструменты» [7, с. 727].

Обзор публикаций по проблеме конференции позволяет сделать некоторые выводы: интеллигенция как социальная группа претерпела существенные изменения в процессе происходящей трансформации общества; эта группа (сохранит ли она прежнее название, будет ли называться аналогично западной терминологией «интеллектуалы» или как-то по-другому) существенно изменит свое функциональное предназначение и будет существовать в узком коридоре реальных возможностей (поэтому, на наш взгляд, нужно очень осторожно подходить к таким декларативным формулировкам, как «возрастание роли интеллигенции в современных условиях»); факторы глобализации и формирование общества риска усложняют процесс адаптации этой группы к новым условиям.

Зепп-Ларуш Хельга — директор Института Шиллера (Германия) считает, что все проблемы современного мира заключены в вопросе «будет ли новый вариант порядка, идущий на смену старому, отличен усилением нового варварства или, пока еще не поздно, лучшие мировые умы и силы объединятся в сотрудничестве с целью построения такого миропорядка, который станет позитивной альтернативой существующему?» [8, с. 119].

Автор этой работы цитирует слова Шиллера: «Живи в этом столетии, но не становись его созданием» и считает, что мы «сможем установить новый экономический порядок вкуче с наследием мировых цивилизаций» [8, с. 119–128]. Хорошо бы, чтоб эти слова сбылись. Хотя бы в XXI столетии.

Список литературы

1. *Штомпка П.* Социология. [Пер.с. польск.]. — М., 2004.
2. *Татарова Г. Г.* Методическая травма социолога. К вопросу интеграции знания//Социологические исследования. — 2006. — № 9. — С. 3–12.
3. *Гидденс Э.* К социологической общественности // Социологические исследования. — 2007. — № 9. — С. 4–5.
4. *Левада Ю. А.* Элитарные структуры советской и постсоветской ситуации. // Общественные науки и современность. — 2007. — № 6. — С. 5–15.
5. *Тихонова Н. Е.* Социальная структура современной России // Свободная мысль. — 2007. — № 11. — С. 43–48.
6. *Панарин А. С.* Стратегическая нестабильность в XXI веке. — М., 2004.
7. *Кара-Мурзы С. Г.* Потерянный разум. — М., 2007.
8. *Хельга Зепп-Ларуш.* Наследие Шиллера и новый мировой порядок // Свободная Мысль. — 2007. — № 12.

А. А. Назаркин

ОПТИМАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ ВЛАСТИ ДЛЯ ИНТЕЛЛИГЕНТНОГО СОТРУДНИКА

Чтобы осмыслить особенности отношения к власти такого социального слоя, как интеллигенция, которая представляет собой интеллектуальную элиту общества, но в силу своей критичности не всегда активно включена во властные отношения, важно проанализировать ресурсы власти и ее основания.

Среди *ресурсов власти* — *институциональных*, связанных с организационным и ценностно-культурным регулированием; *позиционных* — возможности вознаграждения и наказания, обладание информацией, доступ к определенным должностным лицам и возможность использования подчиненных; *персональных*, т. е. индивидуальных знаний, способностей, силы воли, убежденности, — интеллигентные люди чаще всего используют персональные ресурсы власти. Это, по видимому, проистекает из природы интеллигенции как группы лиц умственного труда, получивших высшее образование, постоянно работающих над повышением уровня своего развития, стремящихся самореализоваться с максимальной пользой для общества.

В зависимости от используемых ресурсов — *позиционных* (включая институциональные, так как они тоже связаны с организационной иерархией и руководящими ролями) или *персональных* — власть соответственно делится на два *вида*: *позиционную*, которая основывается на деловом авторитете, контроле за различными, в том числе денежными, ресурсами, используемыми для вознаграждения и наказания, а также за информацией и условиями труда; и *персональную*, которая базируется на компетентности, дружбе, лояльности, харизме руководителя. Именно второй вариант, как показывает практика, оказывается приемлемым для руководителя-интеллигента в силу его общей гуманистической направленности, уважения к личности, учета интересов других людей.

С видами власти непосредственно связаны *основания власти*, которые раскрывают мотивы подчинения. Они являются специфическим отражением подчиненными (объектом власти) ресурсов, которыми обладает руководитель, а также его личных качеств. Среди многих оснований власти представители интеллигенции преимущественно реагируют на вознаграждение, деловой авторитет руководителя, информацию, убеждения, идентификацию, организационную экологию и др.

Вознаграждение выступает ведущим основанием власти в организации, поскольку связано с главной целью трудовой деятельности — получением средств для удовлетворения важнейших потребностей человека. Оно может выступать в форме зарплаты, премий,

повышения в должности, награждения статусными символами (почетный профессор, герой труда и т. п.), предоставления возможностей для учебы, выражения признательности со стороны руководства и т. п. Для интеллигентного человека это основание является привлекательным и побуждает к добровольному выполнению распоряжений; оно делает излишним контроль и применение негативных санкций. Наказание как основание власти чаще всего не воспринимается интеллигентным человеком в адекватной форме, поскольку чаще не понимается как справедливое и не опирается на авторитет общепринятых норм и ценностей. Интеллигент считает оскорбительным страх перед санкциями (снижение зарплаты, лишение премии, увольнение, выговор, перевод на другое место работы с худшими условиями труда и т. п.).

Деловой авторитет руководителя выступает важнейшим основанием власти, так как представляет собой признание со стороны подчиненных наличия у руководителя таких качеств, как компетентность, опыт, умения, знания, необходимых для решения определенных задач. Власть, основанная на деловом авторитете, то есть *экспертная власть*, в современных условиях является ведущим фактором эффективного руководства, хотя и не отрицает первостепенной значимости власти через вознаграждение.

Для интеллигентного человека как носителя широкой эрудиции и образованности очень важна *информация*, когда основанием для подчинения служит не только деловой авторитет, но и *убеждения и ценностные ориентации* сотрудников, которые формируются на базе получаемой ими информации, а также их *собственные решения*, детерминированные объемом и характером имеющихся у них знаний. Если власть руководителя основывается на должностном авторитете, признании норм и ценностей данной организации, то происходит *легитимация власти*, а также права руководителей приказывать, а подчиненных — выполнять распоряжения.

Для интеллигента глубинный смысл в признании власти имеет *убеждение*, которое связано с мотивационным воздействием достаточно глубоких слоев сознания: менталитета, ценностных ориентаций и установок. Убежденность подчиняться руководителю не обязательно вытекает из его легитимности, она может быть результатом разъяснительно-воспитательной работы или осознания общественной пользы, может вытекать из нравственных, патриотических, религиозных убеждений.

Идентификация как преимущественно эмоциональная связь субъекта и объекта власти проявляется в формировании у сотрудников *чувства единства*, в стремлении сотрудников брать пример с руководителя. Для интеллигентного человека важно возникновение чувства единения с руководителем и всей организацией на основе общности интересов и ценностей руководителя и исполнителя; влияния культуры, ориентированной на формирование преданности и корпоративного самосознания, чувства коллективного «мы».

Зная основы власти, руководитель может выбрать оптимальный вариант для каждой конкретной ситуации, с учетом предпочтений интеллигентных людей.

В. Н. Назаркина

ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ ЧЕЛОВЕК В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ: РАЗЛИЧНЫЕ ТРАКТОВКИ ВЛАСТИ

Реальность, в которой существует всякое современное общество, — плюрализм, где существуют институты всех видов, размеров, предназначения и структур. Но в то же время никто не берет на себя заботу об обществе в целом. Практически развенчан миф ушедшего столетия о том, что государство может и должно взять на себя заботу обо всех проблемах

общества. В связи с этим особую актуальность приобретает проблема власти и возможностей интеллигенции выполнять властные функции, взять на себя ответственность за судьбу страны.

Власть — одно из фундаментальных начал общества, всех его структурных уровней. Она представляет собой центральное, организационное и регулятивно-контрольное начало всякой административной деятельности и обладает универсальным свойством всеобщности, т. е. способностью проникать во все виды и формы человеческой деятельности. Общие организационные, регулятивные и контрольные функции власти (экономическая, политическая, духовная) конкретизируются в различных видах управленческой деятельности, обеспечивающих реализацию поставленных задач и целей. И именно интеллигенция как интеллектуальная элита общества проявляет свои способности к организаторской деятельности в различных сферах общества.

Анализ важнейших направлений в трактовке власти позволяет определить место интеллигенции в обществе.

В *системных* трактовках власти акцент ставится на понимании власти как средства социального общения (коммуникации), позволяющего регулировать конфликты и обеспечивать интеграцию организации. *Структурно-функционалистские* интерпретации трактуют власть как свойство социальных статусов, ролей, позволяющее контролировать ресурсы, средства влияния.

Для адекватного осмысления места интеллигенции во властных отношениях важно соотнести понятия: «власть» — «управление» — «менеджмент». В соотношении понятий «власть» и «управление» второе занимает подчиненное положение, поскольку власть отождествляется прежде всего с администрированием, т. е. политической, руководящей функцией, а управление (в узком смысле) — с исполнительской, оперативной. Менеджмент является процессом планирования, организации, мотивации и контроля, направленным на разработку и достижение целей социальной системы через других людей.

Телеологические трактовки, когда власть оценивается с точки зрения цели, трактуют власть как устойчивую способность достигать поставленных целей, получать намеченные результаты. Власть неразрывно связана с влиянием, часто эти понятия употребляются как синонимы, различающиеся только силой влияния. Власть отличается от влияния более высокой силой воздействия и вероятностью подчинения. Для одних власть — особого рода влияние, для других — способность к достижению определенных целей, для третьих — возможность использования тех или иных средств, для четвертых — особые отношения между управляемым и управляющим. Большинство исследователей связывают власть с подчинением, приказанием, зависимостью. Интеллигенция, даже не имея достаточной власти, способна оказывать существенное влияние на развитие социальных процессов.

Понимание власти как столкновения интересов и доминирование определенной воли является характерным для *конфронтационных* определений. Согласно *бихевиористским* концепциям власти, она представляет собой особый тип поведения, при котором одни люди командуют, а другие подчиняются. Основной акцент ставится при этом на субъективной мотивации власти. Импульсом для возникновения власти считается стремление к ней и обладание соответствующей энергией. Человек воспринимает власть, с одной стороны, как средство улучшения собственной жизни (приобретение богатства, престижа, свободы, безопасности и т. п.), а с другой, — как самоцель, позволяющую наслаждаться самим ее обладанием. В *реляционистских* определениях власти акцент ставится на понимании власти как специфического вида коммуникации, то есть взаимодействия, связанного с передачей информации. *Психологические* трактовки власти пытаются раскрыть субъективную мотивацию поведения, истоки власти, коренящиеся в сознании и подсознании людей.

Для всех подходов ценным является то, что человек рассматривается как специфический и ценный для управленца социальный ресурс, хотя ему нередко и отводится роль

социального механизма в сложной организационной машине. Именно гуманистические принципы властных отношений привлекают интеллигентных людей. В то же время интеллигент не соглашается с тем, что эффективность управления определяется прежде всего его формальной структурой, координацией и детализированным контролем, строгим соблюдением дисциплины, величиной индивидуального вознаграждения, узкой специализацией задач, единоначалием, авторитарными методами управления, правильным подбором кадров и орудий труда, соответствием людей структуре.

Итог властных отношений интеллигентные люди усматривают, прежде всего, в том, что одни играют роль руководителей, а другие – подчиненных. Главный акцент они ставят на фактической способности людей, групп, подразделений, отдельных ролевых позиций программировать и модифицировать поведение и деятельность других людей на основе системы средств (правовых, экономических, психологических, социокультурных, силовых) во имя достижения определенных целей. Интеллигентного человека отпугивает стремление властей присваивать себе волю других людей путем ограничения их свободы, ибо это противоречит сути интеллигентности как толерантного, уважительного отношения к любой личности во всех ее проявлениях.

А. М. Олійник, Н.Д. Краснянська

ДО ПИТАННЯ ФОРМУВАННЯ ПОЛІТИЧНОЇ ЕЛІТИ В СУЧАСНІЙ УКРАЇНІ

Проблема політичної еліти в українському суспільстві була, є і буде актуальною. Саме сьогодні, як ніколи, українське суспільство відчуває брак української національної еліти, яка б могла пропонувати орієнтири суспільству, бути маяками моральності і давати громадянський заряд національній ідеї. Дана тематика завжди приваблювала як науковців, так і політиків найвищого рангу. Проте виникло багато питань щодо формування та місії політичної еліти в процесі державотворення, її завдань у стабілізації українського суспільства.

Владні відносини передбачають наявність двох сторін – керівників і керованих. Взаємовідносини між ними характеризуються асиметричністю: нечисленна керівна група суттєво впливає на спосіб життя значної за кількістю групи пересічних громадян. Ця керівна меншість називається елітою.

Термін «еліта» (від фр. elite – кращий, відбірний) увійшов у наукову термінологію на межі XIX–XX ст. У широкому соціологічному контексті ним позначається вищий, відносно замкнений за численністю прошарок суспільства, що контролює його основні економічні, політичні і культурні ресурси. Політична еліта – це сукупність осіб, які виділяються з політичного середовища на основі вищого ступеня розвитку окремих політичних якостей. Політична еліта складається з правлячої еліти та контреліти (перебуває в опозиції до правлячої верхівки).

Аналіз нашої історії дає підстави стверджувати, що політичні еліти в Україні існували завжди, особливо в періоди державності, хоч і різнилися за своєю здатністю впливати на хід історичного процесу. Дослідник В. Скуратівський пише про такі генерації української еліти: «Якщо попередня генерація української еліти проіснувала десь близько трьох століть (XIII–XVI), то її наступниця – десь півтора століття, від 1648-го року, вирішального для носіїв тієї кар'єри до кінця XVIII ст., коли остаточно були усунені останні релікти їхньої політичної самостійності» [1]. Потім у добу романтизму, виникає третя генерація української еліти, вже бездержавна; її ще називають народницькою, вона проіснувала близько 75 років – до краху Гетьманщини (1918 р.) та УНР (1919 р.). Майже 75 років проіснувала наступна генерація – українська радянська еліта. Роки тоталітаризму в Україні продемонстрували

його яскраво виражений антиукраїнський характер. Компартійна номенклатура спрямувала свої зусилля на денационалізацію українського народу шляхом ліквідації національно свідомої інтелігенції та селянства і формування натомість люмпенінтелігенції, підневільних колгоспників та російськомовного робітництва.

Погляд у минуле України підтверджує думку: кожна політична спільнота нормально функціонує лише тоді, коли в ній існує життєздатна активна меншість – еліта, яка спроможна усвідомлено визначати напрями соціальної орієнтації та історичного розвитку нації. Це переконливо, обґрунтовано довели засновники української елітології Д. Донцов та В. Липинський [2; 3]. Будучи століттями нацією підневільною і бездержавною, українці не могли виплекати власну національну еліту, яка б мобілізувала народ на здійснення української національної ідеї.

Лише проголошення незалежності в 1991 р. відродило саму можливість створення власної національної еліти – політичної, культурної, господарської, інтелектуальної тощо. Головна особливість даного процесу – внутрішня суперечливість. З іншого боку, у надрах еліти й досі стабільно відтворюються зразки світогляду і поведінки, які були характерні для радянської номенклатури: прагнення виразити свій корпоративний інтерес, створити собі привілеї тощо. На відтворення попередніх стереотипів, як вважає більшість учених, впливають традиції, що укорінилися у свідомості українців, спадкоємність об'єктивних проблем і генетична (кадрова) спорідненість з радянською елітою, за соціологічними дослідженнями, на кінець 90-х рр. ХХст. 75% політичної та 61% бізнес-еліти склали вихідці зі старої партійної, радянської, комсомольської і господарської номенклатури або ці люди знаходилися на посадах, що межували з номенклатурними: замісники керівників, начальники відділів. Ще більшою мірою вказана спадкоємність простежується на регіональному рівні. Генетична спорідненість сучасної еліти з радянською є найбільш суттєвою її особливістю.

Враховуючи той факт, що у старій ієрархії представники сучасної еліти займали не перші ролі, а, як правило, знаходилися у другому і третьому ранзі номенклатури, їх висування в 90-х рр. ХХ ст. багато хто схильний розглядати як «революцією замісників».

Але не дивлячись на факт тісного взаємозв'язку з радянським правлячим класом, найбільш загальні якісні характеристики зазнали в кінці 90-х рр. ХХ ст. – на початку третього тисячоліття достатньо суттєвих змін: відбулося її значне омолодження (у порівнянні з радянським періодом на сім–десять років). Середній вік представника еліти кінця 90-х рр. ХХ ст. – сорок п'ять років; значно знизилася частка вихідців з нижчих верств суспільства; збільшилася кількість осіб з вищою освітою; якщо за радянських часів рекрутування відбувалося з кола осіб з вищою технічною освітою, то тепер у пошані юридична й економічна освіта. Змінилася й сама система рекрутування. У пострадянський період став можливим номенклатурний шлях нагору для субелітних груп. Суттєвою ознакою сучасної української еліти є її структурна неоднорідність. Вона проявляється на рівні ціннісних орієнтацій. Виділяються три основні типи еліти залежно від її ставлення до реформ, що проводяться: ліберальна, неоконсервативна і соціалістична.

Неоднорідність проявляється також і на рівні одвічних статусних позицій людей, що складають теперішню українську еліту. Дослідник І. Мигович виділяє основні групи, які входять до неї: колишні партійні, державні, господарські керівники; вихідці з мистецько-наукових та інших кіл інтелігенції; відкриті ідейні противники комуністичного устрою (колишні політв'язні, дисиденти, члени їх сімей); вітчизняні підприємці; банкіри, комерсанти; кар'єристи-демагоги. За висновками А. Пахарева, в Україні поки що правляча верхівка виступає як формальна політична еліта, відповідаючи лише окремим якісним рисам цього поняття. Наслідком неоднорідності є слабкість внутрішніх корпоративних взаємозв'язків між окремими ланками еліти. Регіональна еліта в більшості випадків знаходиться в опозиції до центральної; в межах самої центральної еліти ведеться постійна боротьба за монопольне панування на політичній арені. Конфліктні взаємовідносини складаються між різними

сегментами економічної еліти. небезпека полягає в тому, що кожна з них намагається використати політичну владу для послаблення конкурентів. Дослідники роблять висновок, що починаючи з кінця 90-х рр. XX ст. проявилася тенденція до відособлення еліти від суспільства і прагнення до самоізоляції. Крім того, поєднання влади і власності сприяє розквіту різних фірм «апаратного» підприємництва, коли політики, використовуючи переваги свого становища, починають безпосередньо займатися бізнесом.

Значна частина політичної еліти зденаціоналізована, вона ігнорує українську мову, культуру, історичні традиції. Адже культура, як визначає академік І. Дзюба, це фундамент суспільства і стрижень людської особистості, це те, що визначає якість життя і суспільства, і особистості. Наразі ані мова, ані культура не є в державі достатньо мобілізуючими силами. Проте загальне бажання громадян мати національного лідера, прагнення до справедливості, порядності, добробуту, політичних, економічних і соціальних успіхів, тобто конкурентоспроможності країни може бути справді об'єднуючою ланкою [4].

Слабкість нинішньої політичної еліти проявляється й у відсутності в неї довгострокової програми реформ, у спробах механічно перенести на вітчизняний ґрунт основні цінності лібералізму, до чого явно не готова значна частина українського соціуму. Тому ці цінності нерідко спотворюються до невпізнанності: індивідуалізм трансформується в нестримний егоїзм, свобода — у безвідповідальність і сваволю, а конкуренція — у диктат сильного стосовно суперників.

Нинішній стан української еліти дозволяє стверджувати, що процес її формування ще не завершився. Вона не має таких необхідних для правлячої еліти властивостей, як відносна згуртованість, цілісність та єдність. Вона не стала тією частиною суспільства, яка повинна «вимірювати себе особливою мірою», яка готова взяти на себе історичну відповідальність за долю суспільства в цілому. Еліта не сприймається як носій суспільної самосвідомості або провайдер цивільного інтересу та його реалізації. Причинами такого стану справ можна назвати, по-перше, гіпертрофовану роль політичної еліти на тлі занепаду культурної, наукової й іншої інтелектуальної еліти суспільства; по-друге, спираючись тільки на політичний й економічний раціоналізм, українська еліта не здатна перебороти прірву, яка збільшується, між політичною та бізнес-елітою, з одного боку, і інтелектуальною елітою з іншого; по-третє, відсутність моделі рекрутування еліт, оскільки там, де цей процес відбувається, спостерігаються істотні соціальні зрушення й на вершині соціальної ієрархії з'являються нові люди з новими базовими цінностями.

Таким чином, процес формування нової демократичної еліти в Україні далекий до свого завершення. Для України першорядне значення має вирішення проблеми формування найбільш кваліфікованої, результативної та корисної для суспільства еліти, своєчасного її якісного відновлення, запобігання відчуження від народу й перетворення на замкнуту пануючу привілейовану касту. Необхідне створення таких інститутів, які забезпечували б ефективність політичної еліти та її підконтрольність суспільству.

Список літератури

1. Скуратівський В. Історична ритміка українських еліт // Політична думка. — 1994. — № 3.
2. Донцов Д. Дух нашої давнини. — Дрогобич: Відродження, 1991. — 86 с.
3. Липинський В. Листи до братів-хліборобів. Про ідею і організацію українського монархізму. — К.: Філадельфія, 1995. — 470 с.
4. Гаврилишин Б. Національна ідея: утопія чи реальна можливість? // Дзеркало тижня. — 2006. — № 5.

**ПРО ДЕЯКІ МІКРОЕКОНОМІЧНІ АСПЕКТИ ДІЯЛЬНОСТІ ІНСТИТУТІВ
ГРОМАДЯНСЬКОГО СУСПІЛЬСТВА**

Політична й економічна нестабільність у нашій державі, незрілість національного ринку закономірно породжують інтерес до механізмів функціонування громадянських інститутів, здатних конкурувати з традиційними державними та комерційними установами. Особливої актуальності процеси становлення інститутів громадянського суспільства набули на фоні незадовільних місць нашої держави в різних міжнародних рейтингах. Так, за даними Всесвітнього економічного форуму, індекс конкурентоспроможності України відповідає 73 місцю, індекс ефективності органів влади – 115 місцю зі 131 дослідженої країни [3].

Оригінальний теоретичний аналіз щодо місця організацій громадянського суспільства в житті держав з перехідною економікою зроблений в роботах Ф. Шамхалова [4], І. Агапової [1], І. Лубчука [2] та інших економістів і соціологів. Різноманіття зазначеної проблематики змушує звужувати спектр досліджень і привертати увагу до окремих аспектів, наприклад, до мікроекономічного обґрунтування ефективності громадянських інститутів.

Як відомо, комерційна організація здійснить пропозицію блага, якщо, по-перше, здатна виробляти благо з потрібними для споживача якісними характеристиками; по-друге, якщо витрати на виробництво будуть меншими за готовність споживача сплатити; по-третє, якщо величина альтернативних витрат при використанні ресурсів більша за витрати виробництва даного товару. Якщо не виконується хоча б одна із зазначених умов, у відповідь на споживчий попит суб'єкт комерційної діяльності не надасть необхідного блага.

Пропозиція товару з боку державного сектора визначається нездатністю забезпечити постачання з боку ринкових комерційних структур. Проте однієї такої нездатності мало. Додатково необхідно, щоб, по-перше, виробництво було корисним політикам для забезпечення електоральної підтримки або створення дохідних потоків; по-друге, існували б вільні бюджетні кошти. Невиконання хоча б однієї з двох зазначених умов перекреслює раціональність державного виробництва відповідного блага.

Таким чином, суб'єкт, який не є комерційною структурою або державною установою, що виробляє блага, які не надаються ринком або державою і враховуються як корисні для індивідів, автоматично підвищуватиме рівень добробуту останніх.

Для оцінки переваг організацій громадянського суспільства важливо виявити додаткові специфічні причини, за якими послуги, що надаються ними, не виробляються ані приватним бізнесом, ані державою. Блага, що виробляються громадянськими організаціями, за власними характеристиками можуть бути правильно оцінені до моменту або в процесі їх споживання без будь-яких особливих витрат. Одночасно в переліку властивостей благ одне з основних місць займають ті, що характеризують не тільки зміст послуги, але й форму, в якій вона надається. Для таких послуг, як дружня підтримка, співчуття, захист від несправедливості тощо, дуже важлива неформальна, моральна складова, що виявляється насамперед у дружелюбності й широті виробника відповідного блага. Це легко ідентифікується й оцінюється тими, кому такі блага надаються.

Споживач подібних «емоційних» благ виявляє параметри якості як перед, так і безпосередньо в процесі отримання послуги і, високо оцінюючи такий параметр, як ширість виробника послуги, відрізняє формальну підтримку від неформальної. Це означає, що такі ж за змістом блага, що надаються приватними комерційними і державними установами, матимуть гіршу якість, аніж аналогічні послуги від громадських організацій.

Працівники комерційних установ, налаштовані на отримання доходу, в більшому або меншому ступені поводяться опортуністично, досягаючи показників, за максимізацію яких вони отримують найбільшу винагороду. Емоційні властивості послуги не мають «об'єктив-

них» вимірювачів і глибоко суб'єктивні, тобто залежні від особистості споживача, і контроль за цим аспектом взаємодії продавця і покупця з боку вищого керівника виявляється дуже скрутним. При цьому виробник емоційних благ, що працює за гроші в приватному бізнесі або в державній установі, може не усвідомлювати (не спостерігати), що він мимоволі виражає відносно до споживача, якому надає відповідну послугу. Навпаки, участь волонтера в роботі громадської організації за визначенням є добровільною, не пов'язаною з пошуком «зовнішньої» користі у вигляді заробітної плати, тому стимули до опортуністичної поведінки тут практично відсутні.

Ці обставини означають, що для емоційних благ має місце ситуація незвичайної (звратною) інформаційної асиметрії: споживач знає про якість блага більше, ніж його виробник. Тому відсутність ринків для такого виду благ також може бути пояснено наявністю інформаційної асиметрії, але тільки іншого типу, ніж та, яка звичайно розглядається під час аналізу недоліків ринку (виробник знає про товар більше споживача).

Важливою рисою емоційних благ є особливий механізм специфікації контрактних прав власності на них, тобто встановлення відповідності між замовленими й фактично виконаними параметрами придбаного блага. Визначення й захист змін прав власності, які можуть бути порушені в процесах обміну, здійснення угод в остаточному підсумку зводяться до насильства або його загрози. Суб'єктом специфікації прав на «відчутні» блага може виступати будь-який гарант – сам володар майна, приватна структура, держава. Вибір між ними визначається за критерієм економічної ефективності. Питання про доказ порушення контрактних прав з можливістю спостерігати об'єкт прав не породжує принципових труднощів.

Для послуг, що спрямовані на зміну властивостей речовинного об'єкта, що спостерігаються (наприклад, ремонт або стрижка), специфікація контрактних прав на вироблену послугу здійснюється її виробником, а у випадку обмеженості його можливостей при спробах примусити його надати послугу – будь-якими іншими гарантами. Оскільки надана послуга залишає свій «відбиток» на речі, у випадку порушення права власності володаря речі останній, апелюючи до цього «відбитку», може звернутися до зовнішніх гарантів за захистом його порушених прав.

Для послуг, що не залишають «відбитків» на об'єкті (наприклад, освітніх послуг), захист прав власності виробника таких послуг здійснюється у звичайному порядку. Щодо порушення прав покупця, наприклад, зменшення його людського капіталу внаслідок споживання неякісних освітніх послуг, то питання про їх захист відразу стає незвичайним. Джерелом складностей є неможливість безпосереднього спостереження за змінами і складність доведення зв'язку між діями виробника і змінами у властивостях її одержувача (або його майна). Одночасно аналіз технологічного процесу виробництва послуги може дати підстави для доведення того, що права її споживача порушені. Наприклад, для освітніх послуг такими підставами є наявність або відсутність у навчального закладу ліцензії, відповідність фактичного обсягу наданих послуг нормативним цифрам, що можна виявити шляхом опитування інших учнів) тощо.

Очевидно, що захист контрактних прав на емоційні блага є найбільш проблемним у розглянутій низці. Інформація про емоційні складові якості блага, що споживається, сконцентрована у його споживача, але надання або ненадання цих властивостей залежить від особистості виробника, а не від технології. Зазначені складові не фігурують у контракті, тому довести факт їх ненадання стає неможливим.

Тим самим емоційні властивості благ можна трактувати як особливу форму зовнішніх ефектів. Розуміння емоційних властивостей як форми екстерналій відповідає наявності труднощів зі специфікацією контрактних прав під час виробництва й споживання послуг з істотними емоційними складовими.

Таким чином, можна припустити, що відсутність «стандартної» специфікації контрактних прав під час виробництва й споживання емоційних благ є причиною того, що такі блага

не пропонуються комерційним сектором. Надання зазначених послуг державою зіштовхується з проблемою довіри. Тому збільшується попит на існування інститутів громадянського суспільства як «третьої сили», здатної прискорити розв'язання проблем зростаючої індивідуалізації споживання послуг.

Список літератури

1. *Агапова И. И.* Институциональная экономика. — М.: Экономистъ, 2006. — 254 с.
2. *Лубчук И.* Персонал дорогой и сердитый // Эксперт Украина. — 2008. — № 1–2. — С. 17–24.
3. *Полунеев Ю.* Прорыв умер. Да здравствует прорыв! // Зеркало недели. — 2008. — №5. — С. 8.
4. *Шамхалов Ф.* Государство и экономика. Основы взаимодействия. — М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2005. — 727 с.

Д. Є. Погорілий

ПОЛІТИЧНА ЕЛІТА ЯК ОСНОВНИЙ СУБ'ЄКТ ВЛАДИ У СУСПІЛЬНО-ПОЛІТИЧНОМУ ПРОЦЕСІ

Сьогодні, коли вирішується завдання розбудови демократичної, правової, соціальної української держави, вкрай актуальним є розгляд питання про те, які характерні риси, особливості формування та відновлення повинні бути притаманні політичній еліті — тій соціальній групі, що має основні владні повноваження в суспільстві, адже ефективність і напрямок змін, що відбуваються, значною мірою залежать саме від стану й поведінки політичної еліти, яка безпосередньо бере участь у прийнятті рішень, пов'язаних із використанням державної влади. Саме в цей час, за визначенням М. Бердяєва, перед будь-яким суспільством постає завдання «підбору та укріплення «керівної верстви», адже влада повинна належати найкращим обраним особам, на яких покладається велика відповідальність, і які самі накладають на себе великі зобов'язання» [1, с. 232].

Розглядаючи в цілому особливості розвитку сучасного політичного процесу в Україні, необхідно визначити, що на сьогоднішній момент перехід українського суспільства до нового стійкого політичного і соціально-економічного становища ще далеко не завершений. Змінюється політична система, формуються нові, демократичні засади діяльності державної влади, стверджується політичний та ідеологічний плюралізм, істотно оновлюється законодавство та ін. Продовжується і трансформація політичної еліти — вона перетворилася на основний суб'єкт соціально-політичних дій, що відбуваються у сфері публічної політики, та й, власне, внутрієлітні відносини стали більш складними.

У той же час не відбулося очікуваної зміни типу вітчизняної еліти, не реалізувався демократичний ідеал плюралістичних, відкритих еліт, тобто не відбулося формування системи еліт, взаємодія між якими здійснюється в рамках сучасного демократичного суспільства. Незважаючи на значне оновлення персонального складу і зміни соціальної структури еліти, можна відзначити також і певну спадкоємність щодо старої, тоталітарної політичної еліти, збереження деяких її характерних рис та специфічних особливостей функціонування.

У новій політичній еліті відсутні такі необхідні ознаки, як професійність, рівність перед законом, відсутність привілеїв. Серед основних рис сучасної політичної еліти можна виділити високий ступінь її внутрішньої дезінтеграції, перевагу групових та особистих інтересів над суспільними, що призводить до протистояння та відкритих конфліктів між різними елітними групами, а також відсутність зв'язку між елітою в цілому та населенням країни.

Особливо відчувається сьогодні слабкість української політичної еліти в духовній сфері — у відсутності чіткої ідеологічної орієнтації, визначеної системи моральних цінностей, соціально-політичних орієнтирів для масової свідомості тощо. А між тим у час, коли вирі-

шується завдання розбудови демократичної, правової, соціальної української держави, еліта повинна виступати своєрідним механізмом упорядкування й регуляції соціальних відносин, реалізації загальнозначущих інтересів у суспільстві, спираючись на найактивніших та найгідніших представників суспільства – інтелігенцію. Адже тільки інтелігенція, за влучним висловленням В. Липинського, «своїм великим поривом духу має прищепити всім класам українським поняття єдності політичної і національної» [2, с. 38].

Розв'язання політичних конфліктів та встановлення рівноваги в суспільстві вимагає від нової політичної еліти бути єдиною, згуртованою групою, із достатнім запасом ресурсів, що надало б їй можливість ефективно здійснювати свої функції. Нова еліта повинна стати дійсно відкритою для входження до її лав представників широких мас, а також для впливу мас на еліту. Це потребує послідовної інтеграції нових груп інтересів, які включаються в політичне життя, за допомогою створення розвиненої системи політичного представництва й політичної комунікації, що надасть можливість політичній еліті вчасно й адекватно реагувати на їхні вимоги. Формування груп інтересів та становлення реальної багатопартійності є важливою передумовою успішного вирішення політичних конфліктів в українському суспільстві. Також необхідне подолання кризи легітимності влади, підвищення довіри до її інститутів, послідовне завершення проведення розподілу влади та вироблення ефективних механізмів взаємодії між різними її гілками.

Становлення демократії в Україні багато в чому залежить і від припинення боротьби всередині самої еліти, підтримкою динамічної рівноваги між різними групуваннями еліти, впливу демократичних процедур на зміст політичних та соціально-економічних рішень, що приймаються, та приходом до лав еліти справжніх лідерів з великим творчим та інтелектуальним потенціалом, що будуть викликати довіру як до себе, так і до політичного курсу, що проводиться. Адже забезпечення стабільності соціальних відносин в українському суспільстві, встановлення балансу інтересів між різними суб'єктами суспільно-політичного процесу залежить від вчасних та вдалих дій лідерів, від їх уміння оцінювати ситуацію, адекватно реагувати на зміни, прогнозувати наслідки тих або інших кроків, нести відповідальність за свої рішення. Політична еліта повинна бути здатною «збуджувати приховану енергію нації, виховувати маси й наснажувати їх для участі в тих чи інших політичних акціях», бути спроможною розробляти та впроваджувати національну ідею, звернену до «серця» нації, до її волі» [3, с. 508].

Список літератури

1. Бердяев Н. Судьба России. – М.: Советский писатель, 1990.
2. Липинський В. Листи до братів-хліборобів. Про ідею і організацію українського монархізму. – К., Філадельфія. – 1995.
3. Донцов Д. В чім сила організації? Політологія. Кінець XIX – перша полов. XX ст. Хрестоматія / За ред. О. І. Семківа. – Львів, 1996.

Н. К. Подольский

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Какую роль играет в обществе интеллигенция? Кого обычно считают интеллигентным человеком? Эти вопросы постоянно актуализируются в связи с необходимостью разобраться в отношениях власти и интеллигенции и выявить конструктивную силу этого взаимодействия. Это люди свободных профессий? Часть среднего класса? Интеллигенцию при социализме то обзывали прослойкой, то зачисляли в «социальную группу». Известный историк Ричард Пайпс признавал, что интеллигенции больше нигде, кроме России, не существует. Он относился к ней как к своеобразной национальной особенности.

Место интеллигенции в социальной структуре общества стало особой темой дискуссий начала XX века. Тогда одни настаивали на внеклассовом подходе: интеллигенция не представляла собой никакой особой социальной группы и не относилась ни к какому классу; являясь элитой общества, она становится над классовыми интересами и выражает общечеловеческие идеалы (Н. А. Бердяев, М. И. Туган-Барановский, Р. В. Иванов-Разумник). Другие (Н. И. Бухарин, А. С. Изгоев и др.) рассматривали интеллигенцию в рамках классового подхода, но расходились в вопросе о том, к какому классу ее относить. Одни считали, что к интеллигенции относятся люди из разных классов, не составляющие при этом единой социальной группы. Они утверждали, что надо говорить не об интеллигенции вообще, а о ее различных видах (например, буржуазной, пролетарской, крестьянской). Нередко интеллигенцию относили к какому-либо вполне определенному классу. Наиболее распространенными вариантами были утверждения, что интеллигенция является частью класса буржуазии либо пролетарского класса. Наконец, третьи вообще выделяли интеллигенцию в особый класс.

На сегодняшний день в общественном мнении доминирует представление о том, что интеллигенция в конце XX столетия расслоилась на три страты: 1) «творческую интеллигенцию» — люди творческих профессий, развивающие науку, технику, культуру, гуманитарные дисциплины. Большинство представителей этого социального слоя занято в социальной и духовной сферах, меньшинство — в промышленности (техническая интеллигенция); 2) «массовую интеллигенцию» — врачи, учителя, инженеры, журналисты, конструкторы, технологи, агрономы и другие специалисты. Многие представители этого слоя работают в отраслях социальной сферы (здравоохранение, образование), несколько меньше (до 40%) — в промышленности, остальные в сельском хозяйстве или в торговле; 3) «полуинтеллигенцию» — техники, фельдшера, медицинские сестры, ассистенты, референты, лаборанты. Интеллигенция, как минимум, уже третье столетие оказывает самое серьезное влияние как на общество, так и на власть. Причем ее отношение к власти колеблется в рамках от настроенного до оппозиционного. Нередко интеллигент, придя во власть, перестает и считаться, и себя считать таковым. Чтобы понять, каким ресурсом может располагать в обществе интеллигенция, важно выяснить ее отношение к власти.

Власть появилась с возникновением человеческого общества и будет в той или иной форме всегда сопутствовать его развитию. Она представляет собой истинный авторитет, сущностью которого выступает обладание возможностью подчинять своей воле, управлять или распоряжаться действиями других людей. Власть необходима, прежде всего, для организации общественного производства, которое немыслимо без подчинения всех участников единой воле, а также для регулирования других взаимоотношений между людьми, связанных с жизнью в обществе. Настораживает то, что власть чаще всего не может четко сформулировать свое понимание исторической перспективы. «Власть народа...» — хорошо как лозунг, но за ним, как показывает история, нет программы. Власть сильна — но: чем и в чем? Власть независима — но: от кого и для чего? Интеллигенцию пугает то, что власть без малейших видимых усилий отказалась от целого ряда декларированных в начале 1990-х принципов. Людей откровенно шокируют постоянные метания власти в области политического процесса.

В исторических условиях, в которых формировалась интеллигенция, она не могла не стать принципиальным критиком. И таковой она должна оставаться. Но критика может преследовать разные цели. Негативно оценив результаты реформ, удовлетворенно кивнув «так мы и знали», может ли интеллигенция позволить себе уйти привычным путем в семью, на кухню, в кочегарку изучать санскрит?

Один из путей — стать оппозицией. Одна из функций конструктивной оппозиции — быть зеркалом власти. Цивилизованная конструктивная оппозиция должна быть заложена в самой структуре цивилизованного государства, без нее это государство чувствует себя на

границ кризиса. К сожалению, наша историческая традиция такова, что власть всегда в лучшем случае просто выталкивала оппозицию в запрещенные журналы и на кухни, в диссидентское движение. Но уж если и сейчас трудно рассчитывать на то, что демократические институты у нас наполнятся реальным работающим смыслом, нужно попытаться часть этого содержания вынести за пределы государственной структуры. Интеллигенция призвана наполнить демократическим содержанием все институты гражданского общества. Не желая откровенно бороться за власть, интеллигенция может выбрать другой путь — она должна стать элитарным ядром, интеллектуальным центром, моральным источником формирования в Украине гражданского общества. Если власть озабочена проблемами трансформации общества на государственном уровне, то у интеллигенции — не менее ответственная и почетная роль: указывать векторы общественного развития, нередко выступая противовесом для властных структур, поскольку именно интеллигенция остро чувствует ответственность за судьбу народа.

В. П. Решетило

НЕЛИНЕЙНЫЙ ХАРАКТЕР ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВА И ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ БИФУРКАЦИОННОГО КРИЗИСА ПЕРЕХОДНЫХ СИСТЕМ

В современных самоорганизующихся социально-экономических системах процесс их вхождения в новое состояние связан с сознательной деятельностью субъективного фактора, органически присутствующего в системе. В функционировании синергетической экономики всегда присутствуют и взаимодействуют процессы самоорганизации и сознательная организующая деятельность государства, действия которого способны направлять процессы самоорганизации в русло поступательного развития, избегая попадания на траекторию распада системы. Отметим также, что особенно *чутко система реагирует на воздействия государства в состоянии неустойчивости*. Именно в такие периоды самоорганизация происходит в виде когерентных кооперативных эффектов взаимодействия элементов системы. Однако найти направления резонансного воздействия на систему, которые бы инициировали кооперативные эффекты, приводящие к появлению новых структур, оказывается достаточно сложной задачей. Нелинейность синергетической системы приводит к тому, что «ее реакция на изменение внешней или внутренней среды не пропорциональна этому изменению» [1, с. 200]. «Нелинейность — необычная реакция на внешние воздействия, когда правильно организованное воздействие оказывает большее влияние на эволюцию системы, чем более сильное, но не оформленное адекватно ее собственным тенденциям» [2, с. 6]. Причем если система сразу не выходит на устойчивый путь поступательного развития, то может последовательно возникать целая цепь бифуркационных состояний, в ходе которых под воздействием случайных факторов происходит выбор дальнейшего пути развития. Такая ситуация может сохраняться достаточно долго, пока на очередной фазе ветвления (бифуркации) не будет выбран более адекватный внутренним возможностям системы путь развития, или же система выйдет за границы коридора возможностей и прекратит самостоятельное существование.

В то же время, когда экономическая система находится в точке бифуркации, общественная энергия, желание перемен в обществе достигают кульминационного момента. Общество готово даже на временные жертвы и страдания во имя будущих перемен. В этот момент государство имеет наиболее благоприятные условия для проведения социально-экономических преобразований. Общество как бы дает карт-бланш государству в свободе действий в проведении радикальных реформ. Пробужденная энергия общественного напряжения, умноженная на состояние надежды на перемены к лучшему, создает для государства

социальный трансформационный потенциал реформ. В этот момент важно создать условия для реализации этого социального трансформационного потенциала, максимально привлекая к разработке и реализации реформ лучшие интеллектуальные силы страны: техническую интеллигенцию, экономистов, юристов, социологов и других. При этом важным условием выступает формирование *особой управленческой элиты*, которая способна поставить общественные интересы выше своих собственных клановых интересов, способна мыслить по-новому и управлять по-новому. С позиций синергетического мышления просто разговоры о формировании такой элиты, простое желание ее появления остаются пожеланиями. Необходима радикальная перестройка государственного аппарата, которую способна провести высшая законодательная власть страны только при определенных общественных возмущениях (флуктуациях). Только тогда, когда активные силы в обществе будут способны радикально изменить сущность государства, его новый тип будет способен проводить необходимые управленческие решения.

С другой стороны, следует помнить, что возможности государства в проведении социально-экономических изменений резко уменьшаются по мере нарастания энтропии в общественной системе. Основоположник синергетики, И. Пригожин, исследующий синергетические свойства больших систем в условиях неравновесия, выдвинул идею о появлении высокой активности материи в отдалении от энтропийного максимума, и наоборот, сокращения ее активности по мере приближения к нему [3, с. 62–64; 4, с. 68–70]. Применительно к экономике это означает уменьшение масштаба общественного выбора вариантов развития по мере приближения к точкам энтропийного максимума. Если звучит тезис о наличии одного-единственного выхода из ситуации или о невозможности решения проблемы другим способом, это означает, что общество вошло в режим социально-экономической деградации и движется к опасным точкам энтропийного максимума. В это время экономика теряет системность, падает технологический уровень производства, деградируют его инвестиционные механизмы. Приближение к максимуму социальной энтропии означает потери на уровне индивидуального, личностного существования общества. Поэтому падение роли государства в первые годы реформ явилось закономерным следствием нарастания энтропии общественной системы по мере распада командно-административной экономики, а не сознательным решением каких-либо политиков. Нарастание хаоса в силу разрушения структуры предшествующей системы не могло не приводить и к нарастанию ее энтропийного максимума.

В условиях государств с переходной экономикой, которые все еще находятся в состоянии бифуркационного кризиса, регулирующее воздействие государства сводится к поиску резонансных зон, где результат определяется не силой воздействия, а его *согласованностью с внутренними свойствами системы*. Именно такой поиск является главным условием эффективного государственного регулирования с позиций экономической синергетики. Сократить пути эволюции, исключив многочисленные зигзаги и попятные движения, можно, *резонансно возбуждая правильные структуры в нелинейных системах*. В то же время следует обязательно учитывать тот факт, что ряд рыночных институтов, будучи сознательно спроектированными государством в переходных системах, функционируют далеко не в полном соответствии с замыслом их создателей и представляют собой продукт, полученный в результате непреднамеренной, спонтанной самоорганизации индивидов. Все это ставит под сомнение возможность успешного осуществления социально-экономических «экспериментов» по преобразованию общества в соответствии с теорией или по примеру других стран. Итог подобных экспериментов вполне закономерен: «Хотели как лучше, а получилось как всегда», так как подобные преобразования затрагивают потребности, интересы и ценности многих индивидуумов, действующих исходя из них и вносящих поэтому в процесс преобразований непредвиденные действия и их последствия. Следовательно, развитие трансформационных систем происходит как в результате сознательных действий государства, так и под влиянием процессов спонтанной самоорганизации общества и индивидуумов.

В долгосрочном аспекте роль государства в переходных системах состоит в том, чтобы *увеличивать не только рыночный, но и социальный (трансформационный) потенциал реформ.* С позиций экономической синергетики задача государства как важнейшего общественного института состоит в создании правового и организационного механизма, *обеспечивающего взаимодействие всех социально-экономических институтов и структур общества.* Учет максимального числа взаимосвязей, возникающих в процессе проведения государством реформ, позволяет более полно смоделировать их последствия, и, прежде всего, последствия процессов самоорганизации, запускаемых этими реформами. Подобный анализ взаимосвязей позволит предусмотреть и возможные ограничения, или деформации, обусловленные уже существующей социально-экономической структурой и предполагаемой реакцией экономических агентов.

В условиях переходных экономических систем существует повышенная *чувствительность экономики к непоследовательным и противоречивым действиям государственной власти.* В итоге такой непоследовательности внутри системы крепнут внутренние аттракторы, адекватные наиболее вероятным направлениям развития системы. Ключевым социальным звеном аттрактора ориентированной рыночной экономики является развитие многообразия форм собственности, свободное частное предпринимательство, свободная и честная конкуренция. Но государственная экономическая политика в этой области «сбивает» экономику с этих аттракторов на другие, связанные с формированием и утверждением олигархических структур и теневой экономики, толкающих экономическую систему на иной путь развития: корпоративно-бюрократический капитализм. Сегодня необходима государственная экономическая политика, выводящая экономику из этой, как показывает опыт латиноамериканских стран, бесперспективной ветви развития.

Серьезным негативным последствием существующей системы государственного управления является *рост общественного недоверия к нему.* В результате весьма реальной становится опасность окончательного выбора такого направления экономического упорядочения, которое не отвечает коренным экономическим интересам большинства населения страны. Чтобы избежать указанного неблагоприятного сценария, необходимы согласованные, обоснованные творческие действия институтов государства и гражданского общества. Речь идет об определении равнодействующей конкурирующих аттракторов и формировании на ее основе *национального аттрактора универсального типа.* Он призван обеспечить сплав постепенно эволюционирующего народного менталитета с наиболее передовыми цивилизационными достижениями в экономике, экологии, социальных отношениях, культуре и политике. Здесь необходимо руководствоваться правилом Тинбергена-Тейла: политику, выбранную в какой угодно момент времени, можно выразить через предвиденный размер или траекторию развития какой угодно экономической величины, на которую она влияет; или, другими словами, одному инструменту экономической политики должна соответствовать одна целевая экономическая переменная.

При этом следует учитывать, что институт власти — это определенным образом сконструированная система, со своей четкой субординацией, дисциплиной и механизмами действия. В обществе идет постоянная борьба за власть как со стороны тех, кто в нее еще не попал, так и внутри клана власти за свое место в ее иерархии. Попавшие во властные структуры, на орбиту власти, стремятся любой ценой удержаться в ее траектории и оказаться на более высокой ступени иерархии. Сама власть стремится выдавать свою деятельность как систему действий, направленных на реализацию интересов нации, на заботу о народе. Следует помнить, что институт власти в Украине несет в себе все обычаи и традиции «людей власти», которые сформировались на предшествующих этапах развития общества. Предшествующей власти она была необходима, прежде всего, для обеспечения собственных условий жизнедеятельности, для господства над нацией, а не для служения нации. Но действительно демократическая власть существует не во имя обязательств народа, а во имя его прав.

Современный этап развития переходных систем настоятельно требует реализации идеи социального партнерства, имеющего определяющее значение в механизме саморазвития и самореализации человека. Социальное партнерство выступает естественным методом добровольного (не вызываемого страхом) вовлечения людей (личностей) в дела общества на основе цивилизованного поведения (принципа служения), который становится важнейшим источником развития и социальных инноваций. Добровольное взаимодействие – источник социальной стабильности и доверия, основа формирования социальной ответственности и развития нравственного поведения, когда совесть и стыд определяют моральные качества личности [5].

Список литературы

1. Сапецкий А.О. Социосинергетика. // Синергетика. Труды семинара. Том 2. Естественнонаучные, социальные и гуманитарные аспекты. – М.: Изд. МГУ, 1999. – 250 с.
2. Белавин В. А. Глобальный демографический кризис: опасности и надежды / В. А. Белавин, С. П. Курдюмов // Синергетика. Труды семинара. Том 2. Естественнонаучные, социальные и гуманитарные аспекты. – М.: Изд. МГУ, 2006. – 267 с.
3. Пригожин И. Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы. – М. – Ижевск, 2000. – 212 с.
4. Пригожин И. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 231 с.
5. Задорожный Г. В. Неоэкономика как интеллектономика (о цивилизации одухотворенного интеллекта) / Г. В. Задорожный, О. В. Барвено // Экономическая теория на пороге XXI века. – М.: Наука, 2001. – С. 99–114.

О. К. Садовников

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ МИФОТВОРЯЩАЯ

Роль интеллигенции в формировании общественного мнения и устоев общества путем мифотворчества была замечена еще Платоном, который противопоставил народной мифологии философско-символическую интерпретацию мифа. По Платону, традиционная мифология – это «вообще говоря, ложь, но есть в ней и истина» [1]. Платон, используя мифы и мифологические приемы, выводит философские идеи любви (миф об андрогинах) и совершенного государства (миф об Атлантиде). В последующие времена различные мыслители и с различными целями использовали мифотворческий потенциал влияния на общественное сознание. Обратной стороной этого процесса является самовозвращение искусственного мифа на его творца/ов.

Мифические конструкты и архетипы ориентированы на один из типов мировоззрения – «архаический», «традиционный», доисторический», «циклический», что противодействует иному типу мировоззрения – «современному», «западноевропейскому», «историцистскому». Эта ситуация рассматривается М. Элиаде в «Мифе о вечном возвращении» [2, гл. 1] и делается вывод, что кризисные явления современного мира, связанные с историзмом, преодолеваются при возврате в самосознание современной культуры мифического восприятия мира.

Эти процессы достаточно отчетливо прослеживаются в идеях, продуцируемых интеллигенцией Украины при ломке старых мировоззренческих ценностей и формировании новых. Но внедрение и усиление мифического компонента негативно сказывается на рационализации сознания, а, как следствие, и на группах людей, занимающихся интеллектуальной деятельностью. Рассмотрим некоторые аспекты данной проблемы, связанные с мифами настоящего времени.

Миф «Великого перелома». Начало этого мифа можем видеть еще у Гесиода в его конструктах о Золотом веке и смене веков. Основная мысль — старое безвозвратно ушло, не оставив следа, а в новых условиях разворачивается новая жизнь. Миф «Великого перелома» формирует представления о массовом переходе к новому мировоззрению, обновлению экономики, политики, формирует новые аксиологические ценности, сметает и объявляет нежизнеспособными все, или почти все, достижения до «Великого перелома». Фактически формируется признание неполноценности и некомпетентности людей, которые жили в эпоху До: они двигались по страшному пути, ведущему к краху, разрушали цивилизацию. В эпоху После начинается новое созидание при максимальном разрушении всего старого. Для Украины маяками становятся страны Запада, которые ранее могли рассматриваться как несущие прямую угрозу, а, следовательно, теперь они приобретают противоположный статус. Подражание их успехам и культурным ценностям объявляется как путь к спасению от эпохи До.

Результаты действия данного мифа, да и многих других мифов, привели к идейной и интеллектуальной дезориентации общества. Интеллигенция как интеллектуально-творящая сила разрушила свои прежние позиции в обществе и сама же, в системе заимствования и подражания, не оставила места для собственных изысканий и творений. Востребованность интеллектуального, культурного и творческого потенциала оказалась приведенной к фразе В. С. Высоцкого: «Пророка нет в Отечестве своем, да и в других отечествах не густо».

Список литературы

1. Платон. Федон // Платон. Сочинения: В 3 т. - М.: Мысль, 1970. - Т. 2. — С. 11–94.
2. Элиаде М. Миф о вечном возвращении: Архетипы и повторяемость: Пер. с фр. — СПб., 1998. — 249 с.

О. І. Черевко

СТУДЕНТСТВО – ІНТЕЛІГЕНЦІЯ – ВЛАДА: ТРИКУТНИК ВЗАЄМОДІЇ

У сучасній ситуації активізації форм і методів навчання в парадигмі вищої освіти на перший план виступають інноваційні методики, що поєднують прикладний аспект науки з її теоретично-методологічним осмисленням. Для сучасних освітніх технологій в Україні стають характерними дослідження на стику наук і навчальних предметів, що не тільки підкріплюють одне одного, а й у взаємовпливі складають цілісний цикл гуманітарно орієнтованого знання, яке здобуває дипломований фахівець.

Оскільки система освіти зазнає впливу інформатизації й процесів глобалізації, впроваджуючи й розвиваючи мережу міжпредметних комунікацій, особливу увагу при організації навчального процесу у викладанні окремих дисциплін варто приділити методам і засобам, які дозволяють випускникові ВНЗ швидко орієнтуватися в постійно змінюваному ситуативному проблемному полі.

Форми, методи контролю й самі позиції учасників навчального процесу (в індустріальному суспільстві педагог авторитарний, націлений на передавання знань; у постіндустріальному — педагог на горизонталі разом із тими, хто навчається, створює умови для продуктивного самостійного навчання) змінюються таким чином, що стабільна система наукових дисциплін стає динамічною, навіть в оцінюванні акцент зміщується на самоконтроль і самооцінку учнів.

У цьому, на наш погляд, полягає квінтесенція постіндустріальної парадигми освіти. Для студента написати реферат за такою темою й за таким планом, які сформулював сам, пояснити порядок тих або інших дій з погляду продуманої самим логіки тощо — от що повинне стати «мотором» освітнього процесу. Не самоцільне заучування навчального матеріалу,

а робота з ним, його творче обігрування на основі певного плану – ось шлях до внутрішньо мотивованого, захопливого читання, шлях до того, щоб учень міг і хотів вникати в зміст навчання, а не просто механічно його запам'ятовував.

Така стратегія розвитку вищої освіти приводить до того, що студентство рекрутує все більше своїх представників до лав інтелігенції, яка в суспільстві, де високо цінуються авторитети знання, наука, висока фахова кваліфікація стає не просто одним із соціальних прошарків, а активним ферментом нації, рушієм і каталізатором процесів, що наближують Україну до передових позицій у цивілізованому світі.

Багато дослідників у різних галузях гуманітарних та технічних наук вважають, що в сучасному українському суспільстві необхідна певна соціальна сила, що безпосередньо пов'язана з досягненнями науки і техніки, і водночас – з високою духовністю і наявністю гуманістичних цінностей. Цією силою й виступає інтелігенція. Вона здатна буде забезпечити прогрес науки, що не суперечить соціально-культурному, духовному розвитку людини і суспільства.

Стосовно поняття «інтелігенція» можна стверджувати, що воно розглядається у двох основних вимірах: як соціальний та як морально-духовний феномен. Соціальний бік характеристики інтелігенції розроблявся вітчизняними дослідниками. За визначенням Івана Павловича Лисяка-Рудницького, інтелігент – це той, чийм основним призначенням, «суспільною функцією є творення і збереження духовних цінностей». Витоки цього поняття він знаходить у ХІХ ст., коли інтелігентами називали освічених осіб, які фахово займалися розумовою діяльністю.

Основною причиною формування нової соціальної стратегії була економічна. Індустріалізація виробництва, запровадження машин, нових виробничих технологій потребували кадрів – інженерів, техніків, технологів. Попит на освічених людей, спеціалістів у різних галузях знань стимулював систему освіти. Отже, важливим чинником становлення національної інтелігенції ХІХ та ХХ століть став розвиток освіти.

Ускладнення виробничих процесів було тісно пов'язане зі станом науки, розвитком фундаментальних природничих і прикладних технічних дисциплін. Досягнення в освітянській та науковій сфері були неможливі без піднесення культури, високої та повсякденної, що також стало передумовою становлення національної інтелігенції. Таким чином, до інтелігенції належать творці культурних та духовних цінностей – науковці, вчителі, журналісти, письменники, художники, юристи, лікарі, священники.

Згідно з цією концепцією, студентство посідає особливе місце в соціальній структурі суспільства, і його не можна ототожнювати з інтелігенцією. Від інтелігенції як соціальної групи студентство відрізняється за віком, особливостями психічного складу, соціальною поведінкою, матеріальним та суспільно-правовим станом під час навчання. За своїми суспільними функціями студентство є не часткою, а резервом інтелігенції. Випускники вищих навчальних закладів поповнюють лави інтелігенції, коли стають причетними до витвору та збереження культурних та національних цінностей. З іншого боку, не всі, хто має освіту і кваліфікацію, належать до інтелігенції.

Останнє зауваження переводить осмислення поняття «інтелігенція» у морально-духовний план, що збагачує феномен додатковими коннотаціями, робить більш зрозумілими людські якості, які характеризують інтелігентну людину.

Незаспокоєність, живий відгук на недосконалість світу залишилися визначальною рисою у виділенні й осмисленні такого складного концепту, як інтелігенція та інтелігентність. На думку Олексія Федоровича Лосева, «інтелігентність є в першу чергу природне почуття життєвих недосконалостей і інстинктивна до них відраза».

Не можна назвати інтелігентною людину, яка займається розумовою працею та має вищу освіту. Небагато до цього образу додає дотримання норм етикету та певна мовна культура. Насамперед інтелігентну людину відрізняє терпимість: до світосприйняття, різних точок

зору, стилю життя. Інтелегентною людиною бути важко, тому що цей стан душі припускає відсутність готових рецептів, у кожному конкретному випадку треба проходити крізь аналіз та самоаналіз. Це постійно нагадує людині про її недосконалість, вимагає з терпимістю ставитися до інших.

Інтелегент постійно працює над собою, але закриватися в собі він не може. Йому властиво вибирати, свідомо чи ні, ті сфери діяльності, які найбільш цінні з точки зору формування його особистості та водночас приносять користь оточуючим. Потреба віддавати є однією з тих якостей, які вирізняють інтелегенцію з-поміж інших верств суспільства та привертають до себе.

Отже, поєднуючи ці точки зору, інтелегенцію можна схарактеризувати як духовно-моральну еліту українського суспільства, котра спроможна і повинна протистояти кризі в соціальній та духовній сферах, сприяти подоланню аморальності, нігілізму й байдужості людей з позицій загальнолюдських цінностей.

Інтелегенція у сфері практично-духовної діяльності перш за все пов'язана зі ставленням до влади, особливо державної. В Україні протягом двох століть інтелегенція має досить серйозний вплив як на суспільство, так і на владу. При цьому у відповідності до кодексу честі інтелегенції, який був сформований протягом цих століть, ставлення інтелегенції до влади найчастіше коливалося в межах від недовіри до опозиції.

Таке несприйняття інтелегенцією влади виникало внаслідок послідовного несприйняття владою інтелегенції. Влада не має права використовувати особистісні переконання будь-якої людини в короткочасних інтересах. Як і придушувати, якщо ці переконання розійшлися з інтересами влади. В інтелегенції є комплекс відчуження, у влади є комплекс залучення. Інтелегенти починають розкладатися, коли забувають, що служать не собі і своїм інтелектуальним примхам, а власному народу, його теперішньому й майбутньому. А влада тотально розкладається, коли ставить рівновагу владних кланів вище за історичні цілі формування та розвитку єдиної нації.

Визначальною особливістю у ставленні інтелегенції до влади є те, що інтелегенція протиставляє свої ідеї владі та одночасно, критикуючи авторитарну владу, бере на себе відповідальність за вибір вільного шляху, тобто намагається приміряти на себе завдання влади, з якими ця влада не може внаслідок авторитарності та вузькості поглядів впоратися.

Оскільки історичні передумови виникнення та історичне призначення інтелегенції — служіння країні та народу, вона завжди не тільки критично сприймає теперішнє, але й переживає за майбутнє держави, намагається брати активну участь у громадському житті. Період діалогу влади та інтелегенції «на рівних» був під час здобуття Україною незалежності на початку 90-х років ХХ століття, коли більшість висловлювань та програмних дій інтелегенції були викликані не бажанням щось отримати, а потребою донести свою думку до народу. Завдання відновити подібні відносини та повернути духовний вплив на українське суспільство як цілісність стоїть перед сучасною інтелегенцією та її найбільшим постачальником — студентством.

З нашої точки зору така опозиційність до влади, характерна для української інтелегенції, має конструктивний характер. Завдяки своєму високому рівню освіченості, здатності до глибокого аналітичного мислення, налаштованості на позитивну співпрацю з владними структурами у справі розбудови демократичного суспільства українська інтелегенція має всі необхідні можливості для спрямування громадської думки на позитивне вирішення соціальних проблем.

У трикутнику студентство — інтелегенція — влада всі кути постають не менш важливими та значущими. Нагальними постають проблеми аналізу взаємовпливу влади, інтелегенції та студентської молоді — спадкоємця і рушія українського інтелектуального середовища. Стає все більш зрозумілим, що молодь в Україні становить собою соціально-культурне опертя для інтелегенції в її політичній, державотворчій діяльності. Соціологічні та політологічні

дослідження (зокрема, проведені у ХДУХТ у 2005–2007 рр.) засвідчують, що сьогоденні студенти — це також і майбутні працівники у владних структурах, державні діячі, політики з ринковоорієнтованим мисленням.

Дослідження також виявили, що ті студенти, які впродовж навчання у ВНЗ брали активну участь у підтримці акцій, спрямованих на зміцнення державних інституцій, після закінчення навчального закладу в більшості своїй включаються до державотворчої діяльності, залучають до неї своє оточення. Отже, однією з функцій інтелігенції є підготовка зі студентської молоді гуманістично орієнтованих політично активних громадян.

Таким чином, новітні освітні технології, постійна підтримка держави, діалог влади з інтелігенцією, толерантність та консенсусність у взаємостосунках сприяють розвитку творчого підходу для вирішення економічних, політичних і культурно-освітянських проблем.

Сьогоднішні студенти — це в найближчому майбутньому працівники владних структур, державні діячі, політики, фахівці в галузі ринкового господарювання та торгівлі, соціально-культурної сфери і т.д. Щоб виконати свою історичну місію, залишитися на вістрі керування соціальними процесами та вести плідний діалог із владою, інтелігенція мусить дбати про репродукування своєї нинішньої та майбутньої соціальної бази, якою є українське студентство.

О. А. Шекшув

РОЗВИТОК ГРОМАДЯНСЬКОГО СУСПІЛЬСТВА І ПРОБЛЕМИ НАГРОМАДЖЕННЯ СОЦІАЛЬНОГО КАПІТАЛУ

Вступ України до СОТ значно актуалізував проблему пошуку соціальних резервів компенсації можливих втрат під час адаптації нашої економіки до нових вимог. Стало очевидним, що традиційна дилема «влада або бізнес» звужує коло ключових суб'єктів суспільного життя. Світовий досвід підкреслив необхідність розвитку інститутів громадянського суспільства.

Теоретичні аспекти пошуку місця громадянських інститутів у сучасному житті пострадянських країн посіли значне місце в роботах Р. Нуреева [4]. Проблеми зовнішніх ефектів і суспільного вибору з позицій мікроекономічної теорії скрупульозно проаналізовані В. Д. Базилевичем та його співавторами [2]. Своєрідний аналіз деяких соціальних аспектів розвитку сучасного українського суспільства здійснили М. Папієв [3], А. Алексеева [1] та багато інших дослідників.

На нашу думку, достатньо плідним може стати спільний аналіз закономірностей розвитку інститутів громадянського суспільства зі специфікою функціонування соціального капіталу.

Найбільш поширеним є визначення громадянського суспільства як сукупності формальних і неформальних інститутів, що поєднує окремого індивіда або сім'ю (домогосподарство) з державою (офіційною владою) і бізнесом (приватним сектором економіки). Відмінною ознакою організацій громадянського суспільства є їх неприбутковий (некомерційний) характер і добровільність участі громадян, що проявляється у праці без оплати або із заробітною платою меншою, ніж у комерційному секторі.

Громадянське суспільство є відкритою системою, в якій можливо визначити внутрішні й зовнішні відносини, наприклад, із державою і приватним сектором, спрямованим на отримання прибутку. До складу суб'єктів таких відносин, як правило, включають соціальні мережі, місцеві й недержавні організації.

Соціальні мережі є найбільш неформальними й «розмитими» організаціями. Вони звичайно діють у межах населеного пункту або його частини і ґрунтуються на таких ознаках, як спорідненість, сусідство, спільне навчання, національна належність тощо.

Місцеві організації охоплюють добровільно поєднаних учасників – зазвичай мешканців певного населеного пункту або території, і мають, на відміну від соціальних мереж, спеціалізований характер. Це означає, що учасники об'єднуються з метою задоволення певної спільної потреби, отримання спільної користі. Тобто членів місцевих організацій можливо розглядати як учасників групи спеціальних інтересів. Відповідні інтереси мають як виробничий, так і розподільний характер і можуть спрямовуватися на отримання однобічних переваг.

Недержавні організації – це добровільні формальні організації, що діють на місцевому, регіональному, національному або міжнародному рівнях і спеціалізуються на наданні послуг зовнішнім для них особам. Таким чином, їх діяльність, на відміну від перших двох типів, спрямована за межі організації. За правовою формою недержавні організації виступають частіше за все як некомерційні установи – громадські об'єднання, асоціації, фонди тощо. Усередині них діють формальні механізми керування, ведеться офіційна звітність, вони включені до правової структури країни, в якій здійснюється діяльність. Офіційні (статутні) місії й цілі зазначених організацій спрямовані на створення певних благ для суспільства в цілому або для окремих його прошарків (боротьба з бідністю, захист громадянських прав тощо).

Для більш повної характеристики економічного значення громадянського суспільства треба звернути увагу на його тісний зв'язок із категорією «соціальний капітал». Мережна складова в структурі громадянського суспільства являє собою «матеріал», на підставі якого формується індивідуальний (приватний) соціальний капітал. З економічної точки зору соціальний капітал знижує трансакційні витрати дотримання домовленостей, підтримки контрактів, дозволяє більш повно використовувати прогнози і т. д. Розвиток громадянського суспільства еквівалентний нагромадженню соціального капіталу. Дуже важливо те, що таке нагромадження здійснюється «автоматично», без додаткових дій або витрат, тобто йдеться про вплив зовнішнього ефекту (екстерналії) на розвиток громадянських інститутів.

Послуги громадянських інститутів можуть трактуватися як соціально значні блага, тобто приватні блага, виробництво і споживання яких сполучено зі значними зовнішніми ефектами. Крім того, з широкого кола економічних благ різні організації громадянського суспільства мають природні конкурентні переваги як перед комерційними структурами, так і перед державними установами. Таким чином, громадянське суспільство і його організації не є «чистими споживачами» суспільних ресурсів. Навпаки, їх економічні функції можуть спрямовуватися на підвищення ефективності використання ресурсів і економічне зростання.

Список літератури

1. *Алексеева А.* Новая волна богатства // Эксперт Украина. – 2008. – № 1–2. – С. 54–59.
2. *Мікроекономіка: Підруч.* / За ред. В. Д. Базилевича. – К.: Знання, 2007. – 677 с.
3. *Папиев М.* Гражданское общество: миф, реальность или шанс? // Зеркало недели. – 2008. – № 41. – С. 3.
4. *Постсоветский институционализм-2006.* Власть и бизнес: Монография / Под ред. Р. М. Нуреева. – Ростов-н/Д.: Наука-Пресс, 2006. – 512 с.

Л. М. Шутенко, В. І. Торкатюк, Н. В. Бібік

ІНТЕЛЕКТУАЛЬНИЙ ПОТЕНЦІАЛ УКРАЇНИ: СУЧАСНИЙ СТАН ТА ПЕРСПЕКТИВИ РОЗВИТКУ

Рівень розвитку суспільства, його «цивілізованість» є наслідком взаємного впливу процесів розвитку, що включає в себе три складові: економічний потенціал суспільства, його інтелектуальні та культурні ресурси. У свою чергу інтелектуальний ресурс суспільства втілює

нове знання, його розповсюдження та використання. Ключовою в цій ланці є саме отримання нового знання, що втілює в собі наука [1].

За визначенням С. Г. Бублика та С. І. Здіорука, інтелектуальний потенціал є сукупністю буденних і науково-спеціалізованих знань, еволюційно накопичених людьми в різних сферах життєдіяльності суспільства [2]. Інтелектуальний потенціал визначається перш за все рівнем розвитку суспільства, системи освіти, науки, культури. Зростання інтелектуального і наукового потенціалу країни, інтенсифікація наукових розробок, практичне освоєння їх, виховання творчо мислячих ініціативних фахівців з високою інтелектуальною культурою покликана забезпечити вища школа.

Стан і використання інтелектуального потенціалу суспільства у сфері вищої освіти детермінований роллю вищої школи та її кадрів у суспільстві, динамікою взаємодії соціальних чинників і науково-технічного прогресу, організаційною структурою вищої школи та її розвитку.

Головною функцією вищої школи є підготовка кадрових фахівців і проведення наукових досліджень. Основне значення має науково-педагогічний потенціал вищих навчальних закладів, що являє собою сукупність кадрів, інтелектуальних, матеріальних і інших ресурсів, які характеризують здатність ВНЗ здійснювати підготовку висококваліфікованих фахівців відповідного профілю, проводити наукові дослідження на високому теоретичному рівні, впроваджувати їх результати в господарську практику.

Основними джерелами підготовки висококваліфікованого науково-педагогічного складу є аспірантура й докторантура у ВНЗ й академічних інститутах. На 1 жовтня 2007 року в економіці України працювало 12845 докторів наук, що на 2,9% більше, ніж на відповідну дату минулого року. Понад чверть із тих, хто став доктором наук, працювали на посаді професора кафедри; майже чверть – на посаді керівника кафедри, лабораторії, сектора, відділу, відділення; 20,5% – доценти, а також 12 директорів підприємств і заступників директорів; 12 деканів; 7 проректорів вищих навчальних закладів. Галузі науки, в яких підготовлені дисертації на здобуття наукового ступеня доктора наук, представлені досить широко, а саме: 65 дисертацій відносяться до медичних наук, 35 – фізико-математичних, 12 – сільсько-господарських, 42 – інших природничих наук; 78 – технічних наук, 50 – гуманітарних наук, 42 – економічних, 60 – до інших суспільних наук [3].

Однак, аналізуючи чисельність наукових кадрів в Україні у 2000–2006 рр., слід зазначити, що загальна кількість науковців протягом останніх п'яти років скоротилась на 20528 осіб,

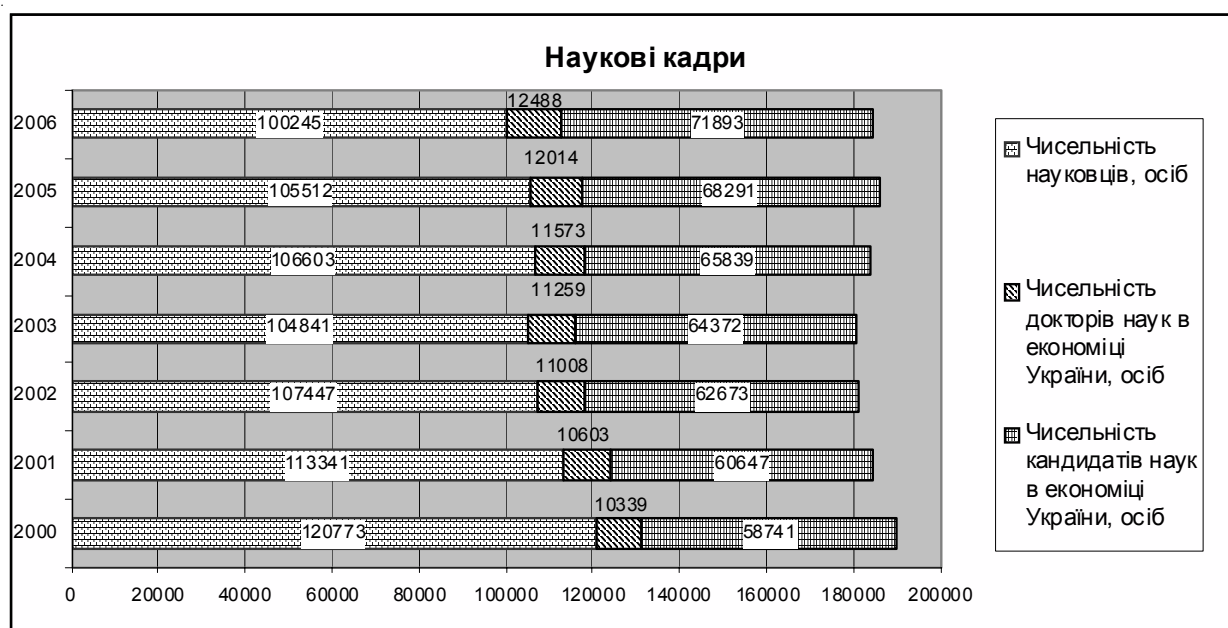

Рис. 1. Чисельність наукових кадрів в Україні за період з 2000 по 2006 рр.

у той час як чисельність докторів наук зросла на 2149 осіб та кандидатів наук – на 13152 особи. Під чисельністю науковців слід розуміти «чисельність наукових та інженерно-технічних працівників, які професійно займаються науковими дослідженнями і розробками і безпосередньо беруть участь у створенні нових знань, а також спеціалістів, які виконують технічні та допоміжні функції, пов'язані з проведенням наукових досліджень і розробок (до них включаються дослідники і техніки)» [4].

У той же час питома вага обсягу виконаних науково-технічних робіт у ВВП у 2006 році виявилася найменшою починаючи з 1996 року і склала 1% від ВВП. Джерелами фінансування технологічних інновацій, як видно з рис. 2, є власні кошти підприємств і установ. Найменшою в загальній сумі витрат на впровадження технологічних інновацій протягом 2000–2006 рр. є частка державних коштів. У 2006 році вона склала лише 2% від загальної суми витрачених коштів.

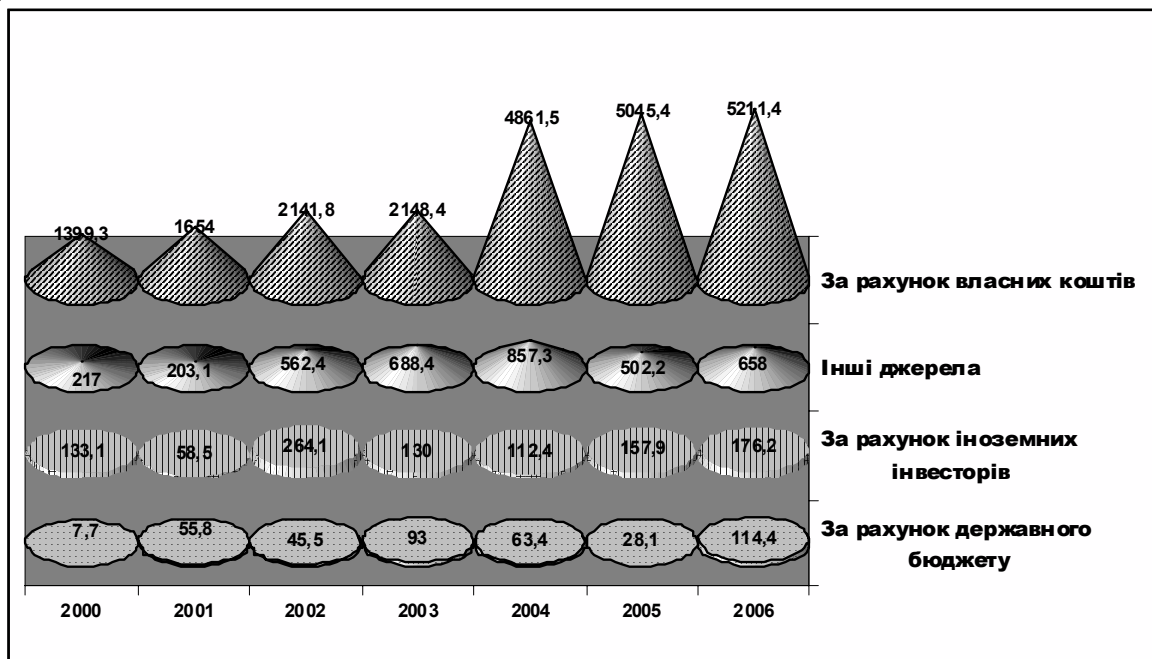

Рис. 2. Джерела фінансування технологічних інновацій

Тому, незважаючи на стабільне зростання кількості кандидатів та докторів наук, рівень матеріального забезпечення наукових досліджень є доволі низьким. Відповідно, в сучасних умовах особливої важливості набуває не тільки інтелектуальний потенціал як такий, але й здатність економічної системи використовувати, засвоювати його результати в економічній діяльності. Існуюча криза в розвитку вищої освіти може бути подолана шляхом реалізації комплексної програми заходів, серед яких пріоритетне значення мала б система стимулювання діяльності науково-педагогічних кадрів у вищих навчальних закладах.

Вирішення задачі збереження найбільш цінної і суспільно значущої частини науково-педагогічних кадрів країни особливо важливе стосовно вищих навчальних закладів, розташованих на периферії і зазнаючих великих труднощів у фінансовому й кадровому забезпеченні.

Перехід вищої освіти України до ринкової економіки означає формування нового багатоканального механізму фінансування вищих навчальних закладів, адекватного умовам ринку; із всеукраїнського і місцевого бюджетів, від підприємств, організацій, фондів, юридичних і фізичних осіб.

Необхідним є вироблення єдиної стратегії розвитку інтелектуального потенціалу України. Проблемі функціонування науково-дослідних кадрів вищої школи у сфері праці присвячено

аналіз соціальних характеристик науково-дослідних кадрів, умов трудової діяльності, їх соціальному й матеріальному стану.

Роботу фахівця вищої школи складають два компоненти: педагогічний і науковий. Специфіка першого з них полягає в тому, що він містить три аспекти: загальнокультурний, психолого-педагогічний і наочно-технічний. Особливістю другого компоненту виступає те, що викладач у вищому навчальному закладі, будучи професіоналом у конкретному, як правило, вузькому науковому напрямі, готує фахівців в тій області знання, яка може не співпадати з його власною науково-дослідною діяльністю.

Підвищення ефективності науково-педагогічної роботи залежить від взаємодії об'єктивних умов і суб'єктивного чинника, тобто мотивацій, потреб, інтересів, прагнень тощо. Система мотивацій є важливою соціальною характеристикою педагога-вченого.

З метою «створення правових, економічних і організаційних умов для активізації наукової діяльності та поглиблення її взаємодії з навчальним процесом в університетах, утворення університетів дослідницького типу на засадах експерименту для підготовки висококваліфікованих фахівців та виконання конкурентоспроможних наукових розробок» 19 вересня 2007 року Кабінет Міністрів України затвердив Державну цільову науково-технічну та соціальну програму «Наука в університетах» на 2008–2012 роки [5]. Дана програма покликана вирішити сучасні проблеми в сфері освіти і науки. У тому числі заплановані обсяги і джерела фінансування програми передбачають значне збільшення фінансування освітньої сфери починаючи з 2009 року (рис. 3).

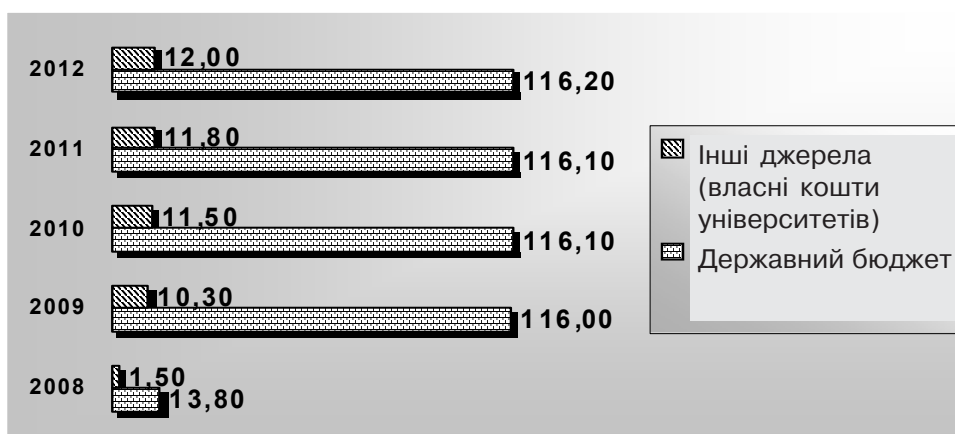

Рис. 3. Прогнозні обсяги та джерела фінансування Державну цільову науково-технічну та соціальну програму «Наука в університетах» на 2008–2012 роки

Також Кабінетом Міністрів України було ухвалене Розпорядження «Про схвалення Концепції Державної програми прогнозування науково-технологічного розвитку на 2008–2012 роки» від 13 квітня 2007 р. № 175-р, яке передбачає створення правових, економічних і організаційних умов прогнозування науково-технологічного розвитку та забезпечення його проведення на постійній основі за рахунок коштів державного бюджету та інших джерел [6].

Таким чином, незважаючи на урядові кроки на шляху до виходу з інтелектуальної кризи в Україні, поки що занадто рано говорити про можливі результати програми. Однак слід зазначити, що ухвалення стратегічних рішень щодо розвитку національного інтелектуального потенціалу є першочерговим завданням в умовах наростання конкуренції між країнами та стрімкого розвитку провідних технологій у світі.

Список літератури

1. Андреева О. А. Стабильность и нестабильность в контексте социокультурного развития. – Таганрог: ТИУиЭ, 2000. – 232 с.

2. Бублик С. Г. Концепція стратегії розвитку інтелектуального потенціалу України. 30.06.06, Київ, НІСД / С. Г. Бублик, С. І. Здіорук // www.niss.gov.ua/Table/3006006/ConceptSID.ppt. 23.01.2008 р.

3. *Експрес-випуск* Державного комітету статистики України № 309 від 13.12.2007 р. // <http://www.ukrstat.gov.ua/> 25.01.2008 р.

4. Офіційний сайт Державного комітету статистики України // <http://www.ukrstat.gov.ua/> 25.01.2008 р.

5. *Розпорядження* № 548-р Кабінету Міністрів України «Про схвалення Концепції Державної цільової програми «Наука в університетах» на 2008–2012 роки» від 18 липня 2007 р. Київ // www.rada.gov.ua 26.01.2008 р.

6. *Розпорядження* № 175-р Кабінету Міністрів України «Про схвалення Концепції Державної програми прогнозування науково-технологічного розвитку на 2008–2012 роки» від 18 липня 2007 р. Київ // www.rada.gov.ua 26.01.2008 р.

А. О. ЯКОВЛЄВ

ІНТЕЛІГЕНТ І ІНТЕЛЕКТУАЛ: РІВНІСТЬ ЧИ ПІДЛЕГЛІСТЬ?

У процесі соціального розвитку суспільства, а саме в період його переходу з одного стану до якісно іншого, інтелігенція відіграє особливу роль. Як правило, вона сприяє глибоким революційним змінам і постреволюційній інтеграції всіх верств суспільства навколо прогресивних ідеалів. Втім, окремі представники інтелігенції можуть відігравати й деструктивну, негативну роль, входячи до нелегітимної влади. За визначенням тлумачного словника В. І. Даля, «интеллигенция разумная, образованная, умственно развитая часть жителей»; за трактуванням «Британської енциклопедії», «интеллигенция — группа интеллектуалов, находящаяся в оппозиции к существующей власти». За С. Ожеговим, «интеллигенция — работники умственного труда, обладающие образованием и специальными знаниями в различных областях науки, техники и культуры» [1, с. 216]. Наочна еволюція поняття (від самого визначення кризь професійні здатності до суспільного життя) не розрізняє поняття «інтелігент» і «інтелектуал», навіть ототожнює їх. Наскільки виправдано є така позиція в сучасний період, коли кількість інтелектуалів як таких зростає у геометричній прогресії, а визначення «інтелігент» не є застосовним до більшості з них? Що саме є фактором усталення тенденції до розбіжності?

Слід визначити, що сьогодні у вітчизняній літературі поняття «інтелігенція» наполегливо витискується визначенням «інтелектуал» або навіть «клас інтелектуалів», що позиціонується як володарюючий в постіндустріальному суспільстві. За З. Бжезинським, приналежність до класу інтелектуалів, що контролює та спрямовує процеси розвитку технологічного прогресу, визначається високим рівнем освіченості особистостей, основною метою життя яких є постійне вдосконалення і професійне зростання, особисте матеріальне благополуччя. При чому останнє стає превалюючим, пріоритетним.

Такий підхід почав домінувати майже в усіх сферах суспільного життя. Яскравим прикладом інтелектуально-прагматичного підходу є визначальна роль у сучасному інтелектуальному житті (аналіз сучасних подій, прогнозування найближчого майбутнього і навіть побудова сценаріїв стратегічної перспективи) наслідків, отриманих за «обчислюваною» моделлю світової системи Дж. Форестера, що лягли в основу висновків Римського клубу, хоча саме автор моделі зазначає, що «здесь обсуждаются только самые общие аспекты функционирования мировой системы... многие важные переменные опущены... в книге не учитываются возможные изменения в человеческих стремлениях и ценностях, которые могут возникнуть вследствие широкого понимания затруднений» [2, с. 15]. І далі: «несмотря на *экспериментальный характер* описанной здесь мировой модели, с ее помощью получен ряд определенных выводов» [2, с. 15]. Не зважаючи на «самокритичність» автора моделі, від імені Римського

клубу Ауреліо Печчеї (голова концерну «ФІАТ», тобто представник владної промисловості, який не має ніякого відношення до наукового аналізу проблеми) за допомогою ЗМІ розповсюдив «висновки» як істину в останній інстанції, якою й досі керуються «науковці» у висвітленні глобальних проблем сучасності (теорія перенаселення планети, глобальне потепління, екологічна криза тощо).

Чи не є наріжним каменем відмінності «інтелектуала» від «інтелектуала» надмірний прагматизм останнього, відсутність у нього сформованої духовної сфери, цілісного сприйняття навколишнього?

Спробуємо простежити поступ «інтелектуала» у найважливіших сферах суспільного життя. Однією з таких сфер є, безумовно, сфера економічна. Найбільш значущими в цій сфері в останні десятиліття були (послідовно):

- створення *транснаціональних корпорацій*;
- створення *міждержавних економічних об'єднань*, що поступово переросли також в об'єднання політичні (Європейський Союз);
- створення *світових економічних і фінансових об'єднань* (утворень), що діють у світовому масштабі (СОТ, МВФ, СБРР).

Створення та подальший розвиток цих об'єднань були обумовлені необхідністю реалізації основного принципу ринкової економіки: набуття найбільшого прибутку за рахунок присвоєння преференцій (для країн членів СОТ), спрямованого валютного тиску (МВФ, СБРР), ретельного зниження собівартості виробництва (ТНК) тощо. Потреба і ефективності цього процесу спонукала й подальше поступове політичне об'єднання. Втім, приклад ЄС як політико-економічного утворення, що має наразі найпривабливіші риси (поєднання високого рівня матеріального існування зі «свободою» організації владних структур і поточного керування), надає змогу побачити, що цей процес не є завершеним через принципові причини: давніші міжнаціональні та етнічні конфлікти, що є принциповою справою саме Західної Європи, в основі яких лежать неспівпадань «євроідентичностей» всередині ЄС.

Зовнішня економічна привабливість приховує низку негативних економічних та суспільних процесів, а саме:

- *депопуляцію автохтонного населення країн Західної Європи*;
- *територіальну втрату фундуруючих підприємств промисловості та енергетики, що виносяться у країни «третього світу»*;
- *монокультуризацію сільського господарства*, що означає втрату продовольчої безпеки країн Західної Європи, поглиблення продовольчої залежності від країн-виробників основної сільськогосподарської продукції (Канада) та від ТНК-виробників штучної ГМ-продукції (швейцарський концерн «Ciba-Geigy»).

Навряд чи такі тенденції в економіці країн Західної Європи можна визнати оптимальними. Повертаючись до політичних наслідків діяльності інтелектуальної еліти, мусимо зазначити негативність низки міжнаціональних та міжетнічних процесів, особливо підкреслюючи їхню притаманність автохтонним європейським спільнотам:

- *етнічні протиріччя в Бельгії між фламандською та франкомовною спільнотами*;
- *невирішеність політичного та міжконфесійного протистояння в Північній Ірландії, багаторічне збройне протистояння, наявність сепаратистських збройних угруповань (Ірландська Революційна Армія)*;
- *сепаратистські настрої баскської спільноти в Іспанії, вимога автономії Країни Басків, наявність збройних терористичних баскських угруповань (ЕТА)*;
- *підйом міжнаціонального протистояння між шотландською та англійською спільнотами в Британії, що має ознаки державотворення (відновлення діяльності шотландського парламенту, введення до готівкового грошового обігу шотландського фунту тощо)*;
- *як наслідок, неспроможність ухвалення Європейської Конституції, що має відбутися за наявності одностайної згоди країн-членів ЄС (Франція, Голландія проти).*

Міжнаціональні та міжетнічні сутички, що виникають у країнах ЄС, також підкреслюють глибину невіршеності таких питань поміж автохтонним населенням та емігрантами.

На наш погляд, існує декілька основних причин такої неефективності дій «інтелектуальної» еліти. Щоб усвідомити головну, маємо повернутися до початку статті. Визначення «інтелектуала» як такого містить у собі поняття освіченості, відповідної спеціальної кваліфікації, здатності здійснити планування та реалізацію менеджменту в певній сфері. Однак практика доводить, що такої «технологічності» замало. Будь-яке суспільство керується не тільки офіційними правилами, які можна легко й швидко змінити з допомогою публічної політики у відкритих суспільствах, а й правилами притаманної йому культури, загально-визнаних норм і цінностей, що еволюціонують значно повільніше, тому й набагато складніше «спрямувати» їхній розвиток.

Найпридатнішим у цьому випадку видається *імператив*: навчання це знання правил, досвід це знання виключень із них. Інтелектуал може оволодіти знанням правил за умови якісного навчання, але не може оволодіти досвідом його треба пережити душею, тобто стати інтелігентом. Основою положим у цьому розумінні є усвідомлення того факту, що людину можна навчити бути інтелектуалом, але інтелігентом вона може стати тільки сама. Знаний американський соціолог і футуролог Ф. Фукуяма зазначає, що «бюрократический аппарат того сорта, что возник при послевоенном планировании экономических организаций в Японии, Корее и Тайване не возникает из рук технократов, его корни питают многовековые традиции бюрократии мандаринов (китайских чиновников)... Отношения элит, руководящих этими организациями, оказывают огромное влияние на окончательный успех; мнение, что правительственное учреждение представляет почву для грабительской системы поиска личного дохода одно из тех, что может стать широко распространенным, а может и не стать» [3, с. 59].

Позитивний приклад Японії з одного боку, і Пакистану, який не мав сталих традицій бюрократії, з іншого, де свого часу кабінет Б. Бхутто, звинувачений «західною демократією» в суцільній корупції, був усунутий від влади за допомоги військового генерала П. Мушарафа, а сьогодні президент П. Мушараф тією ж «західною демократією» звинувачується в «недемократичному» ставленні до Б. Бхутто та її прибічників, тільки підкреслює сталу подвійну мораль «технологів від суспільства» та наукову щирість Ф. Фукуями. Іншими словами, проблема полягає в ступені трансляції (здатності до передавання) навичок суспільних, організаторських дій, поєднаних із традиціями, загально-визнаними суспільством нормами і цінностями.

Вкрай важливим є те, що такі компоненти успішності створення установи будь-якого рівня, як організаційне планування, менеджмент, навіть суспільне планування, мають високий ступінь трансляції, а соціальні та культурні фактори низький [3, с. 62].

Нарешті слід зазначити наявність основоположного протиріччя між постмодернізаційною теорією розвитку суспільства та її втіленням у практику «класом інтелектуалів».

«Постмодернизационная теория вообще ставит под сомнение идею цивилизационного развития и общего прогресса человечества...отказывается от таких понятий (указывающих перспективы), как демократия, прогресс, автономия, равенство, свобода... утверждает антисистематичность, которая понимается как попытка отказаться от претензий на целостность и полноту теоретического постижения реальности» [4, с. 209].

Явне протиріччя між основоположними принципами постмодернізаційної теорії та її практичним утіленням у суспільне життя «класом інтелектуалів» обумовлює кінцевий провал здійснених заходів незалежно від етнічних особливостей, культурних традицій, географічної диспозиції тощо. Повертаючись до витоків поняття «інтелігенція», наведемо слова О. І. Герцена, «осудившего мещанство как «последнее слово цивилизации, основанной на безусловном самодержавии собственности» отрицала мещанские добродетели, каковыми

считались стяжательство, пошлость, раболепие, прислужничество, плоское и трафаретное мышление» [5, с. 43].

Не буде особливою сенсацією засвідчити, що всі ці «чесноти» набули характеру дійсних у теперішній час чеснот, без яких кар'єрний успіх, накопичення капіталу, нарешті, стиль життя «ділової людини» вже став неможливим. Такий «спосіб життя» є несумісним із поняттям «інтелігенція», оскільки інтелігенція це розум, який створює і постійно відтворює духовні і матеріальні предметні форми світу, пестує норми та цінності, зберігає традиції, плекає культуру [6, с.18].

«Основными признаками интеллигентности являются: подвижничество, высокая гражданственность, совесть, свободомыслие и толерантность... она нерасторжимо связана с нравственностью, понимаемой... как познание особенного, другого, как установка на понимание, сочувствие, содействие» [7, с. 21].

Таке визначення надає критерії інтелігентності, яким не тільки не відповідають, а й багато в чому протирічать «грошові» моральні цінності сучасної «ділової» людини. Приведення цього неспівпадання у відповідність, набуття інтелігентності спеціалістом, що вже набув ознак інтелектуала, є запорукою кінцевого успіху як в житті кожної людини, так і в бутті людського суспільства в цілому.

Список літератури

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М.: Рус. яз., 1986. — 797 с.
2. Форрестер Д. Мировая динамика. — М.: Изд-во АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. — 379 с.
3. Фукуяма Ф. Сильное государство. — М.: АСТ, Хранитель, 2007. — 220 с.
4. Подольская Е. А. Плюсы и минусы постмодернизации образования в контексте глобализации / V Міжнар. наук.-практ.конф.-семінар кер.ВНЗ та вчен.-дослідників із проблем освіти, Харків, 13 лютого 2007 р. — Х.: Вид-во НУА, 2007. — 264 с.
5. Астахова В. И. Гражданственность как критерий нравственности интеллигенции / IV Междунар. науч.-теорет. конф. по проблемам современ. интеллигенции, Харьков, февр. 2006 г. — Х.: Изд-во НУА, 2006. — 180 с.

III. РОЛЬ ВИЩОЇ ШКОЛИ У ФОРМУВАННІ ІНТЕЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦІАЛУ СУСПІЛЬСТВА

И. А. Ануфриева, С. В. Смолянкина

РОЛЬ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНЫХ СЛОЕВ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Университеты с момента их возникновения были важнейшими культурными центрами различных стран и городов. Целью высшей школы было дать человеку не только специальность, но и широту, и свободу мышления. Университеты давали образование и формировали интеллигенцию.

Слово «интеллигенция» впервые в русской лексикографии было зафиксировано во втором издании «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля (1880–1882): «интеллигенция – разумная, образованная, умственно развитая часть жителей». Следовательно, признаками интеллигентности являются образованность и умственное развитие, то есть способность к духовному творчеству.

В современных условиях становления демократического общества вопрос активизации и развития творческих способностей каждого человека стоит особенно остро. Общество испытывает настоятельную потребность в социально активных членах, творческих личностях, поскольку творчество – высшая форма активности и самостоятельной деятельности человека, отличающаяся социальной значимостью, новизной, оригинальностью. Состоянием творчества должны быть проникнуты все сферы деятельности человека в целях его развития.

Педагоги полагают, что духовно богатый человек должен быть не только хорошо образован, но и хорошо воспитан. Обучение (образование) дает в основном специально направленные знания, а воспитание определяет идеалы и ценности, притязания и отвращения, образ жизни и стиль поведения в обществе.

От университетов зависит многое, но далеко не все.

Интеллигенция является наиболее независимой и динамичной ячейкой общества, главным субъектом демократических преобразований и основным гарантом научно-технического процесса. В отличие от всех других слоев общества, интеллигенция обладает реальной возможностью влиять на развитие и характер процессов, протекающих в обществе.

Воспитание интеллигенции – это одна из наиболее трудных целей, поставленных перед высшей школой. Поскольку мы живем в эпоху духовной деформации, то, соответственно, меняется и система образования, которая полностью зависит от норм и тенденций нового времени. Современная молодежь сформировалась на стыке двух довольно противоречивых эпох, что непосредственно отражается на восприятии мира и на личном отношении к сегодняшней жизни; формируются новые ценности и идеалы.

Прежде всего, высшая школа должна воспитывать личность, которая сочетала бы в себе интеллект и интеллигентность, так как способность интеллекта формировать идею, а интеллектуала доводить ее до научного уровня дополняют друг друга.

Современная социально-культурная ситуация больше способствует формированию интеллектуалов, а не интеллигентов. Интеллигент – это хорошо воспитанный интеллектуал, который руководствуется не только своим развитым интеллектом, но и этическим самоопределением, то есть чувством собственного достоинства, совести, сострадания, а интеллектуал – не достаточно воспитанный, хотя и образованный человек. Следовательно, любой интеллигент является интеллектуалом, но не всякий интеллектуал может являться интеллигентом. Поэтому на сегодняшний день необходимо воспитывать интеллектуальную элиту – интеллигенцию – потенциальное будущее страны. Интеллектуал свободен от ответственности, он – профессионал, и не более того, а интеллигент ответственен перед обществом и за общество.

«В нашу эпоху, в век машин и дыма, теорий и цифр, когда все: от техники до политики стремится принять сверхчеловеческие масштабы, необходимо объяснить всем и каждому, что и сверхчеловеческое берет начало в человеке».

Осуществление данной задачи происходит на уроках русского и украинского языков и литературы, и, разумеется, на уроках иностранного языка. На сегодняшний день дефицит культуры, нравственности, богатого духовного мира, хороших манер и вежливости остро чувствуется в воспитании подрастающего поколения. Поэтому в преподавании иностранного языка есть уникальные возможности для реализации вышеназванных проблем.

Отличительной особенностью курса иностранного языка является его преподавание в условиях искусственной художественно-эстетической среды, которая характеризуется богатством и разнообразием средств. Помимо равноправного бытования двух языков, родного и неродного, в ней постоянно используются иные культурные коды: мелодия, гармония, ритм, цвет, пропорция, объем, число, пластика, интонации с их бесконечно многообразным смысловым наполнением. Метод обучения иностранному языку – сокровенная игра смысла и ассоциации. Среда, в которой ценности формы и содержания обретают столь важное значение, становится тем пространством, где происходит «духовно-практическое освоение мира».

Французский язык, наряду с английским, арабским, испанским, китайским, русским, является международным языком. Это официальный и рабочий язык ООН, ЮНЕСКО, других международных организаций и конференций.

Подписание ряда соглашений с Францией о сотрудничестве в области культуры и образования придает новый импульс не только обучению, но и воспитанию в процессе обучения французскому языку, ибо оно, по словам французского лингвиста А. Ланно, означает «медленное вхождение в человеческую культуру». Английский историк, проф. Оксфордского университета Т. Зелдин справедливо заметил: «Жизнь любого из нас нельзя считать полной, если в ней нет пусть самого крошечного французского компонента».

Еще в XVIII веке французский язык выдвинулся на первое место среди других европейских языков. Владение французским языком в XVIII–XIX веках являлось в России своего рода визитной карточкой, подтверждало принадлежность к «благородному сословию». Даже в самых бедствующих дворянских семействах дети получали воспитание по парижскому образцу, а скверное знание французского языка считалось возмутительным невежеством. На пороге III тысячелетия изменилась и ориентация лингвистической политики Франции, как отметил IX Всемирный конгресс преподавателей иностранного языка, французский язык считается средством обмена культурными ценностями, предполагающим гармоническое сосуществование французского языка и родных языков местного населения. Наряду с мнением, что французский язык – это язык элиты, роскоши или культуры, появилось сегодня и другое, не менее ценное мнение, что французский язык должен стать полезным на практике, должен войти в повседневную жизнь. Традиционная форма этого внедрения – уроки французского, но хотелось бы отметить необходимость и важность внеклассной работы по иностранному языку. Справедливо отметить, что авторитет предмета, престиж

иностранного языка находятся в непосредственной зависимости от качества внеклассной работы в школе. Изучая песни, стихотворения, ставя театральные пьесы, слушая музыку, дети знакомятся с новой для них действительностью, с обычаями и традициями французского народа, узнают много нового и интересного из жизни своих сверстников.

Е. В. Астахова

КОЛЛИЗИИ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ХАРЬКОВСКИЙ ВАРИАНТ

В настоящее время завершается активное становление нового украинского государства и всех его составляющих. Крайне важно в условиях такой финальной стадии трансформации четко уяснить — какая стратегия заложена в развитие скрепляющего звена любого общества — образования, на сколько она выверена и согласуется с потребностями времени.

Реализуемая в настоящее время в Украине реформа образования действительно ощутимо изменила эту сферу: сформирована правовая основа функционирования системы, введено многоступенчатое образование, появились учебные заведения различных форм собственности и уровней аккредитации, Украина активно включилась в евроинтеграционные образовательные процессы, подписав известную Болонскую декларацию. Подвижки есть и, безусловно, значительные. Хотя в большинстве своем темпы и глубина изменений оставляют желать лучшего. Содержание образования, его философия и — главное — комплексность подходов — практически остаются за кадром.

Концепция непрерывного образования стала одной из ключевых идей рубежа XX—XXI веков. Суть ее в упрощенном варианте заключается в том, что каждый человек учится на протяжении всей жизни, а общество должно предоставить такую возможность, ибо только человек знающий может творчески заниматься любой деятельностью.

Сама концепция непрерывного образования в современной ее трактовке была выдвинута ЮНЕСКО в 1972 году. Уже тогда модель «непрерывки» рассматривалась как развитие целостной системы образования, что позволяет применять к ней методологию саморазвивающихся, самоорганизующихся систем. После 1972 г. идея непрерывности начала постепенно (надо отметить — достаточно динамично) прокладывать себе дорогу в мировом образовательном пространстве. Если анализировать материалы крупнейших международных конференций и форумов, то четко видно, как идея непрерывности образования находила отражение практически во всех ключевых документах. Достаточно четкое определение она получила в материалах Всемирной конференции по высшему образованию, прошедшей в Париже 5—9 октября 1998 года. Ее итоговый документ в п. 8 зафиксировал, что концепция обучения на протяжении всей жизни требует максимальной поддержки и развития, а государство призвано всемерно поддерживать этот процесс. Эти «парижские» позиции нашли отражение в нормативных документах, касающихся развития образования, многих стран. Не стала исключением и Украина, в Национальной доктрине развития образования которой записано: «формувати покоління, здатні навчатися впродовж життя ...».

Обращение мирового образовательного сообщества к модели непрерывного образования имеет под собой весьма веские причины. Кроме широко известного динамизма и скоротечности, пронизывающих все и вся в XXI веке, быстрого устаревания знаний и навыков, отмирания профессий и коллапсоподобного накопления информации, есть и иные проблемы и противоречия, смягчить и преодолеть которые способна именно непрерывность процесса познания, обучения, переподготовки.

Всякий современный человек сталкивается с конфликтом между глобальными и местными проблемами. Есть необходимость помочь людям постепенно почувствовать себя гражданами мира без утраты этнической и социальной идентичности. Универсальные

и индивидуальные ценности при этом не должны сталкиваться. Процесс глобализации и неизбежен, и перспективен, но вместе с тем сопряжен с серьезными трудностями. Именно образованию надлежит попытаться уменьшить опасность, смягчить возможный шок от столкновения различных традиций.

Система образования призвана также способствовать преодолению противоречия между долгосрочными и краткосрочными задачами. В ситуации господства эфемерной сиюминутности в условиях переизбытка информации человек неминуемо сосредотачивается на решении текущих проблем. Высокий образовательный ценз, постоянно поддерживаемый и обновляемый, способен создать некий баланс между «сегодня» и «всегда».

Перечень противоречий и конфликтов, смягчить которые призвано образование, — на протяжении опять-таки всей жизни человека — можно было бы множить. Суть не в их количестве. Суть в том, что у системы образования, в современном ее понимании и толковании, действительно неограниченные возможности.

И вот здесь предоставляется целесообразным обратить внимание на одну проблему, пренебрежение которой было бы крайне нежелательным. Если вспомнить историю развития отечественного образования не такого уж далекого прошлого, то можно легко увидеть, что переход на принципы и методы непрерывного образования — далеко не первая попытка внедрения глобальных образовательных инноваций. Только за последние двадцать—тридцать лет прошло как минимум четыре волны таких инноваций: внедрение ТСО в конце 60-х — в начале 70-х годов; использование структурно-логических схем и технологических карт (конец 70-х гг.); проблемный метод обучения (начало 80-х гг.); компьютеризация и информатизация учебного процесса (конец 80-х — начало 90-х гг.).

То есть опасения: а не является ли модель непрерывного образования аналогичной кампанией, имеет ли право на существование? Ведь любые надуманные массовые инновации приносят больше вреда, чем пользы.

Практически каждая из четырех упомянутых волн привнесла положительные аспекты в учебный процесс. Однако кампанейщина, сопровождавшая каждый из этих этапов, жесткая чрезмерная обязательность, иногда доведенная до абсурда, и быстрое «откатывание» от воспринимавшихся спасением от всех бед методик, все это сильно снизило эффективность внедрения.

Скорее всего, модель непрерывного образования все же не «свернется» до уровня кратковременной кампании, ибо происходящие в обществе в целом и в образовании в частности процессы глубоко фундаментальны и обусловлены внешними и внутренними факторами. Представляется целесообразным остановиться на феномене переходности, присущем не только нашему обществу, но и цивилизованному миру в целом. Эта переходность по-особому сказывается на такой фундаментальной основе социальных систем, как межинституциональная изоляция. Школа и вуз, как основные участники модели непрерывного образования, вынуждены переступать свои институциональные границы.

В стабильном состоянии общества институты, поскольку они выполняют специализированные социальные функции, обязательно должны быть обособленными друг от друга. Феномен межинституциональной изоляции является важным атрибутом равновесного состояния системы, залогом устойчивости общества. Эта изоляция может быть пространственной (разные социальные пространства), временной (в разных государствах не совпадают длинные циклы эволюции и модернизации), нормативной и т. д. Кроме того, изоляции способствует и то, что в общем случае институциональные гибриды являются нежизнеспособными, поскольку не выдерживают конкуренции с укорененными формами.

В то же время это отнюдь не означает, что зоны институционального пересечения вообще не могут иметь места. Но такие формы не являются всеобщими в стабильном состоянии общества.

Иное дело — переходные субстанции. Одной из их характерных черт является процесс интенсивного институционального формообразования, генерирования новых институцио-

нальных вариантов упорядочивания социальной жизни. Этому процессу способствует взаимный обмен генетической информацией между ранее изолированными институтами, ведущий к их обогащению, все более широкому перебору вариантов институциональной организации в условиях новых технологических возможностей. В то же время следует иметь в виду, что социально-экономические риски такого перебора и экспериментирования являются очень высокими и в общем случае снижают текущую функциональную эффективность.

Таким образом, модель непрерывного образования – своеобразный и весьма важный шаг на пути формирования новых образовательных институтов общества. Пока еще трудно сказать определенно, какими именно они будут, что объективно усиливает значение экспериментально-поисковой деятельности.

Эта общая теория вопроса может быть проиллюстрирована самым наглядным образом практикой развития и внедрения модели непрерывного образования в Харьковском регионе. Харьков выбран в качестве некоего ориентира не квасного патриотизма ради. Есть на то исторические и социально-экономические причины. Если говорить о первых, то можно перечислить общеизвестные: Харьков – крупнейший вузовский центр Восточной Европы; здесь есть глубокие образовательные и научные традиции; в ходе бурного развития высшей школы советского периода в 20-е – 30-е годы XX века в столичном Харькове сформировалось мощное вузовское сообщество, отличительной чертой которого стала своеобразная «разнонаправленность» вузов (технические, естественнонаучные, гуманитарные и т. д.).

Если касаться реже анализируемых причин, то среди них стоит выделить: наличие научных школ, значение которых для воспроизводства интеллектуального потенциала трудно переоценить; сформированность в регионе административного и управленческого ресурса, способствующего взвешенному и логичному решению вопросов развития образовательного сектора.

Как бы то ни было, но Харьковский регион сегодня занимает ведущие позиции в развитии модели непрерывного образования. Именно здесь, так объективно сложилось, сформирована та критическая масса, которая позволяет отрабатывать эту модель практически на всех ключевых этапах ее функционирования.

Мощный образовательный потенциал Харькова, при всех тех проблемах и катаклизмах, которые сотрясали отечественное образование в последнее десятилетие, безусловно, сказался на динамике и глубине развития процессов непрерывного образования. Здесь появились университетские комплексы, далеко продвинулась известная система развивающегося обучения, сложились интересные учебно-воспитательные комплексы и принципиально новые образовательные модели, интегрировавшие в себе все основные ступени классического традиционного образования – дошкольное; школьное; высшее; последипломное.

Так объективно сложилось, что в начале 90-х годов XX в. параллельно начали развиваться две интереснейшие тенденции в образовательной сфере Украины: формирование внебюджетного сектора и развитие непрерывного образования.

В числе первых в Харькове такую модель начала реализовать на практике Народная украинская академия, которая возникла в 1991 году и изначально была стратегически сориентирована именно на экспериментально-поисковую деятельность в рамках реализации концепции непрерывного образования. Получение в 1997 г. (и пролонгирование в 2003 и 2007 г.) статуса экспериментальной площадки Министерства образования и науки Украины по отработке модуля непрерывного гуманитарного образования вывело эксперимент за рамки регионального.

Что собой представляет комплекс НУА с точки зрения рассматриваемой проблемы? Четыре основные структурные единицы (детская школа раннего развития; специализированная экономико-правовая школа с углубленным изучением иностранного языка; гуманитарный университет и институт дополнительного образования (в прежней традиции

повышения квалификации и переподготовки). Можно было бы изложить концептуальные принципы развития модуля непрерывного гуманитарного образования на базе НУА, но учитывая контекст рассматриваемой проблемы, представляется целесообразным представить лишь те моменты и «стыки», которые свидетельствуют о реальной «продвинутой» модели непрерывного образования. Издержек, проблем и трудностей в апробировании этой новой институциональной образовательной структуры более, чем достаточно. Есть организационные проблемы. Например, соотношение полномочий и ответственности каждой из вошедших в комплекс структур. Есть проблемы и более фундаментальные: различия в стиле мышления, системах координат, критериях и методах, традициях в средней общеобразовательной и высшей школах. Но, можно констатировать, что при всех объективных и субъективных трудностях, создан единый научно-образовательный комплекс, который уже прошел стадию организационно-функциональной интеграции и перешел на стадию интеграции сущностной, содержательной.

Каковы конкретные вехи этой второй стадии? Что реально подтверждает претензии НУА на признание за ней права называться модулем, на практике реализующим идею непрерывного гуманитарного образования?

В рамках НУА функционируют интегрированные кафедры. Это апробированная форма практической реализации модели непрерывного образования. На кафедрах собраны учителя общеобразовательной школы и преподаватели вуза. При всех сложностях «притирки» и выяснений, у кого больше специфики и особенностей, накопленный опыт свидетельствует – интегрированная кафедра стала реальным организационным инструментом в решении стандартных (функциональных) и инновационных (экспериментальных) задач. Силами именно интегрированных кафедр удалось решить еще одну интересную задачу: созданы, утверждены и внедряются в учебный процесс интегрированные учебные программы по целому ряду дисциплин (математика, экономика, информатика, история, право, экология и т. д.), которые охватывают все ступени образовательной подготовки – от дошкольной до послевузовской.

Говорить о том, что интегрированные кафедры и интегрированные программы как элементы образовательного модуля полностью отработаны и полноценно функционируют, конечно, преждевременно. НУА находится в начале пути к действенной и жизнеспособной системе непрерывного образования. Издержки, проблемы и трудности пока еще ощутимо превышают реальные результаты. Но и то, что уже достигнуто, – интереснейший материал для анализа и сопоставлений, для реального движения по пути формирования системы непрерывного образования в рамках реалий украинского государства.

В. В. Астахов

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ В ЧАСТНЫХ ВУЗАХ УКРАИНЫ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Если рассматривать интеллектуальный потенциал как триединую совокупность духовных ценностей, обеспечивающих формирование творческой, гармонически развитой личности, людей, способных создавать и транслировать эти ценности, и условий, способствующих их созданию, то становится очевидным, что фундаментом воспроизводства интеллектуальной элиты общества является система образования, обновление которой выступает объективной необходимостью, имманентным состоянием развития цивилизации и культуры. Решение этой важной задачи под силу только самой современной системе образования, стержнем которой выступает высшая школа, значительная роль в которой отводится негосударственному образовательному сектору (далее – частные вузы).

Частная высшая школа возникла в самом начале 90-х годов, заявив о себе взлетом инициативы и творчества, готовностью к экспериментам и инновациям. Прошедшие годы многое откорректировали и расставили по своим местам, но однозначно доказали жизнеспособность и перспективность нового сектора высшего образования, позволили сделать безоговорочный вывод о том, что частные вузы возникли не в стороне от столбовой дороги развития образования, не как случайный зигзаг в процессе демократизации высшей школы, а как веление времени, как закономерный результат социально-экономических и политических преобразований в обществе.

К началу третьего тысячелетия опыт лучших частных вузов страны убедительно доказал не только возможность, но и целесообразность существования частного сектора в качестве подсистемы, дополняющей единую систему высшего образования Украины. Его ускоренное развитие стало неизбежным не только в связи с поисками путей выхода из кризиса, в котором оказалась государственная система украинского высшего образования. Они (частные вузы) утверждались в ходе становления рыночных отношений, возникновения рынка образовательных услуг, объективно потребовавшего создания разнообразных образовательных структур и конкуренции между ними. Несмотря на многочисленные трудности и проблемы, которые постоянно приходится преодолевать частным вузам, из года в год растет количество обучающихся в них студентов. Во многих из них уже удалось сформировать квалифицированные научно-педагогические коллективы, создать добротную материально-техническую базу, возродить собственные традиции.

Однако, к сожалению, несовершенство законодательной базы образования сдерживает темпы развития частного сектора. Это обусловлено неурегулированностью принципиально важных положений, касающихся правового статуса частных вузов, а также обеспечения правового равенства всех субъектов образовательной деятельности, независимо от формы собственности, на которой они основаны. Все это негативно влияет на процессы совершенствования деятельности частных вузов, повышения качества предоставляемого ими образования и, в конечном итоге, препятствует подготовке высококлассной отечественной гуманитарной элиты.

Большинство норм действующего законодательства Украины в сфере образования носят по отношению к частным вузам в лучшем случае декларативный, а в худшем — откровенно дискриминационный характер. При этом даже основной нормативный акт в сфере высшего образования «Закон Украины «О высшем образовании» — достаточно жестко различает государственные и частные вузы, тем самым закрепляя для них различные правовые режимы, что, в свою очередь, служит основанием их недобросовестного конкурентного противостояния на рынке образовательных услуг. Причем указанное положение усугубляется наличием конкуренции норм образовательного и гражданского законодательства, регулирующих правовое положение вуза как юридического лица.

Так, существенное преимущество государственных вузов в современных условиях можно выразить формулой: иметь гарантированный минимум бюджетного финансирования, имея при этом неограниченную возможность подготовки студентов на контрактной основе. Во-первых, бюджетные средства финансирования дают им гарантированную возможность выплачивать зарплату преподавателям, стипендии учащимся, покрывать затраты на ремонт, приобретать оборудование, осуществлять коммунальные платежи и многое другое (причем, независимо от конкурсной напряженности и количества и качества вложенного труда). Во-вторых, к числу финансовых льгот, которыми монопольно пользуются государственные вузы, можно отнести и бесплатное медицинское обслуживание, и практически бесплатное проживание студентов в общежитиях. И главное — они обладают бесплатной материальной базой, которая используется ими не только под учебные цели, но и, как правило, сдается в аренду, принося большие дополнительные доходы.

При этом государственный вуз, независимо от набора «контрактников», остается непредпринимательским бюджетным учреждением, что дает ему возможность использовать

полученные внебюджетные средства, не подлежащие налогообложению, по своему усмотрению¹, а частный вуз, материальное благополучие которого обеспечивается только за счет оплаты за обучение, по своему статусу, согласно действующему гражданскому законодательству, до сих пор является предпринимательским юридическим лицом со всеми вытекающими отсюда последствиями налогового бремени. Кроме этого, нормы действующего законодательства отдают предпочтение государственным вузам в вопросах регулирования отношений, связанных с созданием и функционированием вуза, социальной защитой участников образовательного процесса, пенсионным обеспечением профессорско-преподавательского состава и т. д.

Тем не менее даже в этих условиях многие частные вузы, которые сумели доказать свое право называться высшими учебными заведениями, осознали свое социальное предназначение, свои обязанности и свою ответственность перед обществом, сегодня пытаются закрепить за собой собственную нишу в образовательной системе Украины. Вероятно, отсюда более жесткое неприятие «частников» государственным сектором образования, которое сохраняется в настоящее время, но носит более завуалированный характер: от простой критики и примитивных нормативно-правовых ограничений оно все больше переходит к созданию более существенных льгот и преимуществ для последнего на законодательном уровне. Большим подспорьем этому служит получившая нормативное закрепление своеобразная сегментация образовательного поля на элитные (национальные вузы, число которых сегодня неоправданно зашкаливает), остальные вузы и частные с соответствующим набором определенных правил для каждого сегмента. И все это, как ни странно, происходит на фоне действующего Указа Президента Украины «Об основных направлениях реформирования высшего образования в Украине» № 832/95 от 12.09.1995 г., положение ч. 6 п. 2.2 которого гласит «Министерству образования пересмотреть сеть вузов, основанных на негосударственной форме собственности, с целью предоставления государственной поддержки вузам, которые осуществляют подготовку кадров на уровне государственных требований», что, в свою очередь, подтверждается прохождением государственной аккредитации.

Указанные проблемы, которые в настоящее время усугубляются затянувшимся политическим кризисом, падением темпов экономического развития, ростом инфляции, продолжающимися негативными тенденциями в демографической сфере, в совокупности существенно снижают финансовую стабильность частного вуза, от которой напрямую зависит качество предоставляемого им образования. Затягивание же процесса их разрешения может, к сожалению, повлечь за собой «самоликвидацию» частного сектора украинской высшей школы.

В качестве примера, иллюстрирующего дискриминацию частных вузов, приведу ситуацию с обеспечением работающего в них профессорско-преподавательского состава научными пенсиями.

Так, в 1998 году, после вступления в силу новой редакции Закона Украины о «Науке и научно-технической деятельности» (далее – Закон о науке) преподавателям частных вузов было отказано в возможности оформить научную пенсию, право на которую получили только научно-педагогические работники государственных вузов. Несправедливость указанной нормы не вызывала сомнений. Тем не менее изменения, внесенные в Закон о науке 20.11.2003 года Законом № 1316-IV и вроде как уравнивающие в правах преподавателей всех вузов страны, независимо от формы собственности, в совокупности с нормами пенсионного законодательства еще больше осложнили ситуацию.

Так, до внесения последних изменений в Закон о науке научно-педагогические работники частных вузов уплачивали сбор на обязательное государственное пенсионное страхование

¹ Официальный ответ Министерства финансов Украины на обращение Союза ректоров вузов от 5.12.2002 г. № 31–042–2–4/4675 / Подписан госсекретарем Украины А. А. Максюттой

в размере 1–2% от совокупного налогооблагаемого дохода в месяц² и теоретически могли рассчитывать на получение пенсии в соответствии с требованиями Закона Украины «О пенсионном обеспечении» (далее – нормальная пенсия). Однако теперь, согласно новой (действующей) редакции статьи 24 Закона о науке, научно-педагогическим работникам частных вузов III–IV уровней аккредитации разница между суммой назначенной пенсии в соответствии с указанным Законом и нормальной пенсией должна финансироваться за счет самих вузов. Другими словами: научная пенсия составляет сумму нормальной пенсии и доплаты за счет частного вуза.

Таким образом, с одной стороны, плательщики сбора, которые работают на должностях, работа на которых засчитывается в трудовой стаж, дающий право на получение пенсии в соответствии с Законом о науке (т. е. научно-педагогические работники), должны уплачивать на обязательное государственное пенсионное страхование в Пенсионный фонд Украины сбор в размере до 5 % от совокупного налогооблагаемого дохода³. С другой стороны, после выхода на пенсию, независимо от увеличения ставки сбора, им в результате из средств Пенсионного фонда будет выплачиваться «нормальная», а не льготная научная пенсия.

Было бы понятно, если бы речь шла об увеличении любыми путями поступлений в бюджет. Но согласно ст. 3 закона «О сборе на обязательное пенсионное страхование» плательщики уплачивают сбор на обязательное пенсионное страхование в Пенсионный фонд, средства которого, в свою очередь, не включаются в государственный бюджет. Не вызвало бы возражений, если бы указанная норма об увеличении ставок сбора имела отношение только к научным работникам государственных вузов. Однако парадокс заключается в том, что Пенсионный фонд требует от преподавателей частных вузов уплаты повышенных ставок сбора, притом, что бремя доплаты ложится на плечи самих вузов, «пенсионные» возможности которых весьма ограничены (не говоря уже об абсолютно несправедливом, абсурдном характере указанной нормы). Не вызывает сомнения, что подобные законодательные «новшества» существенно снижают научный потенциал частных вузов, поскольку немногие из числа как опытных, так и молодых преподавателей захотят сотрудничать с частными вузами на подобных условиях.

Таким образом, нормы статьи 24 Закона «О науке и научно-технической деятельности», вследствие некорректности формулировки ее отдельных положений, влекут за собой противоправные ограничения в отношении научных и научно-педагогических работников, осуществляющих научную деятельность в частных вузах, что выражается в фактическом ограничении их права на государственное пенсионное обеспечение и нарушает принцип конституционного равенства прав и свобод граждан, закрепленный в статье 24 Конституции Украины. Не вызывает также сомнения, что подобное ограничение противоречит статье 54 Конституции, положения которой обязывают государство содействовать развитию науки, поскольку создает привилегии для государственных вузов и приводит к ослаблению материальных и моральных стимулов у научных работников частных вузов, что, соответственно, влечет за собой существенное снижение конкурентоспособности последних на рынке образовательных услуг.

Кроме того, положения статьи 24 Закона «О науке» противоречат целому ряду норм международного права. Так, в частности, статья 4 Конвенции по борьбе с дискриминацией в области образования от 14 декабря 1960 года провозглашает: «Государства, являющиеся сторонами настоящей конвенции, обязуются... разрабатывать, развивать и проводить в жизнь общегосударственную политику, использующую соответствующие национальным условиям

² в соответствии с требованиями п. 4 статьи 4 Закона Украины «О сборе на обязательное государственное пенсионное страхование» в редакции от 17.02.2000 г. № 1461-III.

³ согласно п. 5) статьи 4 Закона Украины «О сборе на обязательное государственное пенсионное страхование».

и обычаям методы для осуществления равенства возможностей и отношения в области образования, и, в частности:

б. Обеспечить во всех государственных (имеется в виду не форма собственности, а государственная принадлежность – прим. авт.) учебных заведениях равной ступени одинаковый уровень образования и равные условия в отношении качества обучения».

В статье 2 «Декларации принципов терпимости», утвержденной резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО 16 ноября 1995 года, отмечается: «2.1. На государственном уровне терпимость требует справедливого и беспристрастного законодательства, соблюдения правопорядка и судебно-процессуальных и административных норм. Терпимость также требует предоставления каждому человеку возможностей для экономического и социального развития без какой-либо дискриминации. Отчуждение и маргинализация могут стать причиной состояния подавленности, враждебности и фанатизма».

Следовательно, государству, которое признает образование приоритетной отраслью развития гражданского общества и должным образом заботится о подготовке национальной элиты, необходимо принять срочные меры по приведению законодательства об образовании в соответствие с Конституцией Украины и нормами международного права.

М. Ф. Бондаренко, В. И. Штанько, Н. В. Черная

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕЛЛИГЕНТНОЙ СРЕДЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Современную стадию развития общества, обусловленную глобальными измерениями разного порядка, называют «открытым обществом» (К. Поппер), а также постиндустриальным, постэкономическим, информационным. Определяющим фактором социально-экономического развития такого общества является переход от «экономики вещей» к «экономике знаний». Интеллект, знания, технологии становятся важнейшими экономическими активами.

Современная информационно-компьютерная техника и технологии создают новые возможности для самореализации личности. Возникает, как считает О. Тоффлер, грандиозный по своим историческим последствиям процесс индивидуализации, в котором реализуются возможности свободного выбора информации, свободного доступа к ней, свободного самоформирования личностью собственного «Я» [1]. Вместе с тем информационные технологии, глобальные информационные сети оказывают негативное влияние на человека: создают возможности унификации личности, трансформации ее сознания путем манипуляции им, угрожают духовному и психическому здоровью человека. Возникают новые антропологические и социокультурные риски, связанные с замещением духовной культуры узкопрофессиональными знаниями, вытеснением живого реального общения виртуальным, изменением характера человеческого мышления от творческого к инструментальному и формализованному.

В новых современных условиях актуализируется значение образования, его качества на рынке предлагаемых образовательных услуг. Целью образования является формирование саморазвивающегося творческого мышления, так как только с конструктивным, креативным, критическим мышлением можно отвечать потребностям современного общества, выдерживать в нем конкуренцию. Престиж и качество образования являются факторами уровня цивилизованности общества, его места в мировом сообществе.

На какие стандарты ориентировано образование в нашей стране? Помогает ли оно справиться молодому поколению с указанными выше рисками? Возможно ли через образование привить интеллигентность индивидууму и обществу в целом? Востребована ли интеллигентность в постиндустриальный, информационный век?

Как известно понятие «интеллигент» (от лат. *Intelligens* — понимающий, мыслящий), употребляется не столько для обозначения определенной социально-экономической, сколько социально-этической категории. Под интеллигенцией мы понимаем не в целом представителей умственного труда, а людей определенного морального уровня, определенного социального мировоззрения. Как утверждает современный итальянский философ, писатель Умберто Эко, функция интеллигента заключается в том, что человек обязательно творчески участвует в формировании совокупной мудрости и совокупного блага [2, с. 114]. По его мнению, следует различать коммерческое видение творчества от новаторского творчества. «Творческое новаторство» — это, например, изобретения, несущие новизну всему обществу, изобретения, которые общество готово признать, принять, усвоить и использовать, то есть такие изобретения, которые войдут в наше общее богатство, в общий доступ, явят собой нечто большее, нежели частное достояние придумавшего [2, с. 115–116]. Для этого в творчестве должен быть критический подход. Соглашаясь с У. Эко, подчеркнем, что интеллигентская функция выражается как в новаторстве, так и в критическом отношении к существующему знанию, обычаю, высказыванию.

Выполняют ли интеллигентскую функцию интеллектуалы, которые в теории постиндустриального общества являются главным «классом» и играют важную роль в его развитии?

Как утверждают исследователи, интеллектуалы — это такие же работники, как и служащие, бизнесмены, банкиры, у которых такие же задачи, права и обязанности: честно работать и получать достойное вознаграждение за свой труд. Как отмечалось, в новом обществе высоких технологий и рисков разного порядка возникает вероятность установления тотального контроля над банками информации, ее производством и распределением. Информация, став основным продуктом производства, соответственно, становится и мощным властным ресурсом, концентрация которого в одном источнике потенциально может привести к возникновению нового варианта тоталитарного государства. Такую возможность не исключают даже те футурологи (Е. Масуда, О. Тоффлер), которые оптимистически оценивают будущие преобразования социального порядка. В таких условиях человек перестает критически мыслить, становится частью «массы» или, как говорит С. Московичи, «толпы», в которой происходит слияние индивидов в единый разум и чувства... Каждый стремится быть похожим на ближнего, с которым он общается. [3, с. 106]. Общество перестает быть открытым в том значении, которое вкладывал в него К. Поппер. Такая ситуация крайне опасная, она приводит к общему кризису человеческой духовности. В шкале ценностей на первое место выходят материальные интересы, престиж и «все то, что быстро окупается». Понятие «экономический успех» для интеллектуала более актуально, чем понятие «моральные взгляды». Интеллектуал воспринимает духовные блага, руководствуясь потребностями своего внутреннего мира, берет то, что ему нужно и отвергает то, что не нужно. В данном случае мы видим своеобразный урезанный вариант восприятия духовных благ, их одностороннее, узкоспециализированное видение, попытки приспособления духовных ценностей к узкоутилитарным, потребительским запросам личности. При таком подходе духовные ценности, что особенно опасно, могут переоцениваться и обретать новые смыслы. Исторически такая мировоззренческая позиция никогда не была присуща интеллигенции, которая всегда являлась совестью общества.

Для интеллигенции свойственно неподчинение власти, оппозиция к ней или диалог с властью. Конкретная форма взаимодействия интеллигенции и власти зависит от конкретно-исторических условий развития страны. Мы говорим сейчас о наиболее «здоровых» творческих личностях, обладающих духовным иммунитетом против приспособленчества и раболепствования перед властью любого толка — не только политической, но и экономической. В истории XX века переход в оппозицию к политической власти считался главной чертой интеллигентности высшей степени. Нахождение же во власти делало человека недостаточно интеллигентным. Исторический опыт показывает: люди, конечно же, меняют «лицо» власти, но чаще всего власть изменяет человека. Привлечение

интеллигентов к власти не имеет морального контекста, наем интеллигента в бюрократические структуры основывается на рыночных отношениях, а не осуществляется по морально-этическим мотивам. Поэтому взаимоотношения интеллигенции и власти всегда были и остаются проблемными.

Уже цитированный нами У. Эко, ссылаясь на итальянского философа права XX века Норберто Боббио, утверждает: интеллигент обязан быть критиком, а не глашатаем; ему важно определиться, на чьей он стороне, но, определившись (долг интеллигенции при любых условиях), ему следует посредничать, критикуя, выявляя и подчеркивая перед оппонентами, и, что еще более важно, перед сторонниками любые внутренние противоречия и тех, и других [2, с. 123]. Таким образом, «не будучи нейтральными, вполне можно соблюдать беспристрастность; беспристрастность – это не означает никому не отдавать предпочтения; быть беспристрастным – значит разумно судить, мыслить и признавать правоту то той, то этой стороны. Или не признавать правоту ни одной стороны, если неправы обе. Наконец, признавать правоту обеих, если права и та, и та» [2, с. 125]. В этом, на наш взгляд, и должна проявляться интеллигентская функция в политике.

Таким образом, современное постиндустриальное общество, полностью зависимое от высоких компьютерных технологий, может стать обществом холодных интеллектуалов, и в нем не будет места «критически мыслящим людям», которые не боятся быть свободными, чувствуют ответственность за свои поступки, возлагают на себя ответственность за судьбу народа и общества. Такими людьми и являются интеллигенты.

Так можно ли через образование привить интеллигентность молодому поколению и нашему обществу в целом? Ответ – не только возможно, но и необходимо, если высшая школа органически будет связана с наукой, материальной и духовной культурой общества. Стратегия на формирование «общества знаний» обуславливает повышенные требования к подготовке специалистов на уровне мировых стандартов, способных на нестандартные решения, креатив, инновации. Обеспечить страну такими специалистами реально при условии организации не только технической, узкопрофессиональной, но и гуманитарной подготовки, соответствии ее потребностям государства и мирового сообщества. Гуманитарное образование, будучи фундаментом духовной культуры, взаимосвязано с формами общественного сознания, играет важную роль в формировании личности студента, его мировоззрения и ценностных ориентаций.

Сегодня, наряду с активизацией поиска эффективных методов обучения, внедрением компьютерных технологий в учебный процесс, необходимо обратить внимание на дисциплины социально-гуманитарного цикла, которые кроме образовательных задач имеют главную цель – формирование внутренней культуры молодого человека, хотя каждая из дисциплин решает свое конкретное задание адекватно предмету и его специфике. К сожалению, в стандартах МОН Украины недостаточное внимание уделяется преподаванию данных дисциплин в технических университетах (уменьшение количества кредитов и аудиторного времени, особенно для семинарских занятий). Преподавателям социально-гуманитарных дисциплин в технических университетах предлагают применять информационный подход в преподавании, при этом студенты ограничены в возможности получения умений и навыков анализировать существующие процессы и события, дискутировать о них, делать выводы о диалектике жизни, взаимодействии политики, экономики, культуры.

Современное общество сегодня как никогда требует моральности, гражданственности, активной жизненной позиции своих членов, а соответственно, усиления гуманизации образования. Неуважение к своим истокам, игнорирование своей культуры, языка, «духовный каннибализм», «пожирание предков», безразличие, прагматизм, отход от реальности и «нахождение себя» в правовом и культурном нигилизме – составляющие части разрушительного мировоззрения, которое называется антигуманизмом.

Следовательно, в современных условиях постиндустриального общества образовательный и воспитательный процесс в технических университетах должен быть направлен не только

на подготовку «образованного класса», «класса интеллектуалов», а и на воспитание высоко-моральной личности, духовно стойкого человека – интеллигента, способного толерантно воспринимать изменяющийся мир; находить свое собственное место в нем, не изменяя гуманным и нравственным ценностям; человека с широким мировоззрением и разносторонним кругом духовных интересов. В качестве духовных ориентиров можно назвать представителей технической интеллигенции: академиков А. Сахарова, П. Капицу, Е. Патона, Н. Амосова и других. Такие люди не только генерируют культурные ценности, но и формируют национальную гражданственность, способствуют утверждению в обществе демократических традиций.

Список литературы

1. *Торфлер О.* Третья волна. – М., 1999.
2. *Эко У.* Полный назад! «Горячие войны» и популизм СМИ. – М.: Эксмо, 2007.
3. *Московичи С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс. – М.: Центр психологии и психотерапии, 1998.

Н. П. Гога

ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ КАК ОСНОВА ДЛЯ СОЗДАНИЯ «ИНТЕЛЛИГЕНТНОЙ ВЛАСТИ»

На этапе современного развития общества в целом и системы образования в частности вопрос взаимоотношений власти и интеллигенции становится все более актуальным. Анализ истории вопроса позволяет сделать вывод, что в СССР, а потом и в независимой Украине, в этой паре первенство в принятии решений чаще всего отдавалось власти. Интеллигенция из-за целого ряда исторических причин находилась на вторых позициях. Но даже в самое тяжелое время лучшие ее представители пытались влиять на ход общественного развития. Центрами сосредоточения интеллигенции во все времена являлись университеты, где представители «старой школы» могут передавать не только свой образовательный опыт, но и в целом работать на сохранение социальной памяти, просвещение, что всегда являлось функциями интеллигенции [1, с. 59].

В системе образования в настоящее время происходят глобальные трансформационные процессы. Проанализировать, отрефлексировать и протранслировать на молодое поколение – вот задача для современной вузовской интеллигенции. А как же передача знаний, умений и навыков, подготовка к будущей профессиональной деятельности? Несомненно, это также важнейшая составляющая обучения, но не всегда между высоким уровнем образованности и интеллигентностью можно ставить знак равенства. Академик Д. С. Лихачев подчеркивал, что образованность категорически нельзя смешивать с интеллигентностью. Образованность живет старым содержанием, а интеллигентность – созданием нового и осознанием старого как нового [2, с. 110]. После окончания учебы молодые специалисты придут в организации, фирмы, банки, а некоторые и в органы власти, сначала в качестве помощников, заместителей, а через короткое время и начальников, депутатов, чиновников. Они будут транслировать не только полученный набор знаний, но и уровень своей интеллигентности.

Воспитание интеллигентности можно включить в общую систему формирования идентичности личности. В вузе можно выделить следующие направления формирования интеллигентности:

1. Учебные занятия по общественно-гуманитарным дисциплинам, которые формируют у личности основные базовые гуманитарные понятия.
2. Факультативные занятия (психология, этика, эстетика).

3. Различные тренинги, где формируются и отрабатываются практические модели поведения.

4. Методические и методологические семинары, круглые столы, конференции, форумы и семинары, где происходит практическая отработка полученных знаний, а также обмен опытом.

Одним из таких мероприятий является ежегодный Всеукраинский теоретически-практический семинар «Проблемы формирования и развития ячеек студенческого самоуправления в высших учебных заведениях частной формы собственности».

В рамках этого семинара было проведено исследование со следующей **гипотезой**: У студентов, которые включены в различные формы внеучебной активности (студенческие организации, профсоюзы и т. д.), более четко идет процесс формирования представлений о себе как о будущем профессионале.

В исследовании приняло участие 64 чел.: 36 девушек и 28 юношей, в возрасте 16–23 лет, студенты I–V курсов. По специальностям испытуемые были представлены следующим образом:

- филология – 17%,
- экономика предприятия – 20%,
- финансы и банковское дело – 20%,
- различные виды менеджмента – 27%,
- другое – 16%.

Исследование проводилось при помощи проективной методики «Символ жизненного успеха», где предлагалось обозначить символ собственного жизненного успеха в виде рисунка или слова [3, с. 28–41]. Интерпретация проходила при помощи следующей типологии:

1. Я-профессионал как источник познания себя.
2. Идеализированный жизненный успех.
3. Инфантильное представление о себе как о профессионале.

После обработки были получены следующие результаты.

К первому типу: «Я-профессионал как источник познания себя» отнесли себя 17 человек (27%), практически 1/3. Это люди, которые в символической форме уже видят себя в качестве будущих профессионалов. Символы, определяющие «Я в профессиональной жизни», достаточно стандартны. Например: дорога; стрелы, которые ведут вверх; восходящее солнце; растущие вверх деревья; личные гербы с девизами и т. д. Как показало исследование, к первому типу преимущественно принадлежат юноши (11 человек) и шесть девушек. В целом, мужчины более профессионально ориентированы, начинают работать уже в институте, их участие в студенческих организациях обусловлено потребностью в накоплении опыта, получением необходимых навыков руководства командной и административной работой.

Ко второму типу: «Идеализированный жизненный успех» отнесли себя 61% испытуемых, самая большая группа. В качестве символов успеха были предложены знаки доллара, лавровый венок, фигура человека на возвышенности и т. д. Людям с преобладанием такого типа профессионального самоопределения присуща внутренняя противоречивость. С одной стороны, у испытуемых есть понимание некой профессиональной деятельности, которая ожидает их в будущем, но она лично не конкретизирована, личность находится в состоянии выбора. Повторяется тезис «...образование как база для дальнейшей деятельности». Причины участия в общественных организациях не всегда легко объяснимы самими участниками. Это может быть личностная потребность к активности, интерес, попытка реализовать себя, накопить опыт или даже получить удовольствие от общения, приобрести какие-то блага.

К третьему типу: «Инфантильное представление о себе как о профессионале» отнесли себя 17% респондентов. Это те, кто еще не представляет свою профессиональную

деятельность. Этот тип был выражен в виде сердечек, цветочков, «смайликов», Возникает некое несоответствие: люди, которые занимают активную жизненную позицию, по идее должны четко представлять свое будущее. Объяснением этому результату может быть то, что, как и везде, в студенческих организациях встречаются «лишние» люди, которые реализуют свои прагматические цели. Четкая цель есть, но она не обязательно связана с профессиональной сферой, это может быть желание удачно выйти замуж, завести знакомства, попасть за границу и т. д.

Можно сделать вывод, что выдвигаемая гипотеза не подтвердилась, только треть испытуемых четко представляют себя в качестве профессионала, две трети либо находятся в поиске, либо пока еще совершенно не определились. В целом, это подтверждает общую тенденцию инфантилизации молодежи. Формально молодые люди и девушки могут выполнять взрослые социальные роли: идти на работу, вступать в брак, заводить детей, но морально они остаются еще недостаточно зрелыми, что может порождать психологические проблемы, кризисы, депрессии. В данной ситуации можно говорить о начальном этапе формирования профессионального самосознания. В целом существуют достаточно серьезные проблемы в формировании профессиональной идентичности. Отсутствие цели или ее размывание тянет за собой, в свою очередь, искажение поведения при ее достижении. Тем серьезней последствия, когда такие люди приходят во власть. Вузам необходимо использовать все свои возможности для более четкого формирования идентичности в целом, профессиональной в частности и интеллигентного поведения как внешнего проявления внутренней интеллигентности. Это будет действенной помощью нашему обществу по созданию «интеллигентной власти».

Список литературы

1. Соколов А. В. Формула интеллигентности // Вопр. философии. — 2005. — № 5. — С. 57–67.
2. Галицких Е. Д. С. Лихачев: раздумья о воспитании // Высш. образование в России. — 2006. — № 10. — С. 108–112.
3. Барабанова В. В. Представление студентов о будущем как аспект их личностного профессионального самоопределения / В. В. Барабанова, М. Е. Зеленова // Психол. наука и образование. — 2002. — № 2. — С. 28–41.

В. Я. Звиняцьковський

РЕФОРМА ОСВІТИ БЕЗ ГРОМАДЯНСЬКОГО СУСПІЛЬСТВА: ВИПАДОК УКРАЇНИ

А. Чи сприяє система освіти розвитку демократичної культури?

На початку цього (2008) року один колега звернувся до мене (в числі інших колег) за допомогою у підготовці статті «**Чи сприяє система освіти розвитку демократичної культури?**», метою якої є оцінювання досягнень України на шляху демократичного розвитку. Для формування відповіді на ключове питання, поставлене у назві статті, колегу цікавила оцінка сформованої ним самим групою експертів ситуації в Україні з низки окремих запитань, на частину з яких я зміг дати свої відповіді, які нижче наводжу.

1. Якою мірою обов'язкова частина програми початкової та середньої школи включає спеціальні курси, що вчать учнів:

- a) сутності демократичних цінностей, інститутів та процесів;
- b) правам та обов'язкам громадян у демократичній державі;
- c) толерантності та повазі до всіх соціальних груп;
- d) як дискутувати та міркувати, об'єктивно та критично, про політичні та державні справи.

Відповідь. На жаль, обов'язкова частина шкільної програми жодною мірою не торкається вказаних питань. Навіть викладання історії є запрограмованим на прямо протилежне: програми та підручники містять у собі «єдину правильну думку» замість того, аби знайомити учнів з чітко встановленими фактами і всім спектром інтерпретації цих фактів у сучасній історичній науці.

2. Наскільки широко у початковій та середній школі застосовуються методи, спрямовані на створення демократичної культури у класній кімнаті?

Відповідь. На жаль, усе меншою популярністю у вчителів користуються поширені у 90-ті роки методики розвиваючого навчання (за Ельконіним та Давидовим) і школи діалогу культур, тобто старі перевірені методи, «спрямовані на створення демократичної культури у класній кімнаті». Натомість мені нічого невідомо про нові методи, спрямовані на те ж саме.

3. Чи включає програма вищої освіти принаймні один обов'язковий курс, що знайомить студентів із сутністю демократії та їхніми обов'язками як громадян демократичної держави? Які ці курси? Який досвід їх впровадження і публікації по його висвітленню.

4. Чи можна стверджувати, що у програмі вищої освіти існує цілий спектр курсів, що дозволяють та заохочують студентів поглиблено вивчати демократію?

Відповідь. Якщо говорити про базові курси відповідних гуманітарних фахів (історія, політологія, міжнародні відносини тощо), то тут мало що змінилося з радянських часів – якщо говорити про **структуру**, а не інтерпретації (відповідна зміна плюсів на мінуси та навпаки). Щодо гуманітарних курсів, які є обов'язковими для студентів будь-якого фаху (політологія, культурологія, релігієзнавство тощо), то слід відзначити, що вони радше шкодять розвитку демократичного мислення у молоді, адже викладаються здебільшого монологічно, а «школи» вивчення цих предметів глибоко вкорінені в радянські кафедри наукового комунізму, атеїзму тощо, які просто змінили вивіску.

5. Як широко у закладах педагогічної освіти впроваджені курси для підготовки вчителів до викладання громадянської освіти?

Відповідь. Українсько-американський гуманітарний інститут, де я працюю, надає сертифіковану вищу освіту не тільки українського, але й американського гатунку, отже, ми маємо матеріал для порівняння. У такі базові американські дисципліни для першокурсників, як composition, bussiness English etc., вже закладаються основи толерантного мислення й мовлення. Йдеться саме про **стратегії** мислення й навчання: годі сподіватися, що їх може замінити введення спеціального предмету «толерантність», про що в останні часи багато чути від «керівництва». **Громадянська освіта** повинна стати не окремим предметом, а **основною метою викладання базових предметів**. Запозичена демократія саме тому не працює в нашому суспільстві, що воно не є громадянським суспільством, а демократія без громадянського суспільства – це такі собі гудзики без штанів.

Б. Чим конкретно заважає свідомій, системній реформі освіти відсутність демократичної культури?

Одним з яскравих показників наявності громадянського суспільства в країні є те, що дитина зростає в **незалежному, внутрішньо єдиному батьківсько-вчительському осередку громадянського суспільства**. Цей осередок називається **школа**; бути таким осередком – це, по суті, **головне завдання і головна роль школи в громадянському суспільстві**. Паростки таких осередків наша шкільна система винищує в зародку, а от американська, канадська, фінська тощо заохочують насамперед через надання **20(!) %** навчального часу на вивчення курсів за вибором дітей та їхніх батьків. Тобто кожна школа вирішує самостійно, які елективні курси будуть вивчати учні, розробляє або замовляє такі курси. Отже, у громадянському суспільстві кожна школа як батьківсько-вчительсько-учнівський осередок має певну власну практику і власний досвід **розробки курикулума**, а не сліпо виконує «навчальні плани» і «програми», розроблені десь «у центрі».

Це не означає, що при такій практиці загальнонаціональна філософія курикулума є непотрібною. **Філософія курикулума** має насамперед враховувати «людський аспект», побудову системи знань як системи вічних цінностей людського буття. Структурі 9-річної школи (з 6 до 15 років дитини) віддається перевага у багатьох країнах Європи й Америки (приклад реформи освіти у Фінляндії 2004 р.).

Натомість за умов відсутності осередків громадянського суспільства у вигляді шкіл і профанації експертної думки у центральних бюрократичних інституціях збудовано химерну 12-річку, що ажніяк не схожа на західні взірці, які вона нібито наслідує. Адже в Західній Європі та Північній Америці задля **загальної середньої освіти** здебільшого послугуються **9-річкою**. А те, що ми назвали **10–12 класами** (в Америці – **high school**), структурно (тобто саме за курикуломом) не належить до середньої школи так само, як і до вищої (**higher school**). Там, на Заході, маємо і досі недосяжні взірці саме відомої у нас (за часів «перебудови») «гуманізації та гуманітаризації». Тим часом у навчальному плані й предметних програмах, які наразі маємо для 12-річки, як загальнолюдські (насамперед вікові) цінності, так і відповідність логіці та змісту культури ХХІ ст. ще більш упосліджені, ніж до «перебудови» 1990-х.

В освітніх системах, розвинутих на засадах громадянського суспільства, саме **high school** забезпечує поступовий перехід від спланованого **розвитку** особистості до її свідомого, спланованого **саморозвитку**. Цей перехід має відбуватися через акцент не на (як дехто у нас думає) диференціації, а саме на інтеграції навчальних предметів.

Для прикладу звернуся до концепції фінського курикулуму, де «особливу увагу приділено ідеї **інтеграції** змісту. Крос-курикулярні теми, введені у новий національний основний курикулум поруч із традиційними предметами, інтегрують навчання та потребують інтенсивної кооперації між учителями. Мета цих тем – заохочувати та сприяти учням у дослідженні важливих явищ із різних точок зору, що ґрунтуються на знаннях із різних галузей науки» [1, с. 20]. Першою серед таких тем названо «Зростання особистості», а ще є «Особистість та технологічний прогрес», «Відповідальність за навколишнє середовище, добробут та майбутнє людини», «Культурна ідентифікація та інтернаціоналізм» та ін.

Одним із важливих результатів систематичного 9-річного навчання у базовій школі має стати не лише особистісне самовизначення, а й соціальний реалізм, які у своєму поєднанні мають дати **свідомий вибір майбутньої сфери професійної діяльності**. Фінський курикулум-2004 надає йому настільки серйозного значення, що навіть передбачає можливість в разі, якщо учень ще не визначився, за бажанням його і батьків залишити його у базовій школі на десятий рік навчання, для якого розроблені спеціальні диференційовані програми. А для всіх інших, менш ніякових і більш самовпевнених «п'ятнадцятирічних капітанів» передбачена низка профільних коледжів, які вже не мають нічого спільного з базовою загальноосвітньою школою. Адже при правильному віковому підході до розвитку особистості підліткам після п'ятнадцяти (крім, може, купки флегматиків) нема чого робити під дахами загальноосвітніх шкіл. Ось коли саме час уперше підключити так званий монетарний підхід [див. 2] і не тільки очікувати (на негативі), а й планувати (у позитиві) якісне ускладнення «речей» (предмета) діяльності й взаємин, включаючи, може, й перший самостійний вихід на ринок праці. Для того, щоб все це справді спрацювало на позитив, слід було б до 2010 р., тобто поки «першокласник-2000» не став перед вибором майбутньої сфери професійної діяльності, повернути у повному обсязі систему професійно-технічного навчання.

Тут ми не зможемо наслідувати маленькі благополучні європейські країни. Там нема таких міст із півмільйонним населенням, як моя рідна Горлівка та інші міста Донбасу, повністю зорієнтовані на промисловість, на робочі професії й робочі династії. Так, безперечно, слід запроваджувати, де це є можливим, нові комп'ютерні технології, нові більш привабливі для молоді форми праці – але ж **праці!** Сьогодні маємо у загальноосвітній школі повний курс інформатики і загальновідомий учням повний асортимент комп'ютерних ігор. Але ж як мало підлітків вдаються до розуміння того, що їхні персональні комп'ютери можуть

працювати і заробляти гроші! Коли я запитав про це 10-класників, яким викладав етику, вони сказали: «Ми ще діти — дайте нам гратися!» Це називається — «поїзд вже пішов». Якби це запитання хтось їм поставив хоча б за два роки до цього, то принаймні деякі з них захотіли б працювати на комп'ютері і за цей час уже б навчилися і працювали, і це абсолютно не завадило б навчанню. Адже на працю пішов би не навчальний, а ігровий час, якого у нашої інфантильної молоді небезпечно багато. І це зробили ми, дорослі, своєю бездумною системою навчання, яка на сьогодні, після того, як, по суті, вже відбулися всі структурні реформи (не санкціоновані громадянським суспільством, якого на разі ми ще не маємо), в нас є принципово (за структурою) однаковою для всіх віків (від 6 років аж до 19), міст, сіл і регіонів.

Список літератури

1. *Галінен І.* Процеси становлення фінського курикулуму // Постметодика. — 2006. — № 1.
2. *Кремень В. Г.* Глобалізаційний вимір раціональності // Глобальні проблеми людства як фактор трансформації освітніх систем. — Х., 2007.

М. В. Карпенко

ЛИДЕР И ИНТЕЛЛИГЕНТ: ВОЗМОЖНОСТИ ВУЗА В ИХ ФОРМИРОВАНИИ

Интеллигенция всегда была носителем передовых идей, определяла векторы духовного развития общества, к ней прислушивались. За годы советской власти понятие «интеллигент» несколько нивелировалось: господствующими классами считались рабочие и крестьяне, а интеллигенция называлась трудовой и, к тому же, прослойкой. Интеллигентами назывались те люди, которые имели высшее образование и работали в государственных учреждениях, в творческих заведениях и организациях. Под интеллигенцией обычно понимают людей умственного труда, обладающих образованием и специальными знаниями в различных областях науки, техники и культуры.

Данное определение ценно тем, что указывает на образованность и знание человеком своего дела, то есть он выступает как интеллигентом, так и лидером в конкретной области знания. Но тут же возникает вопрос: «Почему в определении к интеллигентам причисляются только лишь люди, занятые умственным трудом? Неужели интеллигентом не быть человеку, занятому сельскохозяйственной деятельностью (фермеру), строителю, художнику, космонавту?»

Ответ достаточно прост: при полном наборе интеллектуальных, профессиональных характеристик техник, научный исследователь, инженер и др. может быть или не быть интеллигентом; в то же время, например, фермер, слесарь, фельдшер, то есть люди без высшего образования, могут иметь черты интеллигентного человека. Это свидетельствует о том, что интеллигенция неоднородная, многослойная. Представляется возможным выделить в ней два слоя, а именно:

— «творческую интеллигенцию», куда относятся люди творческих профессий, которые развивают науку, культуру, технику, гуманитарные дисциплины. Сюда включается, прежде всего, техническая интеллигенция, а также специалисты, занятые в социальной и духовной сферах;

— «массовую интеллигенцию», включающую врачей, учителей, инженеров, журналистов, конструкторов, технологов, агрономов и других специалистов.

Получение высшего образования и наличие диплома довольно часто не свидетельствуют о том, что это прибавило человеку ума и интеллигентности. Ум — это нечто иное. Это или генетическое проявление, или приобретенное (при большом желании и соответствующей

способности) качество в тяжелом труде над собой. А интеллигент — это личность, а не диплом, полученная специальность или должность.

Таким образом, интеллигент — это, прежде всего, человек умный, с высокой внутренней культурой, самоуважением (а отсюда и уважение к другим людям, другим мыслям, другим взглядам на ту или иную проблему), с высоким уровнем ответственности за себя, за государство, с чувством меры абсолютно во всем (в словах, действиях), порядочный, честный.

В связи с интеллектуальным кризисом в стране задачей вузов должно быть четкое представление об интеллигенции как таковой, вуз сам должен выступать интеллигентом в самом широком смысле. Следует внимательно подходить к тому, что интеллигентность у молодых людей можно только формировать, развивать, а «вырастить интеллигентов» в вузе нельзя, так как в понятие «интеллигентный человек» входит ряд качеств, с которыми человек рождается, либо они прививаются в раннем детстве, это такие качества, как: деликатность, которой научить нельзя, она или есть, или ее нет, порядочность и другие.

Еще одними достаточно важными моментами в высшей школе, которые требуют пересмотра, выступают как вступительные, так и текущие (сессионные) экзамены. Что имеется в виду: при вступлении на актерский факультет, в художественные, другие творческие вузы абитуриенты обязательно сдают экзамен по будущей специальности, то есть они демонстрируют все свое мастерство, полностью проявляют себя как лидеры. И он, экзамен, является основным фактором для вступления. Вполне логично, что не может быть музыкантом человек без слуха, художником, актером, — без таланта. При поступлении в педагогические вузы ситуация обстоит следующим образом: абитуриенты пишут сочинение или диктант, что, в свою очередь, не демонстрирует способностей, интеллигентность. Роль и качество педагогического образования очень велики по причине формирования, развития интеллигентности у молодых людей в вузе.

В связи с необходимостью формирования лидерских качеств у молодых людей, которые будут определять перспективы развития Украины, система отечественного высшего образования требует реформирования и в плане создания условий для развития студенческого самоуправления, самореализации студентов, начиная с характера сдачи вступительных экзаменов в вузы. Вот тогда, возможно, мы получим настоящую украинскую интеллигенцию, высокообразованную, элитную, с высоким чувством достоинства и своего назначения в государстве.

Г. И. Костаков

РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТИ

Реформы и изменения во всех сферах общественной жизни, строительство правового и демократического государства в Украине, интеграция в европейское образовательное и научное пространство как никогда остро поставили вопрос о повышении роли исторического образования в генерировании интеллигентности как важнейшего качества личности студента и школьника. В сущности, интеллигентность — это приобщенность к исторической культуре, воплощающей опыт человечества, приобретенный им на его многогранном историческом пути [1, с. 121]. В этой связи особая роль отводится историческому образованию, поскольку исторический процесс все более рассматривается как образовательный, а историческое образование — как один из важнейших способов формирования человека внутри общества.

Студенческая и школьная молодежь нашей страны растет в условиях выбора, чего не было раньше, в том числе выбора политических ценностей и идеалов. В статьях 15, 34 Конституции Украины определяется, что ни одна идеология не может быть обязательной, все

граждане имеют право на свободу мысли и слова [2, с. 7, 14]. В нормативных документах по образованию значительное место отведено деполитизации школы, не выделена проблема воспитания культуры политического мышления. В освещении прошлого появились тревожные симптомы. Определяющий, пожалуй, момент – небывалая политизация истории. Она стала не просто болевой точкой общественного развития, а в ряде случаев превращается в мощное орудие политической борьбы. Стремление во что бы то ни стало «по-новому» оценивать исторические события приводит некоторых авторов к выводам, не согласующимся с реальными историческими фактами, а порой противоречащим им. Разумеется, на содержание подобных материалов решающее влияние оказывает позиция авторов. Такое явление в обстановке плюрализма можно было бы признать нормальным, но при одном непременном условии: позиция позицией, но истина дороже.

Поэтому определение направлений общественного развития, главных тенденций истории приобретает особое значение. На основе изучения прошлого понять настоящее и предвидеть будущее – важнейшая задача исторического образования, важнейшее качество интеллигента. Радикальных изменений, а не косметического обновления требуют научные и учебно-методические компоненты преподавания дисциплин исторического профиля в учебных заведениях. Одним из факторов, которые тормозят процесс воспитания интеллигентности – получения студентами (школьниками) исторических знаний, выработки умений и навыков разбираться в современной политической жизни, является отсутствие научной концепции развития исторического образования на современном этапе.

Концепция – это определенный способ понимания, трактовки различных явлений, основная точка зрения, руководящая идея при изучении. Концепция определяется также как ведущий замысел, конструктивный принцип освещения. Она включает в себя оценку и учет особенностей современной исторической ситуации и обязательное применение принципов научной объективности и историзма, системного, социального и комплексного подходов.

Объективное историческое познание общественной жизни обеспечивается научным подходом, научной методологией, опирающейся на достижения всей общественной мысли, и не стоит замыкаться в понимании исторического процесса, его познании в рамках лишь одного какого-либо учения. Попытки излишне универсализировать любую методологию приводят только к игнорированию существенных особенностей развития народа, к искажению исторической действительности в целом. Именно такой подход прежде всего определяет содержание исторического образования, для которого характерны не только знания об истории цивилизации (культуры) как качественной характеристики различных видов деятельности, но и знания об обществе, умения и навыки социального взаимодействия. Содержание исторического образования, условно говоря, определяется двумя векторами. Один из них – это традиция, передаваемая из поколения в поколение. Другой вектор ориентирован на современность и на то, что необходимо предвидеть, спрогнозировать будущее, т. е. он больше непосредственно связан не с собственно гуманитарной, а с социальной составляющей исторического образования [3, с. 34].

Нам нужна научная концепция многомерного, системного подхода к оценке событий того или иного периода, непосредственно способствующая адекватной постановке проблем и логически последовательной стратегии их разрешения. Главным предметом исторического изучения должна быть реальная жизнь и труд миллионов людей со всем светлым и трагическим. Поэтому с особой тщательностью необходимо выверять реальную меру позитивных и негативных суждений и оценок, рассматривать каждое явление на широком историческом фоне, руководствоваться принципами диалектики, методологией историзма, правдой и справедливостью.

В этой связи мы должны преодолеть, во-первых, представление о бесконфликтности развития общества на различных его этапах. Раньше историческая наука в основном говорила

о достижениях, победах, успехах, сейчас — о недостатках, «белых пятнах». А в жизни были противоречия, была борьба: успехи сменялись неудачами, победы чередовались с поражениями, определенный прогресс в экономике в какой-то отрезок времени сменялся периодом застоя. Во-вторых, мы должны преодолеть абсолютизацию исторических документов. Отношение к ним должно быть аналитическим. Под этим имеется в виду не только анализ документа с позиций времени, в котором он появился, но и учет того, с какой целью он создавался, какие личности и в чьих интересах его разрабатывали. В-третьих, преодолеть полное отрицание позитивной исторической роли людей, которые когда-то и в чем-то ошибались. А ведь среди них много неординарных личностей, внесших, несомненно, определенный вклад в развитие общества. В-четвертых, преодолеть субъективизм и схоластику в оценке сложных явлений в обществе. Это порождает отрыв слова от дела, способствует возрождению теории героев и толпы, поощряет субъективное переписывание многих страниц нашей истории.

В условиях глобализации, гармонического сочетания всеобщего, интернационального и национального необходимо добиться того, чтобы историческое образование не участвовало в национально-политических и политических играх, чтобы оно служило не очередному околпачиванию народа, а воспитанию в нем способности трезво оценивать слова и дела, формировать патриотическое сознание. История не должна быть современной политикой, направленной в прошлое. Цель истории — не корысть, которая выплывает из истины, а верно переданная потомкам память. Историк должен быть объективен и не писать историю «ради пурпурного кафтана» (Ф. Прокопович).

Нам нужна научная концепция, смелые гипотезы при критическом, основанном на разумном подходе, отношении к историческому наследию, а не отрицании ради отрицания. В отличие от прошлых подходов современное изучение развития украинского общества предполагает:

- рассматривать многомерность исторического процесса и вариантность возможного его развития. Хотя и широко сейчас распространен штамп: история не терпит сослагательного наклонения. Но такой подход мешает подлинно научному анализу прошлого. Именно всесторонний подход к вариативности возможного развития позволит подлинно научно изучать проблему вхождения Украины в состав Российского государства во времена Б. Хмельницкого, правильно освещать вопросы Украинской революции и Гражданской войны 1917—1920 гг., раскрывать советский период;

- уяснять суть теоретических положений, раскрывающих сущность изучаемых явлений, идейно-теоретических воззрений общественно-политических движений и их лидеров;

- изучать деятельность различных политических сил с объективным анализом положительных и отрицательных сторон каждой из них в прогрессивном развитии общества. К примеру, проблема падения авторитета украинских социалистических партий в период Центральной Рады;

- раскрывать факты и общественные явления в неразрывности с той конкретно-исторической обстановкой, которая их породила и определила тенденцию, внутреннюю противоречивость их дальнейшего развития;

- выявлять определенные социальные и классовые интересы, всю сумму социально-классовых отношений в экономической области, в политической борьбе, в противоречиях социальной психологии и традиций, в межклассовых и внеклассовых противоречиях.

Таким образом, решающим средством реализации научной концепции исторического образования является всесторонняя разработка теории исторической науки, ориентированной на адекватное отражение социальной действительности в ее конкретном своеобразии. В то же время, чтобы действительно знать историю, необходимо не только постигнуть все богатство научно-теоретических основ, но и уметь творчески применять их к анализу общественной действительности. Только при этом условии историческое образование

позволит удовлетворить стремление личности к интеллигентности, гармонии и отвлечь мысли будущих интеллигентов от сиюминутных «мелких делишек, когда кругом стоят густою стеною великие идеалы, когда кругом стоят поля для мысли среди гармоничного, широкого, красивого, — когда кругом идет борьба за то, что сознательно сочла своим и дорогим наша личность» [4, с. 256].

Список литературы

1. *Фишбейн М.* Воспитание в вузе: вернуться к истокам интеллигентности // Высш. образование в России. — 2007. — № 7. — С. 121.
2. *Конституція України:* Прийнята на п'ятій сес. Верхов. Ради України 28 черв. 1996 р. — К.: Преса України, 1997. — 80 с.
3. *Онiщенко І.* Гуманiтарна освiта в контекстi Болонського процесу / Болонський процес в дiї: Матерiали «Круглого столу», проведеного Інститутом вищої освіти АПН України та ред. тижневика «Освіта» (трав. 2004 р. — лют. 2005 р.) / За ред. О. С. Коноваленко; Б. І. Корольова. — К.: Вид-во Європ. ун-ту, 2005. — С. 32–37.
4. *Вернадський В. И.* Pro et contra. — СПб., 2000. — 256 с.

П. Ф. Кравчук

ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНТА И ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТИ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Значимость проблемы интеллигенции и формирования интеллигентности в современных условиях определяется особенностями общественного развития в современный период. Интерес к проблеме проявился в сотнях защищенных диссертаций по этой тематике, в том числе в десятках докторских, в проведении многих конференций и создании профильного НИИ. Описаны характеристики, задачи, раскрыто понятие интеллигенции как феномена.

Однако исследователи, рассматривая этот феномен в зависимости от особенностей эпохи, характеризуют его по-разному. Поэтому, прежде чем рассматривать процесс подготовки специалиста в системе высшего образования, следует определить свойства и качества интеллигентности, характеризующие интеллигента, необходимые в условиях трансформации общественных отношений.

Отметим свойства, присущие русской интеллигенции, почти во все эпохи, особенно в XIX — начале XX века, в советский период и постсоветскую эпоху. Это прежде всего высокая образованность, ответственность за процессы, происходящие в обществе, высокие моральные качества, развитый творческий потенциал и его реализация в деятельности. Но меняющиеся условия влияют и на характеристики интеллигенции.

Так, например, И. А. Ильин считает, что главная задача интеллигенции — вести свой народ за национальной идеей и к государственной цели, и возлагает вину на интеллигенцию, которая не смогла «повести» за собой народ в начале XX века, чтобы решить эту задачу: «Ибо если народ «темен», то это не его «вина», это творческая, но еще не разрешенная задача национальной интеллигенции; и если в народе живут и вскипают дурные страсти, то к облагораживанию и направлению их и призван национальный образованный слой. Воспитатель, жалующийся на своего воспитанника, должен начать с самого себя; да и не русскому интеллигенту, хотя бы в раздражении и растерянности, поносить добрую, терпеливую и даровитую душу русского простого человека... Если масса простого русского народа пошла не за своим национальным образованным слоем, а за чужеродными, интернациональными авантюристами, то причину этого русская интеллигенция должна искать, прежде всего, в себе самой. Это значит, что она не была на высоте и не справилась со своей задачей» [1, с. 6].

По мнению И. А. Ильина, русская интеллигенция «следуя рассудку, материализму и западным теориям... извратила свое понимание человеческой природы... Тайна живого, органического единения и творчества ушла от нее...» [1, с. 8].

Если давно ушла в прошлое ситуация безграмотности и «темноты» народа, а интеллигенция второй половины XX века выполнила задачу в советских условиях, то задача «воспитывать и вести» остается всегда, хотя не всегда интеллигенция имеет возможность выполнять ее полностью. Ибо и ситуации, внешние условия отличаются одна от другой, нередко коренным образом, и структура, состав интеллигенции, ее характеристики не остаются неизменными.

На разных этапах монархической истории России, как пишет Ю. А. Левада, наибольшую роль в качестве опор трона выполняли «назначенные» элитарные группы и фигуры (дворяне, приближенные, чиновники) [3, с. 6].

Этот принцип принимался как должное (в разных формах) на различных ступенях государственной иерархии вплоть до последнего времени. Но русская интеллигенция практически всегда отделялась от бюрократии. «В качестве элитарного фактора русская интеллигенция представляла себя антиподом чиновничеству по всем ориентирам («служение» – «служба», «творчество» – «исполнение», «свобода» – «послушание», «мир символов – иерархия начальников...») [3, с. 8].

Русская интеллигенция не связана с какой-либо социально-групповой структурой ни членством, ни организационными связями. В принципе, элитарная группа «интеллигентского» типа консолидирована вокруг символов, а бюрократическая – вокруг должностей [3, с. 8]. Поэтому правомерно воспитание у студентов, пришедших из различных социальных групп и имеющих только одинаковый уровень образовательной подготовки, совокупных качеств интеллигентности, ибо каждый из них – будущий интеллигент по содержанию и сущности своей работы, а не по должности.

Анализ особенностей интеллигенции и ее роли в различные эпохи и периоды развития российского и советского общества, сравнение ее характеристик, определяемых разными исследователями, позволяют сделать вывод, что образованность, моральность, творчество всегда были присущи интеллигенции в целом. Однако российская интеллигенция почти всегда была неоднородна в отношениях с властью. Определенная часть ее служила власти, национальной идее, оказывала влияние на массы в соответствии с требованиями власти (посредством как художественных, так и политических форм).

Другая часть была или нейтральной по отношению к власти, или находилась в оппозиции к ней.

А. В. Соколов характеризует особенности интеллигенции исходя из различных точек зрения следующим образом: «интеллигенция» – слово многозначное, имеющее, по меньшей мере, семь различных трактовок: 1) исходная философско-теологическая; 2) социологическая в смысле словаря В. И. Даля; 3) этико-политическая, относящаяся к различной субкультуре XIX века и советскому диссидентству; 4) народническая этика – просветительская субкультура, в слабовыраженной форме сохранившаяся до наших дней; 5) советская социально-экономическая; 6) заимствованная за рубежом и подменяющая интеллигента интеллектуалом; 7) этико-культурологическая, развиваемая гуманитарной элитой постсоветской России» [3, с. 62–63].

В постсоветское время произошла дифференциация бывшей советской интеллигенции на три части. Во-первых, специалисты, занимающиеся своим делом, несмотря ни на какие трансформации общества и власти; во-вторых, российские интеллектуалы, прагматики, стремящиеся к утилитарным ценностям и личному успеху. Вместе с тем выделяется третья группа преимущественно гуманитарной элиты, исповедующая высокие нравственные нормы, порядочность, обостренную совесть, отвергающая мещанский эгоизм и утверждающая ценности национальной и общечеловеческой культуры. К этой части

интеллекции относится и вузовская интеллигенция, преподаватели, стремящиеся привить студенческой молодежи не желание подражать удачливому бизнесмену, «берущему от жизни все», а идеалу подлинного интеллигента. «Интеллигент — это человек, не зависящий от экономических, политических условий, не подчиняющийся идеологическим обязательствам» [3, с. 62] — отмечалось на Конгрессе [4, с. 19].

В современных условиях выхода страны из кризиса многие проблемы остаются нерешенными: не преодолен кризис науки и культуры, деформации системы ценностей, невостребованность человека как личности, подражание Западу, особенно в российских СМИ, использование инноваций без учета российского менталитета.

Одна из важнейших задач вузовского образования — воспитать интеллигента, способного повлиять на решение проблем современного развития, владеющего не только профессиональными знаниями, но и информационной культурой (в условиях информатизации общества), коммуникационной, художественной, экологической культурой, нравственностью, не допускающей обогащения за счет занимаемых должностей, правовой культурой и стремящегося внедрять ее в практику отношений, развивающего и реализующего свой творческий потенциал в профессиональной и общественной деятельности.

Эти качества интеллигента и проявляются в интеллигентности, которая отражается в поведении, в отношении к другому человеку, в порядочности, в неудовлетворенности достигнутым, в творческой самостоятельности.

Все эти и другие в этом ряду качества можно воспитывать как непосредственно в учебном процессе, так и посредством различных форм работы в неучебное время.

Список литературы

1. Ильин И. А. О русской интеллигенции // Русский мир. — 2000. — № 1. — С. 175–194.
2. Левада Ю. А. Элитарные структуры в советской и постсоветской ситуации // Общественные науки и современность. — 2007. — № 6. — С. 5–15.
3. Соколов А. В. Формула интеллигенции // Вопр. философии. — 2005. — № 5. — С. 57–67.
4. Конгресс российской интеллигенции. — СПб., 1998. — С. 19.

Н. А. Крупенина

СОВРЕМЕННЫЕ ВУЗЫ И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

*Credo, guia absurdum*¹

Актуальны ли проблемы, которые так или иначе связаны с феноменом «интеллигенция» в XXI веке? Мы полагаем, что да, если исходить из утверждения П. А. Сорокина: «...при обнищании нашей родины культурными силами именно интеллигенция составит внушительный отряд работников по воссозданию разрушенной страны» [1, с. 128]. И далее: «Вдумчивый ум, практическая деловитость (интеллигенции Н. К.) «...» нужны особенно теперь, когда старые устои падают, а новые еще не успели родиться и окрепнуть» [2, с. 126].

Современный интерес к интеллигенции аналогичен таковому в 1905 г., ознаменованному «Вехами» [3], т. к. приходится на период социального кризиса. Вместе с тем, имеется и существенное отличие: эта социальная категория формируется и выживает в обществе, где потребность просвещения, запросы гуманности находятся в зародышевом состоянии; где из официального языка исчезли понятия чести, совести, человеческого достоинства, порядочности, благородства. И даже более, в обществе, где ряд ученых [4] вообще отвергает существование интеллигенции как таковой. Разумно в этой связи обратиться к Д. С. Лихачеву:

¹ Верую, ибо абсурдно (лат).

«Неуважение к интеллигенции это и нынче неуважение к памяти тысяч и тысяч людей, которые мужественно вели себя на допросах и под пытками, остававшихся честными в лагерях и ссылках, во время гонений на те или иные направления в науке».

И в наше время интеллигенция подвергается осмеянию и уничтожению, и с чьей же стороны? Со стороны другой части интеллигенции, а если так, это значит, что та, «другая», часть необоснованно присвоила себе само определение «интеллигенции» [5, с. 67]. В своем письме к Н. Мордюковой академик подчеркивал, что «...ненавидят интеллигенцию полуинтеллигенты, которые очень хотят быть полными интеллигентами. Полуинтеллигенты – это самая страшная категория людей. Они воображают, что все знают, могут распоряжаться, вершить судьбами и пр.» [6].

Отнесемся к «научным теориям» отвержения интеллигенции с определенной долей признательности, т. к. известно, что «...отрицание, где минус на минус, отрицание на отрицание легко дает неожиданный плюс, нечаянное утверждение какого-то обратного, бессознательного результата» [7, с. 82], итогом которого будет признание социального феномена «интеллигенция», и социология вернется к пониманию миссии интеллигенции в обществе, ее сущности. Это значимо, т. к. и сегодня в науке имеет место быть определение, данное В. Ульяновым-Лениным, включавшим в интеллигенцию всех образованных людей, «представителей умственного труда» [8]. Эта точка зрения фактически стала преобладающей, воплотившись в интерпретацию интеллигента как специалиста. Следствием чего стала реальность, которую М. Вебер охарактеризовал так: «...наступит время, когда «бездушные профессионалы», «ничтожества», вообразят, что «достигли ни для кого ранее не доступной ступени человеческого развития» [9]. Более иллюстративно встречаем у Д. С. Мережковского: «Тянулась, тянулась канитель марксистская, а потом потянулась босяцкая» [7, с. 94]. И еще: «Теперь уже не изверги, а люди как люди. Вместо скипера – аршин, вместо Библии – счетная книга, вместо алтаря – прилавок. Какая самодовольная пошлость и плоскость в выражении лиц! Смотришь и «дивишься удивлением великим», как сказано в Апокалипсисе: откуда взялись эти коронованные лакеи Смердяковы, эти торжествующие хамы?» [10]. Думается, что более убедительных слов, чем эти трудно подыскать, дабы в соответствии с логикой изложения перейти к вопросу формирования интеллигенции в вузах.

Один из главных столпов интеллигенции – характер образованности. Нет, не той, которую мягко, камерно, никого не осуждая, описал И. С. Тургенев в повести «Ася»: «... не учился, как следует, да и славянская распушенность берет свое. Пока мечтаешь о работе, так и парень орлом: землю, кажется, сдвинул бы с места – а в исполнении тотчас слабеешь и устаешь» [10, с. 23]. А той, о которой писал А. С. Панарин: «Добавьте к качествам специалиста нравственную впечатлительность, ранимость, отзывчивость на общие социальные проблемы – и вы получите интеллигента в истинном значении этого слова» [11]. Ведь не случайно воспитанник Благородного пансиона Московского университета поэт Василий Жуковский, составляя в 1826 году «План учения Его Императорского Высочайшего Государя Великого Князя наследника цесаревича Александра Николаевича», в первых же строках записал, что «цель воспитания вообще и учения в особенности есть образование для добродетели» [12]. Вернемся в наши пенаты. Если во главу угла мы определили проблему образования и интеллигенции, то следует отметить тот факт, что в западноевропейской культуре бытует представление о знании как самоценности, которая не требует тех или иных этических обоснований (Б. Паскалю принадлежат слова: «Будем же стараться хорошо мыслить, – вот начало нравственности»). В отечественной же культуре нравственное совершенствование определялось как неперемное условие для постижения истины. Таким образом, истинной целью образования в вузе должно стать формирование интеллигента «как представителя профессии, связанной с умственным трудом и *обладающего умственной порядочностью*» [5]. Молодежь, поступающая в вузы, имеет доминанту – образование; что же касается воспитания, то по отношению к студентам, которые в сущности уже взрослые люди со

сложившейся иерархией ценностей, проблема формирования такого духовного качества, как интеллигентность, становится одной из самых трудных. И вот почему. Древние китайские философы утверждают, что периодически наступают времена в человеческой истории, когда заново нужно восстанавливать значение слов. В этой связи встает проблема смыслового чтения, или понимания речи другого. Общечеловеческие концепты, каковыми являются добро, зло, добродетель и прочее, хороши тем, что они даны раз и навсегда, но они обновляются. Без этого обновления нравственные традиции остаются без продолжения и перестают быть востребованными.

Мы часто на лекциях, семинарах употребляем слова «общечеловеческие, национальные ценности», «порядочность» и прочее, считая, что студенты трактуют их так же, как и мы, а они думают, что общечеловеческие ценности – это золото и бриллианты. Опыт многих преподавателей вузов позволит подтвердить, что достаточно значительная группа современных студентов затрудняются привести примеры культурных норм, убеждений, идеалов и т. д. Таким образом, обновленное понимание и осознание общечеловеческих нравственных концептов становится весьма значимым.

Безусловно, будущих инженеров нужно учить решать задачи и строить мосты, будущих банковских служащих следует учить правилам увеличения денежной массы, но, убирая элементы гуманитаризации знаний (ведь нередко в вузах слышатся голоса, ратующие за уменьшение количества часов на предметы гуманитарного цикла), мы на выходе из вуза получим интеллектуала, который построит мост, но при этом уничтожит реликтовый лес, а банковский служащий будет увеличивать капитал по примеру МММ, или используя другие технологии обмана несведущих вкладчиков.

Таким образом, смеем предположить, что мы пришли к пониманию необходимости формирования в вузах не просто «кадров», а обучения и воспитания интеллигентного специалиста.

Пути решения означенной проблемы:

1. Распределить всю сумму гуманитарного знания между 1 и 5 курсами, определив его специфическую конфигурацию для разных специальностей (ну не может, скажем, социология читаться и на юридическом и, допустим, на филологическом факультетах).

2. Вероятно, разумным будет введение курса по выбору для студентов всех специальностей «Интеллигентность как социальный феномен». И выстроить его надо с таким сердцем, с такой душой, чтобы студентам стало понятным, что «интеллигентность равна нравственному здоровью, а здоровье нужно, чтобы жить хорошо и долго» [13].

3. Возможно, стоит подумать о создании при отделах вузов, ведающих повышением квалификации преподавателей, лаборатории, которая осуществляла бы подготовку с целью ориентации преподавателей на выработку оптимальных форм и методов формирования интеллигентности.

4. В научных центрах вузов возможна организация исследования: «Теория и практика формирования интеллигентности в парадигме интеграции естественно-математических и гуманитарных наук» с целью разработки показателей и критериев экспертизы диагностики эффективности нового направления в образовании и воспитании студентов».

Смеем предположить, что благодаря предложенной нами системе мер слова А. С. Пушкина [14, с. 61]:

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!

произнесенные в аудитории, найдут отклик в сердцах студентов, и в будущем у руля государства, банков, заводов не будет «черни и необразованного хама» [7].

Список литературы

1. *Сорокин П. А.* К вопросу о подготовке эмигрантской русской молодежи // Социология. — 2005. — № 1. — С. 128–130.
2. *Сорокин П. А.* Письма к сельской интеллигенции // Социология. — 2005. — № 2. — С. 126–127.
3. См. в сб.: *Вехи. Интеллигенция в России. 1909–1910.* — М., 1991.
4. *Орлов Б. С.* Интеллигенция как мифологический феномен. Историко-социологический анализ // Социол. исслед. — 2001. — № 1; *Левада Ю.* Интеллигенция // 50/50: Опыт словаря нового мышления. — М., 1989. — С. 128–130; *Рывкина Р. В.* Драма перемен. — 2-е изд. — М., 2001; *Рывкина Р. В.* Интеллигенция в постсоветской России — исчерпание социальной роли // Социол. исслед. — 2006. — № 6. — С. 138–146.
5. *Лихачев Д. С.* О русской интеллигенции // Новый мир. — 1993. — № 2. — С. 64.
6. *Лихачев Д. С.* Письмо к Н. В. Мордюковой. <http://likhachev.lfond.spb.ru/articlies.htm>
7. *Мережковский Д. С.* Грядущий хам / В сб.: Интеллигенция — Власть — Народ. — М., 1992. — С. 81–105.
8. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., Т. 7. — С. 298.
9. *Вебер М.* Указ. соч. — М. — С. 207.
10. *Тургенев И. С.* Ася. — М.: Детская литература, 1980. — 47 с.
11. *Панарин А. С.* Российская интеллигенция в мировых войнах и революциях XX века. — М., 1998.
12. *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. IX. — СПб., 1902.
13. *Лихачев Д. С.* Письма о добром и прекрасном. <http://ethics.narod.ru/edu/likhachev9.htm>.
14. *Пушкин А. С.* К Чаадаеву. — В сб. Три века русской поэзии / Сост. Н. В. Банников. — 3-е изд. — М.: Просвещение, 1986. — С. 61.

В. Д. Лихвар

ДО ПИТАННЯ КУЛЬТУРОДОЦІЛЬНОСТІ ОСВІТИ ТА ЇЇ ТРАНСФОРМАЦІЇ

Ідея культуродоцільної освіти є домінуючою в сучасній вітчизняній філософсько-педагогічній думці. Переосмислюючи основні завдання філософії освіти, глибинні засади сформованої педагогічної практики і, ширше, сучасної культури, аналізуючи причини кризи освіти і шляхи виходу з неї, багато науковців сходяться на тому, що найбільші креативні можливості має культурологічна інтерпретація проблем освіти. В основі інтерпретації лежить обмеження сциентистських і технократичних претензій на засадах свідомості, соціального життя, освіти й висування на роль життєво- і сенсоутворюючого чинника освіти-культури.

Основна мета культурологічного напряму філософії освіти — показати місце й закономірне функціонування системи освіти як найважливішого механізму відтворення й розвитку культури суспільства. Суть нової філософії освіти полягає в тому, щоб по-новому визначити образ світу і місце людини в ньому. Сам принцип, сама ідея філософії освіти розглядається як ідея динамічної, змінюваної культури і людини в культурі. Предмет філософії освіти — вивчення специфіки життєвого шляху людини як сукупності розв'язуваних нею проблемних ситуацій, що послідовно потрапляють у сферу освітніх інститутів. Культура при цьому розглядається в якості середовища, що розширює можливості розв'язання цих проблемних ситуацій.

Отже, під освітою розуміється не тільки механізм спадкоємності і передача новим поколінням минулої та існуючих культур, але й механізм підготовки до майбутніх станів культури. Тому мета освіти — не просвітництво, а «*виробництво*» людини, підготовка особистості до розв'язання виникаючих перед нею проблемних ситуацій. Як пише В. М. Розін, «...освічена людина — це не тільки спеціаліст і не тільки особистість, як-от людина культурна і підготов-

лена до життя. Підготовлена не просто до нормального життя і налагодженого виробництва, але до випробувань, до змін способу життя, до будь-яких перетворень. Це дуже важливо усвідомити, оскільки неможливо припустити, що в епоху загальної кризи культури, глобальних перетворень і зсувів ми або наші діти зможемо уникнути старих проблем, хворобливих метаморфоз. Подібно тому, як стала природньою освітня вимога, пов'язана з умінням навчатися і перенавчатися, повинна стати природньою вимога для освіченої людини бути готовою до випробувань, до багаторазової зміни своїх уявлень, світогляду, світовідчуття» [1, с. 40].

Найважливіше значення для становлення нової освітньої парадигми мають вирішення, усвідомлення і подолання в теорії і на практиці основних протиріч домінуючої системи традиційного навчання. Культурологічний підхід до аналізу сучасної освіти дозволяє виділити такі її *протиріччя*.

1. Протиріччя між спрямованістю змісту навчальної діяльності (отже й самої людини, що навчається) у минуле, опредметненої в знакових системах «основ наук», і орієнтацією суб'єкта навчання на майбутній зміст професійно-практичної діяльності та всієї культури. Майбутнє виступає для учня в абстрактній формі, що не мотивує його перспективою застосування знань, тому навчання не має для нього особистісного змісту. Повернутість у минуле, принципово відоме, «вирізаність», «вилученість» із просторово-тимчасового контексту (минуле – дійсне – майбутнє) позбавляє учня можливості сутички з невідомим, із проблемною ситуацією – ситуацією породження мислення.

2. Двоїстість навчальної інформації виступає як частина культури й у той же час лише як засіб її освоєння, розвитку особистості. Розв'язання цього протиріччя лежить на шляху подолання «абстрактного методу школи» і моделювання в навчально-виховному процесі таких реальних умов життя і діяльності, що дозволили б учню «повернутися» у культуру збагаченим інтелектуально, духовно і практично і тим самим стати причиною розвитку самої культури.

3. Протиріччя між цілісністю культури і її оволодіння суб'єктом засобами великої кількості навчальних дисциплін як представниць наук. Ця традиція закріплена розподілом шкільних педагогів на вчителів-предметників та кафедральної структури вузу. У результаті замість цілісної картини світу учень отримує уламки розбитого «дзеркала», які він сам зібрати не в змозі.

4. Протиріччя між засобом існування культури як процесу і її представленістю в навчанні у вигляді статичних знакових систем. Навчання постає як технологія передачі готового, відчуженого від динаміки розвитку культури навчального матеріалу, вирваного з контексту як майбутнього самостійного життя і діяльності, так і з поточних потреб самої особистості. У результаті не тільки індивід, а й культура виявляються поза процесами розвитку.

5. Протиріччя між суспільною формою існування культури й індивідуальною формою її присвоєння учнями. У традиційній педагогіці ця проблема не вирішується, оскільки учень не об'єднує свої зусилля з іншими для виробництва спільного продукту. Будучи поруч з іншими в групі учнів, кожний «вмирає поодиноці». Більш того, за надання допомоги іншим учень карається «осудженням» його індивідуальної поведінки. Подолання зазначеного протиріччя є подоланням розриву між навчанням і вихованням і вирішення проблеми співвідношення навчання й виховання.

У зв'язку з вищесказаним підкреслимо також значущість у вітчизняній освіті і вихованні духу і цінностей українських традицій, виховання людини, яка усвідомлює сутність особистості не в звеличуванні її як окремоті, не в проголошенні атомарності її існування як абсолютної незалежності і свободи від іншого у своєму індивідуальному бутті (на відміну від західних цінностей), а в соборності, у співучасті з іншими й у причетності до іншого.

Принципово важливою для сучасного етапу розвитку освіти України є ідея про створення єдиного культурно-освітнього простору регіону. Реалізація цієї ідеї пов'язана із захистом

і розвитком культурної самобутності регіонів, із формуванням потреб і можливостей різноманітних суб'єктів освіти до співробітництва на благо суспільства. Єдиним культурним, освітньодіючим цей простір стане лише за умови, коли будуть об'єднані і враховані потреби всіх суб'єктів, зацікавлених в удосконаленні і розвитку освіти, – регіональних управлінських структур, науко- і культуромістких виробництв, центрів культури, освіти, інформації, центрів бізнесу й торгівлі, соціальних і етнічних груп, окремих громадян. Залучення такої мережі суб'єктів до проектування і нарощування культурно-освітнього потенціалу свого регіону приведе до зростання освітньої активності населення, створення нових суспільних форм духовного життя.

Список літератури

1. *Розин В. М.* Философия образования: предмет, концепция, основные темы и направления изучения // Философия образования для 21 века. – М., 1992.

І. І. Мачуліна

РЕКОНСТРУКЦІОНІСТСЬКИЙ КОМПОНЕНТ ПРОФЕСІЙНОЇ КУЛЬТУРИ ФАХІВЦЯ ЯК ПОКАЗНИК ЯКОСТІ ВИЩОЇ ОСВІТИ

Вища освіта виступає найважливішою передумовою створення наукового, економічного, соціокультурного та духовного потенціалу суспільства, адже саме з вищою освітою сучасна цивілізація багато в чому пов'язує не тільки професійне становлення особистості, її продуктивну діяльність, а й формування її як громадянина, інтелігентної людини, носія високих моральних якостей.

В умовах нестійкого, невизначеного, переповненого непрогнозованими ризиками світу сучасний фахівець із вищою освітою повинен на основі фундаментальних знань уміти ефективно діяти в нестандартних ситуаціях, коли потрібно діяти максимально відповідально, перебудовуючи певні соціальні об'єкти на нових засадах, реконструювати реальність, не зашкоджаючи і не створюючи нових ризиків. Потреби сучасного світу спонукають до переосмислення тих завдань, які ставить сьогодні перед собою вища освіта у формуванні професійної культури фахівця, здатного ефективно діяти в умовах конкуренції в ринковій економіці, виявляти проблеми та тенденції розвитку в усіх сферах суспільства та використовувати свої знання задля реконструкції соціальних об'єктів на нових засадах. Отже, враховуючи виклики сучасності, актуальним у формуванні професійної культури фахівця у вищому навчальному закладі є опора на соціально-реконструкціоністський підхід, який орієнтує на підготовку фахівця до професійної діяльності в суспільстві, що постійно трансформується. Сутність професійної культури фахівця в контексті соціально-реконструкціоністського підходу дає можливість визначити основні її компоненти.

Перший компонент базується на вимогах гуманізації та гуманітаризації освіти. Ідея і практика гуманізації суспільства та освіти передбачає визнання особистості – унікальної, неповторної індивідуальності кожної людини, її життя і здоров'я – як пріоритетної домінанти соціальної вартості, як найціннішого скарбу суспільства, збереження і розвиток якого потребує певних умов. Гуманізація професійної освіти передбачає також створення умов для розвитку системи професійно значущих рис особистості, що визначаються вимогами майбутньої професійної діяльності й характером взаємодії з іншими людьми в межах професії. Зважаючи на посилення колективного характеру діяльності майбутнього фахівця, елементом гуманістичного компонента моделі має стати й система психологічних знань, навичок та вмій щодо ефективного розв'язання проблем співіснування, співпраці, спілкування.

Другим компонентом є система професійних знань, навичок, умінь, які відповідають вимогам професійної діяльності, функціям і обов'язкам майбутнього фахівця, що закріплено в його кваліфікаційній характеристиці.

Третій компонент – це здатність самостійно вчитися, набувати професійних знань, навичок, умінь, оволодівати новими технологіями, вдосконалювати кваліфікацію. Якщо немає потреби і вміння професійно самовдосконалюватись, настає швидка дискваліфікація і втрата конкурентоспроможності на ринку праці. У цих умовах «навчити студента вчитися» означає не тільки розвинути в ньому готовність і потреби до самовдосконалення, а й озброїти спеціальною системою самоорганізації його пізнавальної діяльності, що включає сучасні прийоми, методи, засоби опрацювання великих обсягів інформації і тривалого зберігання її, а також прийоми самовдосконалення професійного мислення, вмінь і навичок.

Четвертий компонент – реконструкціоністський. Він передбачає формування системи розвинених гнучких професійних знань і мислення, що забезпечує успішне розв'язання нестандартних, ускладнених нових професійних завдань. Якість підготовки фахівця значною мірою визначається тим, наскільки його професійні вміння й здібності готові до вирішення нестандартних перспективних завдань професійної діяльності, власне, готові до професійної адаптації у принципово нових умовах.

Аналізуючи структурні компоненти професійної культури та зважаючи на потреби суспільства, підготовка фахівців у вищих навчальних закладах повинна супроводжуватися розвитком високого рівня не тільки професійної, а й загальної культури, адже за основу треба взяти тезу про те, що професійний розвиток фахівця невід'ємний від загальнокультурного. Сучасному постіндустріальному суспільству потрібні не просто фахівці високої кваліфікації, але в першу чергу люди етичні, культурні, творчі, всебічно освічені. Культура, являючи собою соціальний механізм взаємодії особистості з мінливим оточуючим середовищем, забезпечує передачу знань і досвіду, а також розвиток методології та алгоритмів перетворювальної діяльності. Культура виступає як реалізація духовного оснащення особистості спеціаліста, що дозволяє підвищувати її культурний рівень, формувати необхідні якості сучасного фахівця.

Отже, **професійна культура** – це характеристика соціально-професійних якостей фахівця, здатність і потреба самостійно їх удосконалювати й реконструювати задля вирішення нестандартних, ускладнених професійних завдань та особистого культурного зростання. У широкому розумінні стратегія розвитку вищої освіти повинна формуватися не тільки виходячи з уявлення про неї як про виробника освітніх та інших послуг – вищу школу необхідно розглядати як творче середовище, соціокультурна функція якого полягає у відновленні знань і цінностей, створенні концепцій, методології, теорій, технології, інформації. У науково-освітньому процесі реалізуються не стільки відносини «виробник – споживач послуги», скільки відносини професійної співпраці, результатом якої є новий рівень професійної культури.

Т. Н. Мелентьева

ВЫСШАЯ ШКОЛА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО СПЕЦИАЛИСТА

Современное общество все чаще сталкивается с проблемами, отражающими глобальный кризис современной цивилизации. Он проявляется в росте стихийных бедствий, катастроф, аварий, носящих рукотворный характер. Все они – следствие чисто инженерными, техническими средствами найти решения существующих проблем.

Необходим переход к новому мировоззрению, раскрывающему связь между материальным и духовным. Современный человек должен быть не только хорошим специалистом

в какой-то узкой области профессиональных знаний, но и уметь защитить себя, своих близких, свое окружение от неэффективных инженерно-социальных решений, различных форм морального и информационного насилия. В своей повседневной работе люди должны становиться гуманитариями.

Современный этап развития общества во многом способствует самосовершенствованию человека. Самосовершенствование свойственно самой природе человека. А современные технологии, информационное пространство как бы «подталкивают» человека к восприятию и использованию все новой информации как основы саморазвития. Этот процесс зачастую не несет в себе духовную составляющую. У человека может сформироваться неадекватная самооценка, что отразится на его поведении и отношениях с окружающими.

Полноценное развитие личности происходит только тогда, когда человек приобретает знания и подключается к системе общественных связей. Наиболее эффективно это происходит в системе образования, так как она обеспечивает и необходимые связи, и отношения, и определенную систему обучения. При всех недостатках системы образования, только оно может удовлетворить потребности личности и общества в обучении, воспитании, социализации, профессиональной подготовке.

Образование, обучение являются важнейшим условием развития личности. Так, известный психолог Л. С. Выготский считает, что обучение и воспитание играют ведущую роль в психическом развитии человека: «Обучение может иметь в развитии отдаленные, а не только ближайшие последствия, обучение может идти не только вслед за развитием, не только нога в ногу с ним, но может идти впереди развития, продвигая его дальше и вызывая в нем новообразования [1].

Таким образом, общество должно быть заинтересовано в постоянном развитии и совершенствовании образования как важнейшего условия развития личности. Можно выделить несколько аспектов, связанных с развитием образования. Это, прежде всего, повышение качества образования. Совершенно очевидно, что общество нуждается не столько в дипломированных специалистах, сколько в знающих и умеющих специалистах. Качество образования включает три важных составляющих: качество содержания образования, качество процесса образования, качество результата образования.

Когда мы говорим о качестве содержания образования, необходимо понимать сложность и неоднозначность данного понятия. Общество вкладывает в это понятие свои представления, которые должны обеспечить многообразные потребности общества и его развитие на определенную перспективу. Фирмы и предприятия, которые берут на работу молодых специалистов, хотели бы получить людей, способных решать практические задачи. А сам обучающийся, студент, имеет свои представления о качестве образования.

Таким образом, проблема неоднозначна. Она требует всестороннего и системного изучения с необходимостью выделения приоритетов в определении качества образования.

Неоднозначным является и вопрос о качестве процесса образования. Речь идет, прежде всего, об обеспечении общедоступного образования, в том числе о доступности бесплатного образования. В последние годы в Украине предприняты определенные шаги в этом направлении. Имеется в виду неуклонное увеличение количество мест в вузах, которые финансируются за счет государственного бюджета. Но при этом появились и определенные проблемы. Они связаны с переходом на тестирование как главного условия приема в высшие учебные заведения. Возможно, данный переход и сможет в какой-то степени снять проблемы коррупции в вузах на вступительных экзаменах. Хотя серьезно и системно об этой проблеме предпочитают не говорить. Иначе, например, проблема так называемой «семейственности», уже бы обсуждалась широкой общественностью, и искались пути ее решения. Поэтому вызывает сомнение, что переход на независимое тестирование решит эту проблему. Вместе с тем, переход на систему тестирования как единственный механизм оценивания знаний будущих студентов создает новые проблемы.

Человек способен быстро привыкать к практически механическому способу выбора правильных ответов из предложенных вариантов тестовых заданий. И при таком способе речь о знаниях, системе знаний, качестве знаний уже не идет. В результате вузы лишаются возможности выбора лучших. Уйдет в прошлое система конкурса знаний. А если учесть, что большинство вузов не заинтересованы в последующем отчислении студентов за неуспеваемость. От количества студентов зависят и финансирование фонда заработной платы, и количество ставок сотрудников и преподавателей. Можно предположить, что качество образования украинских студентов начнет снижаться.

Качество процесса образования во многом зависит и от экономической составляющей. Речь здесь идет как о полноценном финансовом и материальном обеспечении всего процесса образования, так и о включении системы образования в механизм рыночных отношений. Здесь также существует много проблем.

Редкий вуз на Украине может похвастаться тем, что в достаточной мере обеспечен оборудованием, материалами, приборами и т. д. для полноценной организации учебного процесса. Нередко от высокопоставленных чиновников приходится слышать о том, что вузы сами должны зарабатывать себе средства на все необходимое. Но тогда возникает вопрос, а кто же будет обучать?

Важно также помнить, что система рыночных отношений уже не гарантирует современному выпускнику постоянное место работы на долгий период времени по полученной специальности. Следовательно, человек должен обладать широким набором знаний, умений, навыков, чтобы быть востребованным. При этом и его социально-психологические качества становятся важным фактором его успехов. Система образования должна учитывать эти требования рынка и ориентировать будущего специалиста не на узкопрофильное знание, а формировать в нем потребность в постоянном обновлении знаний, работе с новыми источниками информации.

Качество знаний зависит и от тех, кто эти знания преподает. Преподаватели за свой труд должны не только получать достойную заработную плату, но и иметь время на саморазвитие.

В отношении заработной платы наметились слабые сдвиги в сторону улучшения, хотя о достойной зарплате речь пока не идет. Вопрос о возможности саморазвития остается открытым.

О каком развитии преподавателя может идти речь, если его учебная нагрузка в вузе одна из самых больших в мире? Значит, вся научная деятельность, саморазвитие может идти либо в ущерб работе, либо в ущерб семье и полноценному отдыху.

Решение этих и многих других проблем — это комплексная задача всего общества, которое должно иметь желание увидеть существующие проблемы, обсудить их со всеми заинтересованными сторонами и найти пути решения этих проблем.

Список литературы

1. *Выготский Л. С.* Проблемы общей психологии // Собр. соч.: В 6 т. — М., 1982. — Т. 2. — С. 231.

Е. В. Милославская

ВОСПИТАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗРЕЛОСТИ И ФОРМИРОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ-ГУМАНИТАРИЕВ

В современном обществе перед высшей школой стоит задача подготовки не просто квалифицированных кадров, а, прежде всего, подготовки человека к жизни и труду в условиях чрезвычайно изменчивых рыночных отношений. Особенно это актуально для студентов

гуманитарных специальностей, будущие профессии которых принадлежат к деятельности в сфере «человек – человек».

Воспитание социальной зрелости личности является одной из важнейших целей образовательного процесса. На сегодняшний день невозможно дать исчерпывающей модели социальной зрелости личности. Однако можно выделить четыре компонента личностной зрелости, которые нельзя рассматривать как «рядовые». Эти четыре компонента социальной зрелости личности являются базовыми, фундаментальными, вокруг которых определенным образом и группируется множество других. Такими компонентами являются, во-первых, ответственность, терпимость, саморазвитие. И, во-вторых, четвертый интегративный компонент, который охватывает все предыдущие и одновременно присутствует в каждом из них, – это позитивное мышление, позитивное отношение к миру, определяющее позитивный взгляд на мир.

Все эти компоненты напрямую связаны с понятием эмоционального интеллекта. Исследование и теоретическое описание модели эмоционального интеллекта продолжается всего полтора десятилетия. К концепции эмоционального интеллекта привлек внимание Гоулман (Goleman, 1995). Он выдвинул предположение, что примерно 80% успеха, который не определяется тестами на IQ, обусловлено другими свойствами, одним из которых является эмоциональный интеллект. Под ним он понимал «такие способности, как самомотивация и устойчивость к разочарованиям, контроль над эмоциональными вспышками и умение отказываться от удовольствий, регулирование настроения и умение не давать переживаниям заглушать способность думать, сопереживать и надеяться».

Исследователь эмоционального интеллекта Бар-Он (Bar-On, 1997) определил эмоциональный интеллект как все некогнитивные способности, знание и компетентность, дающие человеку возможность успешно справляться с различными жизненными ситуациями. Он установил пять обширных сфер компетенции и в каждой отметил более специфические навыки, ведущие к достижению успеха. Они состояли в познании собственной личности (осведомленность о собственных эмоциях, уверенность в себе, самоуважение, самореализация, независимость), навыках межличностного общения (межличностные взаимоотношения, социальная ответственность, сопереживание), способности к адаптации (решение проблем, оценка реальности, приспособляемость), управлении стрессовыми ситуациями (устойчивость к стрессу, импульсивность, контроль), преобладающем настроении (счастье, оптимизм).

Мейер и Селавей (Mayer & Salovey, 1997) предположили, что эмоциональный интеллект обуславливает наличие различных способностей, которые задействованы в адаптивной обработке эмоциональной информации. Эмоциональный интеллект связан с четырьмя основными типами способностей, которые означают:

- 1) точность оценки и выражение эмоций как самого индивида, так и окружающих его людей;
- 2) когнитивную ассимиляцию эмоционального опыта;
- 3) распознавание, понимание и осмысление эмоций;
- 4) адаптивную регуляцию эмоций индивида и окружающих людей.

Часто в исследованиях социальный и эмоциональный интеллект определяются попеременно. Находит подтверждение идея, что социальный и эмоциональный интеллект до известной степени пересекаются с академическим, абстрактным интеллектом. Их взаимозависимость не покажется неожиданной, если мы примем ту точку зрения, что при решении эмоциональных, социальных и академических задач имеют место сходные процессы мышления. Теория интеллекта, обуславливающего успех, выдвинутая Стернбергом (Sternberg, 1997), доказывает, что эти процессы и их взаимосвязь имеют непосредственное отношение к успешной деятельности при решении повседневных задач.

Гоулман указывает на то, что на возникновение и повышение уровня эмоционального интеллекта влияет процесс социализации, то есть семья, школа и в дальнейшем высшая

школа. С возрастом уровень эмоционального интеллекта повышается и приравнивается к жизненной мудрости. Личность, обладающая высоким уровнем эмоционального интеллекта, характеризуется:

1) способностью оценивать собственное настроение и чувства, а также их влияние на других людей;

2) самоконтролем – умением владеть импульсами и настроением и направлять их в правильное русло;

3) самомотивацией – способностью использовать свои эмоции для достижения успеха и терпеливо добиваться своих целей даже в ситуации поражения;

4) социальным восприятием – способностью чувствовать то, что чувствуют другие и умением распознавать таланты других людей;

5) социальной компетенцией – по Гоулману, это «кульминация» эмоционального интеллекта. Социально компетентные люди в состоянии мотивировать и убеждать других, они могут работать в команде, неконфликтны и искусны в коммуникации.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что формирование эмоционального интеллекта является решающим фактором успеха в обыденной жизни и профессиональной карьере. Повышение уровня эмоционального интеллекта возможно с помощью тренингов, упражнений и взаимодействия с окружающими людьми. Важную роль в этом процессе играет наблюдение за своим эмоциональным миром и повышение чувствительности к нему, а также наблюдение и анализ своего поведения и реакцией на него окружающих.

Цель высшей школы – способствовать становлению личности будущего специалиста, обладающего не только набором профессиональных навыков и умений, но и такими качествами, как: самостоятельное творческое мышление, способность к конструктивному межличностному взаимодействию, стрессоустойчивость, постоянное стремление к самосовершенствованию, то есть те качества, которые напрямую связаны с уровнем эмоционального интеллекта.

Список литературы

1. *Стернберг Р. Дж.* Практический интеллект. – СПб.: Питер, 2002.
2. *Дик У.* Эффективная коммуникация. – Харьков: Гуманитар. центр, 2007.
3. *Холодная М. А.* Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2004.

И. А. Муратова

ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИДЕРСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ

Формирование лидерского потенциала личности – одна из актуальнейших задач современной системы высшего образования. Для того чтобы качественно реализовать стратегию развития и формирования лидерского потенциала тех, кто является передовым отрядом в отечественной экономике и политике, необходимо разобраться с самим феноменом лидерства.

Первые попытки понять успех лидеров были сосредоточены на изучении их личностных качеств. Под личностными качествами следует понимать индивидуальные отличительные черты лидера: интеллект, честность, смелость, уверенность в себе, внешность. В исследованиях XX века, рассматривающих выдающихся лидеров, была выдвинута теория великой личности, в основе которой лежит гипотеза, что определенное количество людей имеют врожденные лидерские качества. Данная теория определяет качества лидера, отличающие его от остальных людей. Но, по мнению множества зарубежных и отечественных исследователей, обнаружилось, что связь между личностными качествами и успехом лидера

достаточно слабая. Отсюда можно сделать вывод, что способности к лидерству не обязательно являются врожденными [1].

Во второй половине XX в. благодаря развитию психологии изучение личностных качеств лидеров проводилось с применением анкет и тестов. Психологи оценивали особенности личности (творчество, уверенность в себе), физические параметры (возраст, энергичность), способности (свободное владение речью, объем знаний), социальные качества (популярность, коммуникабельность) и качества, связанные с работой (стремление добиться высоких результатов, упорство в преодолении трудностей). Эффективными лидерами часто признавались те, которым удавалось добиться исключительных результатов работы, занять высокую должность и заработать больше денег.

Известный исследователь Р. М. Стогдилл в 1948–1970-х годах сделал огромный обзор научных исследований в области психологии, а именно в рамках теории личностных качеств.

Эмоциональный интеллект часто определяли как свободный набор личностных качеств (самоосознание, оптимизм и терпимость). Однако трудно оценить их общую значимость с точки зрения обеспечения успеха в бизнесе и жизни. Разрозненные личные качества, как бы хороши они ни были, не складываются в единое определение эмоционального интеллекта. Р. М. Стогдиллу удалось выявить личностные особенности, характерные для успешных лидеров: интеллект, инициативность, навыки взаимодействия, уверенность в себе, стремление взять на себя ответственность, честность, независимость, агрессивность, устойчивость к стрессам. Исследования ученого показали, что значение отдельного качества не зависит от конкретной ситуации. Следовательно, наличие определенных качеств не гарантирует успеха.

В 90-е годы невероятно возрос интерес к изучению личностных качеств лидерства. И в этот же период времени два профессора Джон Майер и Питер Саловей первыми ввели понятие эмоционального интеллекта.

С научной точки зрения, эмоциональный интеллект является способностью точно распознавать свои и чужие чувства, понимать сигналы, посылаемые ими, управлять собственными и чужими эмоциями.

Широкую популярность это понятие получило благодаря журналисту газеты «New York Times» Дэниэлу Гоулману, чья книга «Emotional Intelligence» показала необходимость эмоций в бизнесе. Гоулман также является сопредседателем исследовательского консорциума в области эмоционального интеллекта в организациях при школе прикладной и профессиональной психологии Рутгерского университета Нью Джерси [2].

Частично успех его публикаций объяснялся противопоставлением эмоционального интеллекта тотально распространенному на Западе измерению коэффициента интеллекта (IQ), которое не оправдало возложенных ожиданий. Оказалось, что коэффициент интеллекта не коррелирует с успешностью в бизнесе. В США даже стало популярным высказывание: «Благодаря IQ Вы устраиваетесь на работу, а благодаря EQ — делаете карьеру».

Лидерство же всегда имеет эмоциональную первооснову. Лидер должен направлять организации коллективные эмоции в нужное русло, создавать атмосферу дружелюбия и умело бороться с негативными настроениями. Эта задача одинаково важна для лидера любого уровня. Когда лидеры пробуждают в людях позитивные эмоции, они раскрывают в них самые лучшие стороны. Мы называем этот эффект *резонансом*. И наоборот, когда они вызывают негативную реакцию, то инициируют *диссонанс*, подрывая эмоциональные основы, на которых зиждется благожелательность коллектива. То, как лидер выполняет свою эмоциональную задачу, во многом определяет то, будет ли организация процветать или постепенно ослабевать. Как отмечает Гоулман: «Что надо сделать, чтобы эмоциональное лидерство работало на всеобщее благо? Ключ к этому, разумеется, заключается в развитии эмоционального интеллекта — умения лидеров управлять собой и отношениями с другими людьми. Лидеры, использующие максимально преимущества эмоционального лидерства, направляют эмоции своих подчиненных в нужное русло».

О связи эмоционального интеллекта и лидерства велось множество дискуссий. К сожалению, большинство из них основано на догадках и умозрительных заключениях.

Тестирование, проведенное в Young Presidents Organization (Организация молодых президентов), стало первым серьезным исследованием, которое рассматривает взаимосвязь эмоциональных способностей и лидерства. Группа YPO показала результаты, значительно превосходящие наши нормы, собранные на большом статистическом материале. По сути, они оказались самыми высокими в сравнении с сотнями других групповых результатов. Что же это за особые эмоциональные способности, которые настолько выделяли эту группу успешных предпринимателей из общего ряда?

Первое: высокий уровень гибкости. Эти люди отличались способностью видеть открывающиеся перед ними возможности, чтобы извлечь выгоду из предоставляющихся возможностей.

Второе: независимость – крайне важный компонент эффективного принятия решений.

Связан ли как-нибудь эмоциональный интеллект с уровнем нашего заработка?

Голландские исследователи эмоционального интеллекта сделали первое в мире исследование, рассматривающее взаимосвязь между уровнем дохода и EQ. В итоге обнаружили значительную зависимость: люди с более высоким EQ зарабатывали больше.

Исследования подтверждают, что лидеры с высоким эмоциональным интеллектом легче удерживают свой персонал, нежели руководители, с недостаточным уровнем EQ [3; 4].

Итак, высшие учебные заведения, которые, естественно, сосредотачивают свое внимание на формировании интеллектуального потенциала лидеров будущего, должны поставить перед собой еще одну не менее важную задачу: уделять внимание развитию эмоционального интеллекта, что, в конечном итоге, будет способствовать раскрытию лидерского потенциала молодежи.

Список литературы

1. *Ричард Л. Дафт.* Уроки лидерства. – М.: Классика менеджмента, 2007. – С. 47–55.
2. *Гоулман Д.* Эмоциональное лидерство: искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта / Д. Гоулман, Р. Бояцис, Э. Макки. – М., Альпина Бизнес Букс, 2005.
3. *Дж. Стейн.* Преимущества EQ. Эмоциональный интеллект и Ваши успехи / Дж. Стейн, Говард И. Бук. – Днепр., 2007. – С. 247–251.
4. *Манфред Кетс де Врис* Мистика лидерства. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2007.

О. І. Назарко

ОСОБЛИВОСТІ ВЗАЄМВІДНОСИН УЧИТЕЛЬСТВА І ВЛАДИ В УМОВАХ РЕФОРМУВАННЯ ОСВІТНЬОГО ПРОСТОРУ

Разом чи поруч? Так можна схарактеризувати взаємовідносини влади і інтелігенції в умовах розбудови демократичного громадянського суспільства. Науковці й освітяни як представники інтелігенції (від лат. «intelligent» – читаючий, мислячий) завжди були пріоритетним об'єктом уваги з боку влади. Із деяких причин учительству у цьому надавалася перевага. З'ясуємо, чому?

По-перше. У порівнянні з науковцями чисельність представників освіти завжди була об'єктивно більшою. Тож донесення владних інтересів через освітян підвищує рівень поінформованості населення та забезпечує відповідні умови впливу на свідомість.

По-друге. Виходячи з інтелектуальної густини та наукової щільності ресурси України розташовано вкрай нерівномірно. Науковці представляють, переважно, обласні центри, тоді як учительство представлено у найвіддаленіших регіонах та населених пунктах.

У відносинах «учитель – влада» існує дві сторони. Освітняни виконують соціальне замовлення у формуванні всебічно розвиненої особистості, з розвинутою уявою, широкими знаннями, творчим підходом до справи [3, с. 13], а владі притаманні теж певні функції. На владу, першочергово, покладається відповідальність за розвиток освітньої сфери та добробут учителя. Адже ключова роль у вирішенні пріоритетних завдань сучасної державної політики в галузі освіти – поліпшення якості освітніх послуг – належить саме Вчителю, Вчителю-творцю, який спроможний вибудувати індивідуальну освітню траєкторію, індивідуальну модель роботи з кожною дитиною, розвинути її загальні здібності, здатність пристосовуватися до динамічних умов соціального і професійного життя. Виходячи із зазначеного першочерговим завданням влади мають стати якісна підготовка вчителя (особливо післядипломна) та його соціальне благополуччя.

Багато які напрямки розвитку освіти влада підтримує і забезпечує. Так, згідно із Законом України «Про освіту», «Про загальну середню освіту», педагогічні працівники один раз на 5 років проходять атестацію кваліфікаційного рівня та курси підвищення кваліфікації за бюджетні кошти. Під час атестації, зазвичай, фаховий рівень вчителів майже завжди підвищується, що, безумовно, повинно впливати на підвищення якості навчально-виховного процесу. Тому, в ідеалі, суспільство повинно мати креативного вчителя, здатного до інноваційної діяльності. Але, на жаль, такі висновки не завжди відповідають дійсності. Політика влади на початку розбудови незалежності України, невиконання владою у 1997–2001 роках ст. 57 «Закону про освіту» стосовно соціальних гарантій призвели до відтоку молодих спеціалістів із закладів освіти, спричинили збільшення працівників предпенсійного та пенсійного віку. Тому залишаються актуальними проблеми старіння педагогічних кадрів [2]. Аналіз статистичних даних по Україні свідчить, що у 2007 році в загальноосвітніх навчальних закладах працювало 74 тис. педагогічних працівників пенсійного віку, що становить 14,7% від загальної кількості працюючих педагогів. У 2002 році такий показник становив 11,7%. Як відображення загальноукраїнської тенденції у районах та малих містах спостерігається така сама закономірність.

Помітними також є негативні соціальні наслідки минулих років, що призвели до зменшення в навчальних закладах питомої ваги педагогів-чоловіків. Так, якщо у 2001/02 навчальному році в школах України їх працювало 17,8%, то у 2006/07 навчальному році – тільки 16,1%. Взагалі, гендерна політика в освітній галузі та її вплив на якість навчання потребує особливої уваги та вивчення.

Окрім того, таку саму ситуацію ми маємо і з педагогічними працівниками, стаж роботи яких – понад 20 років, що дає їм право вийти на пенсію за вислугою років. Але низькі соціальні виплати призводять до того, що цей показник теж має тенденцію до зростання. Якщо у 2001/02 навчальному році він становив 38,4%, то у 2006/07 навчальному році – 46,8%. Отже, основний контингент працюючих вчителів має вік від 41 до 50 років.

Зважаючи на зазначене, актуальною проблемою для влади залишається процес залучення молодих фахівців до роботи в навчальних закладах шляхом звільнення робочих місць та соціальних гарантій для молоді. На нашу думку, першочерговими завданнями для влади є: надання вчителю статусу державного службовця, оскільки він представляє інтереси влади і виконує її соціальне замовлення; підвищення пенсійного забезпечення, що дозволить більшості пенсіонерів за віком та за вислугою років не працювати (для держави це звільнення до 40% робочих місць галузі); підвищення соціального статусу вчителя, який має стати суспільно привабливим для молодого спеціаліста.

Сьогодні учительство, як представник інтелігенції, у малих містах України має дуже низьке представництво у владних структурах, громадських організаціях. Наприклад, у м. Куп'янську тільки два педагоги є депутатами міської ради. У місті не зареєстровано жодної активно діючої учительської організації. Поряд з тим відзначимо, що за останні три роки серед освітян зріс рейтинг міської профспілки працівників освіти і науки, яка стала дієздатною та соціально значущою зі зміною профспілкових лідерів.

Освітняни завжди розуміли, що співпрацювати з владою краще, ніж з нею боротися. Одним з об'єктів співпраці може стати стратегія міського розвитку, яка має на меті взаємодію за трьома напрямками: профспілки, соціальні установи, заклади освіти. Але, на жаль, можемо констатувати той факт, що інколи і вчитель проявляє байдужість, незацікавленість у співпраці з владою. Мабуть, тут існують три «П», які стають на заваді педагогічній громаді: песимізм, пасивність, профанація.

Вчителі, як представники інтелігенції, завжди були прошарком суспільства, який потайки ляв владу і, водночас, віддано служив цій владі. Але завдяки вірі в існування найвищої мети інтелігенція накопичувала високі моральні якості, концентрувала суспільні цінності, набувала внутрішнього змісту [4, с. 20]. У таких умовах важливим є почуття громадянського обов'язку, соціальної небайдужості, здатності до співчуття, духовності. Потрібно, щоб громадськість не мовчала і мала бути організованою. Ми повинні ще трішечки підрости до громадянського суспільства, де активність громадян є природною, а не штучною [5, с. 14]. Мабуть, у цьому і полягає призначення учительства в суспільстві – бути небайдужим і не промовчати.

Список літератури

1. Астахова Е. В. Кадровый корпус высшей школы Украины: метаморфозы развития: Монография / Е. В. Астахова; Нар. укр. акад. [Каф. истории Украины]. – Х.: Изд-во НУА, 2006. – 188 с.
2. Николаенко С. М. Якісна освіта – запорука самореалізації особистості: Тези доп. м-ра освіти і науки України Станіслава Ніколаєнка на підсумковій колегії МОН України 17 серп. 2007 р. / С. М. Ніколаєнко // Освіта України. – 2007. – 10 серп. (№ 59). С. 1–35.
3. *Образование, общество, культура*: Монография / Нар. укр. акад; Под общ. ред. В. Ф. Сухиной. – Х.: Изд-во НУА, 2006. – 252 с.
4. Аваков А. Главное: Сб. ст. (апр. 2005 – окт. 2006) / А. Аваков. – Харьков, 2006. – 48 с.
5. Вакарчук И. Я не буду Робеспьером. Мое «оружие» – убеждение и контроль / И. Вакарчук // Зеркало недели. – 2008. – 2 февр. – С. 14.

О. В. Новикова

РОЛЬ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЗИТИВНОЙ МОТИВАЦИИ К ТРУДУ У БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Реформирование системы образования – один из решающих факторов повышения интеллектуального потенциала страны. В условиях социально-экономических преобразований перед высшими учебными заведениями ставится принципиально новая задача подготовки специалистов различного профиля, способных конкурировать на рынке труда. Это обусловлено, во первых, задачами подготовки личности, умеющей актуализировать свой потенциал, проявлять компетентность, связывать свои действия с ожидаемыми результатами, видеть проблемы, моделировать профессиональное мастерство. Во-вторых, переносом акцента в вузовском образовании с информативности на создание ситуации востребованности, самосозидания, творческого саморазвития; в-третьих, необходимостью развития таких профессионально важных качеств, которые бы отвечали требованиям быстро меняющегося социума [1].

Большое значение в формировании профессионализма имеет мотивация к труду и обучению. Мотивы лежат в основе ориентации специалиста в профессиональной деятельности, влияют на выбор места работы. Важно отметить, что перемены, характерные для современного общества, обуславливают радикальные изменения в мотивационной сфере, влияющей на выбор профессионального пути, сферы деятельности.

На формирование профессиональных ценностей, отношения к труду оказывают влияние и процессы, происходящие в системе высшей школы.

Для изучения тех изменений, которые происходят в иерархии мотивов современной молодежи, было проведено исследование, целью которого являлось выявление особенностей мотивационной сферы студентов выпускных курсов. В исследовании приняло участие 60 человек в возрасте 21–25 лет.

В качестве диагностических методик были использованы следующие: «Диагностика мотивационной направленности личности»; «Что Вами движет» и тест на выявление преобладающих мотивов, основанный на иерархии мотивов А. Маслоу. Анализ результатов, полученных по методике «Диагностика мотивационной направленности личности», показал преобладание у студентов «общежитейской» направленности (которая включает в себя жизнеобеспечение, комфорт, социальный статус и общение) над «рабочей» (которая включает в себя общую активность, творческую активность и социальную полезность). Среди факторов «общежитейской» направленности больше всего проявляется потребность в общении, что объясняется особенностями данного возраста, стремлением устанавливать новые контакты. Среди факторов «рабочей» направленности наиболее высокие показатели по шкале «творческая активность».

Результаты методики «Что Вами движет» показали, что приоритетным для испытуемых является мотив достижения успеха, меньше всего у опрошенных выражен мотив стремления к власти.

Из числа всех мотивов, предлагаемых в методике, основанной на «пирамиде» А. Маслоу, на первое место по степени значимости вынесен мотив удовлетворение базовых потребностей. На второе – потребность в уважении, на третью позицию – потребность в принадлежности к социальной группе. Потребность в безопасности занимает четвертое место и последнее – потребность в самоактуализации.

Результаты исследования позволяют предположить, что особенности мотивации студентов, которые могут повлиять на выбор сфер профессиональной деятельности и конкретных рабочих мест, свидетельствуют о преимущественном интересе к удовлетворению базовых потребностей, к финансовому вознаграждению. Проявились в исследовании и особенности, свойственные юношескому возрасту: потребность в общении и мотивация к достижению успеха, что, в свою очередь, также влияет на выбор места работы и сферы деятельности. Несомненно, что ориентация студентов на достижение успехов может стать внутренним психологическим стимулом для их профессионального роста, для становления их как профессионалов.

В процессе обучения происходит переориентация ценностей, что сказывается на жизненных и трудовых стратегиях молодежи. Также образование как социальный институт, с одной стороны, прививает любовь к знаниям, ориентирует молодых людей на освоение профессиональных навыков, с другой – способствует формированию амбициозных устремлений, связанных с желанием достижения жизненного успеха, соответствующего социального положения [2].

Таким образом, вузам для формирования позитивной мотивации к труду у будущих специалистов необходимо обратить особое внимание на поддержание их интереса к будущей специальности. Не менее важно учитывать в учебно-воспитательном процессе и стремления современных студентов к достижению вершины в своей профессии, к постановке достаточно амбициозных карьерных целей. Но для их достижения нужны не только хорошие знания, но и соответствующие личностные качества, такие как самостоятельность, умение брать ответственность на себя, организационные способности. И одной из важнейших задач современного образования – создание такой образовательной среды, в которой бы эти качества формировались.

Список литературы

1. *Ольховская Т. Я* – будущий профессионал // Высш. образование в России. – 2003. – № 6. – С. 98–99.
2. *Сорокина Н. Д.* Перемены в образовании и динамика жизненных стратегий студентов // Социол. исслед. – 2003. – № 10. – С. 55–61.

В. С. Пономаренко

ФОРМУВАННЯ КОМПЕТЕНТНОГО ФАХІВЦЯ В УМОВАХ ТРАНСФОРМАЦІЇ СУСПІЛЬСТВА

Наразі світова цивілізація здійснює перехід до постіндустріального суспільства. Зрозуміло, що різні країни знаходяться на різних стадіях цього переходу. Якщо розвинені країни належать до суспільства, де на перше місце виходять інтелектуальні ресурси, то Україна ледь підійшла до інформаційно-комунікаційного суспільства. Ми ще маємо досягти того, що інформація стане товаром повною мірою і тільки після цього підійдемо до початку формування суспільства, яке ґрунтується на симбіозі інформаційно-комунікаційних технологій та людського інтелекту, суспільства, де креативні фахівці створюють нові знання, де працює колективний розум і в результаті продукуються знання, які не є сумою індивідуальних інтелектуальних результатів, а включають синергетичну компоненту і мають суспільний характер.

Перехід до економіки знань потребує компетентних фахівців нового зразка. З точки зору психологів, людина компетентна, якщо ефективна її поведінка.

Саме набуття людиною життєвої компетентності дає їй можливість орієнтуватися в сучасному суспільстві, знайти своє місце й необхідне для неї професійне спрямування.

Пропонується домовитися, що категорія «компетентність» щодо особистості є її інтегральною характеристикою, яка складається з безлічі елементарних компетенцій. Враховуючи визначення життєвої компетентності [1], вона складається з множини елементарних компетенцій, які можна об'єднати в групи: соціальні, мотиваційні, функціональні.

Відповідно до публікації [2], вони об'єднують ключові (базові) компетенції. Пропонується наступний взаємозв'язок елементарних компетенцій та орієнтовний склад компетентності (рис. 1).

Беручи до уваги специфічний характер професійних (фахових) компетенцій, які безпосередньо залежать від узагальненого об'єкта професійної діяльності, пропонується їх відділити від ключових компетенцій. Це обґрунтовано, оскільки підвалини ключових компетенцій закладаються на етапі позашкільної та загальноосвітньої підготовки, а професійних – на етапі професійно-технічної, вищої та післядипломної освіти, хоча на цьому етапі ще продовжують формуватися і вдосконалюватися ключові компетенції. Ілюстрацію зв'язку змісту освіти та компетентності різного рівня наведено на рис. 2.

Наразі у навчальних закладах не тільки не оцінюється рівень оволодіння учнями та студентами життєвими компетенціями, а й оцінка рівня спеціально предметних компетенцій не зовсім адекватна реальним досягненням. Осторонь процесів оцінювання якості освіти знаходяться загальнокультурні компетенції, якими не займаються ні в школі, ні у ВНЗ.

Причин такого стану речей в освітянській сфері багато – як економічних, так і моральних, як об'єктивних, так і суб'єктивних. Вони в основному відомі і широкому загалу, і керівництву держави. На думку автора, однією з головних причин занепаду освітянської сфери є зведення професії вчителя до рівня допоміжного персоналу. Тоді як Учитель з великої літери має бути центральною фігурою в науковому і навчальному процесі, він має відчувати і свою необхідність для суспільства. Література, кінематограф, художні програми телебачення, ЗМІ мають створити відповідний образ і оспівувати місію, роботу й життя Вчителя. Усе це

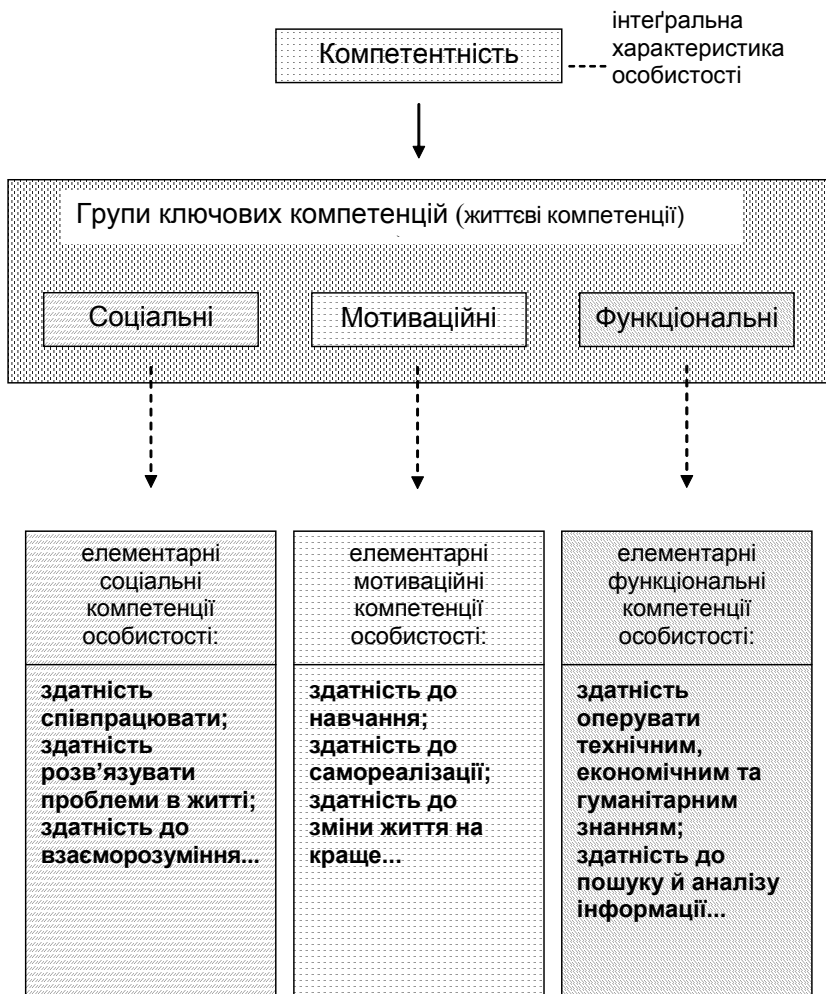

Рис. 1. Склад життєвої компетентності

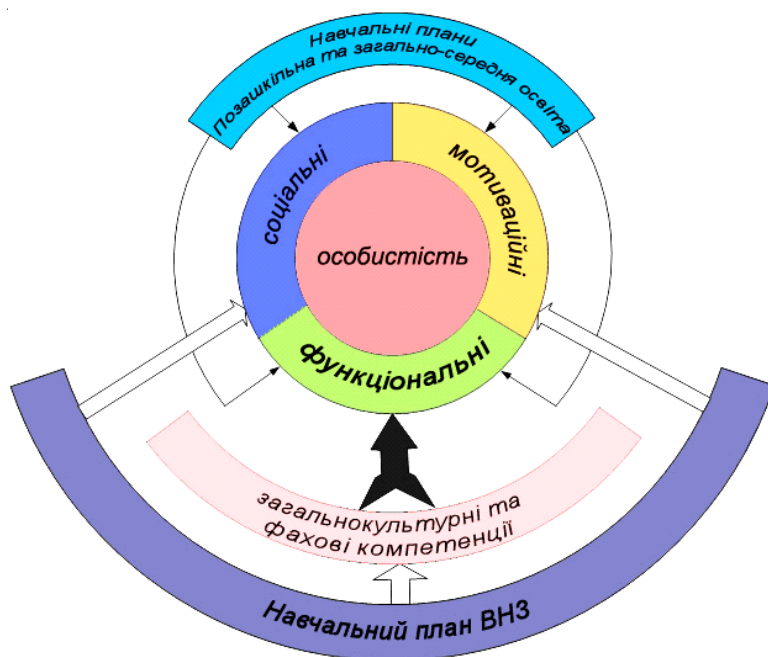

Рис. 2. Взаємозв'язок груп компетенцій та змісту освіти

спрацює, якщо будуть створені такі матеріальні й моральні умови, які б дійсно стали привабливими. Тоді найбільш талановиті молоді люди, які мають хист до наукової та педагогічної роботи, підуть і в науку, і в освіту, а не в шоу чи кримінальний бізнес. Сьогодні, на жаль, саме такі «герої нашого часу» не сходять з екранів телевізорів і заповнили літературне середовище.

Роль держави у виправленні такого становища є визначальною, оскільки тільки на цьому рівні можна створити політичні, організаційні, правові та економічні умови виходу освіти і науки із системної кризи.

Орієнтація наукового та навчально-виховного процесу у ВНЗ на формування у студента професійних компетенцій, розвиток і вдосконалення життєвих компетенцій та формування їх загальнокультурної складової дозволить нашим випускникам органічно вписуватися у світовий освітянський простір, який ґрунтується саме на компетентісному підході. Крім того, це дозволить значно підвищити якість вищої освіти, сформувати інтелектуальну еліту суспільства, оскільки весь навчальний процес буде спрямований на формування у студента конкретних компетенцій, які задекларовані у стандарті для даного напрямку (спеціальності), а не на зазубрювання конспектів лекцій та навчальних посібників. Діагностичні засоби (поточно-модульний контроль, іспити, курсові та дипломні проекти) при цьому будуть перевіряти якість сформованих компетенцій, а не пам'ять студента і не його здібності у використанні «шпаргалок».

Коригування, на думку автора, потребує також політика держави у сфері оплати праці та соціальних трансфертів, оскільки частка заробітної плати в сукупному доході сім'ї знизилася із 70,9% у 1990 році до 42,7% у 2005 році [3; 4]. Це зниження відбувалося на фоні зростання соціальних трансфертів з 15,4% у 1990 році до 39,8% у 2005 році [3; 4]. Якщо розглядати зміни обсягів соціальної підтримки населення окремо від заробітної плати, то, на перший погляд, нічого поганого в такому зростанні немає, більше того, це позитивне явище, але порівняння зі значним зниженням частки заробітної плати у сукупному доході сім'ї свідчить про цілеспрямоване *формування в людей психології утриманців держави, що є вкрай негативним явищем, оскільки спрямовує зусилля працездатної частки населення не на професійне зростання й відповідне збільшення заробітної плати, а на отримання збільшеного обсягу різноманітних соціальних виплат*. Отже, в особистості зникає мотив для підвищення свого професіоналізму, загальної культури, а формується мотивація пошуку шляхів отримання додаткових соціальних пільг.

У цілому, на думку автора, потрібно спрямувати діяльність усього нашого освітянського та наукового загалу на формування в суспільстві впевненості в необхідності превалювання в державі *гносеократії, а не бюрократії та бізнесу, як сьогодні*.

Список літератури

1. Єрмаков І. Педагогіка життєтворчості: орієнтири для XXI століття. Кроки до компетентності та інтеграції в суспільство: Наук.-метод. зб. — К.: Контекст, 2000. — С. 18–19.
2. Овчарук О. Компетентності як ключ до оновлення змісту освіти // В кн.: Стратегія реформування освіти в Україні: Рек. з освітньої політики. — К.: К.І.С., 2003. — 296 с.
3. Статистичний щорічник України за 2001 рік. — К.: Техніка, 2001. — С. 401.
4. Україна в цифрах 2005. — К.: Консультант, 2006. — С. 193.

Л. Г. Сокурянская

СТУДЕНЧЕСКАЯ МОЛОДЕЖЬ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ОБЩНОСТЬ

Исследуя жизнедеятельность той или иной социальной группы, социолог прежде всего стремится определить характеристики, детерминирующие поведенческие практики данной

группы. При этом в зависимости от направленности исследовательского интереса акцент делается на объективных (внешних) или субъективных (внутренних) признаках, отличающих объект изучения от других групп. Наше собственное внимание привлекают характеристики ценностного сознания студенческой молодежи, динамика аксиофеноменов потенциальной интеллектуальной элиты нашего общества. В связи с этим нам представляется корректным использовать по отношению к студенчеству такое понятие, как «социокультурная общность».

Идентифицируя вузовскую молодежь таким образом, попытаемся объяснить, почему мы в данном случае предпочитаем употреблять понятие «общность», а не «группа». Прежде всего подчеркнем, что, признавая несомненную близость содержания понятий «социальная группа» и «социальная общность», мы, тем не менее, не считаем эти понятия тождественными. Во-первых, потому, что в определении одного из них («группа») акцент обычно делается на объективных признаках, объединяющих людей в ту или иную совокупность, в определении другого («общность») — на субъективных. Во-вторых, понятие «социальная группа», с нашей точки зрения, является более широким, чем понятие «социальная общность». При этом по отношению, например, к молодежи¹ мы, в отличие от Н. И. Черныш и некоторых других исследователей, используем понятие «социально-демографическая группа», тем самым подчеркивая такие общие признаки индивидов, составляющих данную группу, как возраст и интегральная социальная функция — ювентизация общества. Как видим, речь, прежде всего, идет об объективных характеристиках молодежи.

Как социально-демографическая группа, молодежь состоит из множества *социальных общностей*, то есть совокупностей людей, объединенных общими условиями жизни, целью, интересами и ценностями (субкультурой), а также рядом других общих признаков, в первую очередь субъективных. Поскольку чаще всего в контексте субъективных признаков рассматривается близость (или единство) ценностно-нормативных систем, то, на наш взгляд, более корректным является понятие «социокультурная (а не просто социальная) общность». Во всяком случае по отношению к студенчеству мы считаем целесообразным использовать именно эту категорию.

Естественно, о студенческой молодежи можно говорить и как о социальной группе (некоторые исследователи называют ее социально-профессиональной группой), тем самым подчеркивая общность таких объективных характеристик, как возраст и род занятий. Однако, как подчеркивалось выше, нас прежде всего интересуют внутренние детерминанты ее поведения и деятельности (ценности и ценностные ориентации), а также стиль жизни будущих специалистов, в котором и актуализируются названные аксиофеномены. Поэтому, используя социокультурный подход к анализу жизнедеятельности современного студенчества, мы, в первую очередь, исследуем его характеристики как социокультурной общности.

Цель данной публикации — обоснование правомерности использования понятия «социокультурная общность» по отношению к студенчеству.

Итак, начнем с того, какое же содержание мы вкладываем в данное понятие? Формулируя его дефиницию, мы исходим из трактовки социокультурного, данной П. А. Сорокиным². В контексте данной публикации нам хотелось бы подчеркнуть сорокинскую мысль о некорректности рассмотрения «социокультурных явлений так, как будто бы они состоят исключительно из людей; помимо людей они включают в себя нематериальные значения (выделено нами — Л. С.) и их материальные носители как равно существенные и универсальные компоненты. Структура эмпирических социокультурных явлений, таким образом, состоит не из одного, а из трех компонентов» [2, с. 206]. Такое видение П. Сорокиным

¹ В монографии «Студенчество на пути к другому обществу: ценностный дискурс перехода» мы аргументируем свое видение молодежи как социально-демографической *группы* [1, с. 166–179].

² Социокультурными П. А. Сорокин называет феномены, относящиеся к так называемым надорганическим явлениям, которые можно обнаружить только в человеке и в цивилизации [см. об этом подробнее: 2, с. 155–158, 185–186].

социокультурных феноменов позволило нам включить в понятие «социокультурная общность» символический и предметный мир той или иной совокупности людей, в нашем случае студенчества. Именно символический (ценностный) и вещный мир студенческой молодежи определяют ее специфическую субкультуру, что собственно и делает ее социокультурной общностью, отделяя от других молодежных общностей, которые, в свою очередь, могут обладать собственным символическим и предметным миром. В этой связи мы поддерживаем точку зрения тех исследователей, которые полагают, что «создателем, носителем и хранителем субкультурных традиций выступает обычно социокультурная группа. Вместе с тем далеко не всякая социальная группа обладает собственной субкультурой. В качестве последней может быть признана лишь такая общность людей, которая имеет отличительные культурные особенности, выделяющие ее среди других общностей» [3, с. 22].

Говоря о студенчестве как о социокультурной общности, обладающей специфической системой ценностей, установок, моделей поведения, жизненного стиля, т. е. собственной субкультурой – самостоятельным целостным образованием в рамках доминирующей культуры, мы тем самым подчеркиваем относительную *гомогенность* данной общности (прежде всего возрастную однородность, статусную, ролевую и ценностную общность и т. д.). В этом смысле студенчество может быть соотнесено с понятием «peer group», введенным Ш. Эйзенштадтом в 1956 году. Подчеркнем, что данное понятие означает не просто возрастную гомогенную группу, группу сверстников, но группу *равных* (поскольку «peer» восходит к латинскому «par» – равный), причем имеется в виду не только и не столько возрастное и статусное равенство, сколько общность взглядов, ценностных ориентаций, моделей поведения и т. д. Однако можно ли говорить о *единой* студенческой субкультуре? Исследователи, определяющие студенчество как номинальную (а не реальную) группу, дают отрицательный ответ на этот вопрос. С нашей точки зрения, есть все основания для выделения студенческой субкультуры, признаками которой являются особый студенческий язык (сленг), ценности, в том числе и прежде всего образовательные, образ и стиль жизни, досуговые практики.

И все же студенчество – это *относительно* гомогенная, дифференцированная, в том числе и по признаку материального благосостояния, общность. В его структуре можно выделить (и выделяются) множество субкультурных групп как с точки зрения «номенклатуры» молодежных субкультур в целом, так и в связи с наличием различных студенческих субкультур (например, субкультура студентов того или иного профиля обучения (специальности); конкретного вуза; студентов, проживающих в общежитии и т. д.). Последнее, то есть множественность студенческих субкультур, объясняется тем, что, как писал П. Сорокин, «материально идентичное часто является совершенно различным в социокультурном отношении благодаря разнице в значениях или ценностях, приписываемых ему; наоборот, то, что различается биофизически, часто идентично по социокультурным параметрам» [2, с. 203].

Субкультурный плюрализм студенчества обусловлен как внешними (объективными), факторами, в частности, социальным происхождением, материальным положением, национальной принадлежностью, средой обитания в конкретном вузе (факультете), так и внутренними (субъективными), прежде всего социальной идентификацией той или иной студенческой общности, что проявляется в соответствующем социальном конструировании и проектировании реальности.

В современных условиях субкультурная дифференциация студенческой молодежи усиливается благодаря множественности социального позиционирования представителей данной группы. Сегодня социальная позиция «студент» – это своеобразная ниша, где достаточно беспрепятственно сосуществуют различные сферы занятости: учеба, работа и досуг. Как пишет Е. Омельченко, «можно учиться и работать; только работать или только учиться; и даже не учиться и не работать и при этом оставаться “студентом”» [4, с. 14].

И все-таки, несмотря на существующие объективные и субъективные (субкультурные) различия студенчества, в своих исследованиях³ мы рассматриваем его как относительно гомогенную общность, что обусловлено целями и задачами нашего изучения. Однако при этом мы не акцентируем внимание на всей совокупности выделенных нами субкультурных признаков студенческой молодежи, ибо, как мы уже подчеркивали, нас прежде всего интересует студенчество как социокультурная целостность, в частности, динамические характеристики его ценностного мира, а также факторная обусловленность трансформации аксионормативных феноменов студенческого сознания, развития социальной субъектности вузовской молодежи.

Формулируя дефиницию понятия «студенчество», мы исходим из сорокинских концептов социокультурного и нашей собственной трактовки данного понятия⁴. Итак, мы определяем *студенчество как социокультурную общность, которую составляют учащиеся высших учебных заведений, осваивающие и присваивающие социальную субъектность в когнитивной, профессиональной, гражданско-политической, моральной и других сферах жизнедеятельности исторически конкретного общества, благодаря интериоризации ценностно-нормативной системы данного общества в целом, а также такого социального института, как высшая школа, и продуцированию новых аксиофеноменов, что находит свое отражение и проявляется в их символическом и предметном мире.*

Как известно, социологический анализ обязательно предполагает некий сравнительный ряд (пространственный или временной). Поэтому в своем исследовании студенчества мы обратились, с одной стороны, к анализу ценностных ориентаций различных *поколений студенческой* молодежи, с другой – изучая ценностный мир современного украинского студенчества, мы осуществили сравнительный анализ аксионормативных систем различных групп сегодняшней вузовской молодежи. При этом мы использовали как количественные, так и качественные методы исследования. К первым мы обращались, рассматривая студенчество как социокультурную общность с типичными объективными (возрастная и статусная гомогенность и неоднородность с точки зрения социального происхождения, национальности, культурного и социального капитала семьи, региона проживания до поступления в вуз и т. д.) и субъективными (студенческая субкультура) характеристиками. Качественные методы, в частности биографический, помогли нам не только проникнуть во внутренний мир каждого конкретного респондента, но и понять, как самоидентифицируются молодые люди, обучающиеся сегодня в высших учебных заведениях. Последнее представляется особенно важным при изучении студенчества как носителя определенных культурных норм и ценностей. Ведь любая социокультурная общность конституируется благодаря устойчивым представлениям о себе и о группе своей принадлежности, самоидентификации «Я» с группой.

Полученная нами качественная информация свидетельствует о том, что, независимо от мотивации получения высшего образования, все наши респонденты, самоидентифицируясь со студенчеством, позитивно оценивают свою принадлежность к данной социальной группе и ставят ее на одно из первых мест в «молодежной иерархии». При этом отмечаются такие отличительные характеристики студентов, как высокий интеллектуальный уровень, широкий

³ Прежде всего, мы имеем в виду общенациональные и международные исследования, проведенные под нашим руководством кафедрой социологии Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина: «Современные университеты как центры формирования интеллектуальной элиты общества» (2000–2001 гг.), «Высшая школа как субъект социокультурной трансформации» (2002–2004 гг.), «Высшее образование как фактор социоструктурных изменений: сравнительный анализ посткоммунистических обществ» (2005–2007 гг.).

⁴ Понятие «социокультурное» характеризует, по нашему мнению, такое взаимодействие между индивидами (или группами индивидов) во всех сферах их жизнедеятельности, которое предполагает соизмеримость единства тех или иных культурных феноменов (прежде всего норм и ценностей), интернализованных этими индивидами (или группами индивидов), и определенных общественных, социальных конструктов (структур), в которых эти культурные феномены (смысловые конструкции) проявляются.

культурный кругозор, более высокие жизненные притязания и большие, чем у других групп молодежи, жизненные шансы по окончании вуза (независимо от того, будут они работать по избранной специальности или нет). Интересно, что вуз воспринимается студентами не только как социальный институт профессионального образования, но и как та среда общения, которая предоставляет им более широкие возможности (особенно по сравнению со сверстниками, не обучающимися в высшей школе) для саморазвития. Почти 90% студентов, предоставивших нам свои биографии, предпочитают неформальное общение в своем, студенческом кругу.

Что касается ценностных предпочтений будущей интеллектуальной элиты нашего общества, то наши исследования, прежде всего, зафиксировали все более расширяющуюся тенденцию «модернизации» и «постмодернизации» ценностного сознания украинского студенчества, его ориентацию на профессиональную и общественную карьеру, на самореализацию и качество жизни. Все это свидетельствует о том, что сегодня в высшую школу приходит и учится там новый студент, существенно отличающийся по своим характеристикам, жизненному стилю, поведенческим практикам от предыдущих поколений студенчества.

Чтобы успешно функционировать, вуз должен адаптироваться к новому студенту, что наряду с другими причинами детерминирует необходимость кардинального реформирования высшей школы, всей отечественной образовательной системы. Мы убеждены, что процесс такого реформирования должен предполагать усиление гуманистической компоненты вузовского учебно-воспитательного процесса, то есть его влияние на личностное становление будущего специалиста, на его подготовку к жизни в стремительно изменяющемся обществе.

Список литературы

1. Сокурская Л. Г. Студенчество на пути к другому обществу: ценностный дискурс перехода. — Х.: ХНУ им. В. Н. Каразина, 2006. — 576 с.
2. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл.: А. Ю. Согомонов; Пер. с англ. — М.: Политиздат, 1992. — 543 с.
3. Субкультурные объединения молодежи: критический анализ: Репринты докладов Всесоюзной научной конференции «Культура и ее роль в активизации человеческого фактора». — М., 1987. — 160 с.
4. Омельченко Е. Л. Молодежь: открытый вопрос. — Ульяновск: Симбирская книга, 2004. — 184 с.

Н. В. Шевченко

РОЛЬ ГУМАНИТАРИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ ОБЩЕСТВА

Современным выпускникам высшей школы предстоит в будущем управлять украинским обществом, выступать генератором новых социальных идей, способствовать развитию нашего общества, его признанию другими странами мира как современного, демократического, цивилизованного.

Соответственно, создающаяся и развивающаяся система гуманитаризации образования в высшей школе должна быть призвана достичь таких целей, как: овладение будущими специалистами гуманитарной культурой; преодоление узости и однобокости их мышления; формирование специалиста, гармонично сочетающего в себе современный уровень профессиональных знаний и навыков с гуманистическими жизненными ориентирами; развитие у будущего специалиста качеств интеллигентной личности.

Важное значение имеет использование методологического потенциала современных концепций образования, которые являются основой выбора задач и ценностей обучения и воспитания, содержания образования.

1. *Догматический реализм*: задача учебного заведения — воспитать рациональную личность с развитым интеллектом, обеспечить ее знанием неизменных фактов и вечных принципов; объяснения педагогов построены на сократическом методе, эксплицитно передают традиционные ценности; учебный план строится классически — анализ литературы, все предметы обязательны.

2. *Академический рационализм*: задача — содействовать интеллектуальному росту личности, развитию ее компетентности; идеал — гражданин, способный к совместному труду с целью достижения социальной эффективности; основное внимание уделяется овладению основополагающими понятиями и принципами академических предметов; педагог стремится дать глубокие, фундаментальные знания; с другой стороны, происходит отбор способных и неспособных их усвоить.

3. *Прогрессивистский прагматизм*: задача — усовершенствование демократических основ социальной жизни; общественный идеал — личность, способная к самореализации; учебный план сориентирован на интересы обучаемых, отвечает на реальные жизненные вопросы, включая междисциплинарные знания; основное внимание уделяется активному и интересному обучению; считается, что знания способствуют усовершенствованию и развитию личности, что процесс обучения происходит не только в классе, но и в жизни; появляются факультативные предметы, гуманистические методы преподавания, альтернативное и свободное обучение.

4. *Социальный реконструкционизм*: цель — усовершенствование и преобразование общества, воспитание для трансформаций и социальных реформ; задача — обучать таким навыкам и знаниям, которые позволили бы выявлять проблемы, от которых страдает общество, и решать их; активное обучение направлено на современное и будущее общество; учитель выступает как агент социальных реформ и изменений, как руководитель проектов и лидер исследований, помогает ученикам осмыслить проблемы, возникающие перед человечеством; в учебном плане большое внимание уделяется общественным наукам и методам социального исследования, тенденциям современного и будущего развития, национальным и международным вопросам; в процесс обучения стремятся воплотить идеалы равенства, культурного плюрализма.

Совокупность наиболее продуктивных образовательных идей догматического реализма, академического рационализма, прогрессивистского прагматизма и социального реконструкционизма создает условия для развития личности специалиста, который не только обладает профессиональными знаниями и формализованными навыками, технологическими приемами в области той или иной сферы приложения своего труда, но и способен нестандартно, творчески, инновационно мыслить, качественно совершенствовать производственные, организационные, управленческие и иные процессы и виды трудовой деятельности.

Итак, гуманитаризация высшего образования предполагает, прежде всего, приобщение молодого человека к гуманитарной культуре человечества. Другими словами, гуманитаризация обычно рассматривается как дополнительный и необходимый компонент профессионального образования. Преподавание социально-гуманитарных дисциплин преследует две основные и взаимосвязанные цели: во-первых, преодолеть «частичность» человека (молодого специалиста), его одномерность, задаваемую профессиональной подготовкой; во-вторых, заложить у молодого специалиста основы гуманистического мировоззрения, благодаря которому человек осмысливает свои способности и возможности к карьерному росту, нарабатывает целе- и ценностно-рациональные способы раскрытия своего карьерного ресурса.

Список литературы

1. Астахова В. И. Формирование интеллигентности интеллигенции как социально-политическая проблема // Методологія, теорія і практика соціологічного аналізу сучасного суспільства. — К., 2001. — С. 224–228.

2. Гуманізація і гуманітаризація професійної освіти: Наук.-метод. зб. / І. А. Зязюн та ін. (ред.); АПН України, Інститут педагогіки і психології професійної освіти. — К., 1996.

АВТОНОМИЯ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

В современном мире лидерами становятся те страны, где реально осознается экономическая эффективность и духовная ценность интеллектуального труда. Наиболее благоприятной средой для возникновения интеллектуальной элиты является университет, который ни одно столетие, отстаивая принципы свободы исследования и обучения, воспитания гражданственности, сохраняет статус вуза, обеспечивающего универсальное, целостное образование. Речь идет не о тех вузах, которые после 1991 года поменяли названия (только в 2006 году число университетов увеличилось со 166 до 172), а о классических университетах, имеющих и свои традиции, и свою историю. В. С. Бакиров подчеркивает, что «стратегическое направление перестройки традиционной университетской парадигмы – отработка таких образовательных моделей, которые учат студента самостоятельно добывать необходимые знания, развивают их высшие креативные качества и способности. В «обществе знаний» более образованным является не тот, кто больше знает, а тот, кто более креативен» [1, с. 90]. Подготовка такого специалиста возможна только в атмосфере свободы и творчества автономного университета. Политическая свобода при полной финансовой зависимости от государства не привела к возникновению в университетах самоорганизованного сообщества.

Современное общество трансформируется в «общество знаний», и потребность в непрерывном образовании призывает к жизни новые образовательные институции, способные оперативно откликаться на спрос рынка образовательных услуг. В связи с этим остро стоит проблема: сумеет ли университет сохранить роль лидера высшего образования.

Плеяда немецких философов: Гумбольдт, основатель Берлинского университета, Фихте, ректор этого университета, Шеллинг – осмыслили место и роль исследования и учебы в университете, обосновали основы немецкого университета, которые позже развили Ясперс, Гайдеггер, Хабермас. Одной из основных идей, высказанных этими мыслителями, является идея о необходимости независимости университета от разных форм внешнего влияния – университет не признает в своей среде никаких авторитетов и уважает только истину в ее бесконечных формах, иными словами, принцип автономности управления.

Основные академические ценности, по их мнению, заключаются в творческой свободе преподавания и исследования, научной этике, гражданских добродетелях, толерантности – эти принципы, заложенные основателями дискурса идеи университета, закреплены в основных международных документах. Magna Charta Universitatum, определяя фундаментальные университетские принципы и ценности, фиксирует, что «Свобода в исследованиях и преподавании – это фундаментальный принцип университетской жизни».

Карл Ясперс, принимавший активное участие в возрождении Гейдельбергского университета после Второй мировой войны, большое внимание уделял осмыслению идеи университета. В 1946 г. он переиздает свою работу «Идея университета», которая впервые появилась в 1923 г., а в 1961 г. выходит третье издание «Идеи Университета», обновленное совместно с Куртом Росманом.

Ясперс считает, что стержнем академического сообщества и целью воспитания является духовная аристократия. При этом он подчеркивает, что духовная аристократия не тождественна социальной аристократии, это, на его взгляд, привилегия, которая встречается и у богатых, и у бедных. Она возможна только у меньшинства, у тех, кто способен самостоятельно найти свою творческую дорогу к вершинам науки и образования. Этим положением Ясперс подчеркивает очень важную идею для понимания содержания вузовского самоуправления и его развития.

Ясперс полагает, что в университет должны поступать только те студенты, которым присущ духовный аристократизм, те, которые «день и ночь думают о своем деле и посвящают ему все свои силы. ... На собственный страх и риск они прокладывают свою дорогу, прислушиваясь к таинственному голосу, который руководит ими изнутри» [2, с. 157]. В отличие от них духовно несвободные индивиды «требуют разграничения между работой и досугом... Они требуют руководства, учебной программы, приказа работать» [2, с. 157]. Ясперс акцентирует внимание на том, что первые учитывают неудачи, вторые – требуют гарантий успеха при условии тщательного исполнения. Для духовного аристократа характерен самоотверженный труд, духовно несвободный индивид стонет от труда.

Академическая свобода немыслима без культивирования духовного аристократизма. «Решающую роль в организации жизни университета должно играть меньшинство. На меньшинство равняется большинство, чтобы достичь того, что удалось этому меньшинству» [2, с. 158].

Подготовка молодых специалистов, отвечающих потребностям общества, возможна только на основе педагогики сотрудничества, расширяющей поле деятельности академического сообщества. Изменяются коммуникативные практики между студентами и преподавателями, отношения становятся более симметричными. Там, где студенты и преподаватели имеют общие интересы, структурированные не только процессом обучения, но и научно-исследовательской работой, организованной по принципу общего «проекта», студенты приобретают не только умения и навыки проведения и организации научных исследований, но и учатся адекватно оценивать ролевую реальность, вписываются в научные сообщества, получают навыки работы в команде, развивают чувство групповой солидарности и ответственности.

Успешность деятельности университета в значительной мере определяется уровнем профессиональной подготовки преподавателей, которые должны быть носителями современных знаний и навыков, что возможно только при условии их активной научно-исследовательской деятельности. Лучшие университеты, факультеты сегодня представляют единые учебно-научно-производственные комплексы. Следует заметить, что в развитых странах Запада большая часть научно-исследовательских разработок и, прежде всего, фундаментальных исследований выполняется именно в высшей школе. Учитывая отток научно-педагогических кадров высшей квалификации в другие сферы деятельности и за пределы страны, важно создавать стимулы, в том числе и материальные, для исследовательской деятельности преподавателей, поощрения их инициативы, обеспечить высокий статус и престиж научно-педагогической профессиональной деятельности.

Сегодня в Украине, по инициативе самих университетов, создан консорциум по внедрению автономии. Но, к сожалению, как отмечает М. Д. Култаева: «действительность украинского университета пока еще доминирует над его идеями, тяготея к замене свободы, интеллектуальной независимости, высших моральных ценностей потребностями дня» [3, с. 55].

Без законодательной поддержки и морального признания свободы в исследованиях и преподавании университет не станет мощным генератором развития украинской нации.

Список литературы

1. Бакіров В. С. На шляху до нової парадигми університетської освіти // Глобальні проблеми людства як фактор трансформації освітніх систем: Матеріали V Міжнар. наук.-практ. конф.-семінару кер. ВНЗ та вчен.-дослідників із проблем освіти, Харків, 1–3 лют. 2007 р. – С 87–92.
2. *Ідея університету: Антологія* / Упорядник: М. Зубрицька. – Львів: Літопис, 2002. – 304 с.
3. *Покликання університету*. – Київ: РІА «Янко», «Веселка», 2005. – 304 с.

IV. ВЗАЄМОДІЯ ІНТЕЛІГЕНЦІЇ І ВЛАДИ – ВИЗНАЧАЛЬНА УМОВА БЛАГОПОЛУЧНОГО СУСПІЛЬНОГО РОЗВИТКУ

С. Б. Бистрянцев

НЕЯСНІСТЬ В СЬОГОДЕННІ – ТУМАННІСТЬ В ПЕРСПЕКТИВІ

Роздуми про зіставлення влади та інтелігенції викликає деяке збентеження. Збентеження викликає не влада – вона, безумовно, зрима і проявляє себе, формуючи сферу політичного і в Росії, і в Україні, використовуючи державний апарат. Про російську владу ми також знаємо, що вона корумпована, авторитарна, при цьому багато говорять про рух до демократії. Збентеження викликає інтелігенція.

Перш за все, неясно, що являє собою інтелігенція як соціальна група. Добре відома яскрава роль різночинної інтелігенції в дореволюційній Росії. Добре відомо, що за своїм класовим складом радянське суспільство будувалося за формулою «два плюс один». Причому «один» – це і був «прошарок» інтелігенції в радянському суспільстві. Але кого зарахувати до інтелігенції в сучасній Росії? З нашої точки зору, ясності тут немає.

Появу інтелігенції як соціальної групи різні автори відносять до різних історичних періодів. Історики іноді некритично пишуть про «рабовласницьку інтелігенцію», «середньовічну церковну». З погляду сучасного російського політолога А. З. Панаріна, інтелігенція в Росії з'явилася під час Петра I. Опонуючий йому Віктор Кірсанов пише, що інтелігенція в Росії виникла з появою на історичній арені російського народу. І задовго до Петра I, ще в період хрещення Русі, не важко можна було «відшукати» інтелігенцію. «Народу без інтелігенції не існує».

Багато в чому питання про існування інтелігенції упирається у вибір критерію зарахування до даної соціальної групи. У Панаріна інтелігенція – це фахівці, які володіють етичними якостями, узгоджують свої дії і вчинки з моральними нормами. Для Кірсанова важливіше розрізнення місця в існуючому устрої суспільного господарства, тобто ставлення до суспільного виробництва засобів для життя. Отже, інтелігенція – частина «дозвільного класу», навіть більш того, класу «експлуататорського», яка максимально зайнята розумовою працею і мінімально – фізичною. Вважаю, що і зазначені, і деякі інші критерії розрізнення інтелігенції як соціальної групи прийнятні, якщо вони достатньою мірою обґрунтовані.

Проблема, винесена на обговорення, припускає розглядати інтелігенцію з погляду політичних позицій цієї групи, тобто її відношення до держави і правлячої елітної групи.

Інтелігенція проявляє себе перш за все як група, що протистоїть правлячій еліті і державі в цілому. Різничинна інтелігенція протягом всього дореволюційного періоду піддавала критиці політику правлячих кіл. Тоді ж з'явилися смислові акценти діяльності інтелігенції: бути більш освіченою і більш критичною, ніж влада (тобто володарююча еліта), бути більш ліберальною, ніж влада; бути більш справедливою по відношенню до свого народу, ніж влада; більше думати про суспільство, ніж влада, і навіть страждати. Загальновідомо, що дореволюційна інтелігенція складалася з людей, що здобули добру освіту, фахівців, але таких, які не мали дворянського звання. У багатьох аспектах можна розглядати дореволюційну російську інтелігенцію як унікальну групу: вплив її в суспільстві був настільки великий, що післяреволюційний режим, на чолі якого частково опинилися представники тієї ж інтелігенції, не наважився обійти увагою існування цієї групи. І Ленін, і Сталін проклинали інтелігенцію, відзивалися про неї вельми принизливо, проте змушені були терпіти. У той же час вирощували свою, «радянську інтелігенцію» і вводили її в ідеологічно канонізовану «тричленку» як прошарок. Проте радянська інтелігенція багато в чому виявилася схожою на дореволюційну. Вона займає критичну позицію по відношенню до комуністичної еліти, хоча до крайнощів терору справа не доходила. Характернішою була позиція, сформульована Солженіциним, – не бери участі у владі, не чекай, не бійся. Це було якесь продовження традиції «аристократії духу». Інтелігенція народилася в Росії як аристократія духу, такою вона залишилася і в радянській Росії, де аристократію крові і власності було ліквідовано, проте залишилися більш-менш вільні групи, здатність сприйняти цю аристократію духу.

Дев'яності роки ХХ століття виявилися смертельними для інтелігенції: довгі роки вона виконувала функції відсутнього громадянського суспільства, а коли громадянське суспільство стало реальністю й інакомислення – нормою, натомість інтелігенції з'являється опозиція. «Там, де є багатопартійність, – немає інтелігенції» – казав В. Третьяков, 2001. Якщо в тоталітарному, етакратичному суспільстві спостерігався діалог між владою та інтелігенцією, то в умовах існування громадянського суспільства окрім інтелігенції із владою говорять, дискутують або погоджуються й інші соціальні групи. Демократія і свобода знищують винятковість соціальної позиції. Зрештою, інтелігенція завжди намагалася довести владі, що всі люди рівні і вільні від народження. У таких умовах місця аристократії духу немає.

Політика в сучасних державах (це стосується і Росії, і України) стала професією. Політологів, завдання яких, простіше кажучи, керувати різними аспектами життя держави і суспільства, готують університети. Політичні ж погляди професійних політиків, експертів стають не настільки важливі наскільки важливі їх професійні знання і уміння. Відбулося розділення радянської інтелігенції, як мінімум, на дві частини. Частина, що вписалася в ринкові відносини і одержала якусь власність, фактично злилася з володарюючою елітою, стала частиною державної бюрократії. Інша частина злилася з іншими, неелітними соціальними групами, створила групу «інтелігенції у стоптаних черевиках», якій доводиться дуже багато працювати в бюджетній сфері, щоб підтримувати більш-менш задовільне матеріальне існування.

Якщо спробувати підібрати теоретичну схему для пояснення соціально-історичного процесу, що відбувається сьогодні в Росії (частково це можна поширити і на Україну), то, на наш погляд, найбільш вдала теорія етакратичного суспільства, за визначенням М. Кастельс. Етакратичне суспільство трактується ним як самостійний ступінь і водночас паралельна гілка історичного розвитку сучасного суспільства зі своїми власними законами функціонування й розвитку. Це і той самий «азіатський спосіб виробництва», який не захотів аналізувати К. Маркс і з приводу якого в радянському суспільствознавстві постійно розгорталися дебати. Це й одна з форм модернізації на основі індустріалізації країн неєвропейської культурної традиції. Європейський капіталізм історично виводиться з

античного поліса. Етакратизм історично пов'язаний з азіатськими деспотіями, де домінує державна власність, здійснюється режим всевладдя державних інституційних структур у відсутність громадянського суспільства, підданицька політична культура, пріоритет громадських цінностей при придушенні індивідуальності. Саме в таких суспільних умовах з'являється ніша для інтелігенції. І дореволюційну, і радянську Росію можна з великою підставою віднести до суспільства етакратичного | типу. Звідси і яскраві риси російської і радянської інтелігенції як групи, що веде діалог із владою від імені суспільства, що мовчить.

На жаль, реформи в Росії всі останні двадцять років йдуть за сценарієм, написаним ще радянською номенклатурою. У результаті хижачького розтаскування номенклатурою загальнонародної власності суспільна ситуація в Росії дійшла якогось хаотичного стану. Її можна визначити як соціальну й економічну систему, якій не вистачає інституціональної координації і яка сприяє соціальній фрагментації: суспільним цілям, державному праву, правлячим інститутам, економічному життю бракує узгодженості. Її відмінними рисами є невизначеність щодо майбутнього, роз'єднаність політичної еліти, відсутність системи пануючого і проміжного класів-посередників, суміш з різних каналів обміну, криміналізація і корупція, підприємці, які прагнуть лише до здобуття прибутку, неадекватне вираження політичних інтересів, і економіка в загрозовому стані, яка характеризується інфляцією, бідністю. Капіталізм, як соціально-економічна система, з погляду деяких російських соціологів, встановлений не був. Або, як пише згадуваний нами М. Кастельс, характеризуючи російські реформи, «нескінченний перехід від сюрреалістичного соціалізму до нереального капіталізму».

Інтелігенція як соціальна група зникла в реформаторському хаосі. У стратифікаційній структурі російського суспільства місця для інтелігенції немає. Актуальніше пошук «середнього класу». До середнього класу суспільства індустріального та інформаційного етапу розвитку звичайно зараховують групи самостійно зайнятих, тобто підприємців, комерсантів. Тут же добре оплачувані працівники найманої праці: менеджери, особи вільних професій, науковці, працівники сфери інформатики і масової інформації, діячі мистецтва, лікарі, адміністративні, торгові та інженерно-технічні працівники підприємств, вчителі шкіл, працівники соціальних служб, службовці державних установ та інші. У Росії, так само, як і в Україні, всі ці професійні категорії є, але вони роз'єдані, взаємоізолювані й утворювати спільність не можуть, оскільки не володіють власною ідентичністю. Центри кристалізації розсіяні в суспільному просторі і вельми слабо є видимими на фоні соціально і політично активних номенклатурних, корпоративних і мафіозних структур. Середнього класу, так само як і класу інтелігенції, в Росії немає, хоча місце соціального стабілізатора, пом'якшуючого дії класів-опонентів, вакантно.

Конгломерат відмічених нами груп, які претендують на роль середнього класу, спадкоємця радянської інтелігенції, ніяк не можна розглядати як клас або класоподібну групу. Слід враховувати, що, незважаючи на національні проекти, вектор мобільності деякої частини цих груп все ще спрямований униз, тобто між професійною приналежністю і класовою ідентифікацією немає автоматизму. Усе ще спостерігається хворобливий перехід від приналежності до розмитої міжшарової групи – інтелігенції – до входження до складу професіоналів. Крім того, потрібно врахувати, що соціальна група, тим більше така, яка може вести діалог із правлячою елітою, – це не тільки характер економічної діяльності. Для формування соціальної групи крім економічних передумов необхідно: складання певних стереотипів поведінки, системи цінностей, установок, самоідентифікація й самоорганізація як спільності, забезпечення певного образу і якості життя, капітал або інтелектуальний ресурс, що дозволяє забезпечити стійкість соціальних статусів, економічну і громадянську незалежність. Вказати на таку соціальну групу в сучасній Росії можливості немає. А той

ілюзорний середній клас, про який пишуть російські ЗМІ, створений для виправдання невдач і приховування справжньої спрямованості діяльності політичних лідерів.

Проте в умовах режиму персоніфікованої влади, що склався в період президентства Путіна, інтелігенція, як би парадоксально це не звучало, все ще впливає на політичне життя. Впливає як етичний орієнтир для правлячої еліти, як моральний імператив. Тобто проблема влада versus інтелігенція обертається проблемою співвідношення влади та моралі. І цей імператив вимагає: бути розумнішим за політичну еліту, бути чеснішим за еліту, співчувати знедоленій частині суспільства, бути вихованішим за еліту. Є слабка надія, що даний імператив впливає на політичну владу і її президентствующий центр. Але в цьому випадку від політичної еліти вимагається більше читати та менше займатися спортом, більше прислухатися до голосів інших, менше роздавати етичні оцінки і рідше пускати в хід дубину силових структур, і більше продумувати в законотворчій діяльності.

Список літератури

1. *Панарин А.* Российская интеллигенция в мировых войнах и революциях XX века. – М.: Эдиториал УРСС, 1998.
2. *Кирсанов В.* Об интеллигенции в целом, о российской интеллигенции в частности. E-mail: kirsanov – vn@narod.ru.
3. *Третьяков В.* Власть, общество и интеллигенция в современной России // Независимая газета. – 2001. – 14 янв. – № 6 (2316).
4. *Кастельс М.* Информационная эпоха. Экономика. Общество. Культура. – М., 2000.
5. *Шкаратан О.* Тип общества, тип социальных отношений. E-mail: www.socio.ru/wr/00-2/Shkaratan.htm/

М. В. Бірюкова

МОЖЛИВОСТІ ТЕХНОЛОГІЙ СОЦІАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА В ОРГАНІЗАЦІЇ ВЗАЄМОДІЇ ІНТЕЛІГЕНЦІЇ ТА ВЛАДИ

Сьогодні, на початку XXI століття, в умовах трансформацій вітчизняного суспільства, нестихаючих політичних пристрастей важливим є питання про суспільно-політичну позицію інтелігенції країни. Інтерес до її ролі в суспільному розвитку ніколи не втрачав своєї актуальності, оскільки інтелігенція завжди посідала особливе місце в суспільно-політичному житті країни, будучи тією чи іншою мірою залученою до політичної боротьби.

Взаємовідносини інтелігенції і влади відвіку цікавили соціальних мислителів. Ще Сократ стверджував, що поки «в державах не царюватимуть філософи, або нинішні царі і володарі не стануть благородно і ґрунтовно філософствувати і це не зіллється воєдино – державна влада і філософія, доти державам не позбавитися зла». Ідея про владу «філософа-правителя» стала наріжним каменем політичної філософії іншого видатного старогрецького філософа – Платона. На думку Платона, устрій суспільного життя має визначатися не волею чи думкою окремих осіб або народу, а ученням, науковим знанням. Ця ідея розділялася, однак далеко не всіма. Кант відповідав на це так: «не можна чекати, щоб королі філософствували або філософи стали королями, та цього і не слід воліти, оскільки володіння владою неминуче перекручує вільну думку».

Специфічна роль вітчизняної інтелігенції, яка одночасно несе на собі функції просвітника, вихователя, з одного боку, і є гострим критиком влади – з другого, завжди привертала увагу дослідників з різних галузей науки. Інтелігенція являла собою і неабиякою мірою являє

в даний час духовно-етичне ядро суспільства. Через свою значущість для суспільства інтелігенція має нескороминущу цінність, виступає провідною силою сучасної цивілізації, головним рушієм культури, освіти і науки. Разом з тим влада, суспільний устрій, політичний режим та ідеологія значною мірою детермінують духовну сферу суспільства, головною дійовою особою в якому є інтелігенція. З іншого боку, значну роль в даному процесі відіграє регіональна інтелігенція, яка, крім того, поповнює місцеву політичну, управлінську, інтелектуальну еліту.

Феномен взаємовідносин влади та інтелігенції досліджується не тільки в історичному, але й в юридичному, культурологічному, соціологічному, психологічному, антропологічному, семіологічному, психоаналітичному та інших ракурсах. Ця проблема надзвичайно широка, тому допомагає з'ясувати, в яких випадках влада по відношенню до інтелігенції зберігає природні процеси життя, в яких – стає на шлях порожніх і болісних нововведень або руйнівних дискусій з більшістю кращих представників усіх загонів вітчизняної інтелігенції.

Владні відносини є і метою, і умовою будь-яких соціальних перетворень. Вони є цілісним феноменом, що має політичні, економічні, соціальні, правові і філософські аспекти. Таким чином, кажучи про інтелігенцію в сучасному вітчизняному суспільстві, треба мати на увазі сукупність суб'єктів (інтелігентів), соціальних практик, соціальних інститутів суспільства, що підтримують це соціальне явище. На процеси функціонування інтелігенції в сучасній Україні впливають загальні соціальні процеси, серед яких нами виділяються:

- соціально-економічні процеси, що негативно впливають на становище цієї групи;
- становлення нового прошарку інтелектуалів і перехід до нього деяких колишніх функцій інтелігенції (наприклад, експертної);
- розвиток інформаційної культури суспільства і окремих його інститутів;
- загальнокультурний контекст розвитку суспільства, демократизація, гуманізація життя, увага до особистого, індивідуального розвитку, інституціоналізація прав людини;
- відродження релігійності і вбудовування релігійної культури в соціальні пошуки вчених і суспільства.

Чи повинні мислителі – і в ширшому сенсі, представники інтелігенції в цілому – брати участь в органах державного управління, чи ж, навпаки, їх природна соціальна роль полягає саме в перебуванні на деякому віддаленні від влади, покликаної оберігати їх право на свободу публічних виступів? Чи дійсно інтелігенцію відрізняє особлива політична прозорливість, а тому, прийшовши у владу, її представники домагаються розквіту культури і суспільства (що, власне, і стверджувалося Сократом і Платоном), або ж усе це – не більше аніж міф, що культивується самою інтелігенцією? Чи повинні вчені та соціальні філософи залишатися осторонь від влади (на чому наполягав Кант) і чи не з'являлося їх «ходіння у владу» передвісником катастроф, викликаних тим, що викохані мислителями цінності та ідеали національних рухів, вийшовши з-під їх контролю, призвели до найтрагічніших наслідків в історії людства?

Питання ці дебатуються в усьому світі вже багато років і навряд чи будуть розв'язані в найближчому майбутньому. Їх обговоренню присвячено тисячі книг і статей, опублікованих на різних мовах в багатьох країнах. Декілька десятків подібних праць були написані вітчизняними істориками і суспільствознавцями. Проте питання про те, чому в країні, що проголосила незалежність, статус гуманітарної інтелігенції в суспільному житті такий невисокий, а професура майже не бере участь в суспільно-політичній полеміці – це питання як і раніше залишається відкритим.

Для розв'язання подібних масштабних і довгострокових завдань і організації ефективного діалогу інтелігенції та влади пропонується використання технології спеціальних проєктів соціального партнерства. Поняття «соціальне партнерство» набуло широкого поширення наприкінці 90-х років ХХ століття в контексті формування в нашій країні громадянського суспільства.

Проект соціального партнерства – це форма гнучкої співпраці, що детально пропрацьована і спроектована, між державним, некомерційним секторами і бізнесом; побудована на особливій комбінації партнерів із розподілом їх ролей, відповідностей, долею участі і ризиків; що містить як соціальні, так і комерційні аспекти і реалізована в умовах обмежених ресурсів. Проект соціального партнерства має низку характерних ознак, які виділяють його з низки інших проектів – інвестиційних, соціальних, організаційних, економічних. Розв’язання складних завдань реалізації державної політики сьогодні вимагає активної громадської участі, об’єднання зусиль різних організацій і відомств, представників широкого кола інтелігенції.

Як вважає Г. Ю. Семігін, партнерство і ринкова економіка нерозривно пов’язані між собою. Необхідність соціального діалогу в будь-якій його формі особливо гостро відчують суспільства, що переживають складні економічні процеси в умовах переходу до ринку. Найбільшу значущість при цьому представляють такі форми, як переговори і консультації між урядом, працюючими і працедавцями з питань розробки соціально-економічних програм, а також застосування погоджених заходів соціального захисту, що забезпечують гарантований мінімальний стандарт життя для найуразливіших категорій.

Можливість використання подібних проектів виникає у зв’язку з руйнуванням сучасних засад суспільства, стереотипів свідомості та традиційних форм поведінки, посиленням соціальної нестабільності та невизначеності майбутнього, що пред’являє підвищені вимоги до здатності людини адаптуватися до мінливого соціального середовища, зумовлює необхідність вироблення нових цінностей, установок, норм професійної діяльності, адекватних потребам часу. У цих умовах потрібен механізм, який дозволяє гнучко й оперативно реагувати на ситуацію, що змінюється, в країні. Розвиток соціального партнерства диктується необхідністю збереження стійкості соціальної системи. Невраховані, неспроявлені або ігноровані інтереси її суб’єктів призводять до виникнення дисбалансу на різних рівнях взаємодії.

Основні цілі такої системи соціального партнерства – спільна взаємовигідна діяльність, спрямована на ефективний розвиток і вдосконалення суспільства; спільна участь у створенні нормативно-правового забезпечення соціального партнерства як одного з механізмів формування ринку праці на регіональному і державному рівнях; організація послідовного переходу до державно-громадських форм управління суспільством.

При цьому автор керувався такими принциповими міркуваннями: формування і зміст діяльності інтелігенції мають визначатися стратегією розвитку суспільства; розробка нових пріоритетів розвитку художньої, гуманітарної і наукової інтелігенції повинна визначатися з урахуванням сучасних загальнонаціональних цілей і перспектив, з урахуванням світових тенденцій, історико-культурних, духовних, наукових і освітніх традицій України її окремих регіонів; головна мета ефективного використання потенціалу інтелігенції – забезпечення духовного, культурного і фізичного потенціалу нації.

І. В. Бубнов

ДЕЯКІ ПРОБЛЕМИ ВЗАЄМОДІЇ ІНТЕЛІГЕНЦІЇ І ДЕРЖАВНОЇ ВЛАДИ З ОРГАНІЗАЦІЯМИ «ТРЕТЬОГО СЕКТОРА» В СУЧАСНІЙ УКРАЇНІ

Формування громадянського суспільства та вирішення важливих соціальних проблем, як засвідчує світовий досвід, невід’ємно пов’язано з діяльністю недержавних некомерційних організацій, що в сукупності складають так званий «третій сектор». Ці інститути здатні зменшувати деструктивну силу протистояння різних інтересів, впорядкувати енергію та ініціативу громадян і спрямувати її в організоване русло, задіяти реальні механізми практичної

протидії чиновницькому свавіллю та корупції в різних сферах, запровадити проекти соціального захисту населення тощо. Означена роль недержавних некомерційних організацій зумовлює підвищення уваги до цього явища з боку як інтелектуальної еліти, так і органів державної влади.

Останнім часом у вітчизняній політичній науці зміцнюється тенденція стійкого інтересу до різних аспектів діяльності недержавних організацій. У дедалі більшій кількості публікацій порушується ціла низка актуальних політико-прикладних питань, що стосуються: історії становлення та розвитку «третього сектора» в Україні на тлі світового досвіду; формування об'єктивного погляду на роль та значення цього явища для розбудови громадянського суспільства; аналізу трансформацій, що відбуваються в діяльності неурядових організацій. Разом із тим актуальною залишається проблема пошуку шляхів підвищення ефективності діяльності організацій «третього сектора» в аспекті розвитку їх взаємовідносин з інтелігенцією та органами державної влади.

Діяльність недержавних некомерційних організацій в Україні останнім часом піддається серйозній трансформації. Одна частина таких організацій стала значно ближчою до держави і бізнесу, ніж до інтересів суспільства, а інша відчуває певний занепад. За оцінками фахівців, збереження такої диспропорції в розвитку «третього сектора» вже сьогодні призводить до зменшення ефективності роботи органів державної влади і місцевого самоврядування, а в середньостроковій перспективі може привести до дестабілізації суспільного життя та антидемократичного регресу [1].

Більшість недержавних некомерційних організацій створюються задля вирішення задач, з якими у повсякденній практиці стикаються державні та муніципальні органи. Але за результатами досліджень, що проводилися в багатьох розвинутих країнах, у цілому ряді випадків організації «третього сектора» діють більш успішно, ніж державні установи. Тобто державі при вирішенні певних проблем нерідко виявляється вигідніше передавати кошти незалежним некомерційним організаціям в обмін на чіткі, конкретні й контрольовані обов'язки з їх боку, ніж створювати додаткові організації. Але позиція державних органів України до функціонування «третього сектора» з різних причин не відрізняється послідовністю та цілеспрямованістю. Це породжує небезпечні негативні наслідки, коли в умовах певної кризи сучасного «третього сектора» масова свідомість українського суспільства стає благодатним підґрунтям для всіляких маніпуляцій з боку різних політичних та фінансово-олігархічних угруповань. Влада, ігноруючи проблеми та інтереси інститутів громадянського суспільства, позбавляє себе ефективних механізмів контролю за надлишковою соціальною енергією населення. Лише цілеспрямована державна політика в напрямі структурної трансформації існуючих в Україні недержавних організацій може сприяти підвищенню їх статусу та ролі в суспільно-політичній та соціально-економічній сферах. Взаємодія з суспільними організаціями (і не лише з об'єднаннями підприємців) повинна стати невід'ємною складовою роботи органів виконавчої влади і місцевого самоврядування. Нагальною проблемою України є законодавче закріплення за недержавними організаціями консультативних і частково контролюючих функцій, наприклад, аналізу ефективності роботи державного апарату або відповідності політики тим обіцянкам, що були дані виборцям.

Проблема структурної трансформації «третього сектора» напряму пов'язана з вирішенням питання щодо його фінансування. Можна виділити два основні можливі типи форм підтримки та співробітництва державних і муніципальних органів з організаціями «третього сектора». По-перше, це підтримка функціонування й розвитку незалежних некомерційних організацій, здійснення та вдосконалення їх статутної діяльності. По-друге, це залучення організацій «третього сектора» до розробки та реалізації державних та муніципальних програм. У межах цього напряму підтримки організацій «третього сектора» з боку держави заслуговують на поширення такі форми роботи, як: координація діяльності і спільна розробка програм; розміщення замовлень на виконання соціальних послуг; підтримка ініціатив

та проектів незалежних некомерційних організацій в межах державних і муніципальних програм тощо.

Серед інших аспектів проблеми фінансової підтримки організацій «третього сектора» в Україні виступає зовнішнє фінансування у вигляді діяльності іноземних благодійних фондів. В Україні сьогодні працюють до 60 крупних і біля 100 невеликих іноземних фондів. Основні напрями їх роботи в Україні, за оцінкою експертів, були пов'язані з електоральними процесами; створенням незалежних засобів масової інформації; розширенням мережі недержавних організацій тощо. Але з 2005 року фінансування з боку західних благодійних фондів різко зменшилося. Україна перестала входити до числа пріоритетних держав, де необхідно просувати демократичні цінності, а, за логікою колишніх донорів, функції фінансування «третього сектора» мають бути покладені на національні благодійні організації. Такий підхід іноземних «грантодавців» викликає вкрай критичні оцінки з боку певних політичних сил і формує упереджене ставлення до них громадськості України. Між тим, присутність іноземних фондів у країні є дуже корисною. Сама ідея фондів передбачає акумулювання коштів задля підтримки визначених суспільних ініціатив. Вони виступають як посередники між різними підсистемами суспільства – бізнесу, що виробляє суспільний продукт, держави, яка вилучає частку цього продукту на суспільні потреби, і «третім сектором» – громадянським суспільством і його організаціями, які не здатні самостійно створювати та вилучати матеріальний продукт, але є необхідними для життєдіяльності суспільства. Фонди – це місця, куди некомерційні організації мають звертатися в пошуках підтримки своїх ініціатив. Фонди здатні організовувати конкуренцію суспільних ініціатив, завдяки чому будуть реалізовуватись найбільш цінні та ефективні проекти. Фонди мають здійснювати контроль за якістю та використанням виділених коштів, тобто функцій, виконання яких бізнес-структурами і державою були б неефективними.

Існування фондів допомагає систематизувати діяльність організацій «третього сектора», зробити пошук коштів для їх існування реальним і досяжним порівняно з тим, якби їм треба було шукати джерела грошей серед неструктурованої і неосяжної безлічі потенційних «донорів». Авторитет фондів визначається тим, що, з точки зору громадськості, фонди незалежні ані від «донорів», ані від отримувачів грантів. Кошти, що проходять через фонди, отримують в очах громадськості «очищення» від комерційного інтересу. Вони стають дійсно «суспільними коштами», інвестиції в них перетворюються для «фінансодавців» на справжній безкорисний «соціальний капітал». Виходячи з цього держава має докласти зусиль, аби повернути західні благодійні фонди до України та досягти того, щоб першочергова увага з їх боку була зосереджена на питаннях інвестування різноманітних організацій «третього сектора».

Щодо перспектив участі вітчизняного бізнесу в підтримці організацій «третього сектора», то, за думкою низки експертів, саме його слід розглядати як «єдине надійне джерело підтримки процесу формування в Україні розвинутого громадянського суспільства, як основи соціального капіталу» [2]. Але система вітчизняних суспільних фондів, як вона сформувалася на сьогодні, має низку принципових недоліків. По-перше, існуючі фонди у переважній більшості є дрібними. Вони акумулюють лише невеликі кошти, внаслідок чого не спрацьовує економічний ефект від редуції структури розподілення коштів: велика кількість некомерційних організацій продовжує пошук коштів у великій кількості дрібних фондів, які шукають їх у безлічі комерційних структур. По-друге, вітчизняні фонди, як правило, не здатні забезпечити рівновіддаленість і конкурентне середовище у пошукувачів грантів. По-третє, ті великі вітчизняні фонди, що реально існують, залишаються епіфеноменами, які за ширмою суспільної благодійності є нічим іншим, як каналами спонсорів для збільшення власних фінансових ресурсів, і, таким чином, для експлуатації громадськості у власних егоїстичних цілях. Не слід також вважати, що подібних труднощів і спокус позбавлені іноземні фонди. Об'єктивно суспільні фонди – це крихкий соціальний інститут, що постійно знаходиться під загрозою зловживань. Однак конкуренція та інтенсивна цілеспрямована

робота держави мають вибудувати послідовну систему, в якій досягнення цілей, не при-
таманних фондам, буде відповідним чином каратися за правилами конкурентного
середовища.

Серед інших нагальних задач подальшого існування та вдосконалення роботи недержав-
них, некомерційних організацій виділяється проблема кадрового забезпечення. Світовий
досвід свідчить, що навіть у західних суспільствах громадський сектор дещо поступається
бізнесу та державі за рівнем підготовки та забезпечення кадрами. Це пояснюється тим, що
значна кількість недержавних організацій спрямована на вирішення локальних проблем,
і громадяни беруть участь в їх діяльності у вільний від основної роботи час. Що стосується
неурядових організацій як повноцінного роботодавця, то сьогодні в цій сфері нормальною
вважається ситуація, коли в них переважають представники молодого покоління, що лише
починають свою кар'єру, або старшого покоління, що вже відходить від активної практичної
діяльності, але ще здатне передавати власний досвід молодим. Незначну кількість людей
середнього віку, мабуть, можна вважати симптомом проблем із циркуляцією еліт в Україні,
що спостерігалася до останнього часу.

Вирішення проблеми залучення високопрофесійних кадрів до роботи недержавних
організацій напряму залежить від підвищення статусу цих інститутів у суспільстві й державі,
вони повинні сприйматися в якості повноцінної сфери діяльності. Також має бути
використаний освітній та морально-етичний потенціал інтелігенції. Саме вона, на думку
німецького дослідника Херфріда Мюнклера, сповна наділена такою відмінною ознакою,
як громадянська компетентність. Під нею він розуміє партиципативну здатність та партици-
пативну готовність, інтерес до примноження не лише особистого, приватного, а й суспіль-
ного добробуту, тобто їх орієнтацію на суспільне благо [3].

Знання, здатність до тактичної та стратегічної взаємодії, наявність внутрішніх настанов,
спрямованих на вирішення суспільно значущих проблем та виробництво колективних благ —
це потужний соціально-інтелектуальний продукт, який реально здатна запропонувати
інтелігенція і велика потреба в якому існує в організаціях «третього сектора». Одночасно
співпраця представників інтелігенції з недержавними організаціями може за певних умов
стати формою суб'єктивної компенсації занедбаного стану інтелектуальної еліти суспільства
на тлі гіпертрофованої ролі політичної.

Отже, серед основних напрямів удосконалення діяльності неурядових, некомерційних
організацій в аспекті їх взаємодії з інтелігенцією органами державної влади та місцевого
самоврядування виділяються: ефективна структурна трансформація «третього сектора»
з підвищенням його статусного рівня та законодавчим переглядом державної політики
у ставленні до нього; вирішення проблем фінансування недержавних організацій через
залучення коштів вітчизняних та іноземних благодійних фондів і створенням конкурентного
середовища у підтримці суспільних ініціатив; створення умов для кадрового зміцнення
організацій «третього сектора» із залученням високопрофесійних фахівців — представників
культурної, наукової та іншої інтелектуальної еліти.

Список літератури

1. Каротерс Т. Помощь Запада становлению гражданского общества в Восточной Европе и бывшем Советском Союзе / Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. — 2000. — № 1 (30). — С. 7.
2. Рудь Б. Не в коня грант / Б. Рудь, И. Гасанова // Эксперт Украина. — 2006. — №43(92). — С. 34.
3. Мюнклер Х. Гражданская компетентность // [www.academy-go.ru/publications/ Munkler.html](http://www.academy-go.ru/publications/Munkler.html)

ВЗАЄМОВПЛИВ НАУКОВОЇ ІНТЕЛІГЕНЦІЇ І ВЛАДИ – ЗАПОРУКА РОЗВ'ЯЗАННЯ СОЦІАЛЬНИХ ПРОБЛЕМ СЬОГОДЕННЯ

Україна є суверенна і незалежна, демократична, соціальна, правова держава – так записано в Конституції нашої країни. Як на перший погляд, даною ідеєю завжди переймається у своїй соціальній політиці Уряд незалежно від його складу. Та, на превеликий жаль, ще й на сімнадцятому році незалежності Україна переживає глибоку економічну і соціальну кризу.

Взявши на озброєння при проведенні реформ принципи «Вашингтонського консенсусу», а мова йшла про ліберально-монетаристську концепцію, її прихильники сліпо керувалися порадами МВФ, сприяючи реалізації лозунгу А. Сміта: «не заважати ринку», бо його «невидима рука», мовляв, «усе поставить на місце». Що ж до держави, то вона фактично була витіснена зі сфери економіки і зайняла місце пасивного спостерігача.

Як наслідок, характерною рисою реформ у країнах, котрі взяли на озброєння ці принципи, стало зниження ефективності виробництва, а то й відсутність останнього, наростали корупція і злочинність. Почали зрощуватися влада і бізнес. Рекордним на всій території колишнього Радянського Союзу став спад українського виробництва до 65%, технологічний потенціал руйнувався. У той же час держава слабнула, втрачаючи контроль над процесами, що відбувалися. Україну охопила не тільки економічна, а й соціальна криза. Так, різко знизилася заробітна плата, доля котрої у ВВП і собівартості продукції складає 10–13%, що у 5–6 разів менше, ніж у розвинених країнах. Рівень погодинної оплати складає сьогодні всього 0,65 євро, тоді як в країнах ЄС – доходить до 22 євро. Диференціація доходів (по децильному коефіцієнту) досягає за різними даними 40:1, тоді як у Китаї – 7:1, а в державах ЄС у середньому 5–7:1. Але ж відомо, що соціальна стабільність у суспільстві порушується вже при співвідношенні 10:1 [1].

Як правило, в таких випадках виникає непросте, хоча дуже важливе питання: яка ж причина даного становища і хто винен? Значною мірою це можна пояснити недостатнім використанням представниками владних структур великого потенціалу суспільних наук і особливо економічної теорії як фундаментальної науки при розв'язанні складних соціально-економічних проблем, а також відсутністю взаємовпливу між науковою інтелігенцією і владою. Представники ж наукової інтелігенції у жодному разі не повинні на догоду тих чи інших службових осіб різного рангу, впливових партій або у корисливих цілях пристосовуватися до них. Завдання науковців – у іншому: дослідження та аналіз об'єктивно існуючих процесів, їх узагальнення для використання в розробці і реалізації тих чи інших планів.

Що ж до з'ясування безпосередніх причин негативних наслідків реформ, то й сьогодні одні звертають увагу на об'єктивні причини, інші ж усі негаразди шукають серед суб'єктивних. Думається, що такий підхід є однобічним і це – по-перше. По-друге, відповісти на вказане складне питання без загального аналізу суті реформ та ролі й місця держави під час їх проведення не можна. І нарешті, по-третє, панування позаісторичного підходу, сліпе копіювання чужого досвіду без урахування конкретно-історичних умов і специфіки країни стає шкідливим і для самої науки, і, що є не менш важливим, – для практики господарювання. Наслідком цього є те, що служителі науки втрачають здатність до критичної оцінки мислення, і нові ідеї, які відображають реальні процеси, не розробляються (не знаходять собі місця), а сама практика, спираючись на такі думки, не може, по самій своїй суті, бути продуктивною, соціально направленою.

Однак, на диво, серед учених-суспільствознавців знайшлися такі, що фактично стали в опозицію до наукової методології й активно включилися в підтримку інколи волюнтаристськи насаджуваних змін, котрі беруть початок не з об'єктивних закономірностей і критичного підходу до дійсності, а з суб'єктивних побажань деяких партій, вищих посадових

осіб. Не випадково суспільство, і в цьому є «заслуга» даної частини інтелігенції, було сліпо охоплене ринковим романтизмом, який не зник і сьогодні.

Тому є слушним, що ряд відомих учених не вважають реформи, що проводяться в Україні, розпочатими на основі глибокого теоретичного осмислення. Що ж до назрілого лозунгу «Альтернативи реформам немає», то він був фактично підмінений, здавалося, більш простим і зрозумілим – «Альтернативи ринку немає». Прикро, що і в теорії, і на практиці переважила ілюзія про можливість наприкінці ХХ – на початку ХХІ ст. «побудувати» саморегульовану, без активної участі держави, економічну систему. Відносно ж владних структур, то вони дійшли висновку, що і в практиці господарювання необхідно рівнятися на Захід, всі досягнення якого, мовляв, пов'язані з наявністю вільного ринку, свободи підприємництва, заснованого на приватній власності і конкуренції. А раз так, то ринок сам собою створить усі умови для вирішення економічних і соціальних проблем. Отже, одне з найважливіших питань сьогодення – про сутність господарського механізму, про роль і місце держави в ньому – залишилося, практично, осторонь.

Виходячи з вищезазначеного, ми в даній роботі поставили за мету привернути увагу вчених до їх важливої ролі в аналізі процесів трансформації соціально-економічної системи, суть котрих, на нашу думку, повинна бути не в переході України до ринку в його класичній формі, а в переході до «змішаної» системи, що поєднує в собі об'єктивно обумовлену керівну роль держави з ринковими механізмами господарювання у вирішенні економічних і соціальних питань. Причому, як ми вважаємо, в країні спостерігається відсутність чіткої взаємодії й взаємовпливу науки і влади, а саме це повинно стати запорукою розв'язання соціальних проблем сьогодення. Тож, закономірним є те, що багато хто з вітчизняних учених, а також вчених близького і дальнього зарубіжжя приходять до висновку, що для розвинених країн характерною ознакою соціально-економічної системи є «змішана» економіка з тенденцією до її все більшої соціалізації. Так, О. Білорус, говорячи про хибність радикально-ліберальної моделі, яка застосовувалась у нас, зауважує, що розвинені країни, нав'язуючи іншим країнам такі згубні рецепти, не застосовували їх у себе вдома. Що ж до ролі держави, то в розвинених країнах відбувається не згортання економічної ролі держави, а зміна її господарських функцій. Розглядаючи перспективи подальшого розвитку нашої країни, цей автор вважає за необхідне «визнати й реалізувати вирішальну роль держави у створенні передумов українського прориву» [2]. Про пагубність ліберальної моделі у своєму класичному вигляді говорить і Ю. Пахомов [3]. І зовсім ясно висловлюються І. Кириленко та М. Сігал: «Стихійний ринок – пережиток 30-х років для цивілізованих країн – у нас головний регулятор» [4].

Аналогічної думки дотримуються й такі видатні вчені Заходу, як Дж. Гелбрейт, К. Поппер, П. Самуельсон, Дж. Стігліц та багато інших. Вони ж із самого початку не підтримували політику проведення реформ на основі ринкового фундаменталізму. Так, К. Поппер вважає, що принцип невтручання держави в економіку повинен бути відкинтий, а політику необмеженої економічної свободи необхідно замінити плановим втручанням в економіку. Не менш чітко висловлює свою думку і П. Самуельсон, зауважуючи, що тільки поєднання ринкової конкуренції з державним регулюванням і активною політикою соціального захисту дозволить створити стабільне суспільство. Розвиваючи цю ідею, П. Самуельсон називає аморальною економічну ефективність (заради прибутку), якщо вона не доповнюється соціальною справедливістю. Стосовно ж поглядів Дж. Сороса, то він вважає, що ідеї ринкового фундаменталізму більш небезпечні, ніж тоталітаризм [5]. (До речі, колись він був прибічником радикального лібералізму).

На що ж спираються вищеназвані автори, дотримуючись точки зору про еволюцію механізму господарювання, в якому роль і місце держави кардинально змінюється, говорячи про «змішаний» тип економіки, в котрій ринок і держава взаємодіють, а тенденція розвитку такого типу економіки є тяжінням до соціалізації? Правоту висловленої ними точки зору підтверджує застосований при аналізі принцип історизму і, що дуже важливо, сама практика.

Відомо, що держава є продуктом розвитку суспільства і виникла вона в першу чергу як політичний орган. Що ж до соціальної політики, то держава практично нею не займалася, хоч окремі кроки в цьому напрямі були зроблені вже в ХІХ ст. (соціальне законодавство у Німеччині Бісмарка).

Поява монополій (кінець ХІХ – початок ХХ ст.) призвела до загострення суперечності між економічним і соціальним розвитком суспільства як дестабілізуючого фактора, а економічна криза 1929–1933 рр. остаточно показала, що без вирішення цілої низки соціальних питань стабілізувати економіку неможливо. Наслідком цих історичних обставин став прийнятий у США так званий «новий курс» Ф. Рузвельта, в якому вперше була розроблена система державного регулювання, котра торкалася не тільки економічних, а й соціальних питань. Можна стверджувати, що з'явилася нова сфера, яка налагоджувалася і керувалася державою – соціальна сфера.

Після Другої світової війни система державного регулювання соціальної сфери стала типовою і в країнах Західної Європи. І головне, що тенденція вирішення соціальних питань здійснюється все більш на позаринковій основі. Так, загальні витрати на освіту в США в середині 90-х років ХХ ст. на 79% покривалися державою і лише на 21% – за рахунок приватних коштів громадян. Стосовно ж структури витрат на охорону здоров'я, то державні витрати склали 71%, а приватні – 28,5%. Сумарні асигнування із консолідованого бюджету на програми соціального страхування, охорони здоров'я, освіти, будівництва житла, допомоги бідним склали 20,9% від ВВП. Зауважимо, що в Західній Європі ця доля ще вища. Вже сьогодні через державний бюджет у більшості розвинених країн перерозподіляється від 1/3 до 1/2 ВВП [6].

Однією з основних тенденцій в розвинених країнах є соціалізація бізнесу. Про це свідчить Конференція світової спільноти (Ріо-де-Жанейро), яка поставила питання про необхідність підвищення соціальної відповідальності корпорацій. Ішлося також про об'єднання зусиль для формування «активної стратегії соціального розвитку». Цікавий досвід Великої Британії, де створена посада міністра координації діяльності у сфері «соціальної відповідальності».

Шлях України до Європи потребує розробки як самої теорії соціальної політики, так і способів її реалізації. А це вимагає зміни цільової орієнтації реформ. Правда, останнім часом в Україні з'явилися ознаки активної соціальної політики, але проводити її слід не як чергову кампанію, а як генеральний напрям розвитку держави. Для цього потрібні не постанови, укази, заяви владних структур (навіть коли вони вирішують деякі питання), а науково обґрунтована цільова стратегічна програма. Отже, знову ж таки, йдеться про необхідність взаємовпливу і взаємозв'язку між науковою інтелігенцією і владою як у розроблянні, так і під час реалізації цих програм.

Список літератури

1. Куценко В. Соціально-економічна модифікація в контексті побудови соціальної держави в Україні // Економіка України. – 2004. – № 11. – С. 82.
2. Білорус О. Проблеми трансформації та модернізації транзитивних країн в умовах глобалізації // Економічний часопис-XXI. – 2007. – № 7–8. – С. 7.
3. Пахомов Ю. Украинские евроиллюзии и реалии ЕС // Економічний часопис-XXI. – 2007. – № 9–10. – С. 4, 5.
4. Кириленко І. Перспективи вітчизняного АПК в контексті сучасних проблем та нових ризиків / І. Кириленко, М. Сігал // Економіка АПК. – 2007. – № 11. – С. 64.
5. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. – М., 1999. – С. 19.
6. Антошина А. Норвежская модель управления ресурсами // Экономист. – 2005. – № 11. – С. 69–70.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ: ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ УСТАНОВОК

Образование, интеллигентность, культура относятся к числу основных признаков, определяющих духовное содержание личности.

С психологической точки зрения духовность обозначает индивидуальную выраженность в системе мотивов личности социальной потребности жить, действовать «для других» [2].

А Л. Н. Толстой считал лучшим из людей того, кто живет преимущественно своими мыслями и чужими чувствами, самым худшим — человека, эгоистически ориентированного на себя, подчиняющего свои суждения не объективной истине, а выгодным для него взглядам [2].

Сегодня формирование духовных потребностей в обществе является сверхважной задачей не только носителей культуры, но и власти. Однако это предполагает разрешение исторически затянувшегося периода антагонизма между властью и интеллигенцией. Характерное для интеллигенции чувство социальной справедливости, основанное на идее созидания, гуманизма, часто противоречит ожидаемому властями согласию с любыми приказами и решениями. Здесь в качестве одного из многочисленных примеров можно вспомнить, что за последние 15 лет стали уничтожаться исторические памятники архитектуры, сохраняемые столетиями. Показательно высказывание Никколо Макиавелли (1469—1527) «Человек, желающий исповедовать добро во всех случаях жизни, неминуемо погибнет среди множества людей, чуждых добру. Из чего следует, что правитель, желающий сохранить власть, должен научиться отступать от добра и пользоваться этим умением смотря по необходимости» [1].

В независимости от того как власть относится к передовой части общества, на сколько оценивает ее культурное значение, становится очевидным, что без ответственности и поддержки интеллигенции духовный кризис преодолеть невозможно. Фактически, духовные деформации нации становятся тотальным явлением. Как отмечают психологи [3], даже в таких профессиях, как педагог, врач и т. д., которые во все времена считавшиеся «интеллигентными», происходит диффузия профессиональной идентичности. Такая профессиональная деформация, в основном, связана с ломкой социально-психологических установок личности профессионала. Как пишет И. В. Черный, диффузия профессиональной идентичности прорастает из ложных целей, из конформности, моды или престижа, что не соответствует профессиональным ценностям, которые санкционированы в ими выбранных профессиях. Исходя из этого психологического аспекта проблемы, целью нашего исследования стало выявление иерархии социально-психологических установок у руководителей в сфере фармации. В исследовании была использована методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере О. Ф. Потемкиной. Испытуемые — 50 человек, руководители, которые задействованы в сфере фармации (возраст 30—50 лет). Результаты исследования представлены на рис. 1.

Анализ результатов (рис. 1) по шкалам «альтруизм — эгоизм», «процесс — результат», «свобода — власть», «труд — деньги» отражает особенности социально-психологических установок личности. Следует отметить, что все представленные ориентации наших испытуемых в достаточной мере выражены. Наиболее высокие значения получены по шкалам: «альтруизм» — 7,5 б., «результат» — 6,9 б. Показательно, что именно эти шкалы, наиболее соотнесены с профессиональной идентичностью руководителей, которые работают в сфере фармации. Так, высокие показатели по шкале «альтруизм» являются типичными для испытуемых, профессиональная идентичность которых связана с системой «человек — человек». Здесь смыслообразующим звеном профессиональной идентичности

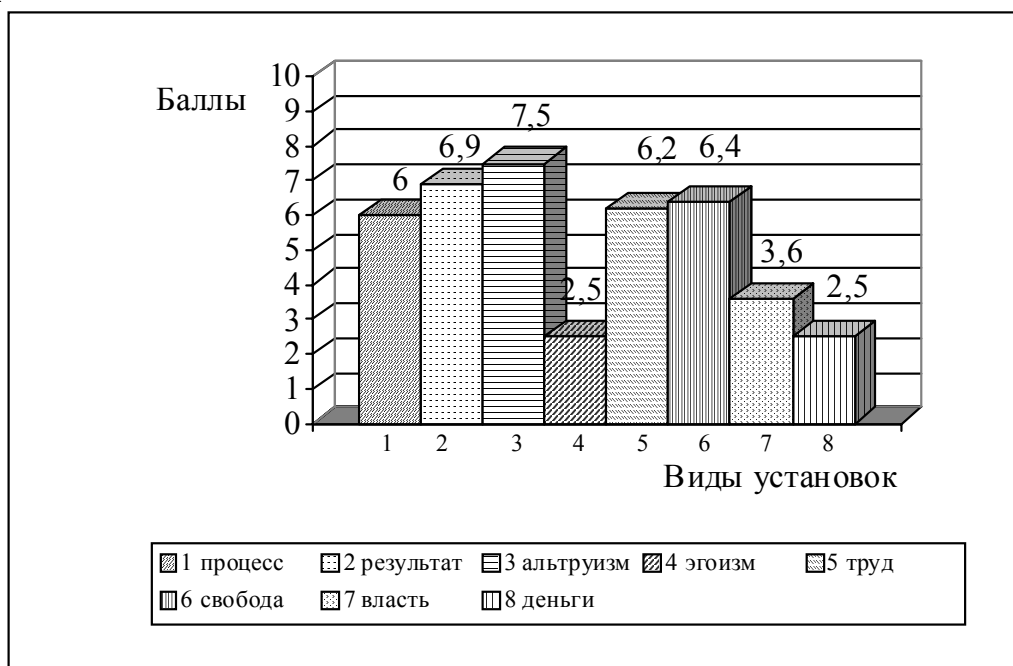

Рис. 1. Иерархия социально-психологических установок педагогов-руководителей в сфере фармации

выступает потребность в «служении человечеству». Профессионалы с такой ориентацией чаще всего работают в области образования, здравоохранения и т. д. Высокие значения по шкале – «результат» также демонстрируют в данной группе профессиональные ценности самореализации. Руководители, по сути своей, должны быть ориентированы на достижение результата. Они могут достигать результатов в своей деятельности вопреки суете, помехам, неудачам.

Наиболее низкие показатели выявлены по шкале «деньги» – 2,5 б. и «эгоизм» – 2,5 б. В целом, низкие показатели по этим двум ориентациям типичны для представителей «интеллигентных профессий». Однако в настоящее время, когда происходит ломка устоявшихся ранее профессиональных стереотипов, может возникнуть утрата идентичности или наблюдаться «фальшивая», искусственная профессиональная идентичность, происходящая, например, из конформности, моды или престижа. Можно заключить, что результаты, полученные с помощью данной методики, позволяют сделать вывод о высоком уровне значимости для испытуемых своего профессионального выбора, о сохранении значимости морально-нравственных основ профессии. При подготовке в вузах представителей тех профессий, где морально-нравственные качества относятся к профессионально значимым, следует обращать особое внимание на те социально-психологические установки, которые сформировались у них в процессе предыдущей социализации.

Список литературы

1. Грин Р. 48 законов власти. – М.: РИПОЛ классик, 2004. – 576 с.
2. Психология: Словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Полит. изд-во, 1990. – 494 с.
3. Черный Е. В. Профессиональная идентичность практического психолога // Практична психология та соц. робота. – 2000. – №8. – С. 36–39.

ПСИХОЛОГИЯ ВЛАСТИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

В современном мире вопрос о выделении гендерного аспекта властных отношений крайне актуален. Ведь до недавнего времени концептуальные разработки феномена власти в психологии, социологии, политологии и других науках не включали исследований гендерно-властных отношений. Но в настоящее время гендерный подход к исследованиям различных аспектов личности и социальной жизни человека стал одним из наиболее активно разрабатываемых в системе наук, изучающих человека и общество. Гендерный подход пережил в своем становлении борьбу взглядов между традиционалистами и феминистически настроенными учеными.

В наиболее общем плане эволюцию тендерного подхода можно свести к следующим этапам:

1. Критика маскулинности психологического знания. Эмпирическое доказательство маскулинной предубежденности психологических исследований, выражающейся в демонстрации преимуществ мужчин над женщинами, основанной на использовании неадекватных эталонов сравнения.

2. Предложение фемининных теоретических альтернатив. Эмпирическое доказательство преимуществ женщин над мужчинами при использовании иных сравнительных эталонов.

3. Этап переосмысления накопленных знаний, приведший к осознанию непродуктивности конфронтации и необходимости поиска компромиссных решений. Осознание порочности традиционной сравнительной логики, строящейся по принципу «или-или» и необходимости ее замены на логику «и-и».

Для исследований в контексте психологии власти, когда власть традиционно рассматривалась как имманентно присущая лидерскому полу, акцент на поиске общего и особенностей, а не различий, особенно важен.

Стереотипные образы мужчин и женщин в своей основе имели параметры, непосредственно относящиеся к содержательным аспектам власти: доминантность у мужчин и покорность, подчиняемость у женщин. А ведь в психологии власть личности и определяется способностью доминировать над другими. Но вопрос о гендерных аспектах власти в современном мире имеет не только и не столько теоретический характер, сколько практический. Это связано, прежде всего, с возрастанием количества женщин, занимающих руководящие посты и претендующих на их занятие. И одной из серьезных помех в продвижении женщин «вверх» многие исследователи называют именно устойчивые гендерные стереотипы в сознании как мужчин, так и самих женщин. Стереотипы доминантности-подчиненности полов складывались столетиями, а что же показывают современные психологические исследования?

В исследовании И. В. Грошева [1] были выявлены гендерные особенности восприятия власти современных россиян. Результаты исследования показали, что женщины в целом более послушны. Число тех, кто готов признать над собой власть государства, начальства, закона и мужчин, в 5,8 раза превышает тех, кто не подчинится. В 2,7 раза больше женщин, которые признают над собой власть отдельных людей, особенно мужчин, по сравнению, с теми, кто не признает. Однако результаты исследования, полученные по выявлению и анализу представлений администраторов-женщин о власти, используемой «наилучшими» и «наихудшими» начальниками, показали обратное [2]. Было обнаружено, что женщины-администраторы чаще считают «наихудшими» и безвластными начальниками мужчин, чем женщин, тогда как «наилучшими» и более властными начальниками с одинаковой частотой могли быть и мужчины, и женщины.

У мужчин картина иная. Они признают закон, затем начальство и в меньшей степени склонны подчиняться отдельным людям и государству (не выяснено, с чем конкретно

у мужчин ассоциируется государство). Среди них намного выше процент «анархистов», которые вообще не хотят признавать над собой власть. Интересно, что государство их очень раздражает: мужчин, не признающих власть последнего, в 4,8 раза больше, чем женщин.

Женщины определили для себя власть как способность управлять своей жизнью, и понятие «Контроль над...» отнесли к понятию власти в обществе. Например, 75% женщин ответили, что «Контроль над...» – основная категория в определении власти для мужчин, в то время как только 13,2% мужчин полагали то же самое про женщин.

Путь определения обществом власти совершенно отличается от женского ее понимания. Женщины говорили, что общество им предоставило роль воспроизводителя и хранителя семейного очага, но это совершенно далеко от ощущения ими власти (71%). Такое положение в обществе постулируется, стереотипизируется и закрепляется всеми его социальными институтами. Более того, полученные результаты показывают, что общество стремится не только дать больше власти мужчинам, но и укрепить ее и при этом лишить (уменьшить) власти женщин, что особенно ярко проявляется в России.

Но автор исследования подчеркивает, что аналогичные данные были представлены и в современных американских работах. Если же посмотреть на процент женщин в высших эшелонах власти политики и бизнеса, то неблагополучие с наличием у них властных полномочий, абсолютно очевидно и для украинского общества.

В диссертационном исследовании Т. В. Бендас (на соискание степени доктора психологических наук) [3], посвященном психологии лидерства, было выявлено, что лидеры обоего пола обладали как гендерно типичными, так и атипичными чертами, однако у женщин можно отметить большую противоречивость личности (очевидно, объясняющуюся противоположностью, с точки зрения существующих стереотипов, гендерной и лидерской ролей).

При сравнении женщин – «нелидеров» и лидеров – обнаружилось, что «вторые обладали специфическим набором лидерских качеств: коммуникативными характеристиками, лидерским потенциалом, доминантностью, социальным интеллектом, мотивацией достижения, скоростной стратегией деятельности, уверенностью в себе и успешностью по деловым критериям. Сходная картина, отражающая требования лидерской роли, наблюдалась и при сравнении мужчин – «нелидеров» и лидеров – последние превосходили первых по коммуникативным характеристикам, мотивации, власти и достижения, успешности по деловым критериям, уверенности в себе и лидерскому потенциалу (но не по доминантности).

И в целом, у лидеров можно констатировать наиболее мощное влияние лидерской роли, которое в значительной мере нивелирует гендерные и этнические различия по личностным характеристикам.

Наши исследования женщин и мужчин руководителей также показали, что различия между ними менее значимы, чем между, например, женщинами-руководителями и подчиненными.

В целом, можно констатировать, что существуют гендерные различия в восприятии власти, в личностных качествах, обеспечивающих проявления власти и лидерства. Но, главное, что власть, влияние и лидерство не являются присущими для представителей только одного пола, они лишь «гендерно-окрашены», что определяет, в большей степени, стилевые особенности проявлений власти, а не ее эффективность.

Список литературы

1. Грошев И. В. Гендерные представления о власти // Социол. исслед. – 2000. – № 12. – С. 33–41.
2. Carol O. K. Perceptions of power. Female executives' descriptions of power usage by «best» and «worst» bosses // Psychol. Women Quart. – 1992. – Vol. 16. – Jte 4. – P. 527–533.
3. Бендас Т. В. Психология лидерства: гендерный и этнический аспекты. – Автореф. дисс. ... д-ра психол. наук – СПб., 2002.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ВЛАСТИ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Глобализация, тотальная информатизация – процессы, которыми, прежде всего, характеризуется настоящее время. Условием успешности власти [1] сейчас является получение полной и своевременной информации, применение информатики (информационной индустрии, связанной с использованием персональных компьютеров и сети Интернет), информатизация (создание условий для оптимизации информационных процессов). Политики целенаправленно используют информацию для создания своего имиджа, проводимой ими политики, получают возможность организовывать и направлять поведение больших групп людей. Для этого используется информационная инфраструктура (информационное пространство) – условия, которые позволяют осуществить коммуникативную деятельность. Сюда входят Интернет, мобильная связь, телевидение и другие средства массовой информации, издательства, библиотеки, информационно-справочные, экспертные центры, банки данных и т. п. С внедрением процессоров с двумя и четырьмя вычислительными ядрами становится реальностью повсеместная мобильность, широкополосный доступ в Интернет, общение при помощи компьютера с высокой реалистичностью.

Воспользоваться потенциальными возможностями этой инфраструктуры способны только специалисты высокой квалификации. Так, в США уже с 2000 г. более трети всех вновь созданных рабочих мест требуют специалистов с высшим образованием. В Японии рассматривается вопрос о переходе ко всеобщему высшему образованию.

Подобная ситуация отмечается и в Украине. Так, после анализа тенденции на рынке труда, количества и динамики размещения вакансий на украинском портале работы *rabota.ua* в 2007 году был составлен рейтинг наиболее востребованных профессий [2]. Он представлен ниже в порядке убывания: 1. Менеджеры по продаже. 2. Рабочие. 3. Экономисты и финансисты. 4. Системные администраторы. 5. Инженеры, технологи, проектировщики. 6. Бухгалтеры, аудиторы. 7. Секретари, офис-менеджеры. 8. Разработчики программного обеспечения. 9. Торговые представители. 10. Менеджеры по логистике. 11. Маркетологи.

Подавляющее большинство востребованных профессий требуют высокой квалификации в использовании современных информационных технологий. Даже руководители, которые непосредственно не занимаются «черновой работой», должны быть хотя бы осведомлены о наличии, возможностях компьютерных технологий, трудоемкости работы с ними, результатах их использования.

Обратная сторона повальной компьютеризации – потеря рабочих мест и увеличение безработицы. Единственным средством преодоления этих негативных явлений является переквалификация, получение новой специальности.

Задача подготовки и переподготовки специалистов стоит перед педагогической интеллигенцией, которая сама должна соответствовать новым требованиям.

При этом нужно не только выпустить профессионала, но и воспитать интеллигента. Во многих публикациях подвергается сомнению факт, что выпускник, например, факультета «Бизнес-управление» в принципе может быть интеллигентом. Приводятся различные определения интеллигента (иногда получается что-то карикатурное) или вообще объявляется об исчезновении интеллигенции. В лучшем случае интеллигенты превратились в интеллектуалов. «А «патлатые» западные интеллектуалы и пишут себе замечательные книги, снимают замечательное кино, изобретают новые компьютеры и делают свои страны богатыми и счастливыми, часто даже не зная, кто у них является премьер-министром, президентом или канцлером» [3]. Але «Українська інтелігенція попри постійні самозвинувачення, сумніви у власному існуванні і розчарування в самій собі – таки існує» [4].

Возможно, действительно для выпускников экономических специальностей следует употреблять термин «бизнес-интеллигент».

«Бизнес-интеллигент — это человек широко образованный, но в то же время — квалифицированный специалист; человек нравственный, ставящий социальные интересы вровень с личными; гражданин своей страны, во-первых, и гражданин мира, во-вторых; человек предприимчивый и успешный в своем Деле (в чем бы не заключалось оно) [5].

Во всяком случае «Інтелігент — це, найперше, людина розумна, з високою внутрішньою культурою, самоповагою (а звідси й повага до інших людей, інших думок, інших поглядів на ту чи іншу проблему), з високим рівнем відповідальності за себе, за державу, з почуттям міри абсолютно в усьому (у словах, діях), правдива, порядна, чесна» [6].

В то же время всем хотелось бы, чтобы правящая элита была бы интеллигентной, чтобы взаимодействие власти и интеллигенции было эффективным. Для этого нужно применять современные средства, разрабатываемые и внедряемые технической интеллигенцией.

Вот как, например, осуществляется связь «нижнего» эшелона власти — налоговой администрации с представителями «бизнес-интеллигенции» — бухгалтерами. Идеи широкого применения Интернет-технологий для взаимодействия налоговой службы с плательщиком налогов являются естественными в век информатизации. Только в 2003 г. появилась законодательная база — приняты законы об электронных документах, электронном документообороте и электронной цифровой подписи. Появилась основа для того, чтобы эти идеи реально воплотить в жизнь. Но реализация проекта началась аж в 2006 году. Правда, за это время был утвержден формат (стандарт) электронного документа отчетности плательщика налогов, был согласован своеобразный «язык общения», который основывается на широко используемой в информатике спецификации *Xtensible Markup Language (XML)*. Разработана структура баз данных, внесены изменения в программное обеспечение, проведено его тестирование. Разработана программа действий по внедрению технологии приема отчетности в электронном виде, организованы обучающие семинары. Здесь отчетливо проявилось взаимодействие органов власти и интеллигенции. Есть надежда, что в отношениях с государством современные информационные технологии найдут самое широкое применение. Однако сроки и темпы внедрения инновационных технологий явно неудовлетворительные.

Узкий слой интеллигенции следует расширять. Только интеллигенция — интеллектуальная элита — может справиться с кризисными явлениями современности.

Список литературы

1. *Політологічний словник* / За ред. проф. В. І. Астахової та М. І. Панова. — Х.: Прапор, 1997. — 199 с.
2. *Закотий В.* Самые востребованные профессии-2007. Рейтинг [Электронный ресурс] // Фраза: Аналитика. — 2008 — 28 янв. — Режим доступа: frazza.com.analytics/28.01.08/47032.html.
3. *Выдрин Д.* Интеллектуалы и интеллигенты [Электронный ресурс] // Дмитрий Выдрин. Персональный сайт: Сентенции недели. — 2004. — 14 мая. — Режим доступа: <http://www.postup.brama.com>.
4. *Грицак Я.* Благословення і прокляття української інтелігенції [Електронний ресурс] // Поступ. — 2003. — 31 січ. — Режим доступу: <http://www.postup.brama.com>.
5. *Петровська А.* Інтелігент — це особистість // День. — 2001. — 10 серп. (№ 142).
6. *Греков А.* Что такое «бизнес-интеллигенция»? [Электронный ресурс]: В поисках новой образовательной парадигмы // Афинский Оракул: Дайджест. — 2005. — 19 февр. (№ 1). — Режим доступа: <http://www.athens.kiev.ua/academy/bizintl.htm>.

СОЦИАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И ВЛАСТИ

Проблематика властных отношений в обществе тесно связана с пониманием природы социальных ограничений и функционального призвания людей, реализующих властные полномочия. Насколько гуманной оказывается власть, вынужденная ограничивать действия других людей? Какое место занимает интеллигенция в создании ограничений с учетом принципов справедливости и гуманности?

Субъектами социальных ограничений являются их индивидуальные и коллективные творцы, т. е. те, кто сознательно или бессознательно создают и накладывают социальные ограничения на других членов общества, а в качестве этих ограничений выступают «жертвы» этих субъектов, существующие сознательно или бессознательно в границах социальных ограничений. Субъекты социальных ограничений выступают в качестве ограничителей, а объекты – в качестве ограничиваемых. Для объекта социальных ограничений важно умение увидеть и осознать данные ограничения, которые могут ограничивать и подавлять как его врожденные, так и социально приобретенные свойства, качества и способности. В плане нашего рассмотрения нас интересует тот факт, что именно властные структуры традиционно выступают субъектами социальных ограничений, ставя интеллигенцию в определенные рамки правил, норм, запретов.

Решая проблему социальных ограничений, необходимо иметь в виду, что социокультурные нормы, правила и средства выражения должны пониматься не только как ограничения и препятствия; их можно мыслить и понимать в качестве возможностей и свобод для самореализации человека.

Социальные ограничения представляют собой системную совокупность явных и неявных социокультурных правил и норм, моделей поведения, стереотипов мышления, средств, способов и результатов самовыражения людей, которым они сознательно или бессознательно подчиняются и за пределы которых они не могут или не хотят выходить даже в случае необходимости [1, с. 33].

Важно описать не частности, а выявить ядро, системообразующие факторы социальных ограничений, их основные функции, цели и ценности этой системы в целом, так как социальные ограничения существуют в любом обществе.

Идеальные социальные ограничения связаны с духовной культурой, т. к. задают обществу его ценностно-целевую, программно-концептуальную детерминацию. Именно нравственно-этические и правовые нормы, эстетические установки, проекты, научные парадигмы и модели устанавливают «правила социальной игры», тем самым задавая и ее ограничения. В этом плане важно выделить второй, не менее важный аспект субъектности социальных ограничений, ведь именно интеллигенция выступает реальным субъектом, задавая нормы и принципы в соответствии со своими жизненно-целевыми установками. Поэтому инициирование интеллигенцией определенных способов коммуникации с властью, выстраивание моделей поведения и осознание ответственности за общий ход реализации планов позволяет рассматривать эту интеллигенцию как целевую стратегическую доминанту социального развития.

В методологическом плане очень важной парой категорий, позволяющих анализировать взаимоотношения власти и интеллигенции, являются внешние и внутренние социальные ограничения. Для человека внутренними социальными ограничениями являются усвоенные и принятые им нормы социального поведения, морально-этические, эстетические и прочие ценностные установки. Внешними социальными ограничениями для отдельной личности могут выступать общепринятые в той социальной среде, где эта личность пребывает: обычаи, традиции, нормы, установки.

При этом внутренние социальные ограничения являются более важными, чем внешние, с которыми они находятся в диалектическом взаимодействии. Для гармоничного самоощущения личности в обществе внутренние социальные ограничения должны максимально совпадать с внешними. Если этого нет, то у человека (общества) возникает состояние социального отчуждения, аномии, формируется деструктивно-разлагающее отношение к внешнему миру – социуму. Согласно Шпенглеру, основным свойством жизни является стремление к преодолению всех и всяческих ограничений и границ. Жизнь хочет уничтожить все границы, к тому же любое ее единичное проявление стремится слиться с общим и всеобщим, преодолев свою индивидуальную ограниченность [2].

Главным, с содержательной точки зрения, атрибутом системы социальных ограничений является концепция реализуемого этим обществом социокультурного проекта, содержащая его главные ценностно-целевые установки и константы, в особенностях которых концепция и находит свое выражение.

При этом все функции социальных ограничений могут носить как явный, так и скрытый характер. Этот момент является очень важным, ибо декларироваться может одно, а на практике осуществляться другое. Например, правительство публично декларирует поддержку лиц с функциональными ограничениями здоровья, даже выделяет квоты на их рабочие места, но на деле инвалиды с высшим образованием реально не востребованы или же имеют ограниченный доступ к определенным видам социальной практики. Декларируя важность привлечения молодых кадров в научные учреждения, на деле власть принимает такие решения, которые снижают реальные доходы от этой деятельности и ухудшает условия ее осуществления. Или, наоборот, какие-то социальные практики осуждаются, а на деле иницируется их материальная поддержка.

Таким образом, интеллигенция в конечном итоге оказывается реальным, своего рода «стратегическим» субъектом социальных ограничений, поскольку интеллектуальная власть в обществе принадлежит именно ей; власть же в здоровом обществе иницирует социальные ограничения уже на уровне тактики. В кризисном обществе, где интеллигенции не удается «быть руководителем социального проекта», она не имеет властных полномочий, конструктивного влияния на власть, но продолжает нести ответственность за все ограничения в обществе, поскольку это – ее имманентное сущностное качество.

Список литературы

1. Михайлов В. В. Социальные ограничения: содержание, структура, функции. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 176 с.
2. Шпенглер О. Закат Европы. – М.: Гардарики, 2003. – 243 с.

И. В. Ивакина

ПИСАТЕЛЬ И ВЛАСТЬ

Удачных примеров сотрудничества писателя с властью нет. Не имеет значения, какая это власть – тоталитарная или демократическая. Результат всегда один – полное и необратимое исчезновение писателя.

Художественное творчество содержит в себе изначальное противоречие между миром и автором. Ведь если его нет, нет смысла вообще что-либо создавать. И потому, вступая вольно или невольно в игры с властью (имея возвышенные и благие намерения), принимая ее условия, писатель рискует утратить границу между собой и миром и, как следствие, потерять способность творить. Он может стать, например, Пикулем или Боборыкиным, но точно уже никогда не быть ему ни Достоевским, ни Чеховым, ни Львом Толстым. Поэтому стремиться писателю к власти нельзя. Однако существует еще один давний способ строить

свои отношения с миром. Это позиция непримиримого критика, обличителя этических и социальных уродств, которыми отмечена любая власть. Такая позиция сейчас главенствует. Однако и эта позиция тоже вызывает сомнения. Что здесь от искреннего негодования, а что все от той же неутоляемой жажды общественного признания? Ведь быть критиком сегодня легко и почетно. Нынешняя оппозиция власти плоха уже тем, что стала выгодной. А у писателя должен быть талант поступать невыгодно.

Писатель при любом столкновении с властью неизбежно проигрывает. В каждый момент власть могущественнее своего оппонента. Однако здесь, на наш взгляд, наличествует любопытный феномен. Проигрывая, на первый взгляд, каждую конкретную схватку, писатель, как ни странно, в итоге выигрывает битву. Он побеждает тогда, когда ситуация кажется уже безнадежной. Он возрождается, будто феникс, перед которым бессилена любой огонь. Так победили Михаил Зощенко и Анна Ахматова, чьи писательские автобиографии могли быть зачеркнуты ждановским постановлением от 14 августа 1946 года. Однако из гонимых писателей они стали классиками литературы. Так победил Александр Солженицын, вступивший когда-то в сражение с монстром тоталитаризма. Так победил Сергей Довлатов, внезапно вынырнув из небытия, где теперь уже навсегда остались его противники. Вот на что может рассчитывать писатель, вступая в поединок с властью. Власть не может перейти из сиюминутности в вечность. Она принадлежит прошлому, в то время как автор — будущему. Не зря один из критиков как-то сказал, что литература — это посмертная справедливость.

И все же писатель не может быть полностью безразличен к власти. Власть — это часть того мира, который он художественно воспринимает. Она пропитывает собой все человеческие отношения. Власть — как воздух, который не замечаешь, пока не начнешь задыхаться. Дело здесь вовсе не в том, как власть воспринимает писателя; дело в том, как сам писатель относится к власти. Скрыться от него в «чистом искусстве», по-видимому, невозможно.

Таким образом, с одной стороны, писатель не может сотрудничать с властью, это приводит к его перерождению, к неизбежной литературной смерти. С другой стороны, открытое противостояние власти допустимо лишь в редких, экстремальных случаях. И вместе с тем совершенно скрыться от власти нельзя. Слишком уж политика пронизывает современное государство.

Есть еще один путь взаимодействия — «использовать» власть. Культура во все времена использовала власть в своих целях: если бы она этого не делала, она так и осталась бы по-своему восхитительной, но все же в чем-то примитивной «народной» культурой. Ни Толстого, ни Достоевского, ни Пушкина просто не было бы. Если бы государственная власть не закрепляла определенные имена, определенные произведения в качестве эталонных, если бы в искусстве царил плюралистический принцип «о вкусах не спорят», если бы Шекспир и Толстой каждые четыре года, как президенты и депутаты, подвергались демократическому голосованию, в котором голос знатока весил бы столько же, сколько голос невежды, через два-три поколения от великих имен осталось бы слабое эхо. А если бы она пожелала запретить не только Платонова, но и Толстого, Чехова (как это было в третьем рейхе), мы жили бы сегодня в другой стране.

Творческая элита имеет возможность канонизировать свои вкусы, используя влияние на государственную власть. Все-таки составляют учебные программы ученые и преподаватели, а не представители государственных структур. Сочинители текстовок для попсовых песен пока еще в хрестоматии не попадают. Это и означает, что культура все-таки защищает себя, используя государственную власть.

Хотя, наверное, следует держаться подальше от власти. Власть и писатель, по крайней мере, сейчас, должны быть отдалены. Писатель, как мы знаем, сам является властью. Именно поэтому писатель не только не должен ничего у власти просить, но и по мере сил должен отстраняться от ее смертельных объятий. Единственная позиция, которую, на наш взгляд,

может занимать ныне писатель, — это сдержанное и критическое отношение к власти как таковой. Политическая практика не для писателя: здесь слишком много сиюминутных соблазнов. Он не кесарь, он атлант, поддерживающий на плечах небесный свод. Может быть, это горбатый атлант, но и тяжесть достаточно велика. Оппозиция писателя — это оппозиция будущего. Это взгляд на власть из того пространства времени, которому еще только предстоит осуществиться. Взгляд из вечности на конкретную историческую эпоху. Звезды светят всем, правда, далеко не все обращают на них внимание. Зато светят не одно тысячелетие, и ориентироваться по ним в океане жизни можно всегда: и в древнейшие времена, и сейчас, и в новом, еще только наступающем веке.

Взгляд писателя, даже гения из гениев, — это взгляд из будущего. Это скорее взгляд из «всегдашнего». «Прикованный Прометей», «Ромео и Джульетта», «Дон Кихот», «Герой нашего времени», «Война и мир», «Казачьи», «Преступление и наказание», «Идиот», «Процесс», «Тихий Дон» вряд ли говорят нам о чем-то, что еще только-только осуществляется, — они наполняют наше воображение мирами, чрезвычайно сложными и глубокими и все-таки неизмеримо более цельными, постижимыми и яркими, чем те, которыми нас заваливает сумбурная реальность. В этом смысле литература не столько отражает действительность или пророчесствует о будущем, сколько творит идеалы. На власть она влияет лишь в том смысле, что формирует людей власти еще до того, как они «войдут в должность». Жуковский был воспитателем будущего государя — разве это принесло вред? Если из «общения с культурой» будущий государственный муж выносит понимание, что культуру надо уважать или хотя бы имитировать уважение, это уже колоссальный успех. Без помощи государственной власти ни Дон Кихот, ни Гамлет, ни Печорин, ни князь Мышкин, ни их творцы не дошли бы до нас, не стали путеводными звездами. Если бы власть не институционализировала лучшее в культуре при помощи памятников, юбилейных торжеств, хрестоматий, энциклопедий, учебных программ, улиц, названных именами великих, их скоро затащили бы клубы пыли, они затерялись бы среди фальшивых звезд, которыми нас стремятся одарить телевидение, амбициозные тусовки, желтая пресса («если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно»). Раздумывая над отношениями литературы и власти, приходится повторять формулу, относящуюся ко всем устоявшимся, исторически сложившимся институтам: с властью опасно — без власти невозможно.

Г. І. Калінічева

ІНТЕЛІГЕНЦІЯ І ВЛАДА: УКРАЇНСЬКИЙ ВАРІАНТ ВЗАЄМОДІЇ

Із часів появи платонівської «Держави», в якій вперше здійснено спробу позначити функції інтелектуальної еліти, ведеться активний науковий дискурс стосовно балансу влади та відповідальності між бюрократією та інтелігенцією в політико-правовому, соціально-економічному та філософському контекстах. Проблема взаємодії інтелектуальних та владних еліт не втрачає своєї значущості й на нинішньому історичному етапі, адже в умовах українського сьогодення вона детермінована об'єктивними процесами диференціації цих соціальних груп.

Актуальність проблематики зумовлена низкою чинників. З одного боку, криза, що супроводжує процеси протистояння між двома світами — матеріально-речовим та духовним, посилює роль інтелігенції в суспільстві та поглиблює протиріччя між нею (інтелігенцією) та бюрократією як формою державного управління. З іншого — процеси глобалізації та формування нової універсальної спільноти, яка ґрунтується на взаємозв'язку культур та цивілізацій, репрезентують інтелігентність як своєрідну модель нового глобального способу мислення, а отже, генезис влади й інтелігенції в даному контексті є віддаленою перспективою людського буття.

Відсутність чіткого розуміння владою історичної перспективи України актуалізує постановку проблеми «інтелігенція і влада» перш за все з огляду на осмислення її місця в суспільно-політичних процесах, у визначенні українського шляху. Вочевидь постає необхідність у нав'язуванні владі діалогу з інтелігенцією, є потреба у представницькому і відповідальному широкому обговоренні результатів державного будівництва, подальшої долі українського народу та України, їхніх місця та ролі у людській спільноті – для вироблення й проголошення стратегії розвитку країни на основі народних потреб і не просто заклику, а примусу влади до її реалізації.

Розробка проблеми інтелігенції та її взаємодії із суспільством і владою започаткована у період античності. Пояснюючи органічність єдності способу мислення із міркуванням та науковим знанням, античні філософи зважали на єдність істини, добра та краси (Сократ, Платон, Аристотель). Звідси й бере свої коріння розуміння інтелігентності як ідеальної сутності, що досягається розумом. Таке бачення сутності інтелігентності в цілому зберігається й до Нового часу. Сучасні тенденції в осмисленні інтелігентності базуються на ідеях І. Канта щодо органічного зв'язку інтелігентності з моральним законом людства, реалізація якого призвела до того, що інтелігентність почали розглядати не тільки як ідеальну універсальну сутність, що досягається розумом, але й як прояв вищого рівня внутрішнього світу людини (Г. В. Ф. Гегель, І. Г. Фіхте, Ф. В. Й. Шеллінг). Термін *intelligence* почав використовуватись для позначення освічених людей, що представляють «мислячу частину суспільства» – інтелігенцію. Подібне розуміння знайшло відображення в працях філософів кінця XIX – початку XX століть: Н. А. Бердяєва, М. О. Гершензона, А. Грамши, А. С. Ізгоева, А. В. Луначарського, П. І. Новгородцева, І. А. Покровського, П. Б. Струве, М. І. Туган-Барановського, К. Каутського, Є. Лозинського та інших. Окремі вчені виділяли зв'язок «інтелігенція-інтелігентність» у соціально-економічній площині (А. Вольський, С. Я. Вольфсон, В. П. Воронцов, Є. Лозинський, Д. І. Писарев та інші), у той час як інші вважали пріоритетною морально-етичну сторону цього феномену (Н. А. Бердяєв, Р. В. Іванов-Разумник, А. Ф. Лосєв, П. Л. Лавров, М. К. Михайловський та інші).

У сучасному українському суспільствознавстві чимало науковців: філософів, політологів, істориків, соціологів – висвітлюють проблеми взаємодії владних інституцій з національною інтелігенцією (М. Михальченко, В. Андрущенко, В. Кремень, В. Литвин, Ф. Рудич, А. Пахарєв, В. Судаков, В. Астахова, К. Астахова, Г. Почепцов, М. Дробноход, П. Кононенко та ін.). Нагальні проблеми соціально-політичних реформацій і розбудови громадянського суспільства, модернізаційні зрушення в освітянській галузі, роль та значення наукової і творчої інтелігенції в українському соціумі ставали предметом обговорення на представницьких наукових форумах (конференціях, конгресах, симпозіумах) протягом шістнадцяти років незалежної України.

Попри гучні декларації з трибун владних інституцій щодо консенсусу між владою та інтелігенцією, ще й досі залишається коло питань, які потребують не стільки осмислення, скільки невідкладного вирішення.

Одна з нагальних проблем сьогодення – чи здатна інтелігенція впливати на владу? Теоретично можливі два варіанти такого впливу. Перший – безпосередній, який передбачає входження до владних структур. Другий – опосередкований полягає у створенні певної духовної атмосфери в суспільстві.

Перший варіант тривалий час відкидався вітчизняною інтелігенцією. Багато хто і зараз небезпідставно вважає політику брудною справою. Для іншої частини інтелігентської громади єдиною перепоною на шляху до влади є елементарний брак коштів.

Демократичні рухи, започатковані інтелігенцією у другій половині 80-х – на початку 90-х років XX століття, які багато зробили для національного пробудження і проголошення української державності, себе зжили. Сьогодні інтелігентська еліта фактично усунута від впливу на вироблення й реалізацію державної політики.

Парламентські виборчі перегони, кількість яких останнім часом в Україні дедалі збільшується, засвідчили певну взаємодію зацікавлених груп і осіб у підтримці з боку інтелігенції. Так, у виборчих списках партій і блоків дедалі частіше стали з'являтися імена відомих науковців, митців, освітян тощо. Щоправда, діяльність окремих таких парламентаріїв складно назвати ефективною з огляду на результативність, проте факт їх присутності у виборчих списках і в парламенті є очевидним.

Досить помітною діяльністю інтелігенції залишається на етапі передвиборної компанії. Кожний більш-менш серйозний кандидат чи політична сила залучають до співпраці професійні команди психологів, соціологів, журналістів, фахівців з публік рилейшинз, політологів, політтехнологів та інших фахівців. Адаже розробкою партійних програм, макетів листівок і плакатів та гасел, впровадженням нових виборчих технологій опікувались представники інтелектуальної еліти, які розуміються на таких справах. Саме люди з вищою освітою, а почасти – наукова еліта, проводили до парламенту «нових українців», а тепер очікують реальних кроків здійснення обіцяного від своїх висуванців.

Інший варіант впливу інтелігенції на владу – це створення певної духовної атмосфери в суспільстві. Фактично йдеться про формування такої суспільної поведінки, коли інтелігенція виступає моральним суддею діяльності влади. На думку багатьох фахівців, він є більш природним і традиційним для нашої країни, ніж попередній. Однак і його ефективність теж викликає значні сумніви.

Особливістю перших років незалежності була активна суспільна зацікавленість питаннями вітчизняної історії, теорії і практики державного будівництва, реформаційних зрушень, взаємозв'язку політики і економіки, міжнародних відносин тощо. Домінантним гаслом стала національна ідея, розбудова національної держави та її інституцій. «Парламентарії-романтики» першого скликання Верховної Ради – здебільшого представники творчої інтелігенції – переймалися питаннями політично важливими, але нескінченно далекими від потреб пересічних громадян. Результатом тривалих дискусій і протистояння політичних угруповань перших років української незалежності стала заміна владою застарілого ідеологічного одягу на більш сучасний, а інтелігенція лише «науково» обґрунтувала та ще й оспівала цей процес.

Теоретично залишається ще один важіль впливу інтелігенції на суспільство і владу – виховання підрастаючого покоління. На практиці ж, переважна більшість «сіячів розумного, доброго, вічного» і сьогодні ще змушена думати про власні екзистенційні проблеми, а не про майбутнє держави.

Логічним випливає висновок, що реальних і дієвих засобів впливу на владу та суспільство в українській інтелігенції сьогодні не залишилось. Є лише певні сподівання, що поява таких засобів може стати наслідком змін на політичному олімпі. Проте очікування кращої долі не є конструктивним підходом до вирішення низки існуючих проблем.

Зокрема, розглянемо лише одну з найболючіших тем для вітчизняної освітянської інтелігенції: модернізаційні зрушення в освітянській галузі. Євроінтеграційні прагнення молодшої української держави поставили на порядок денний необхідність приведення у відповідність до європейських стандартів багатьох галузей суспільного життя. Так, однією з перших зазнала реформаційних зрушень освітянська галузь. Протягом шістнадцяти років української незалежності в системі середньої і вищої освіти спостерігаємо чимало різноманітних експериментів владних інституцій у цій царині. В освітянських часописах висвітлювались різні точки зору на модернізаційні поступки, проте мало хто з авторів зазначав, що жодна з реформ не була доведена до логічного завершення. Тим більш, складно говорити сьогодні про майбутні наслідки тих реформацій, діючими особами яких стали представники освітянської інтелігенції у попередні роки. Чи можливе протистояння освітянської інтелігенції владним інституціям і альтернативне позиціонування власних підходів за вітчизняних реалій? Теоретично – так, можливо зайняти опозиційну точку зору. Практично – ні, неможливо протистояти системі в суспільстві, де інституції громадянського суспільства лише почали розбудовуватися.

Прикладом неузгодженості й суперечливості владних нововведень в освітянській галузі є початок реформування системи вищої освіти без цілісної системної реформації всієї освітянської галузі. Проведення з ініціативи Міністерства освіти і науки України експерименту з впровадження кредитно-модульної системи організації навчального процесу у ВНЗ у рамках приєднання до Болонського процесу не було підкріплено необхідними нормативно-правовими документами, які регламентують і саму організацію навчального процесу, і фактичні затрати часу студентів і викладачів, і зміни у педагогічному навантаженні викладачів тощо. Так, незмінним залишається наказ № 161 від 2 червня 1993 року «Про організацію навчального процесу в вищих навчальних закладах», позаяк сама організація навчального процесу в умовах приєднання до Болонського процесу, суцільної інформатизації і комп'ютеризації набула нових обрисів. Декларативним залишиться за українських реалій гасло Болонської декларації про академічну мобільність студентів, оскільки кількість студентів у вищих навчальних закладах регламентується ліцензійним обсягом.

Скоріше проблематичним, аніж ефективним буде прийом до вузів у нинішньому році за сертифікатами Українського центру оцінювання якості освіти, а саме: доступ до вищої освіти фактично буде перекрито випускникам попередніх років. Декларуючи необхідність боротьби з корупцією у системі вищої освіти, владні інституції створюють прецедент, коли винахідливі співгромадяни черговий раз будуть віднаходити можливості обійти і ці перепони. Фактично створюється ситуація, коли замість рівного доступу до вищої освіти формуються умови для елітарної вищої освіти, оскільки за умов демографічної кризи така політика влади призведе до скорочення кількості вузів приватної власності. Підтримуючи ініціативи владних інституцій щодо посилення контролю за якістю надання освітніх послуг у вищій школі, освітянська громадськість стурбована невирішеністю низки питань, які пов'язані безпосередньо з цією якістю. А саме – необхідністю забезпечення вузів сучасною матеріально-технічною базою, фінансова підтримка наукових і методичних інновацій, врахування на державному рівні накопиченого досвіду та рекомендацій тощо.

Таких прикладів доволі багато. Яким чином освітянська громада реагує на подібні явища? Так, є громадське обговорення існуючих проблем, у тому числі й на наукових форумах, існують наукові та освітянські часописи, на сторінках яких висвітлюються проблеми та вірогідні шляхи їх розв'язання. Однак, попри всі пропозиції освітянської і наукової інтелігенції, залишається незмінним факт консервативності та непохитності владних інституцій щодо альтернативних, почасти раціональних точок зору. У чому причина такого нехтування владою громадської думки?

На думку В. Литвина, сьогодні в Україні сформований устрій, який можна класифікувати як бюрократичний капіталізм. «Держава виступає головним економічним суб'єктом, що діє в інтересах політичного і бюрократичного прошарку, а не народу. Цей клас утвердив свою владу за рахунок того, що правовим шляхом експропріював загальнонародну власність і обернув її на свою користь. Маємо підстави говорити про парадоксальне, алогічне явище українського сьогодні – законність без справедливості, яке, в свою чергу, ототожнюється з періодом беззаконня». Послугуючись визначенням російського вченого К. Ремчукова, можна констатувати, що і у нас «настала епоха публічної апології нерівності як джерела розвитку» [1].

В умовах, коли справа державного будівництва і всіх суспільних модернізаційних зрушень зосереджена в руках влади, йдеться про утвердження політичної формації, при якій суспільство структурується по вісі влади. Вірогідні наслідки – невизначеність стратегії суспільного розвитку, оскільки із державної практики поступово вилучається смисловий стрижень Основного закону України: «носієм суверенітету і єдиним джерелом влади в Україні є народ». Реаліями українського сьогодні є факт того, що сила права і право сили розходяться дедалі більше. У влади не вистачає часу на стратегічні реформи, вона пропонує почасти політику, неприйнятну для суспільства через її архаїчність.

Поділяємо думку В. Литвина, що треба, врешті-решт, зламати традиції, коли інтелектуальні напрацювання, узагальнення й оцінки залишаються надбанням певного кола дослідників, викладаються здебільшого у виданнях із обмеженими накладом. «Треба, врешті-решт, усвідомити всім – владі й суспільству: відсутність широкої дискусії щодо засад організації нашого життя, ідеологічних основ і власне державного проекту обертається примітивно-незграбною політикою, невиразністю країни, яка постійно перебуває заручницею помилок і прорахунків українських державотворців. Звісно, для цього потрібно, щоб влада захотіла почути правду. Причому правду таку, якою вона є. Лише тоді буде сформовано історичну перспективу для України» [1].

Отже, сьогодні критично важливо не підігравати за звичкою владі, не прагнути беззастережно освічувати її рішення, а науково обґрунтувати та облагородити ті чи інші події. Бо ніщо не розділяє народ так, як спільна позиція інтелігенції та влади.

Список літератури

1. *Литвин В.* Україна – 15 років невизначеності. Що далі? – День. – 2006. – № 45 (624). – 25 листоп.–1 груд.
2. *Левада Ю.* Інтелігенція. Досвід нового мислення. – М., 1989.
3. *Труфанов А. А.* Основы теории интеллигентности. – Казань, 2002.

Н. П. Карпова

ВЛАСТЬ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Интеллигенция как общественный слой людей, профессионально занимающихся умственным, преимущественно сложным, творческим трудом, развитием и распространением культуры, всегда находится в активном взаимодействии с властью, проявляя себя во всех сферах общества. Интеллигентность представляет собой свойство, функцию личности в рамках определенного общества, выражающуюся в обостренном чувстве несовершенства социального мира, критическом к нему отношении. Определяющие качества интеллигентности: гуманизм, высокая духовность и чувство ответственности за свои поступки, добропорядочность, способность к пониманию другого, терпимое отношение к миру и людям, безусловное соблюдение чести, неперемное чувство меры во всем.

Общественная функция интеллигенции заключается в создании, развитии и распространении культуры. Понятию «интеллигенция» нередко придают и моральный смысл, видя в ней воплощение высокой нравственности и демократизма. В ее состав входят научная, инженерно-техническая интеллигенция, деятели культуры (литературы, искусства и др.), специалисты просвещения, информации, здравоохранения, аппарата управления.

Наряду с политической властью огромное влияние на общество имеет и власть самой интеллигенции, которая позиционирует себя как критическую по отношению к политической власти. При этом замалчивается власть образованных людей (телевизионных начальников, редакторов, драматургов, режиссеров, рекламщиков, продюсеров), от которых в значительной степени зависит расстановка основных акцентов при освещении и оценке.

Произошло соединение двух реальностей – реальности медийной и реальности эмпирической, той, в которой мы живем. Именно творческая интеллигенция задает способ видения и оценивания происходящего. Поскольку утаивается главная суть приватизации (переход собственности от неэффективного владельца к эффективному), а внимание приковывается к фактам неудачной и несправедливой приватизации, то у населения выработано негативное, агрессивное отношение к собственникам. Сегодня 77% населения считает, что нужно пересматривать итоги приватизации, отнять собственность у владельцев

и передать ее другим, 74% — что приватизация несправедлива, и более 70% из них — люди с высшим образованием.

Значимым субъектом власти выступает рынок, поскольку он перекрыл производство продуктов культуры, которые не будут покупаться. Там, где нет государства, — в издательском деле, на телевидении, в шоу-бизнесе — производится только то, что будет покупаться и потребляться. Произошел процесс, против которого всегда выступали деятели культуры, — это реабилитация массовой культуры. Если раньше считалось позорным снимать коммерческий фильм, ставить кассовый спектакль, то сегодня рынок как мощная власть кардинально меняет эту ситуацию. Если раньше аудитория делилась на поклонников Эфроса, Товстоногова, Тарковского и на всех, кто предпочитал китч, то теперь эта аудитория стала многомерной, многополюсной, плюралистичной. Сосуществуют произведения «высокого» искусства и «попса», китч. Рынок же в этой ситуации, которую он же и спровоцировал, играет и позитивную роль: он стимулирует конкуренцию среди коммерческих поделок, включает рычаги повышения их качества.

Сегодня именно творческая интеллигенция транслирует народу определенную версию реальности, согласно которой все предприниматели — аморальны, что реформы не удалась, что бизнес — это всегда преступность, что мы не умеем ничего делать, все хотим получать «на халяву». В современных фильмах никто не работает, все только перетягивают собственность из рук в руки путем насилия. Общество воспринимается современным зрителем, слушателем, читателем как криминальное пиршество, участниками которого в равной степени являются честный человек и преступник, милиционер, судья, адвокат, жертва, предприниматель, вор и т. п. В таком обществе ничего не иерархизировано, не классифицировано, не дифференцировано. Однако же в нем выращивается ценностная система страны, где хаотически смешиваются роли героя и врага, истинного демократа и авторитарного лидера, порядочного человека и аморального типа.

Но если творческая интеллигенция создает, воплощает сценарии, то кто их заказывает? Кто заинтересован в лавине передач о криминальных разборках? Кому выгодно вытеснить из памяти народа Ленинград как «город-герой», заменив на «бандитский Петербург»? Посмотрев большинство передач, человек может думать только о том, что Россия — страна воров, бандитов, придурков, отморожков и проституток, что «с волками жить, по-волчьи выть». Власть творческой интеллигенции вымывает важнейшие ценности, на которые опираются развитые социальные системы, — чувство доверия, чувство безопасности и чувство будущего. Поэтому самое важное сегодня — подумать о власти творческой интеллигенции. О том, как она относится к обществу, что нужно делать, чтобы люди получали правильное представление о реальности, чтобы правильно понимали, что с ними происходит. И, следовательно, чтобы правильно жили. Ведь интеллигентность как раз и представляет собой свойство, функцию личности в рамках определенного общества, выражающуюся в обостренном чувстве несовершенства социального мира, критическом к нему отношении. Определяющие качества интеллигентности: гуманизм, высокая духовность и чувство ответственности за свои поступки, добропорядочность, способность к пониманию другого, терпимое отношение к миру и людям, безупречное соблюдение чести, неперемное чувство меры во всем.

Л. Н. Литвиненко

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ, КОТОРЫЕ ВЛАСТЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ МОГУТ РЕШИТЬ ТОЛЬКО СОВМЕСТНО

Обсуждение темы о взаимоотношении интеллигенции и власти не имеет большого смысла, если сама власть интеллигента. Разумеется, в наше время люди во власти должны быть интеллигентными. Под интеллигентностью я понимаю наличие законченного

профессионального высшего образования, широкой эрудиции и твердых моральных принципов. Все эти компоненты чрезвычайно важны, но я особо хочу подчеркнуть профессионализм, ибо управлять страной эффективно можно только профессионально, а не на любительском уровне. Я категорически отрицаю ленинский лозунг о том, чтобы кухарки управляли государством. Таким образом, я думаю, что правильнее вести речь не о проблемах взаимоотношения власти и интеллигенции, а о том, какие первоочередные задачи им следует решать совместно.

В наших кризисных условиях трудно говорить обо всех проблемах, связанных с экономикой, наукой и образованием, социальными отношениями и так далее, поэтому я как представитель научной интеллигенции остановлюсь на некоторых, наиболее близких мне. Прежде всего, — падение престижа науки вообще и естественных наук в особенности. Это чрезвычайно печально, поскольку естественные науки являются надежным фундаментом экономического прогресса. Причины такого падения (и экономические, и социальные) во многом связаны с отсутствием правильной государственной политики в области образования и пропаганды. В связи с явным промышленным застоем слабо востребованы специалисты с естественнонаучным и инженерно-техническим образованием, плохо работает сеть профессионально-технических училищ из-за мизерной оплаты труда таких специалистов, как токари, слесари и так далее. В связи с политической нестабильностью молодежь не стремится получать высшее техническое образование, не имея твердой уверенности в будущем улучшении обстановки. Молодые люди идут в торговлю, сферу обслуживания, не будучи приучены приносить в жертву сиюминутные выгоды во имя достижения отдаленных целей. Повышение престижа естественно-научных знаний, их привлекательности должно быть важнейшей целью образовательной политики. Я учился в школе в конце 40-х — начале 50-х годов. Несмотря на тяжелейшие условия у нас в школе работали великолепные кружки по математике, физике, химии. Особенно хорошо я помню физический кабинет, в котором мы, ученики 5–7 классов, под руководством любимого учителя физики своими руками делали сложнейшие приборы, которые выглядели, как игрушки. Причем нас учили работать на токарных станках, паять, обрабатывать дерево. Это была государственная политика, и делалось все в условиях, когда зарплата учителя была отнюдь не самой высокой. Школьная программа в то время была насыщенной, но без ущерба гуманитарным дисциплинам, давала выпускнику средней школы достаточный естественно-научный кругозор. Можно, например, сказать, что в 10 классе изучался годичный курс астрономии, который давал молодому человеку основные знания о строении вселенной и современных взглядах на космогонические проблемы. Я убежден, что основной совместной для власти и интеллигенции задачей в настоящее время должно стать повышение уровня естественно-научного образования как основы научно-технического прогресса.

Следующая проблема, достаточно тесно связанная с первой, — это борьба с агрессивным невежеством. Здесь имеется, по крайней мере, два аспекта. В эпоху так называемого плюрализма мнений махровым цветом расцвели различного рода псевдонаучные шарлатанства. В первую очередь мне хотелось бы отметить астрологию. Астрологические прогнозы заполнили всю прессу, радио и телевидение. Экран предоставляется одиозным личностям, вещающим о предстоящих мировых катастрофах и тому подобном. Разумеется, в век свободы слова запрещать такое невозможно, тем более что на подобного рода продукцию есть спрос, ибо она восполняет дефицит естественно-научных знаний. Все это было бы весело, если бы речь шла о том, что люди с юмором относятся к рекомендациям вроде той, что сегодня нельзя засовывать голову в микроволновку. Но эта проблема становится вопиющей, когда в государственных университетах собираются открывать астрологические факультеты, где будут готовить дипломированных специалистов по одурачиванию — сначала астрологов, потом, если дело пойдет, — шаманов, колдунов и прочих «специалистов» белой и черной

магий. Эту проблему власти необходимо решать незамедлительно, а научной интеллигенции с помощью власти вести необходимую разъяснительную работу в прессе, на телевидении, публикацией научно-популярных книг и журналов.

Второй аспект – это возникновение большого количества «самобытных» талантов, как правило недоучек, которые считают своим долгом поколебать основы современной науки. Когда они публикуют свои изыскания за свой счет, то это их право, а читает этот бред тот, кто хочет. Но когда эти люди обращаются в правительство, к Президенту с обвинениями в адрес «ретроградов» от науки, а в ответ создаются многочисленные комиссии, отвлекаются квалифицированные специалисты на составление никому не нужных справок и ответов, хочется сказать: невежество может быть побеждено только знаниями. Научная интеллигенция в ответе за то, чтобы эти знания становились достоянием масс, чтобы они выглядели достаточно популярно, вселяя уверенность в том, что наука в состоянии правильно решить все проблемы.

И, наконец, последнее, на чем я хотел бы остановиться. Это проблема идеологического вакуума, которой во времена советской власти столь явно не существовало. С пионерского возраста люди воспитывались в свете коммунистической идеологии и в соответствии с ней с определенными моральными принципами. В такой идеологии был ряд положительных моментов, но в 90-х годах возник всем известный кризис, связанный, в том числе и с тем, что проводники этой идеологии говорили одно, думали другое, а делали третье. Я вспоминаю о совместных поездках в колхоз, хоть и абсолютно бессмысленных с экономической точки зрения, но прививавших чувство коллективизма, кружки во дворцах пионеров, физкультурные секции, которые были всем доступны, бесплатны. Судя по всему, власть ощущает этот идеологический вакуум. Хочу сказать несколько слов о попытках заполнить его религией. Конечно, вера в Бога – сугубо индивидуальна, и я не хочу вступать в полемику с верующими людьми, но мне кажется, что появляющиеся в печати предложения о введении в государственных школах курса закона Божьего – это уже не личное дело каждого, а дело государственной политики. Родители, желающие учить своих детей закону Божьему, могут отводить их в воскресные церковные школы.

Как следствие идеологического вакуума, – появление разнузданной и агрессивной рекламы алкогольных напитков, пива и сигарет, огромного количества игровых автоматов и казино. Если нас раньше пугали тлетворным влиянием Запада, то сейчас впору говорить об обратном: Западу придется защищаться от нашего разлагающего влияния. В Европе и в США не встретишь рекламу сигарет и алкоголя, в некоторых штатах запрещены казино и игровые автоматы, и не дай Бог, если полицейский увидит пассажира, пьющего в салоне автомобиля что-либо крепче кока-колы.

Чем же можно заполнить идеологический вакуум? Это важнейший вопрос, который должны решить представители социогуманитарных наук. Мне кажется, что здесь большую роль может сыграть правильно сформулированная национальная идея. Например, превратить нашу Украину в современное процветающее европейское государство. Четкая реалистическая программа действий, направленная на осуществление этой идеи, могла бы сплотить все слои общества. Такую задачу по силам решить лишь власти и интеллигенции совместно.

АЛЬТРУИЗМ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И ПОЗИЦИЯ ВЛАСТИ В УКРАИНСКОМ ВАРИАНТЕ

Что вижу я ныне?

В упадке и честь, и ученость.

Ибн Сина

«Древний Рим и Византия пали от излишества предметов роскоши...». К этому необходимо также добавить, что и от множества ораторов. Обращаясь к одному из основных законов диалектики — закону отрицания отрицания: развитие — движение по спирали — повтор на более высокой стадии... можно увидеть, что уже тогда шла ожесточенная борьба за красоту (красоту слова, манеры держаться и т. д.) в ущерб здравому смыслу. В желании быть лучше, понравиться, патриции порой забывали обо всем. Хуже того, они могли в ущерб целому народу (своему кормильцу!) доказывать свое «Я». Здравый смысл? — Никакого. Цель — понравиться, прославиться, обогатиться. И как назывались эти люди? Правильно — демагоги. В настоящее время просматривается историческое развитие этого явления, где *срабатывает* другой закон — закон перехода количественных изменений в качественные, и получили «заработанное» *качество* согласно принципу детерминизма (причинно-следственной связи).

Первоначально слово «демагог» (от греч. *demagogos*) означало — вождь народа, политический деятель демократического направления. Но на протяжении веков велись «баталии» среди ораторов и «постепенно» (за пару тысяч лет) мы получили другое «качество» (согласно Закону ...) и причинную связь (согласно принципу ...).

В плане «качества» появился термин «демагог», получивший отрицательный смысл, и «демагогия», где субъектом остался демагог, но уже другого качества (греч. *demagogia*, от *demos* — народ и *ogo* — веду), означающий: 1) обман преднамеренным извращением фактов, лживыми обещаниями, лестью; лицемерное потакание вкусам малосознательных масс для достижения политических целей; 2) высопарные рассуждения, прикрывающие какие-либо корыстные цели [2]. То есть, за что боролись...

Интересно то, что во всех этих определениях говорится о народе. Демократия — власть *народа*. Демагог — вождь *народа*. Демагогия — веду *народ*.

Последнее — демагогия — ближе к нам «по духу», более понятное, «родное».

Первое — «власть народа» — нам ни о чем не говорит. Второе — «вождь народа» — было, недавно, но уже было. И, наконец, последнее — «веду народ»... Однако снова возникает вопрос: «Причем здесь народ?». Ан, нет. Не было бы народа — не было бы кого вести. Есть народ — напрашивается ведущий.

Бесспорно, лидеры нужны, но, к сожалению, чаще всего не те выступают в качестве *ведущих*. И, априори, не могут называться «народными депутатами» те, кто жаждут власти и идут во власть, исключительно преследуя цель наживы.

Снова проявляется актуальность лозунга (призыва) «Хлеба и зрелищ!». Даже спустя более двух тысяч лет, люди также делают свой выбор, в большей степени, в пользу зрелищ. На первом месте фейерверк, а что останется детям в плане экономического и культурного наследия — это «второстепенный» вопрос.

«Ищите кому от этого выгодно...». Разве будет молодое поколение голосовать за ту власть, которая надоедала бы своими нравами о том, чтобы молодежь вела себя культурно, относилась уважительно к старшим и т. д. Это же так скучно! Другое дело — фейерверк, музыка, сигареты и пиво.

Принято говорить о «постановке проблемы». Однако настало время настаивать на *решении* насущных проблем и на определении ответственности за действия или бездействия, особенно должностных лиц.

Л. И. Божков подчеркивает, что санкции взрослых являются важнейшим регулятором поведения ребенка [3]. Необходимо *требовать* от «современных пиротехников», находящихся у власти, не влиять на современную молодежь отрицательно. Следует принять закон, регламентирующий Правила поведения молодежи. Расписать по пунктам гипотезы, диспозиции и санкции. Например: Детям до 14 лет нельзя находиться на улице после 21 часа без сопровождения взрослых (16–18 лет – после 23 часов). Санкция – штраф 100..., 500 грн и т. д.

Во-первых, это профилактика подростковой преступности. Во-вторых, если нет режима (распорядка дня), – о какой учебе может идти речь!

Власть должна повернуться лицом к проблемам образования в целом и интеллигенции в частности. Здоровье нации зависит от того, насколько будут развиваться различные учебные заведения, культурные и спортивно-оздоровительные центры. Говоря об интеграции в общеевропейское образовательное пространство [4], нельзя не отметить, что в наших вузах нет своих нормальных корпусов, общежитий, актового зала, спортсооружений, т. е. самого необходимого для существования современного учебного заведения.

Настоящая народная власть призвана обеспечить выделение земли под строительство необходимых сооружений на самых выгодных условиях.

Не следует воспитывать молодежь в духе того, что «где-то» можно делать все, что угодно, а в *своем* вузе вести себя «подобающим образом». Необходимо вспомнить социалистический подход в отношении советского человека (моральном облике), где бы он ни находился. Ж. Кусто по этому поводу говорил: *«Не нарушая чужие права, тем самым мы охраняем свои».*

К сожалению, также делается акцент на трудоустройство, на *успешность* без учета моральной стороны этого вопроса. Часто вуз гордится тем, что студент принят в очень серьезную фирму на престижную работу, а фирма производит сигареты или пиво. Табачных киосков уже больше, чем урн!

Самым опасным явлением современности является *цинизм* – пренебрежение общепринятыми нормами общественной морали и права. В чем выражается цинизм? Известно, что провозглашать что-то, а самому не выполнять или, хуже того, умышленно искажать факты и вводить в заблуждение других как минимум – аморально. Так, «представители народа» призывают «поддерживать отечественного производителя». Пусть они и их дети покупают... «Таврии». Тогда, может быть, мы бы догнали и перегнали... Пусть они не кричат на каждом шагу, что расследование *криминальных дел*, это *сведение счетов с политическими оппонентами и наступление на демократию*, что не надо *искать крайнего* и не надо никого наказывать.

Самый большой недостаток в Украине – это повсеместное нарушение и невыполнение норм закона. Вседозволенность и безнаказанность порождает новые правонарушения и преступления. Известно, что бороться надо *с причиной, а не со следствием*. Поэтому только в стране, где пренебрегают этим принципом, и могут происходить такие *экономические и политические вакханалии*. И если мы не будем настаивать на выполнении норм закона и норм морали, – все остальные усилия, направленные на положительные изменения в обществе, напрасны. *«Чисто не там, где убирают, а там, где не сорят».* Отсюда следует, что живут хорошо (в мире и достатке) не там, где работают много, а там, где не воруют.

Все болезни от безкультурия. Культура поведения и общения, отсутствие толерантности, хамство в отношениях между людьми ранит их души, а значит, неосторожные или, хуже того, умышленно оскорбительные слова отрицательно влияют на здоровье других людей. Необходимо вернуться к вопросу: *«Кадры решают все»* и повсеместно проводить программу по внедрению культуры, а точнее, на данном этапе развития нашего больного общества – по *искоренению антикультуры*. Пока не будет общей и повсеместной культуры, нельзя говорить о цивилизованном обществе и о демократическом государстве.

Сюда же можно отнести поведение ряда представителей интеллигенции, особенно некоторых «предпринимателей от науки», которые «штампуют» околонуточные работы.

К цинизму (нигилизму) относится «налаженный бизнес» по написанию рефератов, курсовых и диссертаций. Это недопустимо!

Опираясь на учение В. И. Вернадского «О ноосфере» [5], где он говорит о «всемирном разуме», просматриваются два пути дальнейшего развития человечества: первый, в который верил сам В. И. Вернадский, что человечество приложит все усилия для создания условий, способствующих процветанию жизни на Земле, и конечно, во благо людей. Второй, это тот, к которому человечество «летит сломя голову», — это приложение всех мыслимых и немыслимых усилий для уничтожения жизни на Земле (самоуничтожения).

Власть обязана создавать нормальные условия для интеллигенции и обеспечивать всем необходимым и, в первую очередь, нормальной заработной платой. Необходимо поднять престиж преподавателя и подтвердить это законодательной базой. Профсоюзу образования пора поднимать вопросы соответствия заработной платы тем затратам, которые несет преподаватель, особенно моральным. Обеспечивать социальные гарантии и установление льгот с тем, чтобы поощрить нелегкий труд Учителя. Например, решить вопрос о 50%-ной льготе на подоходный налог.

Говоря о заинтересованности в росте экономических показателей, хочется подчеркнуть, что во всем мире выделяются средства на сайентификацию процесса производства, а у нас в лучшем случае предоставляются гранты на развитие каких-либо программ, которые, как правило, не связаны с повышением жизненного уровня людей. А наукой преподаватели занимаются «в свободное от работы время».

Например, в Германии преподавательский состав имеет *статус госслужащих*. По данным японского агентства по науке и технологии в сфере Research and development, в Японии за один год (1991–1992) затраты на научно-исследовательские работы выросли на 1064% (!) [6].

Представители интеллигенции, высококлассные специалисты должны быть востребованными и достойно оплачиваемыми в своей стране и трудиться они должны на благо своей страны.

Априори — экономика — это базис, а политика — это надстройка.

Известный психолог Б. Г. Ананьев отмечает, что научное исследование статуса личности должно включать изучение *реального экономического положения* (материальное положение, обеспеченность), политического правового положения (соблюдения прав и свобод граждан), образовательного статуса и культуры [3].

В. И. Астахова также подчеркивает, что проблемы образования необходимо рассматривать через призму *экономической, социальной и правовой защиты* всех субъектов образовательного процесса [7].

Таким образом, положение преподавателя должно выражаться через его материальное благосостояние, которое дает уверенность как в поступках, так и в моральном плане — уверенность в завтрашнем дне, а также повышение социального статуса. Ведь Учитель — это человек, который, при правильном подходе к нему, выложиться на «все сто».

Список литературы

1. Салдадзе Л. Г. Ибн Сина (Авиценна): Страницы великой жизни. [Ист. роман / Отв. ред. М. М. Хайрулаев]. — Ташкент: Лит-ра и искусство, 1985. — 464 с.
2. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров; Редкол.: А. А. Гусев и др. — изд. 4-е. — М.: Сов. энцикл., 1987. — С. 372–374.
3. Психология личности в трудах отечественных психологов // Сост. Л. В. Куликов. — СПб.: Питер, 2000. — 480 с. (Сер. «Хрестоматия психологии»).
4. Вища освіта України і Болонський процес: Навч. посіб. / За ред. В. Г. Кременя. — Тернопіль: Навч. книга — Богдан, 2004. — 384 с.
5. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. — М.: Наука, 1991. — 271 с.
6. Фініков Т. В. Сучасна вища освіта: світові тенденції і Україна. — К.: Таксон, 2002. — 176 с.

7. Астахова В. І. Соціальний захист тих, хто навчає, і тих, хто навчається. Вчені зап. Харк. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.» / [Редкол.: В. І. Астахова (голов. ред.) та ін.] — Х.: Вид-во НУА, 2005. — Т. 11. — С. 579.

Ю. С. Потёмкин

УРОКИ «ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И СОЦИАЛИЗМА» М. И. ТУГАН-БАРАНОВСКОГО

Без малого сто лет назад, в 1909 г., был опубликован знаменитый сборник статей о русской интеллигенции «Вехи», положивший начало длящейся до сих пор сперва общероссийской, а затем и международной дискуссии о сущности и роли интеллигенции.

Общественная реакция на этот сборник не ограничилась только крайними суждениями (от «дерзко-революционного бунтовщичества» до «либерального ренегатства»). Уже в 1910 г. увидел свет другой сборник «Интеллигенция России», авторы которого частично развивали идеи «Вех», а во многом и полемизировали с ними.

В числе прочих в этом сборнике содержалась статья «Интеллигенция и социализм» [1], принадлежащая перу известного в то время ученого-экономиста и историка, в трудах которого, как признают теперь специалисты, развивались идеи, составляющие основу современной теории денежного обращения.

М. И. Туган-Барановский (1865–1919), уроженец Харьковской губернии, окончил Харьковский университет, преподавал в С.-Петербургском университете, совмещая научную деятельность с публицистикой. Как интеллигент, он не мог скрывать в своих статьях критического отношения к сложившемуся устройству общества и государства (Советский большой энциклопедический словарь характеризовал Туган-Барановского того периода как «легального марксиста» [2]). Естественно, власть не приветствовала такие публикации. Известна передаваемая в пересказах характеристика интеллигенции, данная министром внутренним дел того времени В. К. Плеве: «Интеллигенция — тот слой нашего образованного общества, который с восхищением подхватывает всякую новость или слух, склоняющиеся к умалению правительственной или духовно-православной власти». И обиженное государство реагировало на критику традиционным образом. Политические взгляды Туган-Барановского и его растущий авторитет привели в 1901 году к запрету на работу в университете и высылке из Петербурга, после чего Туган-Барановский вернулся в Украину, активно продолжив творческую деятельность.

Таким образом, в 1910 году в статье «Интеллигенция и социализм» свои взгляды на роль и перспективы интеллигенции высказал уже авторитетный общественный деятель, сложившийся ученый в расцвете таланта и, наконец, просто человек, успевший на личном жизненном опыте познать горечь ответственности за отстаивание собственных убеждений (что более всего настраивает на философское осмысление мироустройства). А впереди еще были выдающиеся экономические труды, должность министра финансов в правительстве Центральной Рады, скорая отставка из-за несогласия с земельной политикой Рады, отказ от участия в правительстве Скоропадского, работа по созданию Украинской академии наук.

Так чем же хотел М. И. Туган-Барановский поделиться с современниками в работе «Интеллигенция и социализм», и какие уроки могут извлечь из этого потомки, продолжающие размышлять над проблемами интеллигенции?

Ученый успевает высказаться в одной статье по довольно широкому спектру тем, актуальных и для нынешних исследователей. Историческое видение автором процесса формирования интеллигенции в пределах России основывается на том, что начало этому процессу положил Петр, «осознавший необходимость освоения западноевропейского

просвещения» для укрепления могущества государства. Такой подход закрепился затем во многих российских и западных исследованиях.

Туган-Барановский даже называет Петра первым русским интеллигентом. Тут он, пожалуй, слишком категоричен, а потому неточен. Да, петровские реформы послужили катализатором для появления в России все расширяющегося круга образованных людей, в основном из числа дворян, несущих «государеву службу», но прямо относить к интеллигенции самого Петра и созданное им офицерство и чиновничество все же не стоит. Должно было пройти определенное время, чтобы количественные образовательные и социальные изменения эпохи русских «просвещенных» императоров и императриц дали качественный эффект, создав из множества ранее разрозненных свойств личности тот особый слой общества, который получил название «интеллигенция».

Впрочем, из контекста статьи видно, что все это скорее публицистическая гипербола автора, нежели его ошибка. Также не стоит упрекать Туган-Барановского за преувеличение роли социализма в становлении интеллигенции, за постоянное увязывание ее перспектив с развитием конкретного политического течения.

Очевидно, что автор статьи при этом подразумевает под социализмом не определенную политическую идеологию, а некий духовный идеал, связанный с неумным стремлением развитой человеческой личности к постоянному усовершенствованию общественной жизни на принципах справедливости и культурной свободы. Необходимость поиска такого идеала является неотъемлемым свойством интеллигента, а в силу исторических условий XIX века, как утверждает Туган-Барановский, «... только для идеала социализма душа русского человека была открыта».

Это звучит почти как попытка оправдаться, даже как извинения за собственные политические взгляды и взгляды своих единомышленников, но, наверное, понимание несовершенства своих убеждений тоже является необходимым признаком интеллигентности.

Увы, после разочарований XX века одной из острых проблем современной интеллигенции стала потеря социально-политического идеала, за несовершенство которого, может быть, тоже пришлось бы интеллигентно извиняться, но который был бы способен подвигнуть носителей творческого потенциала нашего общества на слаженные и осмысленные действия во имя его блага. Такой идеал еще только предстоит найти и скорей всего он будет не таким романтическим (и не столь политическим) как прежде. Возможно, Туган-Барановскому удалось нащупать направление поиска нового идеала гражданственности в той части своей статьи, где он пишет о повышении общественной роли профессионализма «людей умственного труда» и о необходимости обеспечения их большей интеллектуальной (в том числе информационной) свободы. Те же размышления современного ученого, с поправкой на время, мы можем сегодня прочитать, например, в книге с символическим названием «Задачи менеджмента в XXI веке» [3].

Как ученый-экономист, Туган-Барановский, признавая важность «духа», «идеала» для существования интеллигенции, тут же указывает и на необходимость активного участия интеллигенции в развитии материальной основы общества. «Можно было думать... — пишет он — ...что мы уже переросли старый спор на тему о том, что важнее — улучшение внешних форм общественного устройства людей или духовное развитие самого человека...и личность, и общественные формы обуславливают и определяют друг друга».

Туган-Барановский не видит угрозы существованию интеллигенции в процессе ее «обуржуазивания», что в переводе на современный язык следует понимать как отрицание угрозы растворения интеллигенции в обществе массового потребления. Ученый верит, что интеллигенция имеет достаточный иммунитет против этого, а потому ей не надо искусственно отгораживаться от других слоев общества и общемировых процессов. Впрочем, рассуждения о такой угрозе все же полезны, в том числе и сейчас, так как они играют роль защитного механизма, не дающего интеллигенту перейти тонкую грань, отделяющую

гражданственность в форме сотрудничества с государством и обществом от конформизма, потери индивидуальности и моральных ориентиров.

При этом Туган-Барановский не обходит вечной темы противостояния интеллигенции и государства, характеризуя отношение интеллигенции к государству как «упорную борьбу». Однако чувствуется, что автор не считает такую борьбу обязательным признаком интеллигентности, связывает ее только с конкретным историческим этапом развития конкретного государства и рассчитывает на изменение этих отношений по мере изменения социально-политических условий.

Четко и с обезоруживающей логикой Туган-Барановский в 1910 г. развеивает существующий и ныне на обеих полушариях миф о том, что интеллигенция есть только в России и что она не имеет ничего общего с интеллектуальными слоями Запада [4].

Действительно, если мы считаем, что кроме образовательного уровня, признаками интеллигента являются совесть, стремление к совершенствованию, духовность, то как мы можем отрицать саму возможность наличия таких черт у представителей других народов и культур? Но ценность статьи Туган-Барановского заключается в том, что он не ограничивается только нравственными аргументами. Будучи автором исследований экономической (а значит, и общественной) жизни многих европейских стран и самой России, он находит политэкономические доказательства неизбежности сближения их интеллектуальных потенциалов и не усматривает в этом основания для исчезновения национальной интеллигенции.

«Таким образом, русскую интеллигенцию хоронить не приходится...» — заключает он в последнем абзаце (само собой, под «русской интеллигенцией» здесь понимается все национальное многообразие Российского государства того времени). А завершающая статью фраза через столетие звучит даже беспечно: «переживаемый нами теперь упадок духа и всеобщий распад имеют вполне временный и преходящий характер, и усматривать в них какое-либо коренное изменение облика нашего интеллигента так же неосновательно, как было в восьмидесятые годы (XIX века — *автор*) заключать о невозможности нового общественного подъема».

В исторической ретроспективе эти оптимистические выводы кажутся наивными и за одно столетие неоднократно опровергнутыми самой жизнью. Однако именно в неоднократно таких опровержений (в смысле пережитых интеллигенцией общественных катаклизмов) и заключена конечная правда оптимизма Туган-Барановского — интеллигенция-то все-таки каждый раз выживала, и хоронить ее по-прежнему рано.

Список литературы

1. *Интеллигенция – Власть – Народ*: Антология / Под ред. Л. И. Новиковой, И. Н. Сиземской. – М.: Наука, 1992. – 341 с.
2. *Советский энциклопедический словарь* / Под ред. А. М. Прохорова. – М.: Сов. энцикл., 1980. – 1600 с.
3. *Друкер Питер Ф.* Задачи менеджмента в XXI веке: Пер. с англ.: Учеб. пособие. – М.: Вильямс, 2000. – 272 с.
4. *Кузнецов А.* «...Иль должно оказать сопротивление»: Интеллигенция и власть [Электронный ресурс] // Известия. Ру. – 2006. – 23 июня. – Режим доступа: http://www.izvestia.ru/intell_vlast/ фкешду 3094023. – Загл. с экрана.

ІНТЕЛІГЕНЦІЯ У ВЛАДІ

Поняття «інтелігенція» як наукову категорію починаючи з кінця XVIII – початку ХХ століття в обіг ввели представники німецької філософської школи. Згодом воно почало широко використовуватися в наукових школах багатьох країн, включаючи суспільну думку в Україні.

Довгий час у нас, як і в ряді інших країн, де стосовно соціального устрою і функціонування владних структур домінувала ідея, чи теорія класів і класової боротьби, інтелігенції відводилася роль «прошарку». До цієї категорії були віднесені ті, хто переважно був зайнятий розумовою працею. Більш того, з позицій обґрунтування класового характеру інтелігенції й участі її у владних структурах робився висновок про те, що інтелігенція має свої відмінні соціальні та професійні інтереси, а тому апріорі вороже протистоїть представникам державних інтересів.

Сучасний етап розвитку суспільства супроводжується входженням людства до нового типу цивілізації. Він висуває нові, не існуючі раніше, вимоги перед усіма соціальними інститутами. На наш погляд, саме з цих позицій слід визначати зміст і роль інтелігенції в сучасних модернізаційних процесах в Україні.

Дослідженню категорії «інтелігенція» присвячено значний обсяг літератури, в якій з-поміж широкого спектра думок можливо виокремити декілька ознак, які переважають і визнаються необхідними для розкриття її змісту. У більшості випадків до таких відносять наявність освіти (в сучасних умовах – вищої), розумову працю, здатність виступати носієм і оберегом гуманістичної культури, значну обтяженість загальними інтересами та мораллю як шляхом до особистого щастя. Перелічені ознаки дають підстави характеризувати інтелігенцію як інтелектуальний чинник сучасного суспільства. Дослідники, особливо соціологи, сходяться на думці, що сучасна інтелігенція є не чим іншим, як гуманітарним феноменом, і вводять в обіг категорію «гуманітарна інтелігенція». Здається, такий підхід є виправданим, якщо не відкидається такий її пласт, як науково-технічна інтелігенція.

Інтелігенція, на думку багатьох дослідників, – «думаючий і почуттєвий апарат нації», призначення якої на велику перспективу виступати еталоном моральності. Будучи «зануреною» в ринкові реалії вона нерідко входить у протиріччя зі своєю історичною (стратегічною) місією. Умовне середнє становище інтелігенції не відповідає тій авангардній ролі, яку вона повинна відігравати в соціокультурному процесі ХХІ століття.

Інтелігенція – не що інше, як особлива соціальна корпорація, у становленні й розвитку якої відбуваються постійні зміни. Об'єктивно названа соціальна корпорація постійно зростає і якісно змінюється. До того ж ці зміни супроводжуються як зміцненням, так і послабленням соціально-статусних позицій інтелігенції. Сучасне суспільство створює умови для випереджаючих темпів відтворення інтелігенції. Для цього в Україні функціонує потужний, один із кращих у Європі, потенціал університетської освіти і науки та такий же потенціал академічної науки. На жаль, об'єктивним є й те, що соціально-економічні перетворення в Україні здійснюються без належного урахування ролі, місця і власне долі інтелігенції. Наслідком цього став відтік науково-технічної інтелігенції за кордон, поглибилося розхитування позицій «кадрового стрижня» у науці, освіті й культурі, довготривале, що розтягнулось майже на ціле покоління, руйнування соціально-економічних механізмів відтворення статусних позицій так званих «інтелігентських» професій. Це супроводжується відстороненням за межі «середнього класу» таких представників інтелігенції, як вчителі, лікарі, інженери, агрономи та ін. Для підтвердження тези досить послатися на такі стратифікаційні показники стану інтелігенції, як майновий стан, власність, доходи, представництво в органах влади і керування.

Зниження соціального статусу інтелігенції і навіть відмова у визнанні її «історичної місії» (бути експертом прийнятих загальнонаціональних рішень, джерелом, соціальним носієм

і поширювачем еталонних громадянських цінностей, норм і стандартів, розробляти нормативні стильові характеристики суспільного життя та ін.) на практиці не супроводжується суб'єктивним знеціненням і руйнацією соціальної ідентичності інтелігенції.

Україна, яка декларує свою причетність до загальноєвропейських цінностей і характеристик, майже не використовує такий, випробуваний королями і президентами багатьох країн спосіб використання інтелектуальної інтелігенції, як попередня, перед остаточним прийняттям доленосних для народу рішень, консультація з ректорами університетів. Але це не супроводжується різким падінням авторитету ректорського корпусу як складової інтелігенції України, хоч і знижує ефективність як функціонування інтелектуальної інтелігенції, так і ухвалених рішень.

До суб'єктивного характеру тенденції знецінення ролі інтелігенції належать її «вимивання» за межі «середнього класу». Останній в Україні, за різними даними соціологів і економістів, складає від 10 до 30 відсотків населення. Абсолютна більшість викладачів і студентів університетів зараховують себе і свої сім'ї до середнього класу. Водночас понад 80% з них вимушені підробляти для забезпечення себе і сім'ї. Тільки біля 8% мають можливість робити невеликі заощадження.

Провина за таке становище безпосередньо лежить на самій інтелігенції, бо, як свідчить історичний досвід, якщо великі соціальні групи (а такою й є інтелігенція в Україні) не здатні сформулювати через своє представництво у Верховній Раді та інших владних структурах політику на захист своїх інтересів і сформувати дієздатні організаційні структури, то вони неминуче відтісняються на узбіччя, піддаються експлуатації і поступовій деградації. Дещо подібне відбувається з інтелігенцією в Україні. Ще значним є відсоток безробітних осіб, які мають вищу освіту. Низькою є заробітна плата працівників освіти, охорони здоров'я, культури та інших бюджетних установ.

За це відповідальність (не провина) також покладається на саму інтелігенцію. Як невід'ємна частка українського народу інтелігенція повинна бути відповідальною за стан і ефективне функціонування всіх інститутів влади, як центральних, так і регіональних. Відомо, що історичну відповідальність за свою долю несе сам народ України, тобто всі громадяни, але в першу чергу його мисляча частина – інтелігенція. З народом, а отже, і з інтелігенцією, можна зробити тільки те, що вони дозволяють із собою зробити. Інтелігенція, яка під своїми прапорами має багатомільйонну армію, дозволяє собі перетворювати владні структури на політичні дискусійні клуби. Вона інертна до партійного будівництва в Україні, процесу демократизації. Саме це дозволяє нечисленним партіям і політичним блокам маніпулювати суспільною свідомістю і не рахуватися з інтересами і думкою інтелігенції – найбільш освіченої частини суспільства.

Одним із доленосних завдань інтелектуальної еліти в Україні і її обов'язком є виконання ролі визначального чинника розвитку. І лише її інертність, а іноді й небажання, при значному представництві у складі депутатського корпусу всіх рівнів, у структурах виконавчої влади, у правоохоронних органах, та політична аморфність не дозволяють взяти на себе роль лідера демократичних реформ, а не задовольнятися функцією обслуговування влади.

Для того щоб влада була інтелігентною, а інтелігенція до кінця виконала свою історичну місію, суттєво впливаючи на процес політичної стабілізації та демократизації суспільства, потрібно швидко переходити від стану самолюбівання (ми – інтелектуальна еліта, ми – носії знань тощо) і «угодництва» до критичного осмислення своєї ролі і можливостей. У владу треба не тільки йти, але, що є головним, працювати в ній. Бути мозковим центром держави.

Список літератури

1. *Проблеми та перспективи формування національно-технічної еліти*: Зб. наук. праць. – Вип. 3 (7). – Харків, 2004.
2. *Добрускін М.* Про генезис терміна та філософського поняття «інтелігенція» // *Філософська думка.* – 2005. – № 5.

Ю. Н. Розенфельд

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ПРАВЯЩИЙ КЛАСС

В современных демократических странах под терминами «власть», «политическая элита» понимается группа политиков, принимающих важные политические решения. Для посттоталитарных государств, делающих только первые шаги в направлении демократии, больше подходит понятие, введенное в оборот в начале XX века итальянским ученым Г. Моска, — «правлящий класс», или «политический класс». Данным термином он обозначил сплоченную особыми духовными и политическими качествами группу, выполнявшую все политические функции и монополизировавшую власть в обществе. Принципиальное различие элиты и правящего класса обусловлены природой этих двух образований. Если политической элите доступ к власти открывает наличие богатства, профессиональное занятие политикой, престижное образование, то правящий класс получает богатство, привилегии и статус благодаря образованию власти. Он один осуществляет исполнительские и управленческие функции и уже этим отличается от зависимого управляемого населения. Эта монополия подкрепляется привилегиями, повышающими статус правителей и создающими у них соответствующие мотивы поведения.

Естественно, такому правящему классу не нужна интеллигенция — «разумная, образованная, умственно развитая часть жителей», которая еще со времен Петра I всегда мешала стройному строгому режиму. В Британской энциклопедии слово «интеллигенция» трактуется как «группа интеллектуалов, находящихся в оппозиции к существующей власти», а тоталитарному режиму оппозиция, да еще «умственно развитая», не нужна. Поэтому вскоре после октябрьской революции 1917 года правящий класс провозгласил общую единую цель «очистки земли русской от всяких насекомых». Под насекомыми подразумевались «классово-чуждые», «рабочие, отлынивающие от работы», а также саботажники, «называющие себя интеллигентами». Формы очистки от «насекомых» предлагались самые разнообразные: «где посадят, где поставят чистить сортиры, где по отбытии карцера выдадут желтые билеты» [1, с. 1]. Репрессии против интеллигенции в СССР продолжались все предвоенные и послевоенные годы, когда десятки тысяч образованных людей были посажены в тюрьмы или высланы на поселения в отдаленные районы страны. Власти не нужна была думающая интеллигенция. Для осуществления поставленных задач требовалось лишь полное подчинение и послушание народа.

Таким образом, отношения между интеллигенцией и правящим классом определялись глубоким идейным противостоянием, подпольной борьбой интеллигенции за иной, демократический путь развития, сопротивлением административному и идеологическому давлению. Вместо развития партнерских отношений утвердились отношения зависимости, полного подчинения интеллигенции правящему классу.

С провозглашением независимости Украина встала на путь демократических преобразований. За прошедшие 17 лет правящий класс нашей страны претерпел некоторые изменения, однако его природа не изменилась. Он по-прежнему монопольно обладает властью, что предоставляет ему право и монопольно распоряжаться собственностью (через приватизацию он узаконил ее в личное, частное владение), ресурсами, информацией, финансами. Члены правящего класса обеспечиваются властью, привилегиями и статусом. Отсутствие сдерживающих факторов и контролирующих органов повышает коррумпированность правящего класса, которая не имеет аналогов в прошлом. Аморализм власти проявляется в том, что она занята удовлетворением своекорыстных интересов, предпочитает личное обогащение

служению общественному благу. Прошедшее преобразование собственности привело к резкой дифференциации населения страны на очень богатых (1–2%), не очень богатых, но умеренно живущих (до 10%) и бедных и нищих — все остальные. И это произошло при содействии или бездействии конкретных представителей высшего эшелона власти.

Если на первом этапе социально-экономических преобразований возникшие кризисные явления были обусловлены, в основном, разрывом народно-хозяйственных связей бывших советских республик и разрывыванием общегосударственной собственности, то в последние годы причинами кризиса стали такие явления, как завершение узурпация власти бизнес-структурами, тотальная коррупция во всех эшелонах власти. Пришедшие к власти «оранжевые» руководители обладают самым низким профессиональным уровнем, что представляет угрозу национальной безопасности. Они не умеют и не желают просчитывать возможные дальнейшие шаги своих «правильных» действий. Эти политики лишены европейского качества мыслить, а если думают, то преимущественно о своих интересах. В стране сложилась многопартийная система, однако политические события 2007 года еще раз показали, что в стране нет крупной политической партии, которая представляла бы интересы большинства граждан Украины. Представленные в Верховной Раде партии не защищают интересы украинского народа, а наоборот, раскалывают страну на основе клановых, классовых или этнических интересов.

Новая власть начала и продолжила процесс разрушения основ жизни миллионов людей. Наряду с большинством народа в тяжелом материальном положении оказалась и интеллигенция, о которой власть меньше всего заботилась. К интеллигенции не применялись открытые репрессии, однако им были созданы такие условия, при которых реально встала проблема физического выживания. Труд врачей, учителей, деятелей науки и культуры, творческих работников — практически всех представителей интеллигенции стал оплачиваться на грани прожиточного минимума.

Изменения в среде интеллигенции начались вскоре после провозглашения независимости Украины. Незначительная часть интеллигенции активно вошла в бизнесовые структуры или стала обслуживать высшие социально-политические слои общества. Значительная часть наиболее квалифицированных и перспективных научных кадров выехала за рубеж (с 1992 г. выехало до 80% математиков и более 50% физиков-теоретиков). Еще часть преобразовалась в наемных работников в организациях и на предприятиях новых форм собственности.

И, вместе с тем, именно интеллигенция должна сыграть консолидирующую роль в становлении Украины на путь действительной демократизации, формирования правового, социального государства. Только она в состоянии решительно и доказательно выступить против антинародной политики, оголтелого национализма и выработать научно обоснованную стратегию развития нашего общества.

Представители передовой украинской интеллигенции справедливо считают, что Украина должна быть не декларативной моделью правового социального государства, а реальным государством, способным обеспечить права человека и содействовать формированию благоприятных условий жизни для всего населения страны. Именно такое государство, кроме прочего, способно повлиять на появление новой, достойной элиты вместо нынешнего правящего класса, опозорившего себя внутри страны и не имеющего авторитета вовне.

Первые шаги к единению всех интеллектуальных сил Украины уже делаются. Так, 8 декабря 2007 года в Киеве состоялся учредительный съезд политической партии «Союз левых сил». Членами политсовета этой партии были избраны такие видные ученые-интеллектуалы, как директор Института мировой экономики и международных отношений НАНУ академик НАНУ Ю. Н. Пахомов, директор Института археологии, академик НАНУ П. П. Толочко, известный кинодраматург и литератор Ю. Рогоза, депутат 5-го созыва Верховной Рады В. Волга и многие другие представители украинской интеллигенции. Первоочередной задачей участники съезда провозгласили «стратегический курс на построение народного

государства как антипода созданного ныне государства олигархии и бюрократии». Критикуя нынешних руководителей Украины, которые так и не сумели разработать проект строительства государства, академик П. Толочко предлагает два условия выхода из нынешнего тупикового положения, в котором остается Украина. Первое предполагает осознание на общенациональном уровне того, что Украина может быть такой, какой сложилась в процессе длительной истории: разноэтничной, разноязычной и разноконфессиональной. Ее нельзя превратить «ни в большую Галичину, ни в большой Донбасс». Второе условие — определение формы государственности и наиболее продуктивной формой является федеративная. Именно федерация могла бы решить наиболее острые проблемы, которые ныне уже привели к расколу страны.

В Харькове инициативная группа подготовила проект Декларации Ассоциации политических и общественных организаций «Духовно-интеллектуальный выбор», в которой решающая роль в выходе из моральной деградации нашего народа, утраты свойственного ему духовного приоритета отводится интеллигенции, которая придет «к осознанию своей духовно-интеллектуальной миссии и приступит к построению Цивилизации одухотворенного интеллекта, привлекая другие слои населения».

Подобные организации интеллигенции создаются и в других областных центрах страны и можно надеяться, что их деятельность принесет полезные плоды для всех граждан Украины.

Список литературы

1. *Полушин Д. В.* Творческая интеллигенция и тоталитарная власть в 1920–50-е годы [Электронный ресурс] // Мемориал: Красноярск. о-во. — Режим доступа: <http://memorial.krsk.ru/Work/Lect/Polus1.htm>.

Ю. Л. Твердохвалова

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ВЛАСТЬЮ КАК ФАКТОР, СНИЖАЮЩИЙ ЭФФЕКТИВНОСТЬ РУКОВОДСТВА

Работая в какой-либо компании, работники зачастую осуждают руководство за какие-то действия, решения, которые не всегда совпадают с их представлениями об управлении компании. Руководство же, в свою очередь, своим волевым решением довольно часто перестраивает не только всю структуру компании, но и привычные методы и принципы работы. Что и говорить, каждый руководитель считает, что его решения способствуют развитию компании и работают на ее перспективу. Однако часто руководитель, особенно небольшой компании, сталкивается с определенными трудностями, связанными с принятием его решений остальными сотрудниками компании. Ведь каждый из ее сотрудников считает, что он имеет полное право принимать участие в управлении фирмой, и его мнение обязательно должно учитываться.

Но поставим себя на место руководителя компании. Итак, с чего же начинается управление компанией? Как показывает и теория, и практика управления, компания начинается с его руководителя.

Слово «руководитель» буквально означает «ведущий за руку». Руководитель выполняет основные управленческие функции: планирование, организацию, мотивацию, контроль деятельности подчиненных и организации в целом. Профессионально подготовленного руководителя называют менеджером. Термин «менеджмент» буквально означает «руководство людьми». Практически все известные зарубежные энциклопедии трактуют понятие «менеджмент» как *процесс достижения цели организации руками (и головой!) других людей*, т. е. менеджер осуществляет руководство [2]. Руководителю требуются официальные

полномочия для управления людьми, ему требуется и власть — возможность влиять «сверху» на поведение других людей.

Власть — одно из фундаментальных начал общества, она существует везде, где есть устойчивые объединения людей (семья, производственные и иные организации, государство и т. п.). Феномен власти сложен и однозначного его определения нет.

В организации власть — это такой обоюдоострый клинок, который направлен как на подчиненного, так и на управляющего. Одной из ошибок молодых управляющих является их представление о том, что, обладая властью, можно навязать любую свою волю подчиненному, не считаясь с его желаниями и чаяниями, возможностями и настроениями. Однако абсолютной власти не существует, и руководитель может также зависеть от своих подчиненных, как и они от него [5].

Власть любого руководителя основывается на его возможностях удовлетворять или не удовлетворять потребности своих подчиненных. Потребность руководителя в выполнении подчиненными какой-либо работы будет удовлетворена только в том случае, если ее выполнение приведет к удовлетворению потребности подчиненного. Потребностей, безусловно, много. Но самые главные — это те из них, которые связаны с потребностями безопасности, личностного, социального статуса, самовыражения.

Но немаловажно и то, каким способом руководитель добивается выполнения подчиненными работы. Умеет ли он влиять на людей силой убеждения и логических доказательств в правоте своих действий и требований или будет действовать иным способом? Ведь, очевидно, что если работник выполняет работу в приказном порядке, то результат такой работы будет формальным.

Итак, сочетание вышеперечисленных психологических аспектов управления и психологического портрета руководителя рождает так называемый стиль управления. Впервые стиль руководства как объект исследования упоминался еще в 30-х годах XX века. Тогда были описаны три классических стиля руководства: авторитарный, демократический, попустительский [3].

В дальнейшем эта концепция была модифицирована и популяризована Р. Блейком и Дж. Мутон, которые построили решетку, включавшую пять основных стилей руководства, учитывающих как «заботу о человеке», так и «заботу о производстве» [1]. Стиль руководства определяется обоими этими критериями. Блейк и Мутон описывают среднюю и четыре крайних позиций решетки как: а) **страх перед бедностью** (со стороны руководителя требуется лишь минимальное усилие, чтобы добиться такого качества работы, которое позволит избежать увольнения); б) **дом отдыха** (руководитель сосредоточивается на хороших, теплых человеческих взаимоотношениях, но мало заботится об эффективности выполнения заданий); в) **авторитаризм** (руководитель очень заботится об эффективности выполняемой работы, но обращает мало внимания на моральный настрой подчиненных); г) **организация** (руководитель достигает приемлемого качества выполнения заданий, находя баланс эффективности и хорошего морального настроения); д) **команда** (благодаря усиленному вниманию к подчиненным и эффективности, руководитель добивается того, что подчиненные сознательно приобщаются к целям организации. Это обеспечивает и высокий моральный настрой, и высокую эффективность).

Блэйк и Мутон исходили из того, что самым эффективным стилем руководства — оптимальным стилем — было поведение руководителя в позиции «Команда». По их мнению, такой руководитель сочетает в себе высокую степень внимания к своим подчиненным и такое же внимание к производительности труда. Они также выявили, что есть множество видов деятельности, где трудно четко и однозначно выявить стиль руководства, но считали, что профессиональная подготовка и сознательное отношение к целям позволяет всем руководителям приближаться к стилю «Команда», тем самым повышая эффективность своей работы.

Исследования в условиях современной Украины, проведенные нами, показали наличие ряда проблемных зон. Сотрудники различных организаций были объединены в группы с различным профессиональным статусом, 44 работающих студента, 57 рядовых сотрудника и 31 руководитель в возрасте от 23 до 54 лет, работающие, имеющие высшее или неоконченное высшее (студенты выпускных курсов) образование. Опираясь на результаты, полученные испытуемыми по опроснику Блейка – Мутона «Управленческая решетка», было выявлено, что большинство испытуемых ориентированы на выполнение задачи. Также были выявлены наиболее встречающиеся стили взаимодействия с окружающими сотрудниками. Результаты приведены в табл. 1 и 2.

Таблица 1

Выраженность ориентаций на персонал и на задачу

Ориентация:	Руководители, среднее знач.	Специалисты, среднее знач.	Студенты, среднее знач.
На персонал	4,55	4,30	4,35
На задачу	8,16	7,91	7,63

Как видно из представленной таблицы, все три группы испытуемых ориентированы на выполнение задачи. К сожалению, можно констатировать, что даже менеджеры, которые по роду своей деятельности должны быть ориентированы на управление людьми, уделяют этой функции очень мало внимания.

Таблица 2

Наиболее часто встречающиеся стили взаимодействия с сослуживцами

Стили взаимодействия	Руководители, %	Специалисты, %	Студенты, %
«авторитаризм»	45,16	43,86	46,51
«команда»	25,81	14,03	11,63
«организация»	9,68	14,03	11,63

Очевидно, что наиболее встречающийся тип взаимодействия, независимо от статуса, это «Авторитаризм», что свидетельствует о том, что окружающие это всего лишь инструмент, а их моральное состояние не важно. Также следует отметить, что руководители чаще других выбирают стиль управления, при котором стремятся построить работу так, чтобы сотрудники могли самореализоваться (стиль «Команда»). А специалисты ищут баланс между производственной эффективностью и климатом в коллективе (стиль «Организация»).

Наше исследование выявило ряд проблемных зон: во-первых, это неумение выстраивать в процессе трудовой деятельности командные, партнерские отношения для решения поставленных задач. Во-вторых, это преобладающий, независимо от статуса, авторитарный стиль взаимодействия в трудовом коллективе. А это, в свою очередь, может привести к снижению эффективности и качества результата трудового коллектива в целом. Низкий уровень ориентированности руководителей на персонал создает основу для злоупотреблений властью, когда задача – это главное, а человек – вторичен.

Список литературы

1. Блейк Р. Р. Научные методы управления / Р. Р. Блейк, Д. С. Моутон. – К.: Наук. думка, 1990.
2. Виханский О. С. Менеджмент: человек, стратегия, организация, процесс / О. С. Виханский, А. И. Наумов. – М.: МГУ, 2003.

3. *Зайцева О. А.* Основы менеджмента: Учеб. пособие для вузов / О. А. Зайцева, А. А. Радугин, К. А. Радугин, Н. И. Рогачева. – М.: Центр, 2003.
4. *Ладанов Н. Д.* Практический менеджмент. – М.: Элник, 2003.
5. *Основы управления персоналом: Учеб. для вузов / Под ред. Б. М. Генкина.* – М.: Высш. школа, 2002.

А. А. Шекшув, И. А. Шекшув, А. С. Шило

ИНТЕЛЛЕКТ ВЛАСТИ ИЛИ ВЛАСТЬ ИНТЕЛЛЕКТА?

Интеллигенция среди всяких положений, званий и состояний выполняет всегда одну и ту же задачу, она всегда — свет.

Г. Успенский

«Бей в голову, но не в чертеж!» — воскликнул Архимед [1], погруженный в размышления над своими чертежами, когда невежественный солдат угрожал его жизни. Сама специфика труда заставляет интеллигенцию противиться всем формам угнетения, ограничения свободы ее творческого труда. Это требование свободы мыслить и творить. Люди интеллектуального труда не терпят всякого рода регламентаций. Известно, что Л. Д. Ландау писал свои работы не сидя за столом, а лежа на диване, но от этого они не стали менее выдающимися. Политика как сфера человеческой деятельности имеет в качестве главной цели завоевание власти. Стремление к власти есть эволюционно возникший инстинкт. Это совокупность черт индивида или животного, которые позволяют ему в определенный трудный момент жизни группы (рода, нации) взять на себя бремя принятия решений. И та группа, род, популяция, в среде которой был нужный процент властных натур, имела большую возможность выжить в сложном и агрессивном мире. Ученым не свойственно стремиться к власти над обществом. Каково определение интеллигента в иностранных словарях? Интеллигент — русский интеллектуал, находящийся в оппозиции к власти [2]. Действительно, интеллигенция обычно находится в оппозиции, ибо выполняет функцию «публичной совести». Публичная власть приносит страдания людям, публичная совесть находится в оппозиции к власти. Интеллигент находится в двойной оппозиции: к власти «наверху» и к власти «внизу». В оппозиции, но не во вражде. Профессиональные обязанности интеллигенции выражаются двумя словами: говорить правду.

Интеллигент — профессионал по выражению нравственной позиции, его функция — обличать. Интеллигенция критикует власть с позиции абстрактного общественного идеала, с позиции общего добра для всех людей, всемирного блага для всего человечества. В дореволюционное время она представляла собой не столько профессиональный слой людей творческого и интеллектуального труда, который можно встретить во всех цивилизованных странах, сколько особого рода «партию» образованных людей, объединенную общим умонастроением, — «партию народа», выступающую против «партии власти». Это была как бы первая партия, хотя и политически неорганизованная, в стране, никогда не жившей в условиях многопартийной системы. Вера в народ, доведенная практически до его обожествления, приобретает у интеллигенции черты чуть ли не религиозной веры. Отсюда желание «пострадать» за народ, принести ему искупительную жертву, посвятить себя борьбе за его счастье. Позиция интеллигента — публичное сострадание, он против любого насилия, как Робеспьер, начинавший свою карьеру с борьбы против смертной казни. До какой степени интеллигент может оставаться интеллигентом, целиком посвящая себя политике? Человек, целиком втянутый в политику, теряет ту «минуту тишины», которая

делает его носителем культуры. Интеллигент — Человек Разумный. Это в нем главное. Носитель культуры принимать участие в политике не может. Иначе он теряет момент созерцания, в который как раз и творится культура. Интеллигент, придя во власть, перестает считать себя таковым. Подлинный интеллигент никогда не считал истину таковой, которая либо годится, либо не годится. Поэтому настоящие ученые, творческие люди всячески противились политизации науки и искусства, отстаивали свое право на добывание объективных знаний, независимо от того, нравятся они или нет властям. Работая по найму, интеллигент лишается основного условия, обеспечивающего производительность его труда, — свободы творчества. Только наиболее выдающимся интеллигентам удалось отстоять независимость своего труда. Бетховен создавал музыку, а власти, дававшие ему средства, не смели указывать, как и что ему следует делать. Находясь на службе Ватикана, Микеланджело расписывал Сикстинскую капеллу не по канонам католической церкви, а так, как считал нужным. Видя бесполезность усилий у себя на родине, многие представители интеллигенции отбывают в зарубежные края. Целью их деятельности должно быть не просто желание выжить в условиях рынка, но стремление возродить страну на стадии интеллектуального кризиса. Если страна сейчас растеряет интеллектуальный запас, то не восстановит его в течение длительного времени. Украина не настолько богата, чтобы «ввозить умы» из-за рубежа. Опыт развитых стран современного мира показывает, что 5—8% от ВВП, ассигнованных в образование, и 3—4% ВВП, ассигнованных в науку, обеспечивают их гармоничное развитие [3]. Не будет преувеличением сказать, что наличие передовых науки и образования — главный критерий принадлежности государства к передовым странам мира. Например, Саудовская Аравия с января 2008 года начала строить в пустыне три «города будущего» — науки, интеллекта и инноваций. Общество без науки — общество без будущего. У молодежи нет предпосылок к возникновению национального мышления и духа, стремления к знаниям [4]. Этот тезис во многом будет верен и в дальнейшем, если не будут произведены коренные изменения в национальной политике страны.

Альтернативой интеллигентской оппозиции власти является не власть интеллигенции, а ее интеллектуальная и творческая свобода от власти. В статье Г. И. Наана «Власть и дух» автор обращает внимание на то, что в любом обществе, если оно развивается, обязательно должны быть два социальных слоя. Первый слой — интеллигенция, а второй — бюрократия. Первый из них ответственен за то, чтобы вносить мутации в культуру, за то, чтобы продуцировать инновации, способные открывать путь к новым завоеваниям. Второй слой призван сохранять социальную наследственность, те социальные структуры, которые исторически сложились и которые составляют основу существующего образа жизни. И тогда проблема «интеллигенция и власть» предстает как соотношение «бюрократия и интеллигенция», как соотношение «власть и дух». Власть — это бюрократия, а интеллигенция — дух [5]. Страны становились богатыми именно в результате развития науки и образования. Если страна бедная, и нет денег на науку, наука не развивается, — страна остается бедной. Так, Р. Рейган сказал, что Америка дает деньги университетам не потому, что богата; она богата, потому что дает деньги университетам. Подлинно прочен не тот режим, который прочен военной или экономической мощью. Говоря словами Достоевского, «это главное, но не самое главное». По-настоящему он прочен тогда, когда большинство разделяет установки власти на личностном, эмоционально-психологическом уровне. Но кто в большей степени властен над людскими умами и эмоциями, как не художник, поэт, писатель? Он как никто другой способен заразить общество определенным умонастроением, верой, гражданской страстью. Поэтому умная власть никогда не пренебрегала и не пренебрегает творческой интеллигенцией. В Украине сейчас множество политических партий, но ни одна из них не избрала своими приоритетами образование, науку и культуру ради общественного прогресса. И перефразируя слова известного американского экономиста Дж. Гэлбрэйта, можно сказать, что гривня, затраченная на повышение интеллектуального уровня граждан, увеличивает

национальный доход больше, чем гривня, затраченная на современные автобаны и энерго-сберегающие технологии. Необходимо внедрение в общественное сознание политического лозунга: «Через знание, науку и образование, через культуру — к общественному прогрессу». Человечество немислимо без нравственных исканий и сомнений, без духовной жизни и борьбы. Носителем этого предназначения и станет интеллигенция нового поколения.

Список литературы

1. *Сборник афоризмов*. — М., 2006.
2. *Бердяев Р. А.* Философская истина и интеллектуальная правда. — М., 1991.
3. *Чернецкий Ю. А.* Высшее образование в рыночной экономике. — М., 2002.
4. *Вернадский В. И.* Письма к русской и украинской молодежи. — К., 1924.
5. *Соколова Г. Н.* Социальные механизмы регулирования рынка рабочей силы. — М., 2006.

В. В. Шкода

ВЕЧНЫЙ СПОР О ВЛАСТИ

Власть ненавидят, власти жаждут, за власть гибнут. Как разобраться в этом феномене, выявить его природу и сделать для себя надлежащие выводы в смысле отношения к власти? На мой взгляд, самое простое — это признать власть неотъемлемой и вечной чертой социального бытия. Считаться с ее существованием, как считаюсь я с тем, что не могу отменить. Видимо, такое отношение характерно для христианства. «Всякая власть от Бога», — сказано в Писании. И «противящийся власти противится Божьему установлению» (Рим. 13, 1–2). Здесь речь идет не о конкретной власти, той или иной, а о необходимости власти вообще. «Чтобы одни господствовали, а другие подчинялись», замечает Иоанн Златоуст. Таково божественное установление, из которого, кстати, следует, что самая плохая власть лучше отсутствия всякой власти.

Простым мысленным экспериментом это установление можно подтвердить. Представим на минуту, что в современном обществе мгновенно исчезает государственная власть, все ее представители — от президента до рядового полицейского. Что произойдет? Можно не сомневаться, что какая-то форма власти достаточно быстро установится. По-видимому, начнется этот процесс с появления сплоченных малых групп, устанавливающих и контролирующих локальный, местный порядок. Это будет происходить спонтанно, стихийно, как бы само собой. Скорее всего, не обойдется без борьбы и насилия. Но, в конце концов, возобладает общее понимание, или практический принцип, — власти надо подчиняться.

В соответствии с этим принципом ведут себя многие люди. Их учит опыт жизни. Осмотритесь вокруг: послушные, терпеливые, порой поддакивающие начальству и славословящие его никаких неприятностей по службе не имеют. Зато сколько проблем у строптивых, своевольных и тех, кто «высовывается»! Повиноваться любым властям — прагматически правильная тактика. Но в этом совете не проявлены еще все тонкости отношения начальник/подчиненный. Лучший, на мой взгляд, вариант — это когда нет никаких отношений. Вообще, ничего хорошего для человека, занятого конкретным делом, не сулит пребывание на виду у власти. Ибо всякое ее вмешательство в конкретное дело чаще есть вред делу, а не польза. Опасно славословить, это заметил еще Салтыков-Щедрин. «Восхищение начальством, — писал он, — должно быть наказуемо, ибо оно предполагает возможность невосхищения оным. Еще опаснее перечить. Равнодушия и безразличия — вот единственно чего, на мой взгляд, достойна власть. Но этим даром Бог редко кого одаривает, видимо, тех, кого особо любит. Несчастливы же те, кто сознательно демонстрирует такое отношение, когда его на самом деле нет. Они подавляют в себе волю к власти и скрывают очарование ею».

Тема власти безгранична, неисчерпаема. Учения о власти многообразны. Причем, какое ни возьми, а обнаруживается другое, полностью ему противоположное. Вот, из изложенного выше, казалось бы, ясно, что власть внутренне присуща любому человеческому обществу. Там, где люди, там и власть. Но с древних времен существует учение, имеющее последователей и сегодня, что так быть не должно, это противоестественно. Власть (прежде всего государственная) не обязательна. Это – патология социальной жизни, несовместимая со свободой человека, а потому требующая искоренения. Речь, понятно, об *анархизме*. Это не блажь, как иногда пытаются представить, это – красивая утопия об обществе без государства. Обществе, состоящем из добровольных союзов, или ассоциаций, в которых люди уважают друг друга и живут своим трудом. Анархизм вполне обоснован теоретически и исторически.

Проблема отношения между властями предержавшими и подвластными, проще говоря, народом, если ее полемически заострить, имеет два решения: а) власти пекутся о народе (сентенция самих властей); б) власти пекутся о самих себе (мнение народа). Я не знаю другого классического текста, где обсуждаемый вопрос был рассмотрен так тщательно и, можно сказать, художественно, как в первой книге Платоновского «Государства». Там в споре с Сократом мнение народа о властях отстаивал софист Фрасимах из Халкедона. Сократ пытается доказать, что власть действует во благо подвластных. Он оперирует категорией деятельности, или, искусства (умения). Смысл существования искусства в том, чтобы отыскивать и изобретать, что кому полезно. К примеру, врачевание полезно телу. Тело несовершенно, потому и возникла медицина. И любое другое искусство, умение, дело, или enterprise, обслуживает соответствующий предмет. А поскольку всякое искусство – это «власть и сила в той области, где оно применяется», то человек, владеющий искусством, есть управитель. Врач – управитель телами, кормчий – управитель гребцами и т. п. Действительно, они делают что-либо не ради самих себя, а ради страждущих, гребцов и т. п. Они обеспечивают должное функционирование объекта управления. И, стало быть, «всякий, кто чем-нибудь управляет, никогда, поскольку он управитель, не имеет в виду и не предпринимает того, что пригодно ему самому, но только то, что пригодно его подчиненному, для которого он и творит». Фрасимах возражает так: «Всякая власть дает законы, сообразные с ее пользой... Дав же законы, полезные для себя, она объявляет их справедливыми для подданных, и нарушителя этих законов наказывает как беззаконника и противника правды».

Итак, перед нами две позиции, два несовместимых взгляда на власть. В теории Сократа власть эволюционно появляется как фактор, обеспечивающий функционирование сложных социальных систем. Власть вторична, она выполняет служебную функцию. В теории Фрасимаха все иначе. Власть изначальна, она не появляется, она есть всегда. Этим подчеркивается ее главенство как универсального средства. «Обладание властью, – настаивает Фрасимах, – дает большие преимущества». Их и используют для себя люди при власти.

Спор длился долго. Сегодня большинство комментаторов сходится в том, что Сократу удалось опровергнуть тезисы Фрасимаха. Я думаю, дело здесь не в логике. Так принято считать потому, что иначе наш мир будет выглядеть отвратительно. И все-таки находятся люди, утверждающие, что Сократ был бессилен, что ему не удалось одолеть Фрасимаха. Пытаясь доказать, что власть служит подвластным, Сократ предлагает разные модели властных отношений – врач/пациент, кормчий/гребцы, пастух/стадо. Однако читатель чувствует, что его аргументы слабы. А последний аргумент Сократа просто смехотворный: наш мудрец ссылается на то, что правители за свою работу требуют вознаграждение. Значит, заключает он, правят они не по доброй воле. Ну, кому это нужно – за просто так «заниматься исправлением чужих пороков». Боюсь, что наш избиратель, будучи в здравом уме, даже не поймет о чем речь. Представьте себе, что кандидат в депутаты, вместо обычных велеречивых излияний говорит примерно так: идти в парламент я не хочу, но раз уж вы настаиваете, давайте договоримся о зарплате. Это вообще мыслимо? Когда неумолимо действует закон Деньги-Власть-Деньги.

В этом споре просматривается общая философская установка Сократа: разводить идеальное как подлинное и реальное как неподлинное. Навязчиво подчеркивается, что врачует не просто человек, называемый врачом, а врач в точном смысле слова, настоящий (идеальный) врач. То же о кормчем и пастухе. И, конечно, о властях вообще — подлинный правитель действительно заботится о подданных. Мышление же Фрасимаха, скажем так, чисто земное. Он ведет речь только о реальных правителях, а какими они должны быть — этого вопроса для него просто не существует. Чувствуется, что Сократу хотелось бы избавиться в рассуждении от человека и говорить только об искусстве (умении), оно вроде бы действует само по себе. Это искусство идеально и, конечно же, бескорыстно. У Фрасимаха искусство (умение управлять) при человеке. В руках человека — слабого, лукавого, вожделеющего земных благ. Этот спор продолжается до сего дня. Все знакомы с его методой: на всякий случайный плюс противоположная сторона всегда находит минус, и так до бесконечности. Везде, в любой стране, это есть, различие только в масштабах, в мере. Везде это есть и всегда будет.

Итак, давайте все-таки согласимся, что поражение Сократа в споре с Фрасимахом подтверждает правильность позиции, предложенной мной в самом начале. Власть для меня вроде погоды, я ее признаю как «достающую» меня реальность. А раз так, надо избегать ее, и если это невозможно — подчиняться. Единственный случай, когда вопрос о власти становится практически интересным — это ситуация моего личного участия в ее законном изменении.

ЗМІСТ

Привітання голови Харківської обласної державної адміністрації <i>А. Б. Авакова</i>	3
Привітання Харківського міського голови <i>М. М. Добкіна</i>	5
Постановчі доповіді	6
<i>Шаронова С. А.</i> Интеллигенция, власть и мораль	6
<i>Шейко В. М.</i> Культура, інтелігенція та влада в Україні (20–30-ті роки ХХ ст.)	11
<i>Астахова В. И.</i> Углубление интеллектуального кризиса в Украине: причины, последствия и пути преодоления	15
<i>Ландсман В. А.</i> О роли интеллигенции в формировании национальной идеи	20
<i>Веркіна Т. Б.</i> Інтелігенція як «спільник» влади	20
Прошу слова	22
I. Зростання ролі і соціальної відповідальності інтелігенції в сучасному світі	22
<i>Бабенко Ю. В.</i> К вопросу о роли интеллигенции в современном обществе	22
<i>Белова Л. О.</i> Формування громадянських позицій української інтелігенції	23
<i>Васильев Г. Ю., Васильева И. Г.</i> Роль интеллигенции в формировании политической культуры современного украинского общества	26
<i>Вляцько В. А.</i> Роль української інтелігенції в державотворчому процесі	28
<i>Лесовой В. Н., Алексеенко А. П.</i> Интеллигенция и интеллигентность в медицине	30
<i>Маленкова Л. А.</i> Роль интеллигенции в духовном развитии общества	32
<i>Михайлева Е. Г.</i> Трансформация функций интеллигенции в условиях прагматизации социальных практик	34
<i>Нечитайло И. С.</i> Интеллигенция как формирующееся социально-классовое образование	36
<i>Олейник Н. А., Ашанин В. С., Кудиненко В. Н.</i> Большой спорт в политическом процессе на постсоветском пространстве (информационные и социологические аспекты взаимодействия)	38
<i>Подольская Е. А.</i> Всякий ли интеллигент является Интеллигентом?	41
<i>Радионова Л. А.</i> К вопросу о методологии формирования социальных установок интеллигенции	43
<i>Раковская Н. Х.</i> Интеллигенция и ее роль в современных политических процессах (проблемы манипуляции доверием)	46
<i>Санна Н. Н.</i> Интеллигенция как оператор социальных технологий	49
<i>Слободянюк О. Р., Глушкова Н. М.</i> Значення досвіду української інтелігенції початку ХХ століття в сучасному державотворчому процесі	53
<i>Сухіна В. Ф., Шапаренко О. В.</i> Роль творчої інтелігенції у формуванні громадянського суспільства в Україні	56
<i>Чибисова Н. Г.</i> Современное общество и нравственный мир человека	58
<i>Ярмак Т. В.</i> Виховання патріотичної свідомості сучасної української інтелігенції	59
II. Інтелектуальна криза в Україні: причини поглиблення і шляхи подолання	62
<i>Алексеенко А. П., Гусева Л. М.</i> Духовность как путь преодоления интеллектуального кризиса	62

<i>Довгаль Г. В.</i> Конкурентная среда, экономическая власть и предпринимательство в Украине: проблемы взаимодействия	64
<i>Довгаль Е. А.</i> Интеллектуальная миграция в Украине: проблемы и решения	67
<i>Ківа Л. О.</i> Маркетинговий аналіз конкурентоспроможності вищих навчальних закладів	70
<i>Кононов А. А.</i> Интеллектуальный кризис постиндустриализма: парадокс или закономерность?	73
<i>Куракса С. В., Куракса В. М.</i> Роль інтелігенції в нарощуванні соціального капіталу і забезпеченні сталого розвитку	75
<i>Нагорный Б. Г.</i> Интеллигенция: последний этап исчезновения или возрождение в новом качестве?	78
<i>Назаркин А. А.</i> Оптимальный вариант власти для интеллигентного сотрудника	81
<i>Назаркина В. Н.</i> Интеллигентный человек в системе управления: различные трактовки власти	82
<i>Олійник А. М., Краснянська Н. Д.</i> До питання формування політичної еліти в сучасній Україні	84
<i>Островський І. А.</i> Про деякі мікроекономічні аспекти діяльності інститутів громадянського суспільства	87
<i>Погорілий Д. Є.</i> Політична еліта як основний суб'єкт влади у суспільно-політичному процесі	89
<i>Подольский Н. К.</i> Интеллигенция в контексте властных отношений	90
<i>Решетило В. П.</i> Нелинейный характер взаимодействия общества и власти в условиях бифуркационного кризиса переходных систем	92
<i>Садовников О. К.</i> Интеллигенция мифотворящая	95
<i>Черевко О. І.</i> Студентство – інтелігенція – влада: трикутник взаємодії	96
<i>Шекишув О. А.</i> Розвиток громадянського суспільства і проблеми нагромадження соціального капіталу	99
<i>Шутенко Л. М., Торкатюк В. І., Бібік Н. В.</i> Интеллектуальный потенциал Украины: сучасний стан та перспективи розвитку	100
<i>Яковлев А. О.</i> Интеллигент и интелектуал: рівність чи підлеглисть?	104
III. Роль вищої школи у формуванні інтелектуального потенціалу суспільства	108
<i>Ануфриева И. А., Смолянкина С. В.</i> Роль высшей школы в формировании социальных слоев интеллигенции	108
<i>Астахова Е. В.</i> Коллизии непрерывного образования: харьковский вариант	110
<i>Астахов В. В.</i> Проблемы формирования интеллектуальной элиты в частных вузах Украины: правовой аспект	113
<i>Бондаренко М. Ф., Штанько В. И., Черная Н. В.</i> Образование как фактор формирования интеллигентной среды современного общества	117
<i>Гога Н. П.</i> Формирование идентичности студентов как основа для создания «интеллигентной власти»	120
<i>Звиняцьковський В. Я.</i> Реформа освіти без громадянського суспільства: випадок України	122
<i>Карпенко М. В.</i> Лидер и интеллигент: возможности вуза в их формировании	125
<i>Костаков Г. И.</i> Роль исторического образования в формировании интеллигентности	126

<i>Кравчук П. Ф.</i> Формирование интеллигента и интеллигентности будущего специалиста в системе высшего образования	129
<i>Крупенина Н. А.</i> Современные вузы и проблемы формирования интеллигенции	131
<i>Лихвар В. Д.</i> До питання культуродоцільності освіти та її трансформації	134
<i>Мачуліна І. І.</i> Реконструкціоністський компонент професійної культури фахівця як показник якості вищої освіти	136
<i>Мелентьева Т. Н.</i> Высшая школа как фактор формирования современного специалиста	137
<i>Милославская Е. В.</i> Воспитание социальной зрелости и формирование эмоционального интеллекта будущих специалистов-гуманитариев	139
<i>Муратова И. А.</i> Пути формирования лидерского потенциала личности	141
<i>Назарко О. І.</i> Особливості взаємовідносин учительства і влади в умовах реформування освітнього простору	143
<i>Новикова О. В.</i> Роль высшей школы в формировании позитивной мотивации к труду у будущих специалистов	145
<i>Пономаренко В. С.</i> Формування компетентного фахівця в умовах трансформації суспільства	147
<i>Сокурская Л. Г.</i> Студенческая молодежь как социокультурная общность	149
<i>Шевченко Н. В.</i> Роль гуманитаризации высшего образования в формировании интеллектуальной элиты общества	153
<i>Шеремет И. И.</i> Автономия как необходимое условие развития современного университета	155
IV. Взаємодія інтелігенції і влади – визначальна умова благополучного суспільного розвитку	157
<i>Бистрянцев С. Б.</i> Неясність в сьогоденні – туманність в перспективі	157
<i>Бірюкова М. В.</i> Можливості технологій соціального партнерства в організації взаємодії інтелігенції та влади	160
<i>Бубнов І. В.</i> Деякі проблеми взаємодії інтелігенції і державної влади з організаціями «третього сектора» в сучасній Україні	162
<i>Вдовиченко А. М., Нагайник В. А.</i> Взаємовплив наукової інтелігенції і влади – запорука розв’язання соціальних проблем сьогодення	166
<i>Гараев А. А.</i> Интеллигенция и власть: исследование социально-психологических установок	169
<i>Головнева И. В.</i> Психология власти: гендерный аспект	171
<i>Данилевич С. Б.</i> Информационные технологии во взаимодействии власти и интеллигенции	173
<i>Дикова-Фаворская Е. М.</i> Социальные ограничения в контексте взаимоотношений интеллигенции и власти	175
<i>Ивакина И. В.</i> Писатель и власть	176
<i>Калінічева Г. І.</i> Інтелігенція і влада: український варіант взаємодії	178
<i>Карпова Н. П.</i> Власть и ответственность творческой интеллигенции	182
<i>Литвиненко Л. Н.</i> О некоторых проблемах, которые власть и интеллигенция могут решить только совместно	183

<i>Мунтян В. С.</i> Альтруизм интеллигенции и позиция власти в украинском варианте	186
<i>Потёмкин Ю. С.</i> Уроки «Интеллигенции и социализма» М. И. Туган-Барановского	189
<i>Прокопенко І. Ф.</i> Інтелігенція у владі	192
<i>Розенфельд Ю. Н.</i> Интеллигенция и правящий класс	194
<i>Твердохвалова Ю. Л.</i> Злоупотребление властью как фактор, снижающий эффективность руководства	196
<i>Шекшуев А. А., Шекшуев И. А., Шило А. С.</i> Интеллект власти или власть интеллекта?	199
<i>Шкода В. В.</i> Вечный спор о власти	201

Наукове видання

Інтелігенція та влада

Матеріали

VI Міжнародної науково-практичної конференції-семінару керівників вищих навчальних закладів, учених-дослідників і представників владних структур із проблем сучасної інтелігенції

Відповідальна за випуск *Л. В. Шелудько*
Редактори: *Т. Г. Верховська, Л. А. Кармаза*
Комп'ютерна верстка *І. С. Кордюк*

Підписано до друку 12.03.2008. Формат 60^х84/8.
Папір офсетний. Гарнітура «Таймс».
Ум. друк. арк. 24,18. Обл.-вид. арк. 21,32.
Тираж 300 пр.

Видавництво
Народної української академії
Свідоцтво № 1153 від 16.12.2002.

Україна, 61000, м. Харків, МСП, вул. Лермонтовська, 27.